

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3–5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Т. 1: Лингвистика

Издательство Томского университета 2014

УДК 81'1(082)
ББК 81
А 43

А 43   **Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики:**
сборник материалов I (XV) Международной конференции
молодых ученых (3–5 апреля 2014 г.). — Вып. 15 : в 2 т. — Т. 1:
Лингвистика. — Томск: изд-во Том. ун-та, 2014. — 282 с.
ISBN 978-5-7511-2320-8

В сборнике представлены результаты научных исследований студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Работы отражают многообразие актуальных проблем лингвистики и литературоведения, теории перевода и издательского дела. Для преподавателей вузов, учителей русского языка и литературы, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81'1(082)
ББК 81

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Е. Н. ВЕРШИНИНА

Актуализация категории «часть—целое» в имиджевом дискурсе (на материале сферы высшего образования)¹

Данная статья посвящена рассмотрению когнитивной категории базового уровня «часть—целое» и средствам её экспликации в текстах имиджевого образовательного дискурса. В рамках статьи предпринимаются попытки описания роли данной категории в построении положительного имиджа вуза.

Ключевые слова: имиджевый дискурс, имидж вуза, категория «часть—целое».

Актуальность исследования имиджевого образовательного дискурса обусловлена повышенным интересом общества к реформам в сфере высшего образования в России, ростом конкуренции между университетами в борьбе за привлечение новых студентов и инвестиций. Каждый из ведущих вузов страны находится сегодня в ситуации, когда ему необходимо сформулировать и представить обществу свои конкурентные преимущества, создать образ университета, обладающего уникальной средой для становления и развития молодых учёных. Одной из таких стратегий может быть представление вуза как целостной системы, элементы которой неразрывно связаны друг с другом. Сам вуз при этом описывается как живой организм, развивающийся, готовый к сотрудничеству с другими учреждениями высшего образования, организациями и предприятиями. Эффективным инструментом создания имиджа университета может быть использование когнитивных категорий базового уровня, в частности, категории «часть—целое».

В рамках данной статьи вслед за представителями когнитивной лингвистики мы понимаем категорию как особый формат знания, «одну из познавательных форм мышления человека, позволяющую обобщать его опыт и осуществлять его классификацию»² и носящую языковой характер. Классическая теория категоризации была разработана ещё Платоном и Аристотелем, описывавшими категорию как обобщённое значение отдельных слов наряду с их конкретными значениями. В XX в. изучение категорий получило развитие в рамках теории прототипов, сформулированной

Э. Рош. Объект в этой теории относится к какому-либо прототипу в рамках конкретной интерпретации речи, при этом процесс категоризации может происходить на трех уровнях. Базовым уровнем в исследованиях Э. Рош назван промежуточный уровень категоризации между высшим (суперординатным) и нижним (субординатным) уровнем в иерархии категорий. Наименования, соответствующие этому уровню, чаще всего выражены короткими, высокочастотными и стилистически нейтральными словами, усваиваемыми в раннем детстве, и «о членах базовых категорий можно с наименьшим когнитивным усилием извлечь наибольший объем сведений»³. Исследования Э. Рош легли в основу современных работ по когнитивной лингвистике, касающихся категоризации. По словам Дж. Лакоффа, языковая категоризация мира, которую осуществляет человек, обладает рядом особенностей. В большинстве случаев она происходит «автоматически и бессознательно», при этом «значительная часть наших категорий являются категориями не предметов, но категориями абстрактных сущностей»⁴.

Категориальность отношений «части» и «целого» и универсальность этой оппозиции с разной степенью аргументированности прописаны в работе таких исследователей, как Дж. Лакофф, А. Я. Гуревич, М. В. Никитин, Л. П. Крысин, Н. С. Рыжук и др. В частности, М. В. Никитин выделяет такие черты этих отношений, как всеохватность и способность к выстраиванию иерархий частей и целого, элементов и систем⁵. Дж. Лакофф, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что невозможно существование целого без частей, а целое существует только тогда, когда его части существуют в определенной конфигурации⁶.

В рамках данной статьи средства экспликации категории «часть—целое» рассматриваются на материале новостных заметок и имиджевых статей, опубликованных во всероссийской газете научного сообщества «Поиск» в период с 2012 по 2013 г. Все исследуемые тексты направлены на освещение деятельности томских вузов и являются результатом сложного междискурсивного взаимодействия. Макроцель этих текстов состоит в формировании положительного имиджа томских вузов, позиционировании их как лучших в российском образовательном пространстве. В ходе работы было проанализировано около 200 текстов, в них было выделено более 70 высказываний, в которых семантика «части—целого» эксплицирована на лексическом и синтаксическом уровнях языка.

Лексический уровень

1. На лексическом уровне категория «части—целого» представлена при помощи номинативных единиц. Среди них можно выделить стандартные обозначения количественно определенных частей целого (*третья часть учебного времени отводится на самостоятельную работу*); стандартные обозначения количественно неопределенных частей целого

(доля магистрантов, аспирантов и докторантов в общем числе обучающихся, **компонент**, появится и образовательная **компонента**, важной **составляющей** обучения станет научная работа, **часть** деятельности вуза, внеаудиторная работа является центральным звеном подготовки студентов); обозначения относительно автономных частей целого (**подразделения университета**)⁷.

Самая важная **составляющая** для реализации всех наших планов — это люди, каждый человек вне зависимости от того, топ-менеджер он или заведующий кафедрой. Важно замечать каждого, продвигать, помогать повышать квалификацию (Идущие в ведущие. Томский политех готов к конкуренции. № 47). В данном фрагменте автор формирует образ живого университета, университета-сообщества, каждый член которого важен, заметен, уникален, и что не менее важно, каждому из них университет готов предоставить свою помощь в построении карьеры и повышении квалификации.

2. Одним из наиболее употребительных средств экспликации отношений «часть—целое» являются предикаты партиитивной семантики. Любой партиитив способен «в рамках своей семантики репрезентировать в речи вещь, описываемую как часть какого-то целого»⁸. Условно партиитивные предикаты можно разделить на две группы: «со значением целого и составных частей: включать, состоять (из), содержать, иметь, охватывать, делиться(на); с классификационным значением: быть частью, участвовать, входить в (состав), относиться (к)»⁹.

Неудивительно, что ТПУ **входит** в Ассоциацию «Консорциум опорных вузов Госкорпорации „Росатом“» (Проект прорыва. Регионы. № 37 (2013). В приведённом высказывании ТПУ предстаёт как часть мощного сообщества российских добывающих корпораций. В 2011 году станция «Актру» и сам университет в качестве наблюдателя **вошли** в европейскую сеть арктических станций SCANNET INTERACT (По горам, по долам. Образование. № 28 (2013). Включённость в состав международных исследовательских организаций помогает представить высокий уровень научных разработок ТПУ. Подобные конструкции чаще всего используются авторами текстов для включения университетов в международное научное, промышленное и экономическое пространство.

3. Также одним из средств экспликации категории «часть—целое» в текстах газеты «Поиск» являются лексемы с семантикой временного промежутка или этапа (**цикл подготовки, год из жизни вуза, важный шаг в изменении образовательных программ**).

Центральный **этап** всех изменений — переход к тому, чтобы минимальной единицей считалась не учебная группа, а человек, студент. Именно **этот** этап стал отправным для создания новой программы. Хотя, надо признать, он заметно усложняет работу всех подразделений университета

(Эксклюзивная единица. Индивидуальный подход к студенту позволяет ТУСУР готовить востребованных специалистов. Образование. № 12). Хотя у человека нет «органа, специализированного на восприятии времени», у него есть чувство времени. Оно всегда сопряжено с восприятием изменений в мире¹⁰. Выделение определённых, важных для университетов периодов в истории их развития необходимо для акцентирования внимания членов вузовского сообщества и внешней аудитории на достижениях самых значимых для вуза результатов, создания некоей хронологии изменений в жизни вуза.

4. Отношения «часть—целое» могут быть актуализированы в текстах СМИ при помощи метафор, так как основой категоризации служит ассоциативно-образная связь свойств и признаков познаваемого явления, процесса или предмета со свойствами и признаками соответствующей категории¹¹. В имиджевых текстах образовательной сферы для репрезентации категории «часть—целое» чаще всего используются фитоморфные, антропоморфные метафоры и метафоры дома.

Дерево, сросшееся с другим, невозможно выкорчевать. За более чем вековую историю ТГУ и ТПУ срослись и корнями, и ветвями, и стволами (Срослись. № 1243). Через использование фитоморфной метафоры два университета уподобляются крепким деревьям, части которых, и сами деревья соединились под действием естественных природных процессов. Подразделения университета, преподаватели, одновременно работающие в двух вузах, студенты, обучающиеся в одном и получающие дополнительное образование во втором, сравниваются с ветками деревьев, которые тесно переплелись.

А благодаря этим непопулярным, достаточно смелым решениям лаборатории бывших НИИ получили молодые рабочие руки и мозг магистрантов и аспирантов, объёмы НИОКР поползли вверх (Проблем всего две. Но серьёзные. Эффективные вузы охотно ставят в пример. Но кто захочет решить их проблемы? Образование. № 47). При помощи антропоморфной метафоры исследовательский институт при вузе сравнивается с человеком, который может достичь успеха в своей научной работе и экономической выгоды только при условии, что научится производить свой собственный продукт, соединив интеллектуальный и физический труд.

Синтаксический уровень

1. Одним из наиболее употребительных средств экспликации категории «часть—целое» на синтаксическом уровне являются простые предложения с осложняющими конструкциями в виде однородных членов предложения с обобщающим словом.

При серьёзном отношении к организации своего труда требования эффективного контракта достижимы не только для корифеев от науки, но могут стать и хорошим стимулом для развития подрастающего поколения новых докторов наук, считают в Томском политехническом университете.

И это тот случай, когда в выигрыше все: университет, повышающий свою академическую репутацию и другие рейтинговые показатели; сотрудник, получающий чёткие ориентиры в своей работе и увеличенное вознаграждение за её результативность (Начать и выиграть. Образование. № 22). В высказывании автор делает акцент на взаимной обусловленности «части» и «целого». Задача перевода всех сотрудников на эффективные контракты для достижения необходимых позиций в мировых научных рейтингах, стоящая перед университетом, трансформируется в частную задачу, которую необходимо решить каждому сотруднику вуза. Преподавателю необходимо понять, как он должен изменить принцип своей работы, чтобы удовлетворять условиям нового контракта, и какие бонусы он может получить в случае успешного решения задачи.

2. Также отношения «часть—целое» могут быть актуализированы в текстах при помощи бессоюзных сложных предложений, значение одной из частей которых конкретизируется в значении последующих частей.

На этих кафедрах почти все студенты вовлечены в работу на предприятии: кто-то проходит практику, кто-то готовит здесь дипломный проект, кто-то обучается по индивидуальному плану (Ближе к делу. Образование. № 19—20). Категория «часть—целое» в данном примере эксплицирована в бессоюзном сложном предложении с анафорическим элементом — местоимением «все» с совокупным значением в сочетании с глаголом. Все студенты, о которых идёт речь в данном фрагменте, независимо от их особенностей обучения, курса и интересов, представляют собой одну большую единую часть университета. В данном предложении также присутствуют отношения однородности между тремя предикатами.

Таким образом, на основе проведённого анализа можно сделать вывод о том, что базовая категория «часть—целое» является важной для имиджевого образовательного дискурса. Она эксплицируется в текстах СМИ, в первую очередь, на лексическом и синтаксическом уровнях языка. В имиджевых текстах данная категория выполняет несколько основных функций: представление университета как единого организма или системы, каждый элемент которой занимает свою позицию и важен для эффективного прохождения всех процессов внутри вуза, включение конкретного вуза в другие сообщества мирового и российского уровня, выделение в жизни вуза значимых и поворотных моментов, выстраивание хронологии развития вуза.

Примечания

1. Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-34-01264 «Миромоделирующие возможности речевых жанров современного городского дискурса», руководитель — Карпова Наталия Александровна.
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь

- когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: ИПО «Лев Толстой», 1996. — С. 45.
3. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т. Г. Скребцова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — С. 101–103.
  4. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 20.
  5. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. — СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. — С. 387–388.
  6. *Лакофф Дж.* Указ. соч. — С. 357.
  7. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — М.: Знак. 2008. — С. 230.
  8. *Никитин М. В.* Указ. соч. С. 391.
  9. *Рыжук Н. С.* Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2008. — С. 83.
  10. *Арутюнова Н. Д.* Время: модели и метафоры // Язык и время. Логический анализ языка. — М.: Индрик, 1997. — С. 51.
  11. *Рыжук Н. С.* Указ. соч. — С. 143.

О. В. ДАВЫДОВА

Фразеологическое представление образа воды в русской лингвокультуре

Рассматриваются фразеологические единицы русского языка с компонентом «вода». На основе анализа выявляются символические значения воды в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологическая единица, образное значение, символ.

Проблема соотношения языка и культуры в настоящее время является одной из самых актуальных проблем лингвокультурологии. Исследования в данной области, выходя за рамки собственно лингвистических, позволяют выявлять наиболее глубинные слои этнокультурной сущности нации, столетиями хранящейся в её языке. Фразеологическая составляющая национального языка, являясь квинтэссенцией культурной информации, представляется благодатной почвой для выявления и изучения культурно-национального знания, заключенного в языке.

Культурная информация, содержащаяся в языковых структурах, может описываться по-разному: через интерпретацию культурной коннотации единиц (В. Н. Телия), через прочтение «кодов культуры» (М. Л. Ковшова). Механизм выявления данного знания, его вычленения из фразеологического материала представляет собой подробный анализ как внутренней, так и внешней форм фразеологизмов.

Ключевым моментом такого анализа является изучение «образной» составляющей фразеологических единиц (далее — ФЕ). Образность

признается большинством ученых-фразеологов одним из важнейших свойств ФЕ, которое часто особо подчеркивают в определении фразеологизма. По словам В. М. Мокиенко, «образные фразеологизмы каждого языка составляют значительную — если не основную — часть идиоматического фонда»¹. При этом образность понимается исследователями как способность единиц лексико-фразеологического уровня обозначить определённое явление внеязыковой действительности в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы². Внутренняя форма идиомы оказывается носителем её образной основы, т.е. созданного в языковой форме представления (наглядно-чувственного образа предмета), которое выражается данным языковым знаком в его прямом, буквальном значении. Это представление служит базой переносных значений фразеологической единицы, создаёт семантическую двуплановость (или многоплановость)³.

В. А. Маслова утверждает, что культурную информацию можно получить из внутренней формы фразеологизма, ибо в ней наличествуют «следы» культуры — мифы, архетипы, обычаи и традиции, отражённые исторические события и элементы материальной культуры. Она описывает процесс образования образно-эмотивных фразеологизмов следующим образом: «Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т.е. ситуация, соответствующая «буквальному» значению фразеологизма. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т.е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма (ВФ), в которой и содержится основная информация, связанная с культурой»⁴. Культурная информация, содержащаяся во фразеологической единице, может быть разного рода. Фразеологизм, например, может содержать некие компоненты прототипической ситуации, обозначающие уже сами по себе культурно значимые реалии. Так, например, фразеологизм *как с писаной торбой носиться* — «уделять много внимания», имеет в своем составе слово *торба* — «вид сумки, которую раньше носили простые люди», таким образом, фразеологизм самым непосредственным образом транслирует компонент русской культуры.

Образное основание фразеологизма может содержать такие слова-компоненты, которые несут в себе культурную информацию не прямо, но опосредованно. Характер их переосмысления определяется тем, что они являются символами определённых культурных ценностей. Например, во ФЕ *пить кровь, до последней капли крови*, слово *кровь* является символом жизненных сил, а во фразеологизме *родная кровь*, *кровь* — символ родства.

Особо интересными для изучения представляются фразеологизмы, содержащие в своем составе номинации ключевых, наиболее архаичных понятий (огонь, вода, воздух, земля) — названий первостихий.

В данной работе предпринята попытка исследования образа *воды* в русской лингвокультуре на основе фразеологических единиц русского языка с компонентом *вода*. Фразеологический материал отбирался путём сплошной выборки соответствующих фразеологизмов из русских фразеологических словарей, а также с использованием интернет-ресурсов. В результате отбора было собрано 42 фразеологизма.

Исходя из анализа материала, можно говорить о том, что компонент *вода* во ФЕ русского языка имеет различные проявления. С одной стороны, вода как первостихия заключает и передаёт во фразеологизмах, содержащих данный компонент, свое особое символическое воплощение — «источника жизни, живительной влаги». Такое символическое значение можно проследить, например, во фразеологизмах: *как воды напился* (*напиться*) — «о чувстве удовольствия, облегчения, блаженства»; *живая вода* — «эликсир жизни; всё, что даёт человеку энергию, бодрость, силы». Во фразеологизме *сидеть на хлебе и воде* — «жить впроголодь», также воплощается символическое значение *воды* (и хлеба) как необходимых, обязательных для жизни и существования источников.

Вода как источник жизни — не единственное символическое значение данной стихии. В славянской культуре *вода* издревле символизирует чистоту, обновление и очищение. Такое символическое значение *воды* просматривается в следующих единицах: *выводить на чистую (свежую) воду* — 1) разоблачать (о тёмных делах, махинациях или лицах, причастных к ним); 2) уличать в чем-либо; *чистой (чистейшей) воды* — самый настоящий, истинный, доподлинный; первоначально данный фразеологизм был термином ювелиров; алмазы в старину оценивали, опуская в прозрачную воду, — если камня не было видно, значит, он был чистейшей воды, большой цены⁵.

Однако в ряде ФЕ *воде* как символу чистоты противопоставляется её обратная сторона — мутная вода, нечистая. Такое противопоставление используется для создания образа в следующих ФЕ: *мутить воду* — умышленно 1) запутывать дело, вносить неразбериху во что-либо; 2) вносить смуту, раздор в отношения между кем-либо; *воды не замутишь* — очень скромный, тих, кроткий; *ловить рыбу в мутной воде* — извлекать выгоду из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки. Образ фразеологизма *выводить на чистую (свежую) воду* связывается с деятельностью нечистой силы, излюбленными местами пребывания которой были болота, заброшенные мельницы и омуты. В таких водоёмах вода была мутной, непроточной, несвежей, и черти чувствовали себя здесь в безопасности. Чтобы выявить причину беспокойств, причиняемых

нечистой силой, её необходимо было, по суеверным представлениям, вывести на чистую (проточную) воду из её «мутного» укрытия, т.е. сделать видимой⁶. Подобной символикой обладают и приведённые выше идиомы *мутить воду* и *ловить рыбу в мутной воде*, а также фразеологизм *воды не замутит*, образованный от последнего выражения.

Общеславянские представления о том, что в *воде* обитают черти и другая нечистая сила, раскрывают негативную символику *воды*, её опасность для человека⁷. *Вода* как символ таинственности, опасности для человека, связанной с обитанием в ней нечисти, прослеживается и в следующих ФЕ: *пройти огонь и воду* — «испытать, перенести в жизни многое, побывать в различных трудных положениях, переделках»; *идти в огонь и в воду* — «(идти, пойти) на все, на любые самоотверженные поступки, не раздумывая, жертвуя всем»; *что (хоть) в воду* — «(что) впору утопиться, покончить с собой, о крайне безвыходном положении».

По данным фразеологического словаря В. Н. Телия, *вода* осмысливается как неподвластная человеку и опасная стихия, водные глубины символически связываются с бездной, с неизведанным, с пространством, способным поглотить и скрыть в себе всё, что в него попадает. Данная символика прослеживается в таких фразеологизмах, как: *(и) концы в воду* — «не осталось (или чтобы не осталось) никаких следов, улики чего-либо»; *прятать (хоронить) концы в воду* — «уничтожать улики какого-либо преступления, проступка, чтобы не осталось никаких следов»; *как в воду канул* — «бесследно исчез, пропал, о ком-либо или о чём-либо»; *как в воду опущенный* — «подавленный чем-либо, угнетённый, удручённый». Этимология фразеологизмов *(и) концы в воду*; *прятать / спрятать концы в воду* связывается с морским и речным делом: при отчаливании судна концы причальных канатов падают в воду. Образ отходящего от причала и исчезающего из видимого пространства судна символически связывается с прекращением какого-либо дела, процесса и т.д. Существует также мнение, что фразеологизм *прятать (хоронить) концы в воду* представляет собой соединение оборота *хоронить (прятать) концы*, связанного с плетением лаптей, когда конец лыка в строке лаптя нужно было хорошо заделывать, «хоронить», и оборота *концы в воду*⁸. В истории фразеологизма *как в воду канул* синкретично соединились два исходных образа — образ падающей в воду и бесследно растворяющейся в ней капли (воды или слезы) и образ падающего в воду и безвозвратно тонущего в ней камня (ключа или иного тяжёлого предмета), при этом сопоставление с другими языками обнаруживает диахроническую и ареальную иерархию этих двух образов. Второй образ более универсален и широк по распространению, ибо он известен многим славянским и неславянским языкам (укр., пол., чеш., нем., фр. и др.)⁹ Фразеологизм *как в воду опущенный* связывается с древними обычаями «Божьего суда» — испытания огнём и водой,

зафиксированного «Русской Правдой» — сводом законов Ярослава Мудрого. Обвиняемого бросали в реку или озеро: всплывший признавался виновным, утонувший — невинным¹⁰.

Проточная вода считалась в славянской культуре устойчивым символом быстроты. Благодаря своим природным свойствам (полноводности и нескончаемости течения) проточная, текущая *вода* осмысливается как символ движения (в противоположность *воде стоячей*), быстроты и успеха в разных делах. Спокойно текущая река символизирует размеренно текущую жизнь. *Вода* в образе потока несёт в себе значение непреодолимой преграды, опасности; она связана с идеями судьбы, страха перед неведомым, с эмоциональными переживаниями утраты, разлуки, ожидания. В то же время текущая *вода* (река) осмысливается как дорога в иной мир, символизируя цикличное течение времени, вечность и забвение¹¹. Такие представления о воде проявляются в восприятии образа фразеологизма *много (немало, сколько, столько) воды утекло* — «(много, немало) прошло времени, произошло перемен». В данном фразеологизме *вода* символизирует движение времени, предполагающее многие изменения в жизни человека, «время» уподобляется текучести *воды*.

Представленный выше фразеологический материал раскрывает неоднозначную символику воды в русской лингвокультуре. В приведённых ФЕ *вода* раскрывается как символ: 1) источника жизни, 2) чистоты, обновления, очищения. Представления об обитании в водных глубинах различной нечисти противопоставляются чистоте воды и придают последней негативную семантику — *вода* становится символом 3) смуты, неразберихи, 4) бездны, неизвестности, таинственности, 5) опасности для человека. *Вода* в русской лингвокультуре является также и символом б) быстроты, движения времени, течения жизни.

Примечания

1. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. — М., 1980. — С. 125.
2. Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. — Томск, 2005. — С. 27.
3. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — М., 2001. — С. 19–20.
4. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2004. — С. 71.
5. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. — М., 2005. — С. 109–110.
6. Там же. — С. 105.
7. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под. ред. Н. И. Толстого. — М., 1995. — С. 386.
8. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2009. — С. 251.
9. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. — С. 105.
10. Там же. — С. 106.
11. Большой фразеологический словарь русского языка. — С. 384–385.

Алгоритм семантического анализа текста для создания формализованного поискового запроса

Описывается подход к анализу поискового запроса на естественном языке для построения формализованного описания структуры запроса. Разработанный модуль является средством для разбора ограниченного множества типов поисковых запросов с использованием заранее описанных семантических структур.

Ключевые слова: семантический анализ, информационный поиск, поисковый запрос, обработка естественного языка.

Развитие сети Интернет как глобального информационного ресурса зависит от совершенства и мощности поисковых систем (комплекса программ, предназначенного для поиска информации). Поисковые «роботы», появившиеся практически одновременно с самой глобальной Сетью, сначала базировались на простом контекстном поиске, но, постепенно эволюционируя, превратились в мощные системы искусственного интеллекта, оперирующие большими объемами индексируемых данных. Следующим шагом развития поисковых систем был переход от контекстного к аналитическому семантическому поиску. Поисковые машины начинают понимать не только формальные свойства слов запроса, но и апеллируют к смыслу слов, отдельных выражений и целых текстов.

Сложность поставленной задачи зависит в немалой степени от того, какой именно язык рассматривается в свете математической лингвистики, поскольку различные языки имеют разную степень формализации их структуры. Так, основные европейские языки достаточно формализованы. Это можно объяснить на примере английского языка, в котором строго соблюдается порядок слов, и машина, получив запрос, сразу может выделить грамматическую основу (к примеру, при утверждении подлежащее будет на первом месте, затем вспомогательный глагол, а после сказуемое). Структура фраз и предложений русского языка не столь формализована, что делает задачу семантического анализа фраз запроса сложной и даже чрезвычайно сложной, если необходимо осуществлять автоматизированную обработку лексем разговорного языка.

В настоящее время разработки описания смысла текста движутся в двух направлениях. Системы условно подразделяются на универсальные и специализированные. Универсальные ставят своей целью добиться наибольшей полноты понимания различных текстов, пытаются анализировать все имеющиеся взаимосвязи в любых введенных данных, что делает их наиболее сложными и пока наименее точными, но перспективными системами. Это наиболее часто встречающиеся системы, поиск в которых организован вне зависимости от вида контента. Непосредственно поиск охватывает все ресурсы Интернета без ограничений.

Известными разработчиками универсальных систем поиска являются такие корпорации, как Microsoft, Google, Yahoo! и российские Яндекс, Рамблер, Нигма, Mail.ru¹. Специализированные же системы имеют целью не полноту, а точность анализа текста. Работая лишь с ограниченным множеством тематик, они стараются быть в них максимально компетентными.

Система, разрабатываемая в рамках данного исследования, является специализированной. Она использует не всю информацию сети Интернет, а только некоторые её ресурсы и работает только с текстовой информацией².

Целью данной работы является проведение такого семантического разбора текста, на основе которого можно построить некий специализированный алгоритм анализа поискового запроса для ограниченного количества тематических категорий, но с высокой точностью.

На вход алгоритму должна поступать строка запроса. Ожидается, что запрос состоит из одного, возможно, сложного предложения, потому дополнительное определение границ предложений не производится.

Пример: *Итальянские рестораны в центре Новосибирска со средним чеком 500 рублей, которые любят мои друзья.*

1. В первом шаге обработки из текста удаляются все знаки препинания и разметка, так как считается, что они не несут полезной информации, ведь запрос вводится простым пользователем, который не всегда может расставлять их правильно.

Пример: *Итальянские рестораны в центре Новосибирска со средним чеком 500 рублей которые любят мои друзья.*

2. Затем производится выделение лексем внутри запроса (токенизация) входной строки, составляется список лексем. Строка переводится в нижний регистр, из неё удаляются все символы, кроме букв и цифр. Слова, разделённые дефисом, типа «что-то» сливаются в одно слово «чтото», что оправдано, если такие нормы приняты во всей системе. Далее получившаяся чистая строка разбивается на токены по пробелам.

Пример токенизации: итальянские, рестораны, в, центре, новосибирска, со, средним, чеком, 500, рублей, который, любят, мои, друзья.

3. Проводится морфологический анализ. Слова приводятся к начальной форме, у них определяются постоянные и непостоянные признаки.

Пример:

итальянский — прил., множ.,
ресторан — сущ., им., множ., муж., неодуш.,
в — предлог,
центр — сущ., пред., муж., неодуш.,
новосибирск — сущ., род., муж., неодуш.,
с — предлог... и т.д.

4. Затем решается задача определения тематики запроса, которая точнее всего определяется именами существительными вводимого текста. Это осуществляется при помощи наивного байесовского классификатора³. Этот классификатор способен обучаться. Из набора предложенных единиц он выбирает наиболее вероятную при помощи математического алгоритма.

Пример: ресторан, центр, новосибирск, чек, рубль, друг.

Из этих лексем выбирается одна, которая и определяет тематику.

Здесь результаты лингвистического анализа преобразуются в математические алгоритмы с применением методов теории вероятностей, математической статистики, а также теории распознавания образов.

5. Также необходимо определение «действий» в запросе. В данном случае основополагающим является понятие пропозиции. Определение действий и использование пропозиитивного анализа необходимо для того, чтобы понять, простым или сложным является запрос.

Проблемными в данном случае являются предложения или части предложения, где глагол не выражен эксплицитно. Кроме того, одно действие часто может описываться сразу несколькими глаголами. Для того чтобы избежать некоей неопределенности, производится анализ по словарю синонимов.

Пример: *«Итальянские рестораны в центре Новосибирска со средним чеком 500 рублей, которые любят мои друзья»*. Вместо глагола «любить», пользователь может использовать «нравиться», «обождать», «иметь пристрастие». Глаголы приводятся к единственной обозначенной в системе форме, после чего определяется, поддерживается ли это действие системой или нет. Все эти слова приводятся к ядру — слову «любить».

6. Также в анализ включаются эвристические парсеры (информационные устройства (приборы), способные опознавать класс слов по их грамматической, категориальной (часть речи и член предложения) принадлежности, что необходимо при автоматическом переводе или иных операциях электронной обработки текстов)⁴.

В рамках разрабатываемой системы эти параметры являлись особо важными, потому для них были написаны отдельные алгоритмы. Парсер времени умеет разбирать конструкции типа «в прошлом году», «три дня назад», и т.д., переводя их в понятный машине формат даты и времени начала и конца действия. Парсер местоположения работает по словарю, определяя все конструкции запроса, похожие на описание местоположения, и обращаясь к внешнему сервису реверсивного геокодинга для получения их координат. Парсер субъектов определяет действующих лиц по словарю; поддерживаются как конкретные имена людей, так и группы субъектов, такие, как «друзья» и «друзья друзей».

Разработанный комплекс алгоритмов позволяет производить разбор запросов в заранее известных областях знаний. Система ставит

своей целью достичь максимальной точности понимания запроса, хотя и в ущерб полноте охвата тематик и типов пользовательских интересов. Позволяет расширять себя постепенно, добавляя новые области. С точки зрения пользователя такая система является более понятной, ведь она либо даёт точный ответ на запрос, либо не даёт его вовсе, в отличие от универсальных систем, варианты ответов которых могут быть самыми разнообразными и не всегда полезными конечному пользователю.

Примечания

1. Поисковые системы // WEBtoALL.ru: web-студия, 2005 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.webtoall.ru/library/2146/> (дата обращения: 1.04.2014).
2. Там же.
3. Патрик Э. Основы теории распознавания образов / пер. с англ; под ред. Б. Р. Левина. — М.: Сов. радио, 1980. — С. 52—54.
4. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с.

С. С. ЕРМАКОВА

Средства выражения предикативного компонента в высказываниях с семантикой зрительного восприятия в поэтических текстах С. А. Есенина

Подробно рассматриваются глагольные средства выражения предикативного компонента, а также предикаты, выраженные глаголами иных лексико-семантических групп в сочетании со словами *взор*, *взгляд*, *глаза* в высказываниях с семантикой зрительного восприятия в поэтических текстах С. А. Есенина.

Ключевые слова: зрительное восприятие, глагол, предикативный компонент.

Информация об окружающем мире предоставляется человеку в непосредственно-чувственной форме через многообразие цвета, звука, вкуса, запаха. Каналы получения этой информации (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) составляют общую систему физического восприятия мира человеком. В иерархии сенсорных модальностей зрительное восприятие (далее — ЗВ) занимает ведущее положение. Оно квалифицируется как главный способ пространственной ориентации, осуществляемой относительно глаз человека.

Высказывания со значением восприятия формируются в первую очередь предикатами, обозначающими процесс или результат восприятия. В связи с этим целью данной работы является исследование средств выражения предикативного компонента в высказываниях с семантикой зрительного восприятия в поэтических текстах С. А. Есенина. Материалом послужили поэтические тексты поэта 1910—1925 гг. (количество выявленных контекстов — 321)¹.

Базовыми глаголами ЗВ в современном русском языке являются **видеть**, **смотреть**, **глядеть**. Они образуют оппозицию с точки зрения активности/пассивности восприятия².

Проанализировав контексты, мы можем отметить, что в качестве предикативного компонента в высказываниях ЗВ базовые глаголы используются в различных грамматических формах. Считаем необходимым отметить, что 9 форм глаголов несовершенного вида, таких как **видеть**, **видать**, **смотреть**, **глядеть**, **заглядывать**, **оглядываться**, **озираться**, **впиваться**, **видеться**, реализуются в 71 контексте, а 12 глаголов совершенного вида: **увидеть**, **увидать**, **посмотреть**, **подсмотреть**, **поглядеть**, **заглядеться**, **оглянуться**, **глянуть**, **взглянуть**, **заглянуть**, **заметить**, **приметить** — в 37. Значительное преобладание контекстов с глаголами несовершенного вида говорит о значимости самого процесса восприятия, а не его результата.

В поэзии Есенина названные глаголы реализуют в основном прямое значение, что свидетельствует о необходимости отражения непосредственного взгляда на окружающий мир. Например, базовый глагол несовершенного вида **видеть** встречается 34 раза, из них 23 — в своём прямом значении «воспринимать зрением»³. В этих контекстах автору было важно показать то, что есть в действительности (то, что он видит), ничего не приукрашивая. Поэт использует форму инфинитива (*Ты мне пой, ну а я припомню / И не буду забывчиво хмур: / Так приятно и так легко мне / Видеть мать и тоскующих кур*), формы настоящего времени глагола (*Вижу лес и вечернее поल्या, / И обвитый крапивой плетень*) и прошедшего времени (*Многие видел я страны / только удел желанный / больше искать не буду*).

Глагол **видеть** 11 раз употребляется и в ином значении: «сознавать, понимать, чувствовать»: *«И, спокойно вызов принимая, / Вижу я, что мне одно и то же — чить метель за синий цветень мая, / Звать любовью чувственную дрожь»*. Автор делает попытку посмотреть внутрь себя, акцентируя внимание на нематериальных объектах. Перед нами пример реализации глагола ЗВ в ментальном значении.

Глагол совершенного вида **увидеть** используется в 10 контекстах. Из них в 8 в своём прямом значении «воспринять зрением». Форма совершенного вида говорит о непостоянстве, непродолжительности действия, оно явлено как свершившееся моментально: *«Но глаза его орлиные / Разглядели степь далекую, / И у озера широкого / Он увидел лебедь белую»*. Лишь в двух контекстах глагол увидеть приобретает значение «мысленно представить, вообразить»: *«Я в твоих глазах увидел море, / Полыхающее голубым огнём»*. Важность «непосредственного восприятия» подтверждается и в 7 контекстах с глаголом **видать**, и в 5 — с глаголом **увидать**, которые используются только в прямом значении: *«Кто видал, как в ночи кипит / кипячёных черемух рать?»*

Базовый глагол несовершенного вида **смотреть** встречается 15 раз, всегда в значении «устремлиять, направлять взгляд куда-либо, иметь глаза направленными на кого-, что-либо; глядеть»: «С *отягчёнными веками / Я смотрю и смотрю на луну*». Повторение глагола усиливает значение «процессуальности».

Третий из списка базовых глаголов 3В глагол несовершенного вида **глядеть**. Он используется лишь в своем прямом значении «устремлиять, направлять взгляд, иметь глаза направленными на кого-либо, что-либо или куда-либо; смотреть»: «В синюю высь звонко / *глядела она, скуля, / А месяц скользил тонкий / и скрылся за холм в полях*».

Глаголы 3В не единственное лексическое средство выражения предикативного компонента в высказываниях зрительной деятельности. Предикат может быть представлен глаголами иных лексико-семантических групп в сочетании со словами **взор**, **взгляд**, **глаза**⁴, хотя эти существительные выступают в роли иных компонентов пропозиции.

Синонимы **взор**, **взгляд** имеют общее значение — «нечто невидимое, что человек как бы испускает из глаз, когда смотрит на что-либо»⁵. Ю.Д. Апресян отмечает, что исследуемые синонимы отличаются по нескольким смысловым признакам. В поэтических текстах С. Есенина мы находим подтверждение выдвинутых исследователем положений: 1) обязательность объекта, который привлекает к себе внимание субъекта, на который субъект смотрит. **Взгляд** всегда предполагает объект, для использования лексем **взор** и **глаза** это необязательно: «Нежность, как песни Саади. / *Вмиг отразится во взгляде*»; 2) выражение тех или иных чувств. Слово **взор** предпочтительно, когда речь идёт о таких чувствах и состояниях, которые вызывают симпатию к субъекту: «Полюбил я грустные их **взоры** / С *впадинами щёк*»; 3) наличие представления о способе смотрения: «О, если б прорасти **глазами**, / *Как эти листья в глубину*»; 4) место семантического акцента. Синоним **глаза** фокусирует внимание на органе зрения: «Дорогая, сядем рядом / *Поглядим в глаза друг другу*».

42 раза в проанализированных нами контекстах употребляется слово **глаза**. Предикат в некоторых контекстах выражается глаголом (словосочетанием) физического действия (лексема **глаза** как инструмент): «Подходила и прищуренным **глазом** / *Хулигана свела с ума*». Лексема **глаза** выполняет функцию и объекта воздействия (при соответствующем предикате), о чем свидетельствуют такой контекст: «Не видать конца и края — / *Только синь сосет глаза*».

Лексема **взгляд** используется 6 раз. В сочетании с глаголом движения в контексте: «Лугом *пройдешь, как садом, / Садом в цветенье диком, / Ты не удержишься взглядом, / Чтоб не припасть к гвоздикам*»; в сочетании с глаголом взаимодействия: «Шёпот ли, шорох иль шелест — / *Нежность, как песни Саади. / Вмиг отразится во взгляде / Месяца желтая прелесть, / Нежность, как песни Саади*».

Всего в 5 контекстах встречается употребление лексемы **взор**, которая выступает в качестве объекта восприятия или действия: «*Полюбил я грустные их взоры / С впадинами щёк*».

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтические тексты С.А. Есенина для выражения процесса зрительного восприятия в качестве предикативного компонента включают широкий спектр языковых средств (в первую очередь базовые глаголы ЗВ). Именно это богатство определяет всеохватность есенинского взгляда на мир и вместе с тем отражение мира в его непосредственных, неприукрашенных, но ярких деталях.

Примечания

1. Сергей Есенин. Собр. соч.: в 3 т. — М., 1983. — Т. 1. — 431 с.
2. Моисеева Н. В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестник МГУ. Филология. — 1998. — № 6. — С. 82–90.
3. Здесь и далее значения слов приводятся по Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — 2985 с.
4. Крюкова Л. Б. Лингвистические моделирование как метод анализа поэтического текста: учеб. — метод. пособие / Л. Б. Крюкова. — Томск, 2005. — С. 13.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 85–88.

А.А. МИКЛАШЕВСКИЙ

Образ автора визуального текста в аспекте теории фреймов

Статья посвящена рассмотрению образа автора текста (на примере визуальных текстов), как имплицитно возникающему в сознании читателя/зрителя при распознавании им вторичной условности. На основе анализа анкет респондентов проведенного автором психолингвистического эксперимента выявлена и описана структура фрейма «творчество».

Ключевые слова: текст, образ автора, теория фреймов, вторичная условность.

Ценностная установка автора в реалистическом искусстве и в искусстве нереалистического направления отличается, несомненно, наличием или отсутствием стремления к жизнеподобию, установки на мимесис, на воспроизведение действительности «в формах самой жизни». Очевидно, что вопрос о восприятии действительности и принципиальной возможности отражения этой действительности лежит за пределами лингвистического или литературоведческого исследования, однако нельзя отрицать того факта, что существуют культурно устоявшиеся направления, которые ассоциируются с «реалистичностью» и, напротив, с подчёркнутой «деланностью» своих текстов (текст мы понимаем в широком смысле слова), проявляемых на уровне техники, поэтики.

При этом понятие обнажённого приема¹ (термин В. Шкловского и Р. Jakobsona²) характеризует художественное произведение с позиции автора текста, но не с позиции воспринимающего сознания, т.е. читателя/зрителя. Мы задались вопросом, как происходит распознавание обнажённого приема, т.е. как адресант текста понимает, что перед ним текст со вторичной условностью, а не попытка точного отражения действительности.

Мы предположили, что прочитывание зрителем такого обнажённого приема связано именно с имплицитно (или даже эксплицитно) возникающим в воспринимающем сознании представлением об образе автора, процессе творчества или функционирования произведения, т.е. о том, что выходит «за рамки» собственно текста с его предметом речи, но с этим текстом (уже как предметом) непосредственно связано. Как и всякий упорядоченный комплекс знаний о мире, данные представления могут быть, по нашему мнению, рассмотрены в качестве структур фреймового типа³, которые и актуализируются в сознании читателя/зрителя и сопровождают нарушение иллюзии жизнеподобия.

В своём исследовании мы не ограничиваемся рассмотрением только вербальных текстов — текст мы понимаем широко, как совокупность знаков, составляющую законченное сообщение, которое может быть выражено в различных семиотических системах, в том числе и в семиотических системах изобразительного искусства.

Для выявления и описания актуализируемых структур знания о тексте как предмете и знания об авторе текста нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором в качестве стимулов были предложены изображения двух видов — обладающие жизнеподобной установкой (фотографии объектов) и изображения «вторичной условности» — картины художников-живописцев и графические чёрно-белые изображения объектов. Респондентами стали учащиеся 7—8-х классов (40 человек в возрасте от 11 до 14 лет, 18 мальчиков) и студенты 1-го курса филологического факультета (27 человек в возрасте от 17 до 19 лет, 2 мужчин). Изображения проецировались на экран при помощи проектора, респондентам было предложено дать к каждому изображению по три ассоциации.

В результате эксперимента было получено около 800 ассоциативных рядов, состоящих из трёх ассоциаций. На основании ассоциативных рядов, данных респондентами в качестве реакции к изображениям второго типа (т.е. «вторичной условности»), мы выделили структуру актуализируемого фрейма «творчество», которая состоит из следующих элементов (или узлов): автор произведения (19 ассоциаций: *художник, художник-любитель, Леонардо да Винчи, рука, Малевич, ребёнок, Рубенс, творец*); условия и процесс создания произведения (15 ассоциаций:

художественная школа, рисование, нарисовано, предмет рисовать, нарисованный стакан, урок, начерченный стакан, черчение! Ненавижу, творчество, надо закончить, оценки, рисовать карандашом); инструменты и материалы (19 ассоциаций: карандаш, графит, лист, краски, краска, масло, скетч, тетради, фотоаппарат, холст, уголь); техника и приёмы (24 ассоциации: цвет, контур, небрежность, нечёткость, фон, конус, чёрно-белый, поспешность, просвет, контраст, незаконченность, штрих, стиль, яркость, полосы, тень, расплывчатость, переход, пространство, незаполненность, нечёткость, силуэт); род/вид/жанр искусства (86 ассоциаций: рисунок, картина, искусство, набросок, портрет, живопись, эскиз, графика, пейзаж, литература, граффити, творение, картинка, фото, натюрморт); функционирование созданного произведения в культуре (12 ассоциаций: музей, мультимедиа, выставка, классика, реклама Coca-Cola, Простоквашино, чёрно-белое кино, культура, анимация); эстетическая оценка произведения (17 ассоциаций: красота, калякамалыка, круть, каля-маля, что-то прекрасное, креативность, неправильный рисунок, некрасивый, некрасиво, 1 класс, ненастоящий, идеал, дар). Преобладание ассоциаций из группы род/вид/жанр искусства не является значимым и объясняется тем, что в данную группу были отнесены наиболее частотные ассоциации «рисунок» (31 реакция) и «картина» (20 реакций), которые большинством респондентов упоминались, несомненно, не в узком терминологическом смысле (т.е. для обозначения рода искусства, например), а как указание на принадлежность изображения к художественному искусству вообще.

Проводя аналогию с литературным произведением, можно говорить о подобии имплицитного метатекста, возникающем в сознании респондентов при восприятии визуального образа, который осознается как «сделанный» и актуализирует знание об авторе и процессе творчества. При этом наполнение конечных узлов фрейма показывает степень знакомства с процессом создания произведения (например, такие специфические ассоциации, как «художественная школа», «скетч», «граффити», показывают развитое представление в отличие от «картинка» или «калякамалыка») и возможное соотнесение респондентом самого себя с деятелем в этом процессе («надо закончить», «рисовать карандашом» и т.д.).

Таким образом, можно говорить о восприятии зрителем техники, в которой выполнено произведение, как дополнительного сообщения/значимой части сообщения, которую он интерпретирует в контексте своих знаний и представлений о процессе творчества вообще и о направлениях данного вида искусства в частности. Дальнейшего рассмотрения требует вопрос о том, какие именно формальные признаки являются показателями «сделанности» произведения, т.е. актуализируют рассмотренный фрейм.

Примечания

6. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1999. — С. 134—136.
7. См.: *Ронен О.* Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда, 1999. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/ronen.html>
8. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М.: Энергия, 1979. — С. 130—135.

С. Ю. МИХАЙЛОВА

Проблема овладения языком в современных исследованиях философии языка и психолингвистики

Рассматривается вопрос о природе языковой способности, проводится анализ различных концепций онтогенеза речи таких выдающихся исследователей, как С. Пинкер, Н. Хомский, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже и др. Главная задача заключается в выяснении вопроса, является ли языковая способность врождённой либо её формирование обусловлено социальными факторами.

Ключевые слова: языковая способность, онтогенез речи, мышление, психолингвистика.

Аналитическая философия по праву является одним из ведущих направлений современной западной философии. В целом она не представляет собой систему с чётко очерченными границами — её влияние распространяется на различные области знания. Но есть то, что объединяет всех ее представителей — в центре их внимания находится анализ языка, который представляет интерес не только в качестве средства коммуникации, но и как самостоятельный объект исследования.

Одним из актуальных вопросов, затрагиваемых как в философии языка, так и современной психолингвистике, является проблема объяснения механизмов овладения языком в детском возрасте.

Удивительная способность овладения детьми сложной языковой структурой за 3—4 года давно интересует многих учёных, являющихся представителями различных отраслей науки. Но тем не менее до сих пор не найдено решение, ставшее основой для единой концепции в исследовании процесса усвоения языка. Для того чтобы ближе подойти к рассмотрению данной проблемы, необходимо рассмотреть природу языковой способности, представленную различными научными подходами, и выяснить, является ли языковая способность врождённой (биологической), либо социальной (формирующейся в процессе становления личности и познания мира).

Значительной фигурой среди представителей нативизма является известный американский лингвист и философ Ноам Хомский, детально разработавший идею об уникальности языковой способности человека, которая предполагает, что каждый человек обладает имплицитным

знанием о том, что представляет собой язык. Хомский полагает, что в каждом ребёнке с момента рождения заложена особая, «универсальная» языковая структура, общая для всех языков, но не определяющая специфики конкретного, национального языка¹.

Главный вопрос, которым задается Хомский, отстаивая данную позицию, — как ребёнку удаётся, изначально не зная структуры языка и правил комбинирования слов, воспроизводить в речи грамматически верные высказывания. Зачастую это происходит потому, что ребёнок, формулируя предложение, «вскрывает правило». Одному из последователей Хомского, американскому психологу и лингвисту Стивену Пинкеру, в результате исследований удалось зафиксировать несколько таких случаев. Например: предполагается, что англоязычный ребенок, который говорит: «I finded Alex» («Я нашёл Алекс»), формулируя данное предложение, бессознательно использует правило, в котором прошедшее время образуется посредством добавления окончания -ed. И, хотя правильная форма этого глагола — found, ошибка происходит лишь из-за того, что данная форма глагола является исключением, о котором ребёнок еще не знает. Также Пинкер обращает внимание на тот факт, что ребенок не мог усвоить эту форму глагола, получив её от взрослых, ведь они её попросту не используют². А это, согласно представлениям нативистов, ещё раз доказывает, что ребенок рождается, имея в основе своей языковой способности структуру универсальной грамматики языка.

Говоря о Стивене Пинкере как последователе Хомского, необходимо отметить и ту особенность, которая заложена в основу его концепции языка. Пинкер рассматривает язык не только как врождённую способность — он придаёт языку ещё одну важную характеристику. По его мнению, язык — инстинкт, который развивается в человеке спонтанно, без сознательных усилий. Ещё в начале своей книги он проводит занимательную аналогию, говоря: «...люди знают, как говорить, приблизительно в том же смысле, в каком пауки знают, как плести паутину. Плетение паутины не было изобретено каким-то безвестным паучьим гением и не зависит от того, имеет ли паук надлежащее образование, способности архитектора или склонность к строительным профессиям. Скорее, паук плетёт паутину, поскольку у него паучий разум, дающий ему импульс плести, и навык, чтобы в этом преуспеть»³. Таким образом, Пинкер рассматривает языковую способность как неотъемлемое качество человека, которым невозможно пренебречь и без которого нельзя обойтись. Он подчёркивает: «Дети фактически вновь изобретают язык, поколение за поколением, не потому, что их этому учат, не потому, что они изначально умны, не потому, что им это полезно, а потому, что они просто не могут не делать этого»⁴.

На первый взгляд, концепция Хомского, нашедшая подтверждение в идеях Пинкера, выглядит вполне убедительно. Однако многочисленные

исследования онтогенеза речи указывают именно на социальный, а не биологический характер речевой способности человека.

Известный советский психолог и дефектолог А. И. Мещеряков в одной из своих работ отмечал: «Некий субстрат речевой деятельности, некая её биологическая основа, <...> не есть достаточное условие овладения языком, развития языковой способности. Сейчас уже хорошо известно, что закрепление смыслов («глубинных структур») возможно только на основе предметной и орудийной (практической, социальной по характеру) деятельности ребенка»⁵.

Немного позже, в 1972 г., Джон Макнамара, выступая в качестве оппонента Хомского, опубликовал статью, в которой высказывал идею, во многом созвучную с мыслями А. И. Мещерякова. Макнамара утверждал: «Дети способны усвоить язык именно потому, что обладают определёнными умениями и навыками в других сферах, в частности потому, что у них хорошо развита способность извлекать смысл из ситуаций, связанных с непосредственным взаимодействием людей»⁶.

При обращении внимания на взгляды, противоположные взглядам Хомского, теория врождённой языковой способности человека представляется лишь как формализованная система, ориентированная на выявление «чистых языковых правил». Она полностью исключает влияние внешних факторов, социальной среды, практической деятельности человека и даже становления мышления как этапа, предвещающего освоение языка.

Среди представителей противоположной модели механизма овладения языком необходимо выделить известного советского психолога Л. С. Выготского, который занимался решением вопроса о речевом мышлении с точки зрения психолингвистики.

В работе «Мышление и речь» Выготский обращает внимание на то, что «развитие речи и мышления совершается непараллельно и неравномерно», также уточняя, что «мышление и речь имеют генетически совершенно различные корни»⁷. В онтогенезе, по мнению Выготского, мы можем выделить доинтеллектуальные формы речи (детский крик, гуление, лепет), а также независимые от речи основы интеллекта. Это значит, что до определённого момента развития ребенка речь и мышление развиваются, не соприкасаясь друг с другом. Их объединение происходит в период, когда ребенок достигает двухлетнего возраста. Именно тогда мышление и речь, формирующиеся до этого раздельно, пересекаются, совпадают в своем развитии, становясь началом новой формы поведения ребенка. С этого момента можно считать речь интеллектуальной, а мышление речевым, т.е. для того чтобы овладеть языком, ребёнку недостаточно обладать универсальными структурами. Какими бы врождёнными они не были, «для того чтобы «открыть» речь, надо мыслить»⁸.

Особое место среди современных психологических теорий мышления принадлежит концепции швейцарского психолога и философа Жана Пиаже. Проблема взаимоотношения языка и мышления никогда не была для Пиаже центральным звеном его теории, но, несмотря на это, в своих работах он наглядно показал связь между мыслительными процессами и практической деятельностью ребенка.

Пиаже придерживался мнения, что формирование у ребенка способности говорить обусловлено развитием сенсомоторного интеллекта, который включает в себя несколько стадий.

Первая стадия — стадия сенсомоторной логики — логики действий, основным компонентом которой является ассимиляция — применение к новым объектам или ситуациям существующих схем знания. Сенсомоторная стадия протекает в период с момента рождения до двух лет. В этот период ребенок начинает осуществлять элементарные символические действия. Ребенок учится формировать понятия, но они ещё не имеют объёма. Например, ребёнок узнает висящий предмет — это опознание, но пока он ещё не может представить себе совокупность таких предметов.

Следующая стадия — стадия концептуальной логики. На этом этапе появляется понимание постоянства существования внешних объектов (предметы продолжают существовать даже в те моменты, когда не воспринимаются с помощью органов чувств).

В этот период начинает формироваться семиотическая функция, которая и выступает основой для освоения ребенком языка. Пиаже, как и Выготский, разделяет мышление и речь, предполагая, что до определенного момента они развиваются опосредованно.

Пиаже пишет: «Я считаю, что мышление — это область, совершенно отличная от языка, хотя язык и используется для выражения мысли и для большей части мышления нам совершенно необходимо посредничество языка»⁹.

Каждая из этих концепций не ставит своей целью опровергнуть теорию Н. Хомского, которая по-прежнему остаётся весьма влиятельной в области лингвистики. В свою очередь, каждая из них стремится еще раз показать, что языковая способность имеет социальную природу, будучи обусловленной потребностью в общении и реализации коммуникативных интенций в различных ситуациях совместной деятельности людей¹⁰. Многие исследователи языка отмечают, что ребёнок рождается с явными предпосылками к овладению речью. Первая его неосознанная фонация — крик, который на начальном этапе жизни ребенка выступает как оборонительная реакция на дискомфорт — боль, голод, жажду. Следующий этап — стадия гуления (или гуканья) присутствует даже у глухонемых детей, так как выполняет роль тренажера речевого аппарата. Следующий

этап — стадия лепета, но эта стадия настанёт только у слышащих детей. Выдающийся российский психолингвист, специалист по детской речи А. М. Шахнарович отмечал: «Появляющийся у глухих от рождения ранний лепет, не получая подкреплений, постепенно гаснет»¹¹. Можно предположить, что механизм гуления, поскольку он присутствует у глухих детей, является врождённым, но тем не менее он никогда переходит в лепет, если в языковой среде ребёнка отсутствует речь взрослого, которую ребёнок мог бы воспринять на слух. Тем самым если гуление имеет самовоспроизводящийся характер, то появление лепета в речи ребёнка обусловлено воздействием на него социальной среды.

Исходя из анализа главных концепций, объясняющих природу языковой способности, можно сделать вывод, что, несмотря на существующие в речи ребёнка предпосылки к овладению языком, невозможно достичь освоения речевой деятельности, не учитывая ряд важнейших факторов, таких как социальные условия, которые предполагают взаимодействие, совершение совместной деятельности. Также неотъемлемым условием осуществления языковой коммуникации является процесс становления и развития мышления. Однако эти (физиологические по своей сущности) структуры не содержат ни правил языкового поведения, ни знаний о языке. Правила и знания выводятся ребёнком в процессе деятельности по овладению объективным миром, процессе, социальном по своей сущности и по своим результатам¹².

Примечания

1. *Пинкер С.* Язык как инстинкт / пер. с англ. — М.: УРСС Эдиториал, 2004. — С. 229.
2. Там же. — С. 162.
3. Там же. — С. 11.
4. Там же. — С. 24.
5. *Шахнарович А. М.* К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991. — С. 187.
6. *Доналдсон М.* Мыслительная деятельность детей / М. Доналдсон. — М.: Педагогика, 1985. — С. 42—43.
7. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. — С. 112.
8. Там же. — С. 126.
9. *Пиаже Ж.* Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. — С. 102.
10. *Плотникова С. В.* Развитие лексикона ребенка. М.: Флинта, 2011. — С. 16.
11. *Шахнарович А. М.* К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991. — С. 187.
12. *Плотникова С. В.* Развитие лексикона ребенка. — М.: Флинта, 2011. — С. 16—17.

Полимодалные тексты: проблема поликодowości

Характеризуется сущность поликодовых текстов, факторы, обуславливающие преимущество восприятия поликодовых конструкций в сравнении с монокодовыми, а также представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на изучение эффективности усвоения поликодового текста в структуре полимодалного восприятия.

Ключевые слова: полимодалный текст, поликодовый текст, психолингвистический эксперимент.

Заметное влияние мультимедийных технологий на жизнь современного человека, обусловленное активным их внедрением в повседневную и профессиональную жизнь, привело к всплеску научного интереса, в том числе лингвистического, к текстам гетерогенной семиотической природы. Происходит глобальная и повсеместная смена субстратов существования текстов, появляются новые контаминированные формы предъявления информации (имеющие полимодалную природу существования), особенности восприятия которых адресатом еще требуют своего изучения.

Человеческое восприятие по природе своей полимодално¹ — при усвоении информации происходит актуализация одновременно нескольких перцептивных каналов, как правило, визуального и аудиального. При этом поступающая информация может носить как лингвистический (вербальные коды для обеих модальностей), так и экстралингвистический характер (жесты для визуальной информации, музыкальное сопровождение для аудиальной и т.п.).

Экстраполяция особенностей восприятия на объект восприятия привела лингвистику текста XX в. к *изменению понимания самого объекта исследования* (Е. Е. Анисимова, Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгина, В. Б. Кашкин, Т. Н. Милевская и др.): текст стал изучаться не только как целостный отрезок вербального кода, но в совокупности с невербальными средствами коммуникации.

Терминологическое разграничение понятий *полимодалность* и *поликодвость* было проведено нами ранее², дополнительно оговорим лишь, что полимодалные тексты для собственной репрезентации задействуют обязательно несколько модальностей (например, соединение визуального и аудиального ряда в видеоклипах и кинофильмах), тогда как поликодовые тексты существуют в режиме семиотической гетерогенности, возможной в рамках одной модальности.

Так, вербально-визуальный комплекс (текст + картинка) будет считаться *поликодовым* (соединяя в себе два семиотических кода: вербальный и иконический), но *мономодалным* (воспринимаемым респондентом посредством единственно визуальной модальности). Напротив,

даже прямое аудиальное дублирование «слово-в-слово» текста, воспроизводимого на экране, становится *полимодальным* текстом *монокодового* существования (только вербальный код в обеих модальностях).

Такое разграничение носит принципиальный характер, поскольку в дальнейшем мы будем использовать оба термина: для сравнения успешности усваиваемости полимодальной информации, представляющей собой в одном случае монокодовый текст, в другом — поликодовый.

Еще с 70-х гг. XX в., после выделения Г.В. Ейгером и В.Л. Юхтом³ оппозиции поли- и монокодовых текстов, отечественная лингвистика с большим вниманием отнеслась к изучению поликодовых конструкций. В европейской традиции изучение подобных текстов ведется достаточно давно⁴.

Большинство исследователей отмечают преимущество поликодовых текстов перед монокодовыми при анализе общего объема усваиваемой информации⁵. Иными словами, иллюстрированный текст воспринимается лучше, нежели неиллюстрированный.

Преимущество это обусловлено несколькими факторами:

1. *Наличие/отсутствие вербальных компонентов внутри иллюстрации*. Иллюстрация, не включающая текст, оказывается эффективнее иллюстрации, содержащей в себе (внутри) вербальный код (38% против 30%).

2. *Форма предъявления текста (письменная или устная)*. Незначительно эффективнее оказывается иллюстрация, участвующая в устной репрезентации вербальной составляющей (43% против 35%, $p < 0,9$).

3. *Тип вербального текста*. Взаимосвязь между нарративным текстом и картинкой не сильна, часто избыточна, в подобных случаях она носит исключительно иллюстративный характер, тогда как в информативном научном тексте является необходимым элементом, без которого иногда невозможно его понимание. Однако однозначной зависимости эффективности использования иллюстрации от функционального типа речи не найдено.

4. *Возраст испытуемых и уровень их подготовки*. Наиболее восприимчивыми к поликодовым текстам оказываются испытуемые возраста начальной и средней школы. В сравнении со студентами/взрослыми они дают 42—43% против 26% ($p < 0,03$).

5. *Соотношение между объемом вербального текста и количеством иллюстраций*. Эффективность восприятия поликодовой конструкции зависит от объема вербального компонента. Так, наиболее эффективными оказываются тексты, в которых на одну иллюстрацию приходится не более 25 слов. Повышение объема вербальной составляющей ухудшает восприятие.

Выделяется также несколько оснований для противопоставления иллюстраций между собой при сравнении двух разных иллюстрированных версий одного текста:

1. *Реализм иллюстраций.*

2. *Статичность/динамичность иллюстраций.* При недостаточной подготовке реципиента в области, к которой относится экспериментальный текст, динамичность изображения может помешать восприятию материала⁶.

3. *Последовательность предъявления гетерогенных составляющих.* Иллюстрация, представленная перед текстом, оказывается эффективнее, чем иллюстрация после текста.

4. *Адекватность иллюстраций.* Для реципиента характерна установка на поиск изоморфизма между составляющими поликодовых конструкций, от которого он отказывается только в случае очевидной неадекватности изображения.

При всем многообразии форм изучения гетерогенных текстов до сих пор минимально число исследований, сосредоточенных на изучении поликодовых текстов, имеющих *полимодальную* природу существования (напомним, что соединение вербального и изобразительного компонентов представляет собой исключительно *мономодальную* конструкцию). Учитывая же особенности человеческого восприятия, по природе своей полимодального, подобные исследования представляются отчасти лабораторными.

Согласно вышеизложенным тезисам есть основания предполагать, что в структуре полимодального восприятия монокодовый текст будет восприниматься хуже, чем поликодовый, при одновременном превалировании визуальной модальности.

Для проверки данного положения нами был проведен психолингвистический эксперимент. Он состоял из двух этапов и представлял собой параллельное бимодальное предъявление вербальных стимулов-текстов, в основе своей имеющих различную когнитивную природу восприятия: текст научного характера, апеллирующий к абстрактному мышлению, и текст художественного характера, актуализирующий, по преимуществу, наглядно-образное мышление. Для эксперимента выбирались тексты равного объема (133 и 138 слов), имевшие единообразное вступление, с которым соотносилось дальнейшее содержание: *Редко встретишь трёхцветную кошку. А трёхцветного кота — ещё реже.* Принципиальное отличие составлял их когнитивный характер.

Текст художественного стиля содержал рассказ о приключениях кота Фрости, имевшего трёхцветный окрас и получившего свою кличку потому, что более месяца прожил на складе продуктов, который, по сути, являлся большим холодильником. Попад на склад на грузовике, кот питался замороженными продуктами, слизывал влагу со стен и в итоге был найден и отвезён в клинику, где лишился отмороженных ушей и хвоста, но остался жив. В настоящий момент он здоров и живёт у работника склада, который его и обнаружил.

Научный текст обосновывал с генетической точки зрения редкость черепахового окраса у самцов: дело в том, что у котов и сирийских хомячков существует сцепленный с полом ген «orange», который передаётся только по женской линии (соответственно, с хромосомой X). Он и обуславливает наличие трёхцветного окраса. Поскольку самцы обладают набором хромосом XY, то возникновение такого окраса у них возможно лишь при появлении лишней X-хромосомы, когда набор становится XXY. Однако в случае такой генетической аномалии самцы бесплодны.

В ходе первого этапа испытуемым предлагалось прочесть текст на экране, сопровождаемый словесным комментарием. Оба текста имели монокодовую природу и чередовались таким образом, чтобы каждый из них был представлен как в аудиальной, так и в визуальной модальности.

В ходе второго этапа тексты визуальной модальности были достроены до поликодовой структуры (таблица 1).

Структура эксперимента. Типы стимулов

Таблица 1

Группа	Модальность		
	Visual	Audial	Код
1a	Художественная	Научная	Монокодовый
1b	Научная	Художественная	
2a	Художественная	Научная	Поликодовый
2b	Научная	Художественная	

Таким образом, мы ввели три значимые независимые переменные: это *тип текста* (и соответствующие ему типы мышления), *модальность* (аудиальная и визуальная) через которые поступала информация, а также оппозиция *моно-* и *поликодовой* визуальной информации во второй серии эксперимента.

Достраивая вербальную информацию визуальными семиотическими кодами, мы подкрепляли её схемами, иллюстрациями, графическими и цветовыми выделениями. Необходимо оговорить, что из всех возможных взаимоотношений между ключами вербальных и иконических знаков нами были выбраны отношения *подкрепления, совпадения*⁷ — случаи, когда код визуального знака дополняет код вербального.

Всего в эксперименте приняло участие 87 человек, однако при анализе учитывались результаты только 71 респондента. В общую выборку не попали анкеты, репрезентирующие только одну модальность, либо воспроизводящие минимальное число единиц.

Все этапы эксперимента показали незначительное превалирование визуальной модальности (средний процент воспроизводимости текстов составил 55 и 45 % для художественного, и 39,4 и 46,6 % для научного) над аудиальной (39 и 41,4 % для художественного, и 29,6 и 32 % для научного) в обеих сериях эксперимента, что можно наглядно увидеть на диаграмме (рис. 1). Художественный текст усваивался успешнее вне зависимости от модальности репрезентации.

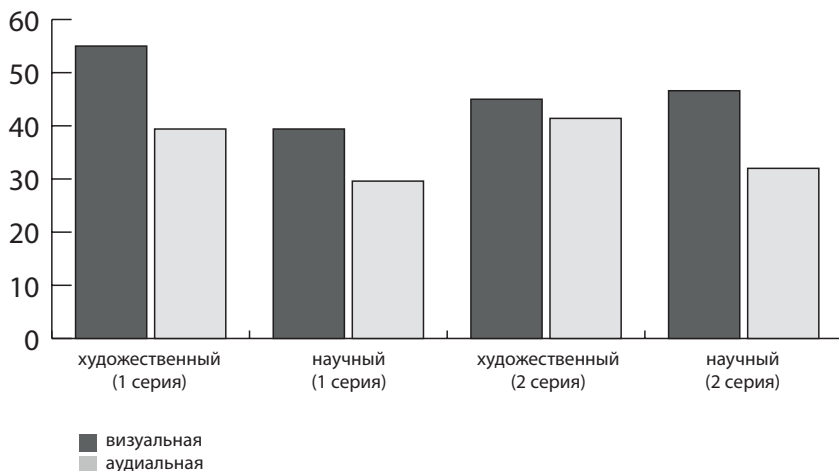

Рис. 1. Разница в эффективности усвоения моно- и поликодовых текстов

Во второй серии оба текста были достроены до поликодовых, однако ожидаемого повышения воспроизводимости не произошло — более того, в случае с художественным текстом, оно уменьшилось: 45,3 %. Это напрямую соотносится с тезисом об избыточности иллюстративного материала в сочетании с нарративными текстами. В случае же с научным текстом эффективность усвоения текста возросла до 46,6 %.

Что касается аудиальной модальности, изменение монокодового вербального текста на поликодовый значимо не повлияло на процент усвоения информации, поступающей посредством этого канала: в обеих сериях эксперимента наблюдалось колебание в районе 1–2 %.

Таким образом поликодовое распространение монокодового нарративного текста не несёт за собой значимого повышения в его усваиваемости. Более того, ошибочная иллюстрация ведёт к появлению неверных ответов. Так, изображение Биг-Бена в ходе повествования о родине кота из текста художественного стиля привело к тому, что родиной Фрости называли Лондон, тогда как в тексте данная лексема не встречалась ни разу (родом он из графства Нортгемптоншир).

Поликодовое распространение оказалось явно эффективным при восприятии информативного текста.

Одновременно с этим увеличение визуальной составляющей (поликодовые конструкции в противовес монокодовым) не снизили эффективность усвоения информации, поступавшей посредством аудиального канала, несмотря на явное доминирование визуального канала восприятия вообще.

Примечания

1. О полимодальном поле перцепции, полимодальном характере человеческого восприятия писали: Б. Г. Ананьев, А. Вежбицкая, А. В. Запорожец, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, С. В. Кравков, Л. М. Веккер, Е. Ю. Артемьева и др.
2. Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2014. — № 378. — С. 45—48.
3. Эйгер Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Эйгер, В. Л. Юхт // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. — Ч. I. — М., 1974. — С. 103—109.
4. W. N. Levie, J. R. Levin, R. Lentz, J. Reinwein.
5. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. — №6. — М., 2005. — С. 115—123.
6. Lowe R. K. Animation and lerning: selective processing of information in dynamic graphics // Lerning and instruction. — 2003. — № 13.
7. Есильбаева А. Основные признаки поликодового текста // Вестник КазНТУ. — Вып. 36.

А. Р. РАХИМОВА

Метафорическое моделирование психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе

Статья посвящена описанию базовых метафорических моделей, участвующих в представлении психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе. Рассматривая данные модели в рамках текстов научных психологических статей и терминосистеме психологии, мы выделяем общие и частные закономерности в организации знания объекта изучения психологии, как науки.

Ключевые слова: метафорическое моделирование; текстовая метафора; метафорический термин; метафорическая модель; эмоционально-стрессовое состояние личности.

Рассмотрение процесса метафоризации в языке науки является одним из наиболее актуальных направлений в когнитивной лингвистике XXI в. Данное направление становится значимым в связи с приверженностью представителей научного сообщества представлять научное знание с опорой на *дефинитивность* или содержательную точность используемого лексикона. Это положение становится затруднительным в связи с отсутствием у представляемой информации предметной соотнесенности

с определенным классом объектов. В этом случае мы можем наблюдать активное функционирование метафорических моделей, как базового процесса, участвующего в вербализации научных знаний.

Среди работ, посвященных вопросу изучения метафоризации языка науки, известны исследования О.В. Галкиной «Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса)»; С.Г. Дудецкой «Метафоризация как способ терминообразования»; словарь-справочник А.П. Дьяченко «Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине» и исследования Н.А. Мишанкиной, посвящённые изучению метафоры, её функций и моделей в научном дискурсе.

Особый интерес вызывает рассмотрение процесса метафоризации в областях знаний, занимающихся исследованием когнитивных процессов. К таким наукам относится психология, объектом изучения которой является психическая деятельность человека.

В связи с этим *цель* данной работы — выявление специфики метафорического моделирования психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе.

Предметом исследования являются метафорические модели, участвующие в представлении нестабильного эмоционального фона личности и его когнитивных дисфункциях.

Материалом исследования послужили тексты научных психологических статей (В.А. Кулганов, Л.М. Костина, В.Н. Ефимов и др.), а также научные словари и энциклопедии по психологии (Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия; Немов Р.С. Психология: Словарь-справочник в 2 ч.; Краткий психологический словарь и др.).

Методологией исследования послужила теория концептуальной метафоры (Лакофф, Джонсон, 2004).

Анализ текстов научных психологических статей и терминосистемы психологии позволил выявить следующие базовые метафорические модели: «эмоционально-стрессовое состояние — это пространство»; «эмоционально-стрессовое состояние — объект/предмет»; «эмоционально-стрессовое состояние — субъект».

Первая базовая метафорическая модель «**эмоционально-стрессовое состояние — пространство**».

Аналогия между нестабильным эмоциональным состоянием личности и пространством на основе горизонтального параметра представлена как в текстовой метафоре, так и в метафорическом термине по психологии. Однако типы данных пространств и принципы их организации являются принципиально различными.

Так, в текстах научно-психологических статей моделирование состояния тревоги, стресса и психических нарушений представлено в виде горизонтального пространства на основе *отсутствия границ, нарушения*

границ пространства или в виде закрытого типа пространства. На основе признака отсутствия пространственных границ происходит моделирование психического расстройства личности в виде пространства космоса и пространства океана: *«тревога представляет собой этап хаоса»*, *«расстройство сознания по типу „океанического чувства“*. Состояние стресса человека соотносится с закрытым типом пространства, у которого *«нет выхода»*. В виде пространства-вместилища осмысливается состояние болезни и чувство внутреннего противоречия, выраженное в метафоре *«внутренняя конфликтность»*. В основу представления о нарушении обмена информации между человеком и средой положен образ нарушения границы пространства: *«искажение информационного метаболизма — патология границы»*. Нарушение восприятия символически обозначается в виде высоты порога, препятствующего объективному видению ситуации: *«высокий порог восприятия негативных ситуаций»*. В основе представления психического расстройства личности лежит уподобление когнитивных дисфункций человека и закрытого пространства, куда способен уйти человек: *«повышение оценок по шкалам „шизоидность“ и „ипохондрия“ <...> характеризовало замкнутость больных, склонность к „уходу“ в себя, свой собственный мир, к „уходу“ в болезнь»*.

В терминологии психологии метафоризация нарушения психической деятельности человека в виде горизонтального пространства происходит на основе архетипа «свой—чужой», в основе которого содержится представление о нестабильном эмоциональном состоянии человека в виде чужой территории, которую необходимо захватить. Данная аналогия содержится в рамках методики *«кризисная интервенция»*, принцип действия которой основан на скорой медико-психологической помощи, оказываемой пациенту вопреки его воле.

Вторая базовая метафорическая модель *«эмоционально-стрессовое состояние — объект / предмет»*.

К общему представлению нарушения психической деятельности человека в виде объекта/предмета в рамках текстовых метафор и в метафорическом термине относится аналогия на основе такого признака предмета, как его *внешний вид*.

Так, на основе возможности психолога наблюдать физиологические проявления когнитивных дисфункций становится возможным образование текстовой метафоры *«картина депрессивной симптоматики»* и метафорического термина *«страх реальный»*.

В рамках текстовой метафоры с целью анализа и описания психических нарушений человека привлекаются такие признаки предмета, как *его вес, свойство роста предмета, а также различные типы его структуры*.

К структурированию эмоционально-стрессового состояния в виде тяжелого объекта относится метафоризация нестабильного эмоционального

состояния в текстовой метафоре *«тяжёлый стресс»* и *«высокая эмоциональная загруженность»*. На основе способности объекта к трансформации происходит метафоризация нестабильного эмоционального состояния человека в виде растения, способного расти, укореняться или перерастать в другой объект: *«всё это укоренившиеся проявления последствий стресса, которые впоследствии могут перерасти в психические расстройства»*¹.

На основе процесса разрушения структуры объекта происходит моделирование психического расстройства личности в виде разрушения твердого объекта и объекта, имеющего слои: *«расслоение»*; *«психозы характеризуются ощущением „растворения в космосе“ ... деперсонализация, отчуждение и расщепление»*².

В терминосистеме психологии для моделирования эмоционально-стрессовых состояний в виде объекта/предмета определяющими являются образы *природного объекта, объекта-механизма, объекта-препятствия, феномена музыкального явления, образа разрушенного здания и объекта, который необходимо вытеснить*. Привлечение данных образов из различных областей знания обусловлено тремя тенденциями. Первая из них связана с воссозданием метафорического представления о когнитивных дисфункциях человека через слуховое, визуальное и тактильное восприятие. Так, нестабильное состояние может быть уподоблено *дисгармоничному звучанию музыки («когнитивный диссонанс», «когнитивный консонанс»)*, образу *препятствия в движении («барьер психологический»)* и образу *разрушенного здания («личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия»)*. Вторая тенденция связана с характеристикой развития эмоционального расстройства личности, метафорически соотносимого с колебательными движениями механизмов маятника, что отражено в метафорическом термине *«маятниковый эффект»*. Третья тенденция связана с аналогией нестабильного эмоционального состояния с природным объектом и объектом, который можно вытеснить: *«вина: источник»*, *«страдание: источник»*, *«вытеснение»*. Данные аналогии обусловлены целью психологических воздействий, которые применяются для стабилизации эмоционального фона личности, и поиском причин возникновения эмоционально-стрессовых состояний.

Третья базовая метафорическая модель *«эмоционально-стрессовое состояние — это субъект»*. В текстовой метафоре, в метафорическом термине, а также в метафорической номинации методики общим образом, привлекаемым для процесса метафоризации, становится представление эмоционально-стрессового состояния в виде *субъекта, участвующего в социальных отношениях*.

В текстовой метафоре для характеристики влияния негативных эмоций на человека задействованными оказываются образы *действий, которые может совершить социальный субъект*. К ним относится представление об активном субъекте, способном овладеть чем-либо (*«совладать с тревогой»*),

образ активного/пассивного субъекта, действия которого необходимо контролировать (*«контролируемый/неконтролируемый стресс»*), и образ субъекта, участвующего в коммуникации (*«предупредить стресс»*).

В терминосистеме психологии в рамках метафорического термина для представления эмоционально нестабильного состояния в виде субъекта основными признаками становятся *его социальные качества*. К таковым относится не соответствующее социальной норме поведение человека, выраженное в метафорическом термине (*«страх инфантильный»*), возможность субъекта быть неограниченным в чем-либо (*«страх свободный»*) и осознание субъектом своих морально-нравственных принципов (*«моральная тревога»*).

В номинации методики для метафоризации эмоционально-стрессового состояния в виде действий социального субъекта привлекается образ активного социального субъекта (*«психологическая защита»*), образ пассивного социального субъекта (*«методика вызванного гнева»*) и образ социальной роли, которую может сыграть субъект (*«психодрама»*).

Таким образом, в процессе анализа метафорического моделирования психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе были выявлены три базовые метафорические модели: *«эмоционально-стрессовое состояние — пространство»*, *«эмоционально-стрессовое состояние — объект/предмет»*, *«эмоционально-стрессовое состояние — субъект»*. Несмотря на данную общность, принципы их организации и функционирования в текстах научно-психологических статей и терминосистеме психологии имеют принципиально разное значение. В связи со стремлением психологов представить имеющиеся знания о психических нарушениях вербализация моделей в рамках текстовой метафоры осуществляется с помощью образов горизонтального пространства закрытого типа, с помощью образов объектов, целостность и структура которых подвержены и благодаря образу социального субъекта действия которого подлежат контролю. В терминосистеме психологии отражены имеющиеся знания о возможности стабилизации стрессовых эмоциональных состояний. В связи с этим для процесса метафоризации задействованными оказываются образы горизонтального пространства, метафорически связанные со спецификой воздействия психологических методик, образы природных объектов, объектов-механизмов и музыкальных феноменов, а также образы социально неодолимых качеств социального субъекта.

Примечания

1. Ефимов В. Н. Стресс в условиях профессиональной деятельности лётного экипажа. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 23.04.2013).
2. Жданюк Д. Н. Патологическая адаптация при психотической тревоге в контексте теории самоорганизующихся систем [Электронный ресурс]. — URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 23.04.2013).

Концептуальный анализ фрейма «осенний пейзаж» в творчестве И. А. Бунина

Дается анализ концепта «осень» в творчестве И. А. Бунина. Рассматривается семантическая структура фрейма «осенний пейзаж», в котором выделяются этнокультурные и индивидуально-авторские компоненты.

Ключевые слова: фрейм, пейзаж, фреймовые парадигмы.

«Теория фреймов» получила распространение благодаря универсальности её применения в различных областях науки. Говоря об общей характеристике фрейма, мы затронем основную его особенность и отличие от других понятий когнитивной лингвистики: фрейм представляет собой принцип репрезентации мыслительной информации, т.е. это создание обобщённой системы репрезентации информации, структура и содержание которого определяется в зависимости от конкретной ситуации. Определяя понятие «фрейм», М. Минский указывает, что отправной точкой его теории «служит тот факт, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных частей сделать её пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации»¹.

Если представить фреймовую структуру как сеть, то узловые её части являются чётко зафиксированными и стереотипными для любой репрезентации фрейма. В данные терминалы, называемые «слотами», помещают конкретную информацию об известной ситуации. Причём терминал не может быть заполнен информацией, противоречащей заданным параметрам (концепт «снег» не входит в структуру фрейма «лето»). Фреймы содержат также особую информацию для восстановления образа по умолчанию, т.е. субфреймы². Речь идёт о фреймовых пресуппозициях, которые в структуре когнитивного сознания представляют собой «относительно обобщённую структуру прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь»³. Т. А. Ван Дейк исходит из того, что «знание организовано в концептуальные системы». Однако он не считает, что анализ фреймовых структур может объяснить интертекстовую информацию, поскольку является абстрактной структурой⁴. Тем не менее мы склонны к принятию точки зрения Ч. Филмора, поскольку его позиция является опорой для нашего исследования. Филмор различает единый фрейм интерпретации, так называемый концептуальный базис, который служит основанием для содержания на нём большого объёма лексического материала⁵.

Следуя основным идеям данной теории, мы также попытаемся построить фреймовые сети (или парадигмы) с целью достижения целостного понимания особенностей вербализации концепта «осень» в творчестве Бунина. Материалы нашего исследования можно воспринимать как своеобразную базу данных, содержащую информацию об образно-ассоциативном и семантическом компонентах макроконцепта *пейзаж*. При этом мы учитываем, что речь идёт об изучении типизированного и индивидуального в художественных концептах концептосферы пейзажа, поскольку фрейм *осенний пейзаж*, имея общие слоты, характеризующие его абстрактно-универсальный характер, в разных примерах наполняется индивидуальным содержанием.

Фрейм *осенний пейзаж* представлен в прозаическом наследии Бунина двумя субфреймами: осенний городской пейзаж и осенний деревенский пейзаж.

Характеристика концептуального поля фрейма «осенний пейзаж»

Предметные концепты: ЛСП «Земля» (*жнивье, скирды, курганы, поле, сад, грязь, пыль*), ЛСП «Вода» (*дождь, туман, дым, река, изморозь, иней, снег, тучи, лужи, роса, море*), ЛСП «Огонь» (*солнце, звезды, созвездие Капелла, Млечный Путь*), ЛСП «Воздух» (*небо, северный, северо-восточный, южный ветер, буря, вьюга*).

«Животный мир»: *дрозды, совка, голуби, чайка, волки, крыса, сова, воробы, кузнечики, сверчки, галки, щеглы, вороньё (собир.).*

«Растительный мир»: *клёны, липы, кукуруза, лопухи, мох, осины, крапива, белена, репы, подснежник, конопляники, гречиха, татарки, дикий виноград, береза, ельник, тополи (автор.), плющ, бурьян.*

Семантические компоненты «Физические характеристики»:

1. Визуальные — ЛСП «Свет» (*сверкать, блестеть, ослепительно, сиять, маслянистый*); ЛСП «Темнота» (*мрак, мгла, дымная тьма, ледяная тьма ночи и тумана*); ЛСП «Неясный» (*ни зги, как слепой, ясный, туманный, газ, дымка, смутно, непроглядно, мутный*); ЛСП «Ясный» (*ясность, сквозить, прозрачный, дымно-прозрачный*); ЛСП «Цвет»: *радужный, бесцветный, бледный (поблекший, пожухлый), светлый, тёмный*; лексемы ЛСП «Жёлтый» (*лимонный, канареечный, желтизна, золотистый, светло-золотой*); лексемы ЛСП «Белый» (*дымчато-белёсый, седой, сизо-белый, молочный, серебристый*); ЛСП «Серый» (*грифельный, сизый, темно-сизый, белесосвинцовый*); ЛСП «Чёрный», ЛСП «Красный» (*алый, кирпичный, краснеть, рдеть, розовый, дымно-красный, оранжевый, багряный, багровый*); ЛСП «Зелёный» (*зеленоватый, огненно-зелёный, бархатно-изумрудный, сизо-зелёный*); ЛСП «Синий» (*синева, бирюзовый, лазурный, голубой, тёмно-синий, молочно-голубой, сиреневый, неуловимо-лиловатый*); ЛСП «Коричневый» (*порыжевший, ржавый*).

2. Осязательные: ЛСП «Холод» (*прохладный, морозный, ледяной, студёный, помёрзший*); ЛСП «Тепло» (*поджаренный, тепло*); ЛСП «Вода» (*сырой, влажный, мокрый*); *липкий, сухой, шелковистый, бархатный*.

3. Звуковые — *тишина, беззвучный, завывало, стон, хлопнуть, шлепать, резкий крик дроздов, твякает совка, воробьи ливнем пересыпаются с одной крапивной чащи на другую, воробьи осыпали горелую, голую лозинку на плотине сплошным треском, вечерним, уютным, сухо трюкают осторожные сверчки, сияют кузнечики, шумно сыпал крупный дождь, тополи гудели и бушевали во мраке*.

4. Обонятельные — *кислый, пахло прелым листом и яблоками, тонко пахло и сладким ароматом листвы, поджаренной солнцем, и свежестью тумана, пахло осенним садом, первобытный запах тумана, поздней осени, мокрого голого поля, пыльно и сытно пахнут конопляники, горько пахло осиновой корой, оврагами с прелой листвою, еще горько и спиртуозно пахло из кустов осенним тлением, но этот запах терялся в зимней свежести*.

Локативные и темпоральные семантические компоненты: *просторный, бесконечный*.

Эмотивно-оценочные семантические компоненты: *тоска, жалобный, одинокий, мрачный, угрюмый, унылый, неуютно, бесприютный, жалкий, беспокойство, отвратительный, неприветливый, тёмный, тяжелый, тревожный, зловещий, жуткий, мёртвый, безжизненный, свободно, легко, весело, пустой, спокойный, кроткий, сладкий, чудесно, счастливый, таинственный, свежий, бесцельно, скучно, странный, торжественный, бесстрастно, благостный, непостижимый, задумчивый, равнодушно, неприязненный*.

Основные семантические оппозиции: *холодный — тёплый, прозрачный — туманный*.

В отличие от других вербализованных в бунинских рассказах пейзажных фреймов «осенний пейзаж» характеризуется отсутствием ярко выраженных метафоризаций природного мира (в лирике он репрезентирован образом Вдовы из поэмы «Листопад»). При этом мы выделяем доминантные смыслы, которые создают автономное концептуальное поле, являющееся средством метафоризации. В концептуальном поле осеннего пейзажа доминирует темпоральная семантика. Каждый месяц характеризуется своей системой концептов: сентябрь ближе к летнему фрейму, ноябрь — к зимнему, т.е. состав концептов отличается в зависимости от месяца. Такая индивидуализация отсутствует в летнем пейзаже, имеющем общий состав концептов.

Конец её [улицы] как бы упирается в небосклон — чуть зеленоватый, сентябрьский. Сентябрь и в верхушках лозин, кое-где растущих перед избами и сквозящих мелкой, желтеющей листвой на белых облаках и лазури; сентябрь в золотистом солнечном свете и прозрачной тени, падающей от изб на улицу, на водовозки, прикрытые пегими попонами и армяками... («Древний человек»).

Фрейм «осенний пейзаж» является основным репрезентантом парадигмы ПРИРОДА — СМЕРТЬ, а также ряда дополнительных: ПРИРОДА — ТИШИНА, ПРИРОДА — ПЕЧАЛЬ.

Основные фреймовые (образно-ассоциативные) парадигмы

1. **Осень** — покой, тишина, красота, счастье / печаль / божественное / жизнь.

Прошло лето, стали все возвращаться с дач, хотя тут-то бы и жить на даче — эта бессарабская осень нечто божественное по спокойствию однообразных жарких дней, по ясности воздуха, до красоте ровной синевы моря и сухой желтизны кукурузных полей («Галья Ганская»). Осеннее благополучие ассоциируется в бунинском тексте с прощанием, печальным праздником.

2. **Осень** — тишина, пустота, смерть.

Мир он по-прежнему видел только в ворота — видел только частицу огромной картины. Шли по горизонту за обнаженными лозинками все белевшие, все холодевшие облака. Умирая, высохли и погнили травы. Пусто и голо стало гумно. Стала видна сквозь лозинки мельница в бесприютном поле. Дождь порой сменялся снегом, ветер гудел в дырах риги зло и холодно (Худая трава).

Особое место в концептуальной системе осеннего пейзажа занимает семы «бесприютный», «уют»: *Вороньё бесприютно, по-осеннему ночует на опушке желтых жнивий* («Забота»); *Сад у тётки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkками и яблоками, а дом — крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, ветви лип обнимали его, — был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, — так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. <...> И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!* (Антоновские яблоки, ч. 2).

Если говорить об эволюции природного хроноса, то наблюдаются интересные аналогии: если весна — ожидание любви и пробуждение природы (активно реализуется через пение птиц); лето — счастливое благополучие, продолжение любовной тематики, сочетание тишины и пения птиц; то осень — тиха и молчалива, при этом готовится к долгому зимнему сну. Образ дома, уюта становится логичным завершением природно-жизненного цикла — создание семьи, обретение покоя, уюта, тепла.

Концептуализация художественного феномена «пейзаж» в дискурсе Бунина отличается особой детальностью и глубиной содержания. В рамках художественной практики писателя творчески развиваются стереотипы языкового (осень — смерть), культурного (осень — грусть, покой) ассоциирования, реальная практика стратификации природного мира и философско-мировоззренческие установки. Авторская концептуализация

«надстраивается» над наглядным материалом (реальные картины природы), проявляясь в выборе компонентов фреймовой структуры пейзажа (блеск, запах, осязание). Бунин привнес в концепт русского пейзажа эмоционально-оценочный пласт ассоциаций на основе чувственных впечатлений. Каждый из предметных концептов или имеет эмоционально-экспрессивный слой, или находится в синтагмических связях с комплексом сем эмоциональной окрашенности.

Примечания

1. *Минский М.* Фреймы для представления знаний: пер. с англ.; под ред. Ф. М. Кулакова. — М.: Энергия, 1979. — С. 7.
2. *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. — М.: Прогресс, 1988. — С. 289.
3. Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: сб. статей / ред. коллегия: Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. — М.: Изд-во русского языка РАН, 1995. — С. 284.
4. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — С. 16.
5. *Филмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 59.

А. О. ПЛЕШАКОВА

Лингвоперсонологический аспект описания обыденного политического сознания

На материале текстов на политическую тематику и комментариев к ним рассматриваются типы языковых личностей авторов статей и комментаторов, отражающие особенности обыденного политического сознания.

Ключевые слова: лингвоперсонология, тип языковой личности, обыденное политическое сознание.

Обыденная лингвополитология как область лингвистических исследований, направленная на «изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы, является одним из продуктивных современных направлений. В целом под обыденным политическим сознанием понимаются «стихийно формирующиеся представления социальных групп о политике, деятельности ее институтов и их представителей»¹.

Изучение обыденного языкового сознания вписывается в такие продуктивные направления, как когнитивная лингвистика, лингвистика текста, прикладная лингвистика и т.д. Как отмечает Н. Д. Голев, обыденная политология проявлена в таких аспектах современной лингвистики, как лингвокогнитивный, металингвистический, лингвоконфликтологический, лингвоперсонологический, интерпретационный².

Настоящее исследование выполнено в лингвоперсонологическом аспекте, который направлен на изучение гендерных, профессиональных, ментально-психологических особенностей языковой личности и ее типов. В области обыденной лингвополитологии предполагается, например, создание речевых портретов и типологий коллективных или индивидуальных участников политических дискуссий, изучение идиостиля отдельных блогеров и т.д.

Целью исследования является выделение и описание типов языковых личностей авторов интернет-статей на политическую тему и авторов интернет-комментариев к ним. Материалом исследования являются 10 текстов тематической группы «Политика и общество», расположенных на интернет-сайте «Newsland» (<http://www.newsland.ru/>)³, и 854 комментария к ним интернет-пользователей.

Как представляется, лингвоперсонологическое описание адресантов и адресатов политического дискурса, т.е. авторов статей и комментариев к ним, способствует раскрытию особенностей обыденного политического сознания, поскольку характер выражения отношения комментаторов к описываемому в политической статье во многом обусловлено их личностными особенностями.

В современной лингвоперсонологии существует множество классификаций типов языковых личностей. Так, К.Ф. Седов кладет в основу своей типологии принцип, сформулированный им как «доминирующая установка по отношению к участникам общения». На основе этого критерия исследователь выделяет следующие три типа языковой личности: 1) *конфликтный* (с двумя подтипами «*конфликтный агрессор*» и «*конфликтный манипулятор*»); 2) *центрированный*; 3) *кооперативный*⁴. Е. Н. Татаринцева выделяет «два типа языковых личностей по психоэмоциональным особенностям»: 1) *экстравертный*; 2) *интровертный*⁵.

Анализ образности, стилистической экспрессивности, оценочности текстов статей и характера манипулятивной деятельности авторов дает возможность сделать вывод о типе их языковых личностей по двум приведенным выше типологиям. Так, авторы девяти статей по психоэмоциональным особенностям являются экстравертными типами. По доминирующей установке по отношению к участникам общения девять авторов являются конфликтными манипуляторами, и только автор статьи «*Националисты готовят репетицию русского марша*» является кооперативным типом, поскольку он не приводит собственной оценки описываемого события, а лишь приводит объективные данные из различных СМИ (например, «*Директор «Левада-центра» Лев Гудков считает, что начавшаяся после декабрьских выборов митинговая волна вряд ли приведёт к увеличению численности на акциях националистов*»). Однако, учитывая тот отбор мнений, который произвел автор, можно говорить о наличии у него манипулятивной установки.

Несмотря на количественное разнообразие комментариев к анализируемым статьям, большинство из них сводится к выражению крайнего отрицания действующей власти и событий в стране.

Экстравертные языковые личности комментаторов статей чаще всего являются одновременно конфликтными или центрированными, поскольку демонстрируют позицию, направленную против партнеров по коммуникации, открыто выражают свою враждебность, при этом игнорируют партнера по коммуникации: *«Действительно, на данный момент, сей орган не только бесполезный, но и вредоносный, как воспалённый аппендицит, которому может помочь только отсечение...»* (из статьи «Госдума штампует законы в отрыве от потребностей страны»).

Интровертный тип языковых личностей представлен меньшим числом комментаторов. Наиболее яркими чертами языковых личностей данного типа являются использование повествовательных предложений, отсутствие диалогичности, закрытость текста, малое количество восклицательных предложений, четкая композиция: *«...Исторической России нужен сегодня не «новый Сталин», а лидер, адекватный своему времени и чуть-чуть опережающий его, как это делал генсек в 1920—1930-е годы. При этом новый лидер должен стараться избежать тех ошибок, которые (и немало!) сделал Сталин при всём его стратегическом даре»* (из статьи «Мнение: чтобы выжить, Путин должен стать Сталиным»). Интровертные языковые личности комментаторов статьи чаще всего являются и кооперативными, поскольку дают установку одновременно на себя и на партнера по коммуникации.

Анализ комментариев показал, что в политических интернет-дискуссиях принимают участие в основном экстравертные по психоэмоциональным особенностям и конфликтные по целевой установке языковые личности.

Результаты анализа статей на политическую тематику и комментариев интернет-пользователей к ним показали конфликтность обыденной политической коммуникации, что, на наш взгляд, является проявлением конфликтности в обществе в целом. Авторы статей и комментаторы свободно выражают собственную точку зрения, что свидетельствует о свободе обыденного политического сознания.

Примечания

1. Кишина Е. В. Интернет-комментарии к политическим текстам как объект описания обыденной лингвополитологии // *Człowiek Świadomość Komunikacja Internet*. Redakcja naukowa Ludmiła Szypielewicz. — Warszawa, 2012. — С. 694.
2. Голев Н. Д. Современная политическая лингвистика / Н. Д. Голев. — Екатеринбург, 2011. — С. 66—69.
3. Интернет-сайт «Newsland» / новостная социальная сеть [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.newsland.ru/>.
4. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. — 180 с.
5. Татаринцева Е. Н. Лингвоперсонологическое функционирование принципов русской орфографии / Е. Н. Татаринцева. — Барнаул, 2009. — 172 с.

Фреймовое моделирование субдискурсов виртуальных фан-сообществ музыкальной направленности

Выявлены и описаны фреймовые модели, организующие дискурсы Интернет-сообществ, которые объединяют поклонников двух различных музыкальных направлений — поп и металл. Впервые на основании текстовых данных проводится интерпретация когнитивной структуры дискурса коммуникантов, позиционирующих себя в качестве музыкальных фанатов.

Ключевые слова: лингвокогнитивное моделирование, фрейм, виртуальный дискурс, музыкальный фанатизм.

В данной статье представлен сравнительный анализ основных лингвокогнитивных моделей типа «фрейм», образующих субдискурсы двух виртуальных фан-сообществ, в рамках которых осуществляется общение поклонников исполнителей, работающих в различных музыкальных жанрах — поп и металл. Под фреймом в данной работе мы понимаем структуру данных для представления стереотипной ситуации/стереотипного объекта¹. Это структура ментальной репрезентации исходных объектов, отношений между ними и правил их взаимодействия, структура, интерпретации данных получаемого реального опыта и прогнозирования неизвестных ранее свойств конкретных объектов и ситуаций. Фреймовые структуры, рассматриваемые в данной статье, были выделены на основании анализа текстов коммуникаций разной тематики участников фан-клубов «Eric Saade | Эрик Сааде [Official VK Group]» и «Официальный российский фан-клуб Dead by April», функционирующих в социальной сети «ВКонтакте». Были проанализированы сообщения 248 коммуникантов, из них 130 являются участниками фан-сообщества, посвященного поп-исполнителю, 118 — поклонниками группы, работающей в стиле «металл». Общий объём проанализированного материала составил ~4,25 п.л.

В ходе работы в фреймовой организации субдискурса фан-образования², посвящённого поп-исполнителю, был выделен 1 суперфрейм, базовый для формирования данного типа дискурса. Его наличие обуславливает образование 7 других фреймов, составляющих в совокупности структуру целостного дискурса. Фреймовая структура субдискурса фан-клуба, объединяющего поклонников исполнителей, работающих в стиле металл, состоит соответственно из 1 основного суперфрейма и 8 зависимых фреймовых структур.

При анализе сначала рассмотрим фреймы, характерные для обоих субдискурсов, и различия в способах их реализации, а затем обратим внимание на специфические лингвокогнитивные структуры, присущие лишь одному из исследуемых дискурсов.

1) Базовым фреймом для каждого из обоих субдискурсов является суперфрейм «музыкальный исполнитель». Он определяет наличие всех остальных зависимых фреймов, конституирующих дискурсы, и формирует специфику их структуры. Слоты, отражающие характеристики музыкального исполнителя, влияют на появление поклонников-коммуникантов, их стремление к объединению и осуществлению совместной деятельности в различных коммуникативных пространствах. Однако формирование взаимосвязи между суперфреймом и зависимыми от него структурами происходит различными способами.

В фан-сообществе, посвящённом поп-исполнителю, на создание среды поклонников влияют непосредственно личность артиста, его индивидуальные характеристики (возраст, внешность, характер): *«Не, неки он милый»*; *«а руки у него ничегооооооооооооооо»*; *«сколько вы безумешно влюблены в этого прекрасного дьявола со сражающими наповал карими глазами?»*. Формирование состава фан-клуба металл-исполнителей происходит в основном за счёт интереса к концертной деятельности и музыкальному творчеству. В связи с этим в рамках фреймовой структуры субдискурса второго фан-объединения выделяется фрейм «творчество», посредством которого осуществляется образование других фреймов, формирующих дискурс: *«разнообразные, порой гениальные сэмплы, эффекты, короче — аранжировка одна из лучших, что я когда-либо слышал»*; *«у группы собственный стиль, на который ни одна другая группа не похожа»*.

2) Ещё одним фреймом, общим для обоих субдискурсов, является фрейм «виртуальность», который включает в себя характеристики коммуникативной среды, где осуществляется общение индивидов. При помощи данной среды формируется само объединение поклонников — фан-клуб, правила коммуникации и взаимодействия в котором также регулируются особенностями его области функционирования. В деятельности участников обязательно отображаются свойства, характерные именно для интернет-коммуникации: к примеру, быстрый обмен информацией, просмотр представляющих интерес медиафайлов и т.п.: *«я тут твоими фотками кидаясь...»*; *«Скиньте ссылку на официальный релиз, где можно скачать?»*.

3) Состав фреймов, структурирующих и характеризующих деятельность участников фан-сообществ, является различным для каждого объединения. В качестве фреймов, общих для структуры обоих субдискурсов, можно выделить фреймы «встреча» и «разговор». Первый из них репрезентирует типичную ситуацию взаимодействия группы людей со схожими интересами в реальном социуме: *«будем надеяться что много придут»*; *«может кого-то мама не отпускает... — с плохими взрослыми дядями гулять»*). Второй отражает тип коммуникации той же совокупности индивидов в виртуальном социуме: *«как у кого день прошёл?»*; *«ты пропустил всё веселье, тут модельер и историк моды мне угрожал расправой»*).

Их наличие в организации дискурса обуславливается элементарной потребностью общающихся в его пределах участников в коммуникации друг с другом.

Специфическими фреймами для субдискурса фан-сообщества поп-исполнителя являются фреймы «флешмоб» и «игра» (в рамках последнего реализуется также встраиваемый в его структуру фрейм «свадьба»). В пределах первого репрезентируется представление о социальном мероприятии творческого характера, направленном на поддержку артиста: *«Наталья, флешмоб в честь Эрика Сааде... под его музыку, танцы уже придумали»*; *«Народ пишите кто когда может репетировать и если есть у кого где, и напишите кто на какой стадии, надо уже решать и приниматься за дело!»*. Второй фрейм представляет собой отображение стереотипной для данной группы коммуникантов ситуации игрового процесса, характеризующегося специфической тематической отнесённостью. В игре участники моделируют желаемую ситуацию в рамках виртуального коммуникативного пространства: *«я смотрела-смотрела, думала и думала и наконец то **выбрала себе мужа**... внимание! барабанная дробь... это Абрамович»*; *«хуже всего что завтра у нас уже **каждая невеста забеременеет**»*. Таким образом, появление обоих фреймов в структуре исследуемого субдискурса обуславливается психологическими потребностями коммуникантов в воплощении собственных стремлений в игровом ключе.

Отсутствие «игровых» фреймов в организации субдискурса фан-объединения металл-исполнителей объясняется, соответственно, отсутствием потребности в игровом моделировании реальных ситуаций у поклонников этого музыкального направления. Направленность данной группы коммуникантов именно на взаимодействие в реальном социуме подтверждается наличием в структуре субдискурса фрейма «концерт»: *«Такое ощущение, что **организация будет на воистину „по-русски“ высшего уровня**... Когда клуб вмещает около 700 человек, а билетов продано свыше 1000»*; *«Забавный момент, когда **Сандро взял у меня телефон и снимал нас и себя**»*. В рамках соответствующей ему ситуации осуществляется непосредственное общение поклонников не только друг с другом, но и с любимыми исполнителями.

4) Возвращаясь к характеристике специфических фреймов, обратим внимание на наличие в структуре субдискурса сообщества, посвящённого исполнителям, работающим в альтернативном музыкальном направлении, фрейма «атрибутика», который включает в себя характеристики предметов, имеющих непосредственное отношение к исполнителям и их творчеству: *«Продам **электрогитарку с афтографами DBA**»*; *«где купить футболки „**dead by april**“?»*. Получение поклонниками подобных материалов свидетельствует об их желании позиционировать себя в качестве фанатов музыкального коллектива в реальном социуме.

Таким образом, несмотря на различный состав участников фан-клубов и их отличающиеся музыкальные вкусы, можно говорить о сходстве двух сравниваемых субдискурсов. Оно обуславливается единством коммуникативной среды, где взаимодействуют участники обеих групп (интернет-пространство), а также общностью целевой направленности образований.

Примечания

1. *Минский М.* Фреймы для представления знаний // Искусственный интеллект. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://myai.narod.ru/Minsky/ch1.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
2. *Тверезовский К.И.* Социально-психологические условия возникновения музыкального фанатизма в подростково-юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. псих. наук. — М., 2009. — С. 7.

Е. В. ТРУБНИКОВА

Когнитивный образ ситуации «нахождение на поверхности» в английском и русском языках (на материале английских фразовых и русских префиксальных глаголов)

Статья посвящена описанию и выявлению когнитивного образа ситуации нахождения на поверхности на материале английских фразовых и русских приставочных глаголов, внимание обращается на процессы, происходящие при формировании вторичных пространственных и отпространственных значений. Приводится анализ образования семантики английских фразовых глаголов с послелогом *on* и русских префиксальных глаголов с префиксом *на-*.

Ключевые слова: когнитивный образ ситуации, фразовый глагол, приставочный глагол.

Категория пространства является универсальной для всех языков и активно изучается представителями разных отраслей знания. Сопоставление русских префиксальных и английских фразовых глаголов, предпринятое в рамках данной работы, вскрывает актуальную на данный момент проблему осмысления и интерпретации в разных языках категории пространства. Изучение семантики рассматриваемых единиц способно раскрыть специфику восприятия окружающего мира, отражённую в значениях языковых единиц, и выявить, каким образом ментальные представления о базовой категории представлены и организованы в языке.

Русские префиксальные и английские фразовые глаголы — это особые пласты глагольной лексики. Данные единицы способны передавать как первичные пространственные, так и вторичные отпространственные смыслы. Сходная структурная организация данных единиц (глагол + пространственно-направительный элемент) и потенциал

формирования вторичных отпространственных смыслов дают возможность для анализа возникновения и модификации первичных и вторичных значений глаголов.

Используя предложенный Л. И. Горбуновой термин *когнитивный образ ситуации*, который обозначает определенную схему ситуации с прототипной организацией¹, мы делаем попытку объяснить, почему при обозначении аналогичных денотативных ситуаций английскими фразовыми и русскими приставочными глаголами когнитивные образы (и способ языковой репрезентации) этих ситуаций варьируются. Моделирование когнитивного образа ситуации позволяет выявить основу разных денотативных ситуаций, осмысляемых через пространственные категории.

Рассмотрим когнитивный образ ситуации «нахождение на поверхности» на материале английских фразовых глаголов с послелогом *on* и русских префиксальных глаголов с префиксом *на-*. Данная ситуация предполагает нахождение сверху, т.е. глаголом оказывается маркирован верхний пространственный ориентир действия. Особенность данной ориентации заключается в том, что в подобной ситуации движение не может происходить без контакта с поверхностью, который становится значимым пространственным параметром для восприятия ситуации в целом.

Анализ указанных единиц выявил следующие значения английских фразовых глаголов, в состав которых входит послелог *on*:

1. Совершение действия / движения по поверхности сверху и / или сбоку (*pull on* — *натягивать*; *throw on* — *накинуть, надеть*; *lay on* — *накладывать (слой краски)* и т.д.).
2. Совершение беспрепятственного движения в пространстве (*come on* — *надвигаться, приближаться*; *pass on* — *идти дальше* и т.д.).
3. Совершение непрерывного, продолжительного (непространственного) действия (*turn on* — *включать (газ, радио, рубильник)*; *wear on* — *медленно тянуться (о времени)*; *work on* — *продолжать работать* и т.д.).

Анализ русских префиксальных глаголов с префиксом *на-* выявил следующие значения глаголов:

1. Совершение действия / движения по поверхности сверху и/или сбоку (*надеть, накрутить, намотать, намазать* и т.д.).
2. Увеличение, накопление чего-либо (*нарасти, накопить, набросать, наварить, натаскать* и т.д.).
3. Путём совершения действия в большом количестве приучить к чему-либо (*наездить, надрессировать, натренировать* и т.д.).
4. Совершение действия интенсивно, тщательно (*наглядить, начинать* и т.д.).
5. Завершение, доведение действия до предела (*нагреть, напоить, насмешить* и т.д.).

Значение № 1 английских фразовых глаголов с послелогом *on-* — «совершение действия/движения по поверхности сверху и/или сбоку». Данную группу представляют глаголы *throw on* — «накинуть», *lay on* — «накладывать (слой краски, штукатурки)» и т.д. Русские префиксальные глаголы с префиксом *на-* также имеют аналогичное первое значение: надеть, намотать, накрутить и т.д. В данном (пространственном) значении и английские фразовые глаголы, и русские префиксальные характеризуются общим значимым компонентом «появление контакта между чем-либо». При этом в любом случае некий объект оказывается на какой-либо поверхности сверху относительно данной поверхности. Однако движение объекта может происходить не только сверху, но и сверху и сбоку. Несмотря на общность первичного значения, последующая семантика указанных единиц развивается по-разному.

Значение № 2 английских фразовых глаголов «совершение беспрепятственного движения в пространстве» представлено глаголами *come on* — «надвигаться, приближаться», *pass on* — «идти дальше» и т.д. В данном случае движение по поверхности и вдоль неё переосмысливается как непрерывное беспрепятственное движение по какой-либо поверхности, что достигается отсутствием других ограничивающих действие пространственных параметров:

Значение № 2 русских префиксальных глаголов «увеличение, накопление чего-либо» представлено глаголами *нарасти*, *нарастить*, *накопить*, *набросать* и т.д. Данное значение возникает из осмысления положения объекта поверх чего-либо, в результате чего ситуация расценивается как увеличение объекта в размерах сверху и по поверхности. Поэтому, например, у глагола *нарасти* отмечается не только семантический компонент «контакт с поверхностью», но и компонент «занимание некоторой площади поверх чего-либо». Пространственный ориентир «верх» в этом случае рассматривается относительно поверхности объекта, на котором происходит действие. В данную группу попадают и глаголы *набросать*, *натаскать*, *накопить* (т.е. путём нескольких хаотичных или упорядоченных действий получить накопившийся результат). Поверхность, на которой накапливается что-либо, может рассматриваться и как физическая, и как абстрактная сущность (ср. *набросать* — *накопить*).

Следует отметить, что новое значение, появившееся на базе пространственного, по мнению исследователей, может быть результатом развития таких смысловых компонентов приставки, как «сверху», «сверх», «свыше», и рассматриваться как движение к верхнему пределу действия². Используя терминологию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, можно сказать, что действие постепенного накопления метафорически представляется в виде манипуляции с постепенно заполняющимся контейнером³.

Значение № 2 английских фразовых глаголов «совершение беспрепятственного движения в пространстве» порождает значение № 3 «совершение непрерывного, продолжительного (непространственного) действия». Такой перенос значения из физической сферы в иную вполне закономерен в сфере номинации действия. Данную группу составляют глаголы *wear on* — «медленно тянуться (о времени)», *work on* — «продолжать работать» и т.д. Представление о пространственном непрерывном и беспрепятственном движении в английском языке используется для обозначения иных (отпространственных) смыслов на основе сходства протяжённости действия, прежде всего, в пространстве и во времени. В результате буквальные физические элементы данного значения (поверхность, объект, путь объекта) заменяются на иные, непространственные сущности. Подобная трансформация смысла языковой единицы демонстрирует когнитивную связь между физическими и нефизическими сущностями, в результате «непространственные ситуации рассматриваются языком как некие семантические кальки с пространственных»⁴.

Значение № 3 русских глаголов с приставкой *на-* — «приучить к чему-либо путём совершения действия в большом количестве» (*наездить, надрессировать* и т.д.). Действие, обозначаемое глаголом в данном значении, являет собой следствие увеличения, накопления чего-либо, в данном случае накопление навыков. Таким образом, метафорическое переосмысление объема занимаемого объектом пространства на поверхности чего-то, нахождение относительно верхнего предела действия рассматривается носителем русского языка как совершение действия в большом количестве, путем ряда поддействий для достижения результата, которым является маркируемое семантикой глагола и префикса приучение кого-то к чему-то.

Аналогичную семантическую модификацию можно наблюдать при формировании значения № 4 русских глаголов с префиксом *на-* — «совершение действия интенсивно, тщательно» (*наглядить, начистить* и т.д.).

Последнее значение глаголов с префиксом *на-* «доведение действия до предела, его завершение» (*нагреть, напоить* и т.д.) является результатом традиционного для русской лингвокультуры представления пространственного предела, выражающегося тем или иным префиксом с пространственным значением, как предела непространственного. Приставка *на-* в данном случае не является исключением.

Как показывает анализ английских и русских глагольных единиц, в основе процесса формирования новых языковых значений лежит потенциал развития семантики компонентов, составляющих когнитивную область ситуации (тип объекта, соотношение объектов между собой и т.д.), которая обозначена теми или иными единицами. Когнитивный

образ ситуации расположения поверх чего-либо в английском языке содержит основной компонент — обязательный контакт объекта с пространственным ориентиром, который позволяет передвигаться объекту только вдоль по поверхности данного ориентира, не ограниченного иными пространственными пределами. Эта особенность прототипического образа ситуации обуславливает появление в английской лингвокультуре представления о беспрепятственном движении в пространстве вообще и непрерывном, длящемся непространственным действием, ассоциативно связанном с физическим.

В русском языке когнитивный образ ситуации расположения поверх чего-либо отличается от английского, поскольку для носителя языка в данном случае более важной является способность глаголов с префиксом на- передавать семантику нахождения на поверхности чего-либо с указанием на увеличение количества занятого пространства не только сверху, но и в стороны. Данные особенности когнитивного образа ситуации формируют значения соответствующих глаголов иначе, чем значения английских единиц. В результате значительная площадь, занимаемая объектом, верхний вертикальный ориентир действия переосмысляются в тесно связанные между собой значения увеличения, накопления чего-либо, интенсивного совершения действия, приучения к чему-либо путем большого количества действия и доведения действия до предела, его завершения.

Таким образом, на примере анализа когнитивного образа ситуации «нахождения на поверхности», реализованного в английских фразовых и русских префиксальных глаголов, нам удалось продемонстрировать, как первичное пространственное значение, характерное для обоих языков, способно порождать вторичные пространственные и отпространственные значения. При этом языковые инструменты одного и того же порядка способны передавать различную семантику в разных языках.

Примечания

1. Горбунова Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры единиц атрибутивно-локативной языковой модели: дис. ... д-ра филол. наук. — Томск, 2011. — 404 с.
2. Волохина Г. А. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. — С. 75.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
4. Королёва Ю. В. Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) (раздел в коллективной монографии) // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др. отв. ред. З. И. Резанова. — Томск: UFO-plus, 2007. — С. 189.

Моделирование ситуации слухового восприятия и ситуации звучания в поэтических текстах В. Брюсова

Представлен анализ способов моделирования ситуаций слухового восприятия и звучания в поэтических текстах В. Брюсова. Рассматриваются предикаты «слушать/слышать», а также глаголы и отглагольные существительные с семантикой звучания. Данный анализ помогает найти особенности идиостиля автора.

Ключевые слова: слуховое восприятие, предикат, ситуация звучания.

Человек познаёт этот мир пятью органами чувств (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус), затем происходит осмысление и систематизация полученных знаний. В художественном произведении автор постоянно обращается к тому или иному типу восприятия для того, чтобы показать все разнообразие окружающего мира. При этом один из видов перцепции может быть преобладающим. Чувственное восприятие играет огромную роль в художественном тексте, поскольку «художник как бы переводит предметы чувственно являющегося мира во внутренние духовные образы, в которых и обнаруживается его истина, соответствующая его эстетическому идеалу»¹.

Цель представленной работы — проанализировать способы моделирования ситуаций слухового восприятия (далее — СВ) и звучания (далее — ЗВ) в поэтических текстах В. Брюсова. Проанализировано 277 стихотворений и выявлено 342 контекста, репрезентирующих названные ситуации².

Высказывания слухового восприятия делятся на высказывания собственно СВ (включающие предикат, субъект и объект СВ) и высказывания звучания (включающие предикат и субъект звучания/источник звука). Предикативный компонент представлен различными лексико-семантическими группами. Ядро образуют глаголы, обслуживающие непосредственно ситуацию СВ, — это лексемы *слушать/слышать*. Они характеризуют процесс СВ с двух сторон и способны отражать одну и ту же ситуацию, дополняя друг друга отображением особенностей действительного и недеятельностного восприятия со стороны субъекта. Для глагола *слушать* характерна направленность на объект восприятия, а для *слышать* — результат восприятия³.

Слушать — «обращать, направлять слух на какие-либо звуки, чтобы услышать»⁴, например: *«Я знаю — ты со мной! Я вижу строгий лик, / Я чутко слушаю великие уроки»*. Данная лексема встретилась 7 раз, что указывает на следующее: герой нечасто выступает в роли активного слушателя, который воспринимает этот мир через звуки.

Слышать — «воспринимать слухом (производимые чем-либо звуками)»: *«Я ж, на Олимпе не быв, в молодом перелеске / Слышал напевы вчера*

неумолчного Пана». Субъект ведет себя пассивно. Глагол *слышать* — это так называемый глагол «нецеленаправленного действия»⁵. Данный глагол и другие лексемы чувственного восприятия типа смотреть, нюхать несут информацию о наличии или появлении в сознании некоторого субъекта тех или иных образов или ощущений. Примечательно, что данная лексема встретилась 15 раз.

Совсем иначе ведут себя глаголы целенаправленного восприятия, которые информируют нас о физических действиях, направленных на определенные предметы с целью воспринять их или ощутить их свойства: *Люблю в осенний день несмелый / Листвы сквозящей слушать* плач, / *Вступая в мир осиротелый / Пустынных и закрытых дач*.

Взаимодействие субъекта и объекта восприятия репрезентируется в описании художественной модели видимого, наблюдаемого предмета или фрагмента внешнего мира. Писатель располагает разными способами построения изображения. У него есть выбор: маркировать или не маркировать перцептивное событие в изображении предмета, т.е. обнаруживать или не обнаруживать субъект восприятия. Если он использует маркированные модели восприятия, значит, таким образом он акцентирует внимание на психологическом состоянии, на точке зрения героя⁶. В поэзии В. Брюсова субъект восприятия может быть эксплицирован на синтаксическом уровне: *«Я слышал раскатистый смех; Ступая вольно по валежникам, / Я слышал голос над собой»*; в ряде примеров он представлен имплицитно: *«Согласно и слышно стучали сердца, — / А там, за стеной, голоса раздавались, / И звуки рояля росли без конца»*.

Ситуация СВ и звучания может быть представлена предикативным и непредикативным способом. В поэтических текстах В. Брюсова наиболее распространенным является предикативный способ. Предикат выражен глаголами СВ и звучания, непредикативный же способ представлен существительными, прилагательными и краткими причастиями.

Рассмотрим варианты реализованных пропозиций, в которых предикат представлен глаголами слушать, слышать, внимать. В большинстве своём они предполагают следующую модель: $S \rightarrow P(a) \rightarrow O$. Например: *«Я слышал раскатистый смех; Ты, странник из земли, любимой небом, / Сын племени, идущего к лучам, — / Пусть ты клянешься Тотом или Фебом, / Внимай, внимай, о чужестранец, нам!»* Составляющие модели: субъект, активное действие субъекта, отражающее его усилия, направленное на восприятие. Объект может быть выражен конкретно предметом либо ситуацией.

В высказываниях СВ предикат может быть выражен лексемами *слышно, слышаться*. Данные конструкции ориентированы на объект восприятия, который становится центральным компонентом пропозиции: *«Но смутно слышалось мне в безднах / Невнятный гул, далёкий гром»*; *«Нездешнего мира мне слышатся звуки, / Шаги эвменид и пророчества*

ламый...». В подобных контекстах можно говорить о том, что вместо активного субъекта восприятия на синтаксическом и семантическом уровне представлен «носитель состояния».

Кроме того, в высказываниях слухового восприятия в качестве предиката могут употребляться и краткие причастия: «*Мне твой голос слышен / Я люблю другого*». Было найдено 4 контекста. В этом случае ситуация слухового восприятия моделируется так, что предстает скорее в виде ситуации звучания, поскольку звук раздается в пространстве, и его слышит лирический герой. В данных предложениях есть субъект, есть предикат, обозначающий ситуацию СВ, но сама модель репрезентации субъекта предстает таким образом, что мы видим — перед нами непроизвольное восприятие с выраженной пассивностью субъекта⁷.

В процессе вербализации ситуации звучания важную роль играют отглагольные существительные с семантикой звука: *шелест, звук, плач, зов, стук, вой, шум, грохот, хохот, смех, звук, звон, шепот, ропот, говор, клич, крик, вскрик, выкрик, призыв, мольба, шорох, голос*. Они участвуют в формировании пропозиции, например:

1. *Плач и рыдания поднимутся тут. / Завтра, когда мое тело найдут.*
2. *Бесстыдно раздавался женский смех.*
3. *И с неба радостный призыв / Опять в весеннем ветре веет.*
4. *Согласно и слышно стучали сердца, — / А там, за стеной, голоса раздавались, / И звуки рояля росли без конца.*

В данных контекстах пропозицию можно представить в виде следующей схемы: (s) — Р — О. Объект восприятия — *плач, смех, призыв, голоса и др.* — одновременно является субъектом звучания. В высказываниях имеет значение пространство. В первом и четвёртом контекстах, как мы видим, представлены полипредикативные структуры.

На основе анализа контекстов можно сделать вывод, что в поэзии В. Брюсова в процессе познания лирическим героем окружающего мира слуховое восприятие (включая звучание) играет важную роль. В центре внимания обычно находится объект восприятия (субъект звучания). Субъект восприятия чаще всего пассивен; создаваемые автором звуковые образы позволяют презентовать индивидуальное видение картины мира.

Примечания

1. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. — М., 2003. — С. 123.
2. *Брюсов В. Я.* Собрание сочинений: в 7 т. / В. Я. Брюсов. — М., 1973.
3. *Крюкова Л. Б.* Лингвистическое моделирование как метод анализа поэтического текста: учеб.-метод. пособие / под ред. Т. А. Демешкиной. — Томск, 2005. — С. 14.
4. Здесь и далее значения слов приводятся по: *Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.* — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз; Полиграфресурсы, 1999.
5. *Федосюк М. Ю.* Глаголы восприятия: лексические значения и употребление

- в художественных текстах // История слова в текстах и словарях. — Ставрополь, 1988. — С. 99—105.
6. Авдевина О. Ю. Понятие «субъект восприятия» в антропологии языка и текста // Известия Саратовского университета. — 2011. — Т. 11. — Сер. Филология. Журналистика. — Вып. 2. — С. 7—16.
7. Авдевина О. Ю. Категория восприятия и средства её выражения в современном русском языке / О. Ю. Авдевина. — М., 2013. — С. 72.

Д. А. ЩИТОВА

Концептуализация последствий вооруженной борьбы в речи политика (на материале интервью Дж. Буша)¹

Данная статья посвящена исследованию концептуализации последствий вооруженной борьбы на примере интервью Дж. Буша. В ходе анализа выявляются имиджевые роли политического деятеля, формируемые при реализации лексико-семантического поля «Последствия вооружённой борьбы».

Ключевые слова: концептуализация, имидж, лексико-семантическое поле.

Цель данной статьи — рассмотреть концептуализацию последствий вооруженной борьбы в речи политического деятеля с точки зрения моделирования имиджа.

Объектом исследования является реализация лексико-семантического поля «Последствия вооружённой борьбы» в политической коммуникации, предметом — формируемые посредством него имиджевые роли политика.

Материал анализа включает около 20 интервью Джорджа Буша за 2001—2009 гг. Единицей анализа является слово или словосочетание, входящее в лексико-семантическое поле «Последствия вооружённой борьбы». Под лексико-семантическим полем понимается «множество слов, покрывающих определённую область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению»².

Имидж политического деятеля можно представить как систему имиджевых ролей. Каждая имиджевая роль воплощает в себе определенные качества, которые, по мнению обладателя имиджа, способствуют формированию желаемого представления о нем у окружающих и осуществлению поставленных задач³. Имиджевая роль часто выражает стереотипные, базовые, наиболее значимые качественные характеристики, приписываемые политическому деятелю (*патриот, отличный семьянин, мудрец, провидец, вождь, сильная рука* и т.д.), однако говорящий может также реализовывать дополнительные роли, делающие его имидж уникальным. В основе каждой роли лежит определенный семантический компонент, который проявляется во всех высказываниях, актуализирующих данную роль⁴.

В рамках исследования необходимо выявить семантические компоненты, входящие в лексико-семантическое поле «Последствия вооружённой

борьбы» в репрезентации американского политика, а на их основе — определить и номинировать его имиджевые роли.

В интервью Дж. Буша были выделены следующие репрезентанты поля «Последствия вооруженной борьбы»: *outcome* ‘последствия, исход’, *lessons* ‘уроки’, *a sense of pain* ‘чувство боли’, *innocent civilians who have been killed* ‘невинные граждане, которые были убиты’, *death* ‘смерть’, *victims* ‘жертвы’, *the defeat of Nazism* ‘победа над нацизмом’, *the soldiers who lost their lives* ‘солдаты, которые потеряли свою жизнь’, *to weep* ‘скорбеть’, *to empower* ‘придавать силу’ и др.

При реализации последствий вооруженной борьбы в речи американского политика отражена семантика жестокости по отношению к людям посредством таких слов и словосочетаний, как *innocent civilians who have been killed* ‘невинные граждане, которые были убиты’, *death* ‘смерть’, *victims* ‘жертвы’, *the soldiers who lost their lives* ‘солдаты, которые потеряли свою жизнь’. Более того, в некоторых высказываниях президент США выражает личное эмоциональное восприятие жестоких последствий борьбы. Например: *«I feel a sense of pain for those who were tortured by Saddam, by the parents who watched their daughters raped by Saddam, by those innocent civilians who have been killed by inadvertent allied action, by those who have been bombed by suicide bombers. I feel a sense of pain for death. I feel a sense of pain for the families of our troops»*⁵ / рус. *Я чувствую боль за тех, кого мучил Саддам Хусейн, за родителей, на глазах которых Саддам насиловал их дочерей, за тех мирных жителей, которые были ненамеренно убиты союзниками, за тех, кто попал под взрыв террористов- смертников. Я чувствую боль за смерть. Я чувствую боль за семьи наших воинов».*

При вербализации последствий вооруженной борьбы Дж. Буш трагивает тему семьи, реализующуюся через слова *parents*, *daughters*, *families*. Так, политический деятель выражает не только свои переживания, но и потрясения, затронувшие семьи участников вооруженных действий: *I suspect the families of those victims understand the nature of killers*⁶ / рус. *Я думаю, семьи тех жертв осознают сущность убийц.* Обращение к теме семьи и разделение человеческой боли с родственниками пострадавших выражает способность Дж. Буша к состраданию.

Согласно традиции, принятой в психологии, имиджевым ролям присваиваются так называемые «ярлыки». В качестве «ярлыка» роли выступает слово или словосочетание, наиболее точно и полно отражающее её содержание. Так, описанную репрезентацию последствий вооруженной борьбы можно охарактеризовать как проявление имиджевой роли Сострадающий политик.

В речи американского президента также выражается семантика успеха и победы через лексемы *to defeat* ‘побеждать’, *defeat* ‘победа’, *to celebrate* ‘праздновать’. Использование данных единиц способствует формированию роли Победителя: *«Nazism was defeated. We're celebrating*

*the defeat of Nazism*⁷ / рус. *Нацизм был побеждён. Мы празднуем победу над нацизмом*». В данном фрагменте интервью моделирование имиджевой роли также поддерживается лексическими повторами.

В выступлениях Дж. Буша присутствуют высказывания, совмещающие смыслы горя и успеха, например: «I don't think they're going badly. I mean, obviously I think they're going badly for the soldiers who lost their lives, and **I weep** for that person and their family. But no, I think we're making good progress⁸ / рус. Я не думаю, что их действия плохи. Я имею в виду, очевидно, они плохи в отношении солдат, потерявших свои жизни, я скорблю об этих людях и их семьях. Но нет, я думаю, мы успешно движемся вперед».

Вербализация возможных негативных последствий вооруженной борьбы в интервью Дж. Буша служит средством аргументации позиции США относительно определенных боевых действий и стремления предотвратить потенциальную опасность для Америки и всего мира, посредством чего реализуются имиджевые роли *Патриот* и *Защитник*: «*Failure in Iraq would empower Iran, which poses a significant threat to world peace. In other words, there's a lot of reasons that I know we must succeed*⁹ / рус. *Поражение в Ираке придаст силу Ирану, который представляет собой значительную опасность для мира на земле. Другими словами, есть много причин, почему мы должны преуспеть в этом деле*»; «*Every potential harm to America had to be judged in the context of this war on terror*¹⁰ / рус. *Любой возможный вред Америке должен был оцениваться с точки зрения этой войны с террором*».

Американский политик уделяет большое внимание опыту, знаниям, полученным в ходе вооруженных столкновений прошлых лет. В качестве примеров представим следующие высказывания: «*And those are essential lessons to be learned from the Vietnam War*¹¹ / рус. *И это важнейшие уроки вьетнамской войны, которые необходимо усвоить*»; «*The commission I set up, Tim, is one that will help future presidents understand how best to fight the war on terror, and it's an important part of the kind of lessons learned in Iraq and lessons learned in Afghanistan prior to us going in world*¹² / рус. *Устроенная мной проверка, Тим, была нацелена на помощь будущему президенту понять, как лучше всего воевать с террором, это один из важнейших уроков, полученных в Ираке, уроков, полученных в Афганистане еще до вступления в войну*».

Семантика полученных знаний и опыта актуализируется посредством лексемы *lessons* 'уроки', а прилагательные *essential* 'существенный' и *important* 'важный' выражают оценку со стороны политика. Однако вооружённая борьба как источник опыта представлена в высказываниях политика и другими способами:

*We were attacked, and therefore every threat had to be reanalyzed*¹³ / рус. *На нас напали, поэтому каждая опасность должна была быть подвергнута анализу*.

Модальная лексика (преимущественно с семантикой долженствования), используемая американским политиком, служит средством репрезентации его как уверенной в своей правоте и требующей немедленного решения названных проблем (в частности, связанных с войной) личности. Такой способ репрезентации Дж. Бушем последствий борьбы можно охарактеризовать как моделирование имиджевой роли *Политика-аналитика*.

Итак, при вербализации последствий вооруженной борьбы в речи президента США была отражена семантика смерти и жестокости боевых действий посредством ряда репрезентантов исследуемого поля. Политик выражает личное неприятие жестокости и выражает сочувствие семьям, потерявшим своих близких. Это способствует формированию роли *Сострадающий политик*.

Семантика успеха, выражаемая номинатами последствий борьбы, создает имидж *Победителя*, а вербализация возможных негативных последствий (преимущественно опасности для Америки и всего мира), которые необходимо предотвратить, способствует моделированию имиджевых ролей *Патриот* и *Защитник*.

При анализе интервью Дж. Буша была также отмечена реализация имиджевой роли *Политика-аналитика*: американский политик обращает внимание аудитории на значимость опыта, полученного в ходе вооруженных действий прошлых лет.

Таким образом, лексико-семантическое поле «Последствия вооруженной борьбы» обладает определенным имиджемоделлирующим потенциалом в интервью Дж. Буша и способствует формированию таких имиджевых ролей, как *Патриот*, *Защитник*, *Политик-аналитик*, *Сострадающий политик*, *Победитель*.

Примечания

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Миромоделирующие возможности речевых жанров современного городского дискурса»), проект № 14-34-01264.
2. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематической сетке текста // Текст как объект компонентного анализа в вузе. — Л.: Наука, 1984. — С. 5.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1999. — С. 198—202.
4. Щитова Д. А. Основы моделирования имиджевой роли в политическом дискурсе // Наука. Технологии. Инновации // Материалы Всероссийской научной конференции молодых учёных. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. — С. 598—601.
5. Interview George W Bush on... // Guardian.co.uk. — 2008 [Electronic resource]. — URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/jun/15/georgebush.usa1> (access date: 21.03.2013).
6. In full: George W Bush's BBC interview // BBC News. — 2008. [Electronic resource]. — URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/7245670.stm> (access date: 13.04.2013).
7. George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station //

- Meet the Press. — 2004. [Electronic resource]. — URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/4179618/> (access date: 17.03.2013).
8. Raw Data: Text of Bush Interview // FOXNews.com. — 2003. [Electronic resource]. — URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,98006,00.html> (access date: 20.04.2011).
  9. Transcript: Bush Interview // CBS News. — 2007. [Electronic resource]. — URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2007/01/14/60minutes/main2359119.shtml> (access date: 01.03.2014).
  10. George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station // Meet the Press. — 2004. [Electronic resource]. — URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/4179618/> (access date: 17.03.2013).
  11. Там же.
  12. Там же.
  13. Там же.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

А. Н. БЖИЦКИХ

Личность Владимира Соловьёва как персональный бренд

Анализируется личность российского телеведущего Владимира Соловьёва с позиции персонального брендинга. Анализ осуществляется по трем уровням: кинетическом, паралингвистическом и лингвистическом.

Ключевые слова: персональный бренд, кинетический, паралингвистический и лингвистический уровни.

Итак, что же такое персональный бренд? Персональный брендинг — это возможность сознательного влияния на собственные жизненные установки, это рациональная деятельность, план которой чётко продумывается и просчитывается¹.

Существует и другое определение. Персональный брендинг — это шаблон, стереотип. В данном случае — стереотип касательно какой-либо известной персоны, включающий в себя сведения о том, чем он или она знамениты, чем так замечательны².

Владимира Рудольфовича Соловьёва исследователи журналистики называют медийным лицом эпохи. На протяжении десяти лет Владимир Соловьёв был автором нескольких проектов. В 1999 г. был ведущим программы «Процесс» на ОРТ вместе с Александром Гордоном. В настоящее время СМИ стали оптимальной средой формирования личности журналиста, так как являются и средствами массовой коммуникации. Следовательно, созданный в условиях коммуникации имидж как некая информация кому-то предназначается.

Анализ персонального бренда Владимира Соловьёва осуществлялся нами по трём уровням:

1. Кинетический уровень — формирование имиджа на уровне «картинки» — что мы видим. Сюда входят: внешний вид (костюм, причёска, макияж); кинетика (жесты, мимика, походка, взгляд); габитус (внешний вид тела).
2. Паралингвистический уровень — формирование имиджа на уровне звука — что мы слышим. Он состоит из паралингвистических

характеристик (паузы, кашель, смех); просодических знаков (высота голоса, громкость, тембр).

3. Лингвистический уровень — формирование имиджа на уровне смысла произносимой речи — что мы понимаем. К этому уровню относится речь человека (словарный запас, логичность, завершённость фразы, слова-паразиты и др.).

Обратимся к анализу кинетического уровня. Если описывать внешние данные В. Соловьёва, то следует отметить, что, во-первых, преимущество он отдаёт демократичному стилю одежды, так называемому «стилю без излишеств»: у него отсутствуют аксессуары и дополнительные элементы дизайна одежды; как правило, когда Владимир Соловьёв ведёт передачи, он отдаёт предпочтение одежде «скромных» тонов: серого, чёрного, тёмно-синего. Этот стиль журналист выбирает не случайно, потому как для него принципиально важно, чтобы зритель обратил внимание не на него, а на его гостей в студии.

Во-вторых, походка В. Соловьёва во время передачи всегда спокойная: он не делает лишних движений, не размахивает руками и нечасто жестикулирует, поскольку это заставляет зрителя обращать внимание на внешнюю составляющую дискуссии, а не на её логическое обрамление.

В-третьих, продюсеры программы «Поединок» стараются, чтобы на протяжении всего времени транслирования передачи в кадре могли поочерёдно оказаться все её участники. Владимиру Соловьёву всё же уделяется больше времени в кадре, нежели всем остальным участникам передачи. Это обусловлено тем, что Соловьёв выполняет не только роль ведущего, но и роль рефери, направляющего диалог в нужное русло.

Главная особенность паралингвистического уровня, присущая В. Соловьёву, — нестандартность. Отступление от классической сменяемости интонации и тембра голоса не всегда позволяют воздействовать на читателя, слушателя и гостей в студии, поэтому Владимир Соловьёв пытается разнообразить дискуссии как на радио, так и на телевидении различного рода звуковыми механизмами. Это могут быть изменение тембра, внезапные песни в эфире, чередование тихого и громкого звуков, использование звуковых средств привлечения внимания: мелодии, постукивание карандашом по столу, внезапный хлопок или специально подготовленный звукооператорами, стилизованный под формат передачи звук.

Анализ лингвистического уровня речи В. Соловьёва целесообразно начать с лексического яруса. Стоит обратить внимание на то, что в речи журналиста часто преобладают иноязычные слова. Например: «российский хай-ленд», «реструктуризация», «коммерциализация», «анти-винтаж», «хедлайнер», «пролонгация». Возможно, обилие иноязычных слов в лексиконе журналиста объясняется тем, что он таким образом отдаёт дань современным тенденциям журналистики, ориентированным на

западную прессу. Сам Соловьёв утверждает, что он «говорит на понятном молодому поколению языке, а это очень важно».

Синтаксическая организация речи В. Соловьёва тоже отличается значительным разнообразием: в его речи в равной степени сочетаются повествовательные предложения (обычно констатирующие определённые факты) с вопросительными и восклицательными, выражающими эмоциональное состояние журналиста в те моменты, когда это необходимо телезрителю и читателю. Обычно эмоционально окрашенные предложения используются Соловьёвым совместно с приемом цитации как доказательство своей точки зрения на позиции по тому или иному вопросу.

Синтаксическую организацию речи В. Соловьёва отличают экспрессивно окрашенные конструкции. Широко используются восклицательные и вопросительные предложения, предложения с обращением, риторические вопросы. Стремление к экспрессии обуславливает использование конструкций с разговорной окраской. Лексика Соловьёва включает разговорные, просторечные и даже жаргонные элементы, используются такие словосочетания, которые объединяют в себе функциональную и экспрессивно-оценочную окраски, показывают принадлежность к публицистическому стилю и содержат отрицательную оценку. «Я бы даже подумал, что всё это случайно, если б потом не услышал в передаче господина Гордона следующую фразу, обращённую к Жириновскому: «И тут я увидел двух бомжей, и они говорят: пойдём в храм или к «...», в конце которой Гордон употребил ругательный в русском языке термин для обозначения евреев. А чтобы ни у кого не было сомнений, чтобы никому не показалось, что они ослышались, Гордон повторил это ещё раз. При этом, так как передача идёт не в прямом эфире, сложно подозревать, что творческая группа этого не видела»³.

Подводя итог анализу коммуникативного поведения журналиста В. Соловьёва, отметим особенности, которые нам удалось выявить в рамках исследования:

- Журналист выбирает демократичный стиль подачи материала и уделяет минимальное внимание своей персоне во время беседы с гостями своих передач.
- Главная особенность паралингвистического уровня — нестандартность. Журналист пытается разнообразить дискуссии различного рода звуковыми механизмами: изменение тембра, внезапное появление песни в эфире, чередование тихого и громкого звуков.
- Как устная, так и письменная речь журналиста экспрессивна, что позволяет привлечь внимание читателей и слушателей. Различные синтаксические конструкции помогают Соловьёву раскрывать свой внутренний мир и формируют среди публики доверие к нему и его творчеству.

Примечания

1. Паули Н. Что такое персональный брендинг? / Н. Паули. — М., 2004. — С. 15.
2. Тамберг В. Я-бренд. Структура имиджа человека-бренда [Электронный ресурс]. — URL: <http://newbranding.ru/articles/personal-branding> (дата обращения: 24.02.2014).
3. Соловьёв В. Р. Манипуляции: Атакуй и защищайся / В. Р. Соловьёв. — М.: Эксмо, 2011. — С. 26.

Е. С. БАШМАКОВА

Коммуникативная организация и синтаксические особенности историко-познавательного текста (на примере телепередачи «Искатели», канал «Культура»)

Подробно характеризуется организация историко-познавательного текста с точки зрения формального синтаксиса. Приводится его описание в сравнении с требованиями к языку журналистских материалов. Также описываются особенности построения диалога в текстах данного типа и связанные с ними проблемы коммуникации.

Ключевые слова: историко-познавательный текст, формальный синтаксис.

Во все времена средства массовой информации выступали как способ ретрансляции научных знаний. Новые открытия, ход общественно значимых исследований, удачные и неудачные эксперименты всегда представляли интерес для журналистов. Однако научная тематика, отражаемая в печатных или аудиовизуальных материалах, зачастую слишком сложна для восприятия рядовым обывателем и оказывается нежизнеспособной в связи с невозможностью удержать аудиторное внимание. Коммуникативные проблемы — главная причина быстрого угасания научно-популярных журналистских проектов, корень которой, как представляется, может скрываться в ткани текста: его структурной и семантической организации. В настоящей статье дан подробный анализ научно-познавательного текста гуманитарной (исторической) направленности на примере серии «Забывтый генералиссимус России» телепередачи «Искатели» (канал «Культура»)¹.

Итак, данный выпуск телепередачи посвящен истории жизни и тайне смерти генералиссимуса Антона Ульриха Брауншвейгского и его сына Иоанна, широко известного из курса истории России младенца-императора. Журналисты с помощью археологов, историков и других специалистов пытаются найти сведения о том, как и почему умерли эти люди и где были захоронены. Стоит учитывать, что сценария или расшифровки данной передачи в оригинале найти не удалось. Пунктуация воспринималась на слух, по интонации говорящего и с учётом правил русского языка.

Необходимо отметить, что по классификации текстов массовой коммуникации В.В. Одинцова² перед нами информационный текст. Учитывая, что сообщение передаётся изобразительно, сопровождается и в полной мере зависит от видеоряда, то данный текст можно отнести к креолизированным. По соотношению с формами речи и способами изложения (см. Н.С. Валгина³) представленный текст аргументирующего типа (построен на объяснениях, рассуждениях, доказательствах), но с элементами констатации (присутствует описание и повествование).

Информация передаётся через звучащее слово, однако сообразно особенностям телевизионной коммуникации стоит выделять устную речь (произносимую людьми в кадре в ходе живого общения) и письменную, подготовленную (написанную заранее, продуманную и озвученную за кадром).

Устная речь журналиста диалогична: в одном случае он обращается к собеседнику (исследователю, историку, учёному), в другом — к невидимой для него зрительской аудитории. Формально это выражается в прагмемах (различных средствах экспрессивного синтаксиса, оформленных в специфические приёмы), таких как побудительные и восклицательные высказывания. Например (при рассматривании портрета генералиссимуса): «*Посмотрите: молодой, долговязый, да ещё и стеснительный*». Автор обращается к аудитории как к собеседнику, который находится рядом, тем самым вовлекая зрителей в своё исследование. Аналогичные прагмемы синтаксического уровня участвуют в формировании таких текстовых категорий, как проспекция, ретроспекция, эмотивность. Значимы синтаксические прагмемы и в формировании ритмики⁴.

Диалогичность является важной характеристикой данного текста, как и любого публицистического. Она выражается в вопросительных формах. Например: «*Ну и что же?*»; «*Что делать?*»; «*Только вот с какой секретной миссией?*». Диалог в этом случае не спонтанный, даже если разворачивается перед зрителями в вопросно-ответной форме. В частности, постоянно сохраняется прямой порядок слов, нет обращений по имени, редко присутствуют маркеры разговорного языка: «*Где мы можем найти доказательства, что Антон Ульрих действительно был награждён орденом Андрея Первозванного?*». Это говорит о заранее «прописанных» и зачитанных вопросах и отличает телевизионный диалог от устного бытового. Однако диалогичность присутствует и за кадром. Она выражается в чётком позиционировании действий авторов передачи: «*Мы отправляемся на поиски*», «*Попробуем проследить*» и т.д. Есть также просторечные вводные слова, например, «*мол*»: «*А тут — очень скудные сведения: мол, просто генералиссимус и всё*»; а также усиление «*вообще*»: «*Интересно, что барон в своих мемуарах о командире вообще не вспоминает*».

Согласно принципам построения журналистского материала публицистический текст, предназначенный для экрана, должен содержать

короткие динамичные предложения с минимумом осложняющих элементов. В связи с тем, что изобразительную функцию в данном случае выполняет телевизионная картинка, в тексте не должно быть описания. В историко-познавательных программах данный принцип реализуется с отклонениями. Так как основная часть передаваемой информации относится к далёкому прошлому, отразить её при помощи телевидения практически невозможно, за исключением варианта использования архивных документальных и художественных кинолент или статичных иллюстраций, как в случае с портретом Антона Ульриха, где автор даёт дополнительное описание, недоступное глазу зрителя. Однако в остальных случаях описания происходящего максимально сжаты: *«Торжество было недолгим»*, *«Свадьба была пышной»*. Также это объясняется жёстким хронометражем телевизионной передачи.

Что касается сложных и простых предложений в историко-познавательном тексте *«Забытый генералиссимус России»*, то их соотношение составляет примерно 50/50.

В числе простых предложений достаточно часто употребляются односоставные номинативные: *«Осень 2013 года»*; *«Третий генералиссимус России»*; *«Вот он, рубль с изображением младенца Иоанна»*; *«Соловецкий монастырь»*; *«Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен»* — и глагольные: *«На том месте поставили деревянный крест, правда, без надписи»*; *«Может быть, и вправду был влюблён, по собственному желанию»*. Встречаются безличные односоставные предложения: *«Непонятно»*.

Простые предложения в структуре историко-познавательного текста часто осложнены. Например, уточняющими членами: *«До одноименного села отсюда совсем недалеко, буквально несколько минут на машине»*; причастными и деепричастными оборотами: *«История насчитывает всего лишь пять главнокомандующих, удостоенных звания генералиссимус»*; *«Родив последнего ребёнка, Анна умирает»*; вводными словами и предложениями: *«Первые два, как мы помним, закончили свою жизнь в опале. Скорее всего, и третий был сослан за какую-нибудь провинность... как гласит легенда, рабочие решили не тревожить останки и всё закопали обратно»*.

Довольно редким явлением становятся однородные члены. В данном тексте они осложняют всего несколько предложений, таких как: *«Прибыв в Россию, Антон Ульрих усердно занимался русским языком, военными дисциплинами, участвовал во всех придворных балах и приёмах и не забывал о главном: не оставлял попыток добиться благосклонности юной и капризной принцессы»*. Также используются фразеологизмы: *«А на Соловках что? Полгода зима, ни слуху ни духу»*. Они «оживляют» историческую ситуацию, приближая текст к разговорному языку, создавая народный колорит.

Особенностью историко-познавательного текста является цитирование, однако содержание тех или иных цитат может быть характерным для

конкретной эпохи либо может не содержать исторических маркеров. Например: *«Командующий армий фельдмаршал Миних писал императрице, что герцог Брауншвейгский, как **«иному генералу быть надлежит»**. Выражение «Как иному генералу быть надлежит» означает «поступает как настоящий генерал, как достойный пример для остальных». Такая формулировка с точки зрения построения предложения является устаревшей и демонстрирует речь описываемой эпохи. Либо: «Анна Иоанновна... издала манифест: „**Назначаем и определяем после нас в законные наследники российского престола нашего** любезнейшего внука, благоверного принца Иоанна”*». Употребление местоимения «мы» вместо «я» типично для высшего слоя общества и для официальной документации царской России. Также, описывая радость императорской семьи в связи с рождением долгожданного наследника, журналист приводит оду Ломоносова с устаревшими словоформами: *«Природы царской ветвь прекрасна, моя надежда, радость, свет, счастливых дней аврора ясна, монарх, младенец **райской** цвет»*.

Однако присутствуют и цитаты иного плана: *«Прусский король Фридрих II говорил о нём так: „**Неустрашимость была его природным качеством»**»*. Данное высказывание не содержит временных маркеров. Она передает лишь внешнюю характеристику героя, не демонстрируя особенности речи говорящего.

Особое место в структуре историко-познавательного текста, вопреки требованиям, предъявляемым к телевизионным журналистским материалам, занимают сложные предложения, в том числе бессоюзные: *«Александр Васильевич похоронен в Александро-Невской лавре, Иосиф Виссарионович — у Кремлёвской стены»; «Сюда приходили морские корабли, здесь велась торговля»; «Предки Антона отличались исключительной плодовитостью: у его родителей было 13 детей»; «В церквях звонили колокола, служили молебны, в гарнизонах палили пушки»; «На юг — Москва, более тысячи километров. Архангельск — на север, немного поближе, километров 90»; «Во всяком случае, ей приказали — ей приходится соглашаться. Всего год — и младенца свергли с престола»*. Они так же, как и односоставные и неосложнённые двусоставные предложения, придают тексту динамичность.

Сложносочинённые предложения историко-познавательного текста характеризуются последовательной цепочкой трёх и более предикативных единиц, объединённых соединительной и противительной связью: *«Карьера первых двух генералиссимусов была недолгой, и судьба их оказалась достаточно типичной для людей, близких к власти: сегодня ты на коне, а завтра тебя похоронили, в прямом или переносном смысле»*. Часто встречаются составные глагольные и именные сказуемые.

В состав сложноподчинённых предложений входят зачастую более двух придаточных предложений. Часто это придаточные времени, обозначающие порядок действий. Они могут быть соединены как в параллельной, так и расчленившейся цепи: *«Прежде чем принимать решение об*

участии в раскопках, хотелось бы разобраться, как вообще возникла идея найти его захоронение»; «Императрица Анна Иоанновна, племянница Петра, издала указ, что сын, который родится в браке юной принцессы, станет наследником императорского престола России».

Встречаются также предложения, в которых содержится и подчинительная, и сочинительная связь: «Но уже через год второй генералиссимус России был отправлен в ссылку в Липецкую область, а потом в Тобольскую губернию, где вскоре и скончался»; «И нам до сих пор непонятно, почему поиски его тела должны происходить в Холмогорах, но мы едем туда, чтобы получить ответы на наши вопросы».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что историко-познавательный текст представляет собой комплексную структуру, в которой необходимая для телевизионных материалов динамичность, выраженная в односоставных и нераспространённых двусоставных предложениях, сочетается со всей сложностью и практически художественным богатством сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, в состав которых входят однородные члены и фразеологические единицы. Кроме того, текст данного типа открыто диалогичен: содержит прямые обращения как к зрителю, так и к участнику беседы на экране. Но сама суть диалога носит явно формальный характер. Вероятно, ввиду неудавшейся актёрской игры у зрителя остаётся ощущение заранее подготовленных, прописанных и озвученных вопросов и ответов, что создаёт впечатление неискренности, и, как представляется, может негативным образом влиять на зрительское внимание.

Как мы видим, описание лишь формально-грамматической структуры текста не объясняет многих его существенных признаков, прежде всего коммуникативных и смысловых. Однако пошаговый анализ структуры текста дает ключ к его смысловой интерпретации, а значит, представляет возможность в дальнейшем выявить ключевые проблемы научно-познавательного текста как такового.

Примечания

1. Искатели. Забытый генералиссимус России [Электронный ресурс]: телевизионная документальная программа // «Россия-Культура». — М., 2013. — URL: <http://tvkultura.ru> (дата обращения: 17.12.2013).
2. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. — М.: Наука, 1980.
3. Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 520 с.

Языковые средства с семантикой восприятия в рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий»

Чувственное восприятие является одним из основных источников познания окружающего мира, что получает воплощение в языке, становится предметом исследования в рамках различных направлений современного языкознания. В данной статье рассматриваются лексические и синтаксические единицы со значением восприятия и их роль в семантической организации рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий».

Ключевые слова: чувственное восприятие, языковые средства, семантическая организация, текстовое пространство.

Чувственное восприятие является одним из основных источников познания окружающего мира. Мир воспринимается сначала органами чувств, а затем осуществляется его категоризация с опорой не только на собственный опыт, но и на стереотипы национальной культуры¹. Пять подсистем чувственного восприятия: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус получают воплощение в языке. Языковые средства с семантикой восприятия в художественном тексте выполняют различные функции и на смысловом, и на структурном уровне.

Рассказ «Толстый и тонкий»² (1883) относится к раннему периоду творчества А. П. Чехова. Он был написан в лучших традициях критического реализма. Авторская позиция в рассказе намеренно не актуализирована — читатель сам должен сделать выводы на основании прочитанного. В рассказе используется множество языковых средств с семантикой чувственного восприятия, они играют важную роль в смысловой организации текста.

В данном рассказе наблюдаются доминирование языковых средств зрительного восприятия (ЗВ), в том числе глаголы ЗВ, глагольные сочетания с зависимыми компонентами: именем существительным *глаза*, лексемами с семантикой света, цвета, формы, размера и т.д.

Предикативный компонент представлен глаголами ЗВ: *Ну, да погляди же на меня хорошенько!* Необходимо отметить роль полупредикативных конструкций (деепричастных оборотов, содержащих лексику ЗВ): *«Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого; — Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга»*. Деепричастия обозначают дополнительное действие субъекта. Используются глагольные сочетания с зависимыми компонентами — именем существительным *глаза*: *Прятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Устремить глаза* — «обратить, направить взгляд, глаза и т.п.»³

С помощью лексем с семантикой света, цвета, формы, размера писатель, во-первых, реализует идею противопоставления. В процессе

описания внешних черт главных героев с помощью антитезы создается комический эффект: *«На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один приятель — толстый, другой — тонкий»*. Во-вторых, Чехов демонстрирует усиление внутреннего конфликта через сопоставление мимики героев: *«Поморщился толстый, в то время как тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; Сам он съёжился, сгорбился, сузился...»*. В-третьих, сравнение внешности жены «тонкого» до того момента, когда «тонкий» узнает, что «толстый» имеет чин тайного советника: *«Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена»* — и после этого момента: *«Длинный подбородок жены стал ещё длиннее»*. Введение второстепенных персонажей жены и сына «тонкого» помогает автору в полной мере раскрыть индивидуальные особенности Порфирия. Формирование текстового пространства, описание и сопоставление внешности, поведения персонажей, развитие сюжета происходят за счет вышеназванных примеров.

В остросоциальной развязке резко меняется поведение «тонкого» и его семьи. После того как толстый «назвался», «тонкий» начинает подбострастничать перед ним. Вербализуется ситуация звучания: *«Захихикал тонкий, еще более съёживаясь; Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: „Хи-хи-хи“; Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку»*. *Хихикать* — негромко или исподтишка смеяться⁴. *Шаркать* (шаркнуть) — приставлять одну ногу к другой, ударяя слегка каблук о каблук (при поклоне, приветствии и т. п. у мужчин)⁵. Особый приём, используемый автором в рассказе, — незаконченные предложения: *«Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...»* — словно позволяет услышать, как прерывается дыхание «тонкого» от почтительности.

Наряду с ЗВ и СВ важной в формировании содержания рассказа является ситуация восприятия запаха. Григорьева отмечает, что в художественном мире Чехова представления о запахе выполняют многообразные функции. Они формируют жизненное пространство героев, становятся частью их портретов, влияют на эмоциональный строй всего рассказа, при помощи запахов автор дает социальную оценку в обществе⁶. С помощью запахов автор подчеркивает социальное различие приятелей, знакомых с детства: от «толстого», *пообедавшего в ресторане вокзала, пахло хересом и флердоранжем*, от «тонкого» — *ветчиной и кофейной гущей*. В портретах героев автор часто использует описание запаха: респектабельность «толстого» передается запахами хорошего вина, тогда как непреуспевающий «тонкий» издает прозаические запахи еды⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассказе Чехова «Толстый и тонкий» языковая модель перцептивного восприятия представлена в ее классическом варианте: субъект — предикат — объект. Чехов,

с присущим ему тонким юмором, высмеивает людей, пресмыкающихся перед должностью. С помощью языковых средств, репрезентирующих семантику зрения, слуха и запаха, автор противопоставляет главных героев, через их внешние проявления — мимику, жесты, позы, речь и т.д. опосредованно раскрывает психические процессы.

Примечания

1. Демешкина Т.А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира. // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах: От романтизма к модернизму: матер. российско-германского семинара 24—28 апреля 2006 г. — Томск: Томский государственный университет, 2006. — С. 9.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1985. — Т. 2. — С. 250—251.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 4: С—Я. — С. 526.
4. Там же. — С. 600
5. Там же. — С. 702.
6. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учеб. пособие / О. Н. Григорьева. — М.: Флинта: Наука, 2004. — С. 158.
7. Там же. — С. 162.

Н. В. КАБАНОВА

Лексикографическая и обыденная модель интерпретации устойчивых выражений (экспериментальное описание)

Статья посвящена описанию обыденного языкового сознания, отражающегося в устойчивых выражениях русского языка. Представлены результаты лингвистического эксперимента, направленного на выявление сопоставления лексикографической и обыденной модели интерпретации паремий.

Ключевые слова: паремии, обыденное языковое сознание, модель интерпретации.

Данная статья посвящена сопоставлению лексикографической и обыденной модели интерпретации устойчивых выражений (паремий).

Паремиология как наука об устойчивых высказываниях отражает национальное мировидение народа, является средоточием народных стереотипов сознания благодаря неразрывной связи с традиционной народной культурой, в функции которой входит не просто сохранение культурной информации, но и активное ее воспроизведение в социо-регулятивных целях. При таком подходе под паремией понимаются пословицы, пословичные выражения, антипословицы, поговорки, девизы, слоганы, афоризмы, загадки, приметы и другие изречения, основным назначением которых является краткое образное вербальное выражение

традиционных ценностных взглядов, основанных на жизненном опыте группы, народа¹. Подобное положение актуализирует выделение особенностей обыденного толкования паремий. Область обыденной паремнологии, как правило, не является объектом современных лингвистических исследований. Между тем, как представляется, именно на уровне обыденного восприятия и осознания устойчивых сочетаний отражаются особенности русского национального мировидения.

Лексикографическая репрезентация устойчивых выражений как отражение обыденного языкового сознания содержится в «Словаре обыденных толкований русских слов» (СОТРС)². В СОТРС представлены реакции информантов, отражающие восприятие устойчивых выражений тематической группы «природа» на уровне обыденного сознания. Так, например, на слово «волк» в СОТРС приводятся 69 реакций-паремий, частотными из них являются: *«работа не волк — в лес не убежит»* (10); *«сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит»* (7).

Как представляется, характер лексикографической репрезентации в академических словарях не всегда совпадает с реакциями информантов, отражающих реальное функционирование устойчивых выражений. С целью выявления сопоставления лексикографической и обыденной модели интерпретации паремий был проведён лингвистический эксперимент, направленный на определение зоны пересечения анализируемых единиц.

Эксперимент заключался в сборе результатов, фиксирующих реакции рядовых носителей русского языка в виде устойчивых выражений на конкретные лексемы. Информантам необходимо было ответить на следующий вопрос: «Назовите известные вам устойчивые сочетания, в состав которых входят указанные ниже слова. Например: *«Ёжик — ни головы, ни ножок. Волк — работа не волк — в лес не убежит»*. Словами-стимулами являлись лексемы разных тематических групп: *голова, глаза, ноги, руки, язык, нос, сердце, дождь, снег, солнце, тьма, земля, дорога, медведь, лиса, сорока, муха*.

В ходе проведения эксперимента было опрошено 70 информантов и получено 988 реакций, фиксирующих ассоциации на уровне устойчивых выражений. Так, например, на слово «сорока» были приведены следующие паремии: *«Сорока-белобока»* (27); *«сорока-ворона»* (7); *«трещит, как сорока (на базаре)»* (6); *«сорока на хвосте принесла»* (3); *«сорока выронила сыр»* (50); *«жадный, как сорока»* (9); *«сорока-ворона кашку варила, деток кормила»* (17). Полученные результаты были сопоставлены с лексикографической представленностью слов-стимулов во «Фразеологическом словаре русского языка»³.

Цель эксперимента состояла в сопоставлении полученных реакций с академическим описанием слов-стимулов, выделении в процентном соотношении «зоны пересечения» обыденной модели интерпретации

паремий (результат лингвистического эксперимента) с лексикографической, представленной в академическом словаре фразеологизмов русского языка. Все полученные результаты в соответствии с «зоной пересечения» можно разделить на 4 группы.

Слова-стимулы, не имеющие совпадения с академической лексикографической репрезентацией: *муха, сорока*.

Слова-стимулы, «зона пересечения» которых составляет 100 %: *лиса, солнце, тьма*. В качестве иллюстрации рассмотрим реакции информантов на лексему «тьма». Проведённое исследование показывает, что пересечением реакций на слово-стимул «тьма» является высокочастотный ответ респондентов: *Тьма тьмущая* (8 реакций). В академическом словаре А. И. Молоткова приводится 1 устойчивое выражение со словом с опорным смысловым компонентом *тьма* — «тьма тьмущая». Доля пересечения полученных результатов составляет 100 %, различных реакций — 0 %.

Слова-стимулы, «зона пересечения» которых составляет 50 %: *дождь, снег*.

Проиллюстрируем данную группу реакциями информантов на лексему *снег*. Проведённое исследование показывает, что пересечением реакций на данное слово-стимул являются высокочастотные ответы респондентов: *Как снег на голову* (19 реакций). В свою очередь данные фразеологизмы в академическом словаре А. И. Молоткова приводятся в числе прочих устойчивых выражений с опорным смысловым компонентом *снег*. Например: «*Нужен (интересует) как прошлогодний снег; как (будто, словно, точно) снег на голову* (2)». Процент пересечения полученных результатов составляет 50 %, различных реакций — 50 %.

Слова-стимулы, «зона пересечения» которых составляет 20 % и менее. Эта группа лексем самая многочисленная: *голова, глаза, дорога, земля, ноги, руки, сердце, язык*. Например, реакции информантов на лексему *голова*. Проведённое исследование показывает, что пересечением реакций на слово-стимул «голова» являются низкочастотные ответы респондентов: *Ветер в голове* (2 реакции); *Голова на плечах* (1 реакция). В свою очередь данные фразеологизмы в академическом словаре А. И. Молоткова приводятся в числе прочих 107 устойчивых выражений с опорным смысловым компонентом *голова*. Например, «бедовая голова», «голова еловая», «кружить голову» и т.д. Доля пересечения полученных результатов составляет 2 %, различных реакций — 98 %.

Анализ и сопоставление выявленных паремий позволяет определить, насколько различаются лексикографическая и обыденная модели интерпретации устойчивых выражений. В реакциях носителей языка репрезентируется не столько понятийное содержание, сколько содержание чувственное, фиксируемое в сознании в форме образов, представлений, ассоциаций, не столько профессиональное, сколько бытовое⁴.

Обыденные паремии раскрывают особенности метаязыкового сознания носителей русского языка.

Примечания

1. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. — М., 1988.
2. *Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Голева // Авт.-сост.: М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев и др. — Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011. — Т. 1: А—М (АБРИКОС — МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов). — 500 с.*
3. *Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Молоткова. — 3-е стер. изд. — М.: Русский язык, 1978. — 543 с.*
4. *Голев Н. Д.* Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации / Н. Д. Голев. — Кемерово, 2013.

Н. А. КАРПОВА

Административное объявление в коммуникативном пространстве города¹

Исследование посвящено изучению места административного объявления в структуре городской коммуникации. Определяются основные признаки административного объявления как речевого жанра, рассматривается влияние современных тенденций коммуникации на его трансформацию.

Ключевые слова: административное объявление, речевой жанр, город, естественно-деловая письменная речь, официальность.

Город представляет собой сочетание разнообразных форм человеческой деятельности — социальной, экономической, эстетической, бытовой, что отражается в городской коммуникации. По мнению И. Г. Яковенко, город представляет собой особый интегративный субъект, который накапливает и объединяет самые разнообразные диалоги и высказывания и, поддерживая общество в целостности, собирает картину мира, создает собственный, присущий только ему стиль, местную культуру, мироощущение, уникальный архитектурный облик. В этой связи язык города, который, по замечанию Н. В. Михайлюковой, представляет собой совокупность разнородных языковых образований (живая речь горожан и городская эпиграфика), взаимодействующих друг с другом и образующих сложную единую систему в рамках конкретного города»², рассматривается как сложное многоплановое и динамичное явление, изучение которого является актуальной задачей лингвистики. К настоящему времени проделана огромная работа по описанию речи города: обоснованы актуальность проблемы и необходимость ее изучения (Ларин Б. А., 1977; Красильникова Е. В., 1990), предприняты попытки анализа топонимических (Шкатова Л. А., 1988; Горланова И. Б., 2006;

Евсюкова О.Н., 2008; Старикова Г.Н., 2007), урбанонимических (Лещинская О.Г., 2008), культурных (Лотман Ю.М., 2002; Коширелова И., 2006) аспектов городского дискурса.

В качестве структурных элементов дискурса рассматриваются речевые жанры как уже готовые структуры, обладающие миромоделирующим потенциалом и дискурсивной спецификой³. В данной статье в качестве объекта изучения выдвигается речевой жанр административного объявления (далее — АО), который рассматривается как информативно-императивный речевой жанр, представленный преимущественно краткими письменными текстами, расположенными в общественных местах и нацеленными на побуждение адресата к действию. По мнению Н.В. Михайлюковой, такие тексты городской среды отражают языковую и национально-культурную специфику того или иного города⁴. Административное объявление как речевой жанр обладает следующими основными признаками:

1) реализует административную функцию регулирования социального взаимодействия людей в процессе коммуникации;

2) коммуникативный статус адресанта в большинстве случаев выше статуса адресата, что позволяет автору сообщения предписывать адресату определенные действия;

3) коммуникативная ситуация характеризуется, во-первых, опосредованностью во времени и пространстве, во-вторых, наличием такого положения вещей, которое необходимо изменить, предотвратить или сохранить в неизменном состоянии, в-третьих, дефицитом времени;

4) временные параметры объявления характеризуются наличием определенного «срока годности», в течение которого объявление остается актуальным;

5) коммуникативная цель высказывания состоит в информировании и побуждении адресата к действию;

6) результат административного объявления проявляется на экстралингвистическом уровне и отражается в совершаемых адресатом поступках.

АО рассматривается как жанр естественно-деловой письменной речи и характеризуется, во-первых, письменной формой выражения, что обеспечивает реализацию функции медиации и открытость, нелимитируемость круга адресатов; во-вторых, естественностью изложения (отсутствием специализированного отношения к письменной форме, «непрофессиональностью»)⁵. По замечанию Н.Б. Лебедевой, естественность изложения предполагает, с одной стороны, проявление непринужденности и спонтанности, личностного начала автора. С другой стороны, необходимость формирования текста в рамках выработанных культурой клише обуславливает большую по сравнению с устной речью «зажатость», скованность в связи с «робостью перед авторитетом письма»⁶.

Важной характеристикой административного объявления является степень его официальности, являющейся основанием для определения характера реализации тенденции официализации⁷.

Административное объявление представляет собой сложное явление, текст, сочетающий естественное и искусственное начала и ориентированный на конкретный экстралингвистический результат. АО функционирует в различных коммуникативных сферах: транспорте, магазине, учебных заведениях, учреждениях общественного питания, общественных местах, на улице и в других местах, где возникает необходимость регулирования поведения людей. В соответствии с особенностями коммуникативной сферы текст АО может приобретать характерное лексическое и стилистическое оформление, однако вне зависимости от конкретных условий общения административное объявление существует в виде устойчивой модели с присущими ей жанровыми признаками⁸. Существуют выработанные временем традиции создания АО, в соответствии с которыми они должны быть краткими, чёткими и соответствовать основным правилам речевого этикета. Например:

(1) *Дверь не закрывать! Ждём врача*⁹.

(2) *Соблюдайте чистоту!*

В целях речевой экономии автор счел возможным пренебречь знаками речевого этикета, что вполне оправдано, поскольку коммуникативная цель сообщения достигается в условиях дефицита времени. Отсутствие маркеров вежливости не мешает адекватному восприятию текста объявления, а напротив, способствует скорости прочтения и достижению экстралингвистического результата.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова отмечают, что «в последние годы жанровая структура городской коммуникации претерпела значительные изменения»¹⁰, которые на языковом уровне проявляются в усилении диалогизации устного городского общения; усилении личностного начала; возрождении игровой, карнавальной стихии в жизни города¹¹. Происходящие социально-экономические преобразования, и, как следствие, изменения в коммуникативной сфере — демократизация, расшатывание норм речевого общения, размывание границ коммуникативных пространств — порождают новые жанры (телеконференции, СМС-сообщения, дебаты, рекламные буклеты), а также неизбежно трансформируют уже существующие речевые жанры. Наиболее отчётливо данные трансформации проявляются в письменной коммуникации, для которой стало характерно использование элементов разговорной речи — лексических, синтаксических, стилистических. По замечанию Т. А. Демешкиной, «проникновение в письменную речь элементов разговорной и просторечной речи приобрело системный характер»¹². Данные тенденции в полной мере находят отражение и в речевом жанре АО. Сравним:

(3) *Вход продавцам и торговым агентам строго воспрещён!*

(4) *Прежде чем войти сюда, подумай — нужен ли ты здесь?*

В объявлении (3) волеизъявление адресанта выражено формой прошедшего времени глагола «воспрещать» в пассивном залоге, которая характеризуется официальностью, персонифицированностью, объективностью. В тексте (4) запрет входить выражен косвенно, без использования перформатива. В данном примере проявляется диалогическая направленность, обращенность к персонифицированному адресату, выраженная формой глагола во 2-м л. ед. ч., характерной для общения в неофициальной обстановке. Подобная формулировка направлена на то, чтобы привлечь внимание адресата и добиться от него требуемой неречевой реакции.

При анализе административных объявлений было выявлено два основных типа объявлений, целью которых является побуждение адресата к действию. Первый тип АО характеризуется тем, что текст объявления составлен в соответствии с принципом кооперации: побуждение выражено с использованием этикетных, вежливых форм. В текстах объявлений второго типа проявляется склонность к конфликтному общению, что на языковом уровне проявляется в использовании грубой и сниженной лексики. Приведём примеры:

(4) *Уважаемые дамы! Пожалуйста, примеряйте обувь только в подследниках!*

Данное объявление несмотря на отсутствие перформатива воспринимается как просьба благодаря употреблению глагола в повелительном наклонении в форме множественного числа, обращению «уважаемые дамы», а также благодаря использованию маркера вежливости «пожалуйста».

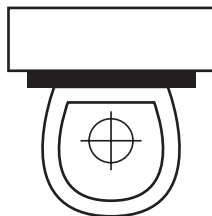
(5) *Козлы поганые, задолбали курить в лифте, поймаю, соплю наколочу!!!*

Помимо разговорной и вульгарной лексики, данное объявление содержит угрозу расправы в случае невыполнения требования. Отметим, что само требование «не курить» не выражено эксплицитно в виде запрета или просьбы, а представлено в форме субъективного отношения автора объявления к сложившейся ситуации. В качестве автора текста выступает частное лицо, что в целом не характерно для жанра АО.

Наше исследование показало, что хотя в последнее время количество грубых объявлений увеличилось, все-таки в большинстве случаев желаемый адресантом перлокутивный эффект достигается благодаря следованию принципу вежливости. Это проявляется в обращении к этикетным речевым жанрам (благодарности, извинению за доставленные неудобства, предпочтению просьбы запрету и т.д.) и в использовании лексических маркеров вежливости — обращения, подписи, частицы «пожалуйста» и т.д..

Диалогическая направленность и низкая степень официальности современных городских малых письменных текстов, к которым относится административное объявление, выражаются не только на лингвистическом, но и на экстралингвистическом уровне. Данные тенденции находят отражение при анализе таких параметров, как место расположения АО (доска объявлений, опора линии электропередач, стена лифта, дверь подъезда и т.д.), материальный носитель (бумажный лист, жестяная табличка и т.п.), а также в графических особенностях: способе нанесения надписи (рукописном, печатном), использовании цветовых и шрифтовых выделений, иллюстраций.

Данное объявление размещено в туалетной комнате одного из учреждений и представляет собой завуалированный призыв к чистоте и порядку, сопровождаемый иллюстрацией. Просьба выражена формой глагола в повелительном наклонении во 2-м л. ед. ч., что указывает на диалогическую направленность текста. Эмоциональность высказывания графически выражена восклицательными знаками. Следует заметить, что размещение объявлений административного характера, содержащих просьбу не бросать в унитаз разные предметы, требование смывать за собой, пользоваться ёршиком, не вставать на унитаз ногами, до недавнего времени было недопустимо, хотя в последнее время стало типичным явлением. Отметим, что подобного рода объявления не отличаются официальностью и лежат на периферии речевого жанра административного объявления.

Держи
прицел!!!

Таким образом, административное объявление рассматривается как составная часть городского коммуникативного пространства. Оно в значительной мере отражает современные тенденции развития коммуникации, что еще раз подтверждает его естественно-речевую природу. В качестве основных параметров, определяющих характер коммуникативных изменений, выступают место расположения объявления, субстрат, графические особенности, а также параметр адресанта. АО является одним из элементов, создающих лингвистический ландшафт города, одновременно оказывая определенное воздействие на языковое сознание его жителей.

Примечания

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Миромоделирующие возможности речевых жанров современного городского дискурса»), проект № 14–34–01264.
2. Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. ... дис. канд. филол. наук. — Владивосток, 2013. — С. 3.

3. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. — 2012. — № 3 (19). — С. 14–20.
4. Михайлюкова Н. В. Указ. соч. — С. 3.
5. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ. Гуманитарные науки. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. — № 1. — С. 15.
6. Там же.
7. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте / О. П. Сологуб. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. — С. 85.
8. Карпова Н. А. Административное объявление как речевой жанр // Речевые жанры: гл. ред. В. В. Дементьев / ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. ун-т». — Саратов: Изд-во СГУ, 2014. — Вып. 1(10). — С. 70.
9. Во всех примерах сохранены орфография и пунктуация источника.
10. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 114.
11. Там же. — С. 103.
12. Демешкина Т. А. Речевой жанр как форма отражения социокультурной динамики (на материале русского и немецкого языков) // Русский язык в современном мире: матер. Второй Междунар. науч. конф. — М.: Высшая школа перевода МГУ, 2011. — С. 234.

М. О. КОЧЕТКОВА

Жанровая динамика блога: от интернет-дневника к рекламной платформе

Исследуется речевой жанр блога как гипержанра Интернет-дискурса. Приведен анализ взаимодействия жанра совета и жанра рекламы, реализующихся в рамках гипержанра блога. Выявлена специфика нового, гибридного, жанра.

Ключевые слова: блогосфера, речевой жанр, Интернет, реклама, социолнгвистика.

Обращение к речевому жанру (РЖ) блога — особому типу высказывания, порождённому спецификой языковой личности и правилами построения текстов в интернет-пространстве, — стало актуальным ввиду особой популярности интернет-общения. В его структуре блога занимают особое место, формируя специфический дискурс. Рассматривая речевой жанр с позиций дискурс-анализа как тип реализации дискурсивных правил, исследователи определяют блог как дискурсообразующий жанр блогосферы.

Понятие блогосферы концентрирует внимание на одном из основных отличий блогов от обычных веб-страниц и интернет-форумов: связанные между собой, они составляют динамичную всемирную информационную оболочку (блогеры читают и комментируют друг друга, ссылаются друг на друга и таким образом создают свою субкультуру).

Дискурс блогосферы динамичен и восприимчив к социальным изменениям. С течением времени под влиянием социолингвистических факторов изменяются интенциональные характеристики функционирующих в нём высказываний, трансформации подвергается и сама жанровая форма блога. Сам блог мы рассматриваем как гипержанр — «сверхсложное жанровое макрообразование, объединяющее в своем составе несколько жанров»¹. Блог как гипержанр реализуется в ряде жанров, набор которых связан с функцией устойчивого повторяющегося сочетания типовых значений нескольких параметров, к числу которых можно отнести размер записей, тематику, личные особенности автора. Функционируя как электронный дневник, блог оказался удобным форматом для рефлексии не только личностно значимых для автора событий, но и для осмысления общественно важных явлений.

Социокультурная трансформация блогосферы повлияла на её тематическую кластеризацию и, как следствие, на развитие жанровой системы. Составляющие гипержанр жанры трансформируются под воздействием социума как внешней по отношению к ним среды. Основные направления изменения социума:

- 1) расширение круга пользователей;
- 2) появление новых (с точки зрения интерфейса) платформ, которые «перераспределяют» функции блога между сервисами;
- 3) актуализация социально значимых тем.

Сформированная на предыдущих этапах развития блога медийность и возможность обращения к большой аудитории сделала блоги привлекательными для реализации жанров СМИ. Жанры СМИ, взаимодействуя с существующим в гипержанре жанром «блог-дневника», порождают новые, гибридные жанры, теряя свою институциональность, но сохраняя авторскую журналистскую интенцию. Появляются жанры «блог-статья», «блог-комментарий», «блог-рецензия» и т.д.

Цель статьи: проследить жанровую динамику блога, связанную с возможностью использования его в качестве рекламной площадки. Материалом исследования были выбраны блоги, размещенные на самой популярной платформе — Livejournal («Живой журнал»).

Анализируя блог как жанр интернет-коммуникации, исследователи указывают на его дневниковую природу, определяя «классический» дневник как жанровую модель, положенную в основу его формирования. «Классический» дневник — «широкий спектр текстов, имеющий в целом автобиографическую направленность и обращенный на мир из субъективной точки зрения, уникальной здесь и теперь и центрированной вокруг субъекта, ориентированный на действительность, то есть на реально бывшее, а не на творческий вымысел»².

Большинство личных блогов посвящено отображению событий личной жизни автора, его переживаний или размышлений. Их отличает

высокая степень свободы в выборе тематики и личностно ориентированная форма представления записей. Возможен вариант «обратной связи» (читатель может оставить свои пометки в системе комментариев).

Опираясь на модель анализа речевых жанров Т. В. Шмелёвой³, отметим, что при трансформации жанра «классического дневника» в жанр «блога» параметры коммуникативная цель, диктум, образ прошлого, образ будущего, языковое воплощение — изменяются несущественно. Но если в классическом дневнике образ адресата совпадает с образом автора, то в блоге появляется «потенциальный читатель» как образ адресата, что является предпосылкой к будущей ориентации на публичность. Автор предполагает, что его текст может быть прочитанным и в соответствии с этим вносит в него определённые изменения (которые не требуются в случае автокоммуникации). На первых этапах блог оказывается представлен единственной жанровой формой, определяемой нами как блог-дневник (по связи с исходным жанром).

Ориентация на читателя (т.е. на публичность) является существенным фактором для дальнейшей трансформации жанра. «Возникновение феномена «публичной интимности» связано не только с тем, что новые технологии дают возможность легко и быстро поделиться своими мыслями и чувствами с неограниченным числом людей, но также и с тем, что эти технологии позволяют предъявить этому множеству людей свой текст как свидетельство своего индивидуального бытия»⁴. Впоследствии, с увеличением количества пользователей блогосферы (а следовательно, с ростом количества потенциальных читателей), этот фактор будет усиливаться. Важным станет фактор блоговой популярности, количество «френдов» и комментариев. Ориентация на блоговую популярность приводит к тому, что, оставаясь в рамках обозначенного жанра, некоторые отдельные блогговые тексты начинают всё ярче проявлять признаки медийности, в чем выражается трансформация жанровой интенции.

Сегодня в структуру интенциональных установок блога входит уже не только индивидуально-личностная сублимация, представленная публично и направленная на множественную ответную реакцию, но и оперативное распространение информации, организация массовых событий (митингов, кампаний по сбору средств и др.), а также привлечение внимания к социально значимым проблемам. Всё это делает блогосферу источником и инструментом общественного воздействия. За счёт особой технически обеспеченной мобильности (технический фактор), с одной стороны, и личностной окрашенности информации (психологический фактор), отсутствия институциональной цензуры (социальный фактор) — с другой, блогосфера в значительной степени «отнимает» у СМИ функцию контроля информационной повестки дня, формируя феномен «гражданской журналистики».

Взросшая аудитория блогосферы дала возможность авторам с большим количеством читателей явно или скрыто использовать собственный блог в коммерческих целях.

Благодаря особенностям интерфейса можно связаться с автором в системе комментариев и обсудить с ним конкретные вопросы — за счёт этого появляется элемент интерактивности, иллюзорность открытости, потенциального диалога. При этом сама дневниковая форма (за счёт доверительного к ней отношения) может использоваться как средство достижения популярности и стать средством манипуляции. Установка на «интимность» дневниковой жанровой формы эксплуатируется как фактор, определяющий доверие читателей и способствующий продвижению определенной позиции (рекламная функция).

Реализация рекламной функции находит органичную форму в некоторых первичных, по своей базовой интенции личностно ориентированных жанрах, например в жанре совета.

При появлении у реализующегося в рамках блога-дневника жанра совета коммерческих целей, главным образом, меняется параметр «цель коммуникации». Коммуникатор в рекламе передает адресату уже не просто сообщение, содержащее информацию об определенных товарах или услугах, но и задает программу будущих действий адресата, направленную на получение этих товаров и услуг и на дальнейшую выгоду. Говоря об остальных параметрах речевого жанра, стоит отметить, что они остаются практически неизменными. Именно на сходстве этих параметров и пытается сыграть рекламодатель, пытаясь выдать написанный рекламный текст за текст, организованный по принципам, максимально приближенным к личностно ориентированным, к которому читатель испытывает доверие.

Рассмотрим тексты одного автора — **radulova**, представленные в разных жанрах (первый текст представляет собой запись личного характера, классифицируемого нами как «блог-дневник», вторая является заказным рекламным текстом, размещённым в блоге отдельным постом):

1) *Купила ноутбук Sony vaio, наслушалась, дура, советов. В магазине он вроде был ничего, но там шумно, ярко, продавцы убедительные. А теперь дома включила — он гудит, как самолет, то идущий на взлет, то передумавший. УуууууууУУУУУУУУУУУУУУУуууууууУУУУ. Вот так: <https://www.facebook.com/photo.php?v=619259461444836>). Я рехнусь. У меня никогда таких шумных устройств не было. **Никому не посоветую.** Может это он из-за мощности, и это просто такая нормальная работа кулера? Не знаю. Но я так не могу, я к звукам очень чувствительна. Что делать? Катастрофа.*

2) *Обучаемся дистанционно!*

Ситуацию за окном можно описать строчкой из песни: «Полгода плохая погода, полгода совсем никуда!». От этого хочется если не в спячку впасть до весны, то, по крайней мере, забраться в уютное кресло с кружкой горячего

какао, и на улицу — ни ногой! *«Но откладывать жизнь никак нельзя», — поётся в той же песне. А поэтому давайте подумаем, чем же полезным себя занять в домашних условиях.*

Можно смотреть кино, читать, вышивать крестиком. А можно взяться за более серьёзное дело, например, высшее образование! Ведь для этого теперь совсем не обязательно каждый день ездить в университет, покупать горы учебников, отсисживать пары, потом стоять в пробках по дороге домой. К счастью, на современном рынке образовательных услуг есть такие институты, как «УНИК», которые предлагают обучаться дистанционно.

Отметим, что интимность, личностность рекламы в блоге по-особому воспринимается в контексте гипержанра благодаря личностному отношению и доверию к автору (личность автора конкретна и известна читателю, а обычная реклама безлична). Но всё же если в первом тексте «я» — это личность, конкретный адресант-блогер, то во втором — более обобщённый субъект, значимый только как обладатель знания о представляемом продукте (свойство рекламных текстов). Стилистика второго (рекламного) текста соответствует общей стилистике данного конкретного блога, что выполняет функцию сохранения эффекта личностной заинтересованности автора. Использование цитат актуализирует привлечение обыденных авторитетов, которые взаимодействуют с институциональными (авторитет образования). Институциональный авторитет представлен также через описание обыденной конкретики (*покупать горы учебников, отсисживать пары...*).

Для анализа специфики восприятия представленных текстов обратимся к классификации Е.И. Беляевой, основанной на критериях взаимодействия участников коммуникации (приоритетность и бенфактивность)⁵. Согласно классификации совет относится к жанрам, для которых характерны приоритетность говорящего, необлигаторность и бенефактивность действия для адресата. Для рекламы характерны приоритетность адресата, необлигаторность действия и бенефактивность для говорящего (отметим, что тексты жанра рекламы имеют скрытую облигаторность, так как автор заинтересован в выполнении читателем указанного действия, но не приказывает этого — согласно классификации Т.В. Шмелёвой, его можно отнести к информативно-императивным жанрам, поэтому, учитывая рекламную направленность, императивность будет проявлена, скорее, имплицитно).

Таким образом, мы можем сказать, что фактор доверия, определяющий успешность реализации жанра «совет» в рамках гипержанра блога, определяет возможность использования жанра «блог-дневник» в коммерческих целях, что приводит к изменению коммуникативной цели (как параметра классификации речевых жанров) и под воздействием этого к изменению остальных речежанровых параметров.

В гипержанре блога появляется новый жанр «блог-реклама», который соединяет в себе признаки жанра блог-дневника и жанра «реклама». Для него характерна скрытая императивная направленность и открытая личностно ориентированная информативность.

Примечания

1. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 7—38.
2. *Михеев М.* Дневник в России XIX—XX вв. — эго-текст, или пред-текст / М. Михеев. — М., 2006. — С. 54.
3. *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 88—98.
4. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 106 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения: 21.06.2013).
5. *Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. — 168 с.

З. Р. ЛАТФУЛИНА

Семантические типы авторизационных конструкций в диалектном высказывании

Статья посвящена анализу модусной категории авторизации. Предпринимается попытка дифференцировать семантические типы авторизационных конструкций в диалектном высказывании.

Ключевые слова: авторизация, авторизационная конструкция, семантика, диалектное высказывание.

В фокусе интересов современной лингвистической науки находятся языковые категории, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания об окружающем мире. Среди таких категорий можно выделить авторизацию как категорию (подтип) кваликативного модусного класса, формирующую субъективную семантику высказывания (и шире — текста) и предполагающую квалификацию излагаемой информации с двух позиций: 1) своя / чужая; 2) способ получения данной информации¹.

В рамках данной статьи особый интерес представляет второй аспект авторизации, отражающий различные степени осознания носителем традиционной культуры информации об объективной действительности, — от простого её восприятия до логического умозаключения о явлениях, их свойствах, связях. «Система средств выражения авторизации представлена в языке набором синтаксических конструкций, называемых авторизационными»². Целью нашего исследования является дифференциация семантических типов авторизационных конструкций

в диалектном высказывании. В качестве материала работы послужили иллюстративные части словарных статей среднеобских словарей, отражающих коммуникативную специфику русских старожильческих говоров Среднего Приобья³.

Язык своеобразным образом отражает и классифицирует источники и способы получения человеком информации. Диалектоноситель может получать информацию о каком-либо событии, будучи его непосредственным участником (или наблюдателем); от других лиц; опираясь на анализ некоторых наблюдаемых фактов; опираясь на анализ собственной базы данных⁴. По замечанию А. Г. Етко, «авторизация организует в языке семантико-прагматическую сферу», сегменты которой представляют собой семантические типы авторизационных конструкций, отражающих разные способы осознания говорящим объективной действительности⁵. В соответствии с семантикой ситуации, требующей авторизации, в диалектном высказывании можно выделить несколько типов авторизационных конструкций:

1. Авторизационные конструкции с семантикой восприятия выполняют функции передачи информации, известной из собственного чувственного опыта. Диалектоноситель основывает свое сообщение преимущественно на информации, полученной им через органы чувств: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, общие ощущения (*холодно, жарко*). При чувственном восприятии говорящий сам является «хозяином» информации: «*Захворал. Прямо, кажется, шурчит, ветер бы [в ушах] (Я слышу, как шумит в ушах)*»; «*Да, батист, батист. Он вроде похож на капрон (Я видел батист и капрон, сравнивал их)*». Основное место среди средств выражения авторизации с семантикой зрительного восприятия отводится лексемам с соответствующими значениями *глядеть, видеть, встречать* в значении «видеть» и др.: «*Гляжу: кошка на брюхе лежит*»; «*Бабульник-то вот встречала, он тоже высокий растёт, около леса. Веток у него фиолетовый и жёлтый вроде*». Круг лексем, способных обслуживать ситуацию слухового восприятия в диалекте, представлен следующими наиболее частотными единицами: *слушать, слышать, слыхать, слыхивать, слышно* и др.: «*И вот слышу, кто-то идёт, но я так сплю вроде крепко-крепко и не знаю, кто: мужчина-женищина, большой-маленький, ничё не знаю, и в белом-чёрном, — ничё*». В качестве средств выражения пропозиций со значением восприятия запахов выступают предикаты *пахнуть, вонять*: «*Тыщулистник — от живота, вон как хорошо воняет, пахнет*». Типична для диалекта репрезентация источников запаха через имена существительные и прилагательные: «*И сейчас хлеб стряпаю. Запах у него, он вкусный, свой хлеб-то*». Для выражения авторизации с перцептивной семантикой могут служить модальные слова и частицы *кажется, вроде, вроде как, будто* и др.: «*Таволожник, будто как вроде слыхала, но врать не буду; Сплю, вроде бы, кто-то мне мешает, душит кто-то*».

2. Авторизационные конструкции с семантикой инференциальности. Понятие «инферентив» трактуется лингвистами (В.А. Плунгян, Н.А. Козинцева и др.) как утверждение, основанное на некоем логическом выводе. Инференциальный слой семантики передают авторизирующие предикаты, вводящие информацию о результате мыслительной деятельности говорящего, дающей возможность установить причинно-следственные связи между явлениями, предметами, и реализуют в высказывании «модус ментального плана»⁶: *думать, полагать, считать, смекнуть, догадаться, рассуждать* и др.: «Ну я... *председатель был, я думал*, меня вызовут, так меня и не вызвали, я не пошёл просить; У них длинные ножки, потому что у них, *видимо, это я по-своему рассуждаю*, там трава сильна». При выражении инференциальности могут употребляться вводно-модальные слова *видимо, по-видимому, верно, возможно*, выражающие модус мнения: «Ну *счас* *высоко* [давление], *ночью, видимо, ешо выше было*».

3. Пересказывательная семантика выделяется в тех случаях, когда говорящий опирается на информацию, полученную от других лиц либо из другого источника. В самом общем виде пересказывательность является способом передачи чужой речи. Понятие пересказывательности помогает раскрыть высказывание Т. Г. Винокур о вторичной коммуникации, которая понимается с коммуникативной точки зрения как «вторичное или удвоенное высказывание, то есть отправленное двумя адресантами», с содержательной точки зрения как «пересказ чужой речи, имеющий определенные лексико-грамматические и стилистические особенности»⁷. Таким образом, пересказывательность — вторичная передача информации. В этом случае говорящим высказывается одновременно факт и сомнение в достоверности информации, потому что она получена из «вторых рук». В диалектной речи в этой роли регулярны лексемы *говорить, рассказывать, сказать, выразить* и др.: «*Это ежлив человек хорошо работает, то так и говорят: «Работат так, ажно лоскутья летят»*; «*Счас рассказывали Веры Лексеевны выкосили траву*». Лексема *говорить* передаёт информацию либо о конкретном лице, либо указывает на предельно обобщенный субъект: «*Вот Георгий Дмитрич говорит, что из твоёго внука уж получится человек*»; «*Говорили ранешны люди: народ будет бесстыжий — правда!*» Обычно говорящий в таких конструкциях как бы отстраняется от решения вопроса о том, насколько достоверна информация. Широко используется в диалектном высказывании вводное слово *говорят* в авторизирующем значении, которое не требует точного указания на источник сообщения. С его помощью диалектоносите́ль не берёт на себя ответственность за достоверность излагаемой информации. Какова его позиция, остается неясным. Тем самым подаваемая информация объективируется: «*Чичас вот, говорят, чичас вот это, быдто бы из гусяного мяса делат пельмени*». В диалекте зафиксировано достаточно много примеров самоавторизации (самоцитации), т.е. отсылки

субъекта к самому себе как источнику информации: *«Я ить говорю: «Как не трудно? И родителям трудно, чажело»*. По мнению Л. Г. Гынгазовой, «это связано с особенностью восприятия мира носителем диалекта, при котором из всего многообразия мира в зону осмысления и вербализации попадает прежде всего то, что включено в личную сферу говорящего...»⁸. В данном случае можно говорить о специфических чертах диалектного повествования — тенденции к эгоцентризму, отмечаемой Т. А. Демешкиной⁹, и «принципе совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения», выделенном В. Е. Гольдиным¹⁰. Для передачи семантики пересказывательности используется подгруппа вводных слов, указывающих на источник информации (*по-твоему, по-нашему, по-моему* и др.): *«Вот, по-моему, эта красна вот, вот, по-моему, алтайка»*.

4. Авторизационные конструкции персуазивной семантики выполняют функции эпистемической оценки информации, находящейся в распоряжении говорящего. Информация о некотором положении дел в данном случае получена через посредство знания, мнения самого говорящего. Персуазивность выражает авторскую точку зрения на достоверность сообщаемой информации. При этом Т. В. Шмелёва подчёркивает, что персуазивность отвечает за квалификацию информации с точки зрения говорящего: «персуазивность есть уверенность или неуверенность автора в достоверности излагаемой информации»¹¹. Думается, что модусные смыслы авторизации и персуазивности настолько тесно спаяны, что развести их представляется практически невозможным: квалифицируя информацию по степени её достоверности, говорящий одновременно квалифицирует информацию как свою собственную и тем самым авторизует высказывание. Так, по мнению А. Мустайоки, персуазивность — это элемент авторизации, «субъективное мнение говорящего о вероятности»¹² положения дел. Персуазивную семантику передают авторизационные показатели *сомневаюсь, знаю/не знаю, кто его (её, их) знает (знат), Бог его знает, бес его знает, пёс его знает* и др.: *Большенький стал когда. Да смотря какой ребёнок, когда пойдёт, иной, может, до двух, до трёх, не ходит, кто её знает, разные же дети-то*. Авторизуют высказывание в диалекте конструкции с модальными словами и частицами персуазивной семантики *будто, как будто, авось, поди, чай, чуть ли не, едва ли не, неужели, наверно, бышно* и др.: *«Здесь как быдто церковь была, монастырь. Можа быть. Здесь, пожалуй, больше никто не знает об этом»*.

Следует отметить, что семантические типы авторизационных конструкций не являются изолированными — они пересекаются, образуя сопряженные комплексы. Так, инференция соприкасается с той частью персуазивности, которую составляют значения предположения, мнения (*верно, по-видимому, видно* и др.): *«Он тоже, видимо, не смет уехать: там последни махры уташут; [А Горёвка — почему?] — А Бог её знат. Наверно,*

там-ка бедно жили все, в горе. Не знаю». Наиболее частотное вводное *по-моему* выражает взаимодействие пересказывательной семантики и семантики недостоверности (оттенок неуверенности): «*А за анонимки сейчас, по-моему, уголовное дело возбуждается*».

Таким образом, нами описаны семантические типы авторизационных конструкций, которые отражают разные способы осознания диалектоносителем объективной действительности — от простого её восприятия до умозаключения о внеязыковых явлениях, их свойствах и связях. В соответствии с типом ситуации, требующей авторизации (логический вывод, восприятие и т.д.), выделены перцептивные (передача информации, известной из собственного перцептуального опыта); пересказывательные (передача информации, известной из какого-либо источника); инференциальные (логический вывод из имеющейся информации) и персуазивные (эпистемическая оценка информации, находящейся в распоряжении говорящего) типы авторизационных конструкций. Семантические типы исследуемых конструкций взаимосвязаны, часто пересекаются, в некоторых случаях однозначно определить тип конструкции невозможно. Перспективным, на наш взгляд, является более детальное рассмотрение авторизационных показателей в рамках того или иного семантического типа.

Примечания

1. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис. Текст лекций / Т. В. Шмелёва. — Красноярск, 1988. — С. 35.
2. Гричин С. В. Авторизация в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2003. — С. 3.
3. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. — Томск, 1999—2002; Среднеобский словарь (Дополнение) / под ред. В. В. Палагиной. — Томск, 1983—1986. — Ч. 1—2; Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. — Кемерово, 2001. — Вып. 1; Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. — Томск, 1997.
4. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой. — СПб.: Наука, 2007. — С. 602.
5. Етко А. Г. Инференциальный аспект семантики в контексте авторизации предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011. — С. 10.
6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — С. 120.
7. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — М.: Наука, 1993. — С. 99.
8. Гыгазова Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под ред. Т. А. Демешкиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С. 235.
9. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Т. А. Демешкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С. 70.
10. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. — Сер. Филология. Журналистика. — 2009. — Вып. 1, т. 9. — С. 3.

11. Шмелёва Т. В. Указ. соч. С. 37.

12. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. — М., 2006. — С. 287.

ЛУАНЬ ТЯНЬ

Языковое и коммуникативное сознание

Подробно описывается проблема языкового и коммуникативного сознания в лингвистике и психолингвистике, а также в культурологии. Инновационно представлено расхождение двух компонентов, отмечено их соотношение и значение как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Ключевые слова: языковое сознание; коммуникативное сознание.

Проблема языкового и коммуникативного сознания человека представляет интерес не только для психологии речи, онтолингвистики, этнолингвистики, но и для коммуникативной лингвистики, а также для методики обучения речи и общению. Изучение концепта сознание, явление в лингвистике и психолингвистике, а также в культурологии его содержания представляется интересной и важной проблемой как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

1. Языковое сознание

1.1. Понятия языкового сознания и сознания

«Языковое сознание описывается в настоящее время как новый объект психолингвистики, сформировавшийся в последние 15 лет»¹. Отметим, что понятия сознания и языкового сознания в лингвистике и психолингвистике, а также в культурологии до сих пор часто употребляются недифференцированно, нередко как синонимы. Так, в одной из первых специальных работ по проблеме языкового сознания научный редактор констатирует: «сознание используются для описания одного и того же феномена — сознания человека»².

В настоящее время такой подход уже остался в прошлом, и многие исследователи указывают, что между сознанием и языковым сознанием нельзя ставить знак равенства. Можно сказать, что понятие языкового сознания прошло за последние десятилетия определенную эволюцию. Т. Н. Ушакова совершенно справедливо отмечает, что понятие языкового сознания полезно и перспективно для исследования соотношения психики и речи, однако в настоящее время оно имеет достаточно широкое и неопределенное «референтное поле», подчёркивая, что это «таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный»³. В 2000 г. Е. Ф. Тарасова уже дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых

средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей»⁴.

Отметим, однако, что в данном определении совмещены два аспекта — формирование сознания и его овнешнение, что далеко не одно и то же. Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется при участии языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде.

1.2. Языковое сознание — это часть сознания

Языковое сознание — это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Языковое сознание исследуется через семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации с целью выявления психологической реальности выявляемых фактов.

Языковое сознание — компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека, это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности, как оперирование речью. Для русского человека это, прежде всего, совокупность сведений о том, какие единицы и правила есть в русском языке и как надо говорить на русском языке. Если человек владеет иностранными языками, то сведения об этих языках тоже принадлежат его языковому сознанию.

2. Сознание и коммуникации

Язык даёт нам лишь материал для построения высказываний. Механизм же построения высказываний определяется коммуникативным сознанием.

2.1. Сознание и национальное мировидение

В настоящее время общепризнанной является мысль о том, что главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов. В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа.

Опосредованный языком образ мира той или иной культуры составляет языковое сознание. Так, неслучайно в ядре языкового сознания русских, выделенного по результатам массового ассоциативного эксперимента, на первом месте стоит слово «человек», на десятом — «друг», а слово «я» (me) не входит в список первых 30 слов, ему отводится лишь 36-е место. Сопоставление этих данных с английским ассоциативным

словарем ярко свидетельствует о другом типе языкового сознания с преобладающим индивидуалистическим началом: на первом месте в английском языковом сознании стоит слово «me» (я), на втором — «man» (человек), а «friend» (друг) — на 73-м месте.

Национальное мировидение, являющееся отражением действительности, проявляется в языке: в лексике, фразеологии, грамматике и также в дискурсе, о чем свидетельствуют результаты многочисленных исследований (см.: Арутюнова, 1995, 1998; Вежбицкая, 1997, 1999, 2001; Верещагин, Костомаров, 1990, 1999; Залевская, 2003 и др.).

2.2. Сознание и коммуникативное поведение

С особой яркостью сознание проявляется в «коммуникативном поведении»⁵ представителей различных лингвокультур. Используя термин М. М. Бахтина, Д. Б. Гудков называет, межкультурную коммуникацию, как и коммуникацию вообще, взаимодействием «говорящих сознаний», подчеркивая при этом, что для возможности этого взаимодействия необходимо пересечение когнитивных пространств общающихся; при этом чем больше зона этого пересечения, тем адекватнее будет коммуникация. Рассматривая проблемы, связанные с коммуникацией, целесообразно говорить о коммуникативном сознании, под которым понимается «совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность». Это коммуникативные установки, совокупность коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации.

Коммуникативное поведение народа — это совокупность норм и традиций общения народа, определяется его коммуникативным сознанием и представляет собой способ овнешнения коммуникативного сознания подобно тому, как язык представляет собой способ овнешнения когнитивного сознания. По коммуникативному поведению народа можно описать содержание и основные закономерности функционирования его коммуникативного сознания.

3. Соотношение языкового и коммуникативного сознания

3.1. Разграничение понятий языкового и коммуникативного сознания

Речевая деятельность человека сама является компонентом более широкого понятия - коммуникативной деятельности человека. В связи с этим возникает проблема разграничения языкового и коммуникативного сознания.

Коммуникативное сознание - это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации.

Приведём пример разграничения языкового и коммуникативного сознания:

— языковое сознание содержит информацию о формулах приветствия: *здравствуйте, добрый день, доброе утро, привет* и др., а также об их дифференцированных значениях — приветствие утром, вечером и т.д., вежливое, разговорное и др. Это информация, которая является принадлежностью языкового сознания русского человека;

— коммуникативному сознанию принадлежит информация о том, как надо приветствовать — с каким лицом, с какой интонацией, на какой дистанции, когда и кого, кого можно не приветствовать, кого надо приветствовать вежливо, на «вы», а кого можно попроще и т.д., в каких ситуациях обязательно приветствовать, в каких — нет, надо ли повторно приветствовать и т.д.

Таким образом, коммуникативное сознание включает языковое как свою составную часть, но не исчерпывается им.

Как коммуникативные, так и языковые категории могут быть представлены на рефлексивном уровне сознания, бытийном уровне, а некоторые и на духовном уровне.

Языковое сознание — часть коммуникативного сознания, его исследуют психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени — методика обучения языку. Оно исследуется через овнешнение языковыми средствами.

Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики, уже назрело. Интерес к коммуникативному сознанию народа начинают проявлять культурология и лингвокультурология, этнография, этнолингвистика и новая формирующаяся наука о межкультурной коммуникации.

3.2. Изучение языка как феномена сознания: языковое сознание и коммуникативное сознание народа

Таким образом, традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что есть в языке, уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, устоялось и определилось и является общепринятым, системным. Обучение языку базируется на результатах описательной лингвистики и ее основных продуктах — словарях и грамматиках. Изучение же того, насколько психологически реальны составленные словари и грамматики, насколько они адекватно отражают языковое сознание народа, а также исследование того, как человек порождает, воспринимает и хранит в сознании язык — это уже сфера не лингвистики, а психолингвистики, которая «изучает язык как феномен сознания»⁶ и, следовательно, изучает не столько сам язык, сколько языковое сознание.

Изучение коммуникативного сознания народа предполагает как изучение языкового сознания, так и изучение чисто коммуникативных знаний, правил и закономерностей, входящих в сознание народа.

Подчеркнем, что коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языковой и чисто коммуникативной составляющей, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

Примечания

1. Языковое сознание и образ мира. — М., 2000. — С. 24.
2. Тарасова Е. Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Е. Ф. Тарасова. — М., 1993. — С. 7.
3. Языковое сознание и образ мира. — С. 22.
4. Там же. С. 26.
5. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин. — 1989. — С. 279—282.
6. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. — Воронеж, 2002. — С. 27.

Е. Е. МУРАВЬЕВА

Протокол допроса как речевой жанр: параметр коммуникативного прошлого и будущего

Одним из центральных и наиболее описанных речевых жанров в юридическом дискурсе является протокол. Объект изучения — параметр коммуникативного прошлого и будущего жанра протокола допроса, который вписывает данный жанр в систему жанров судебной и послесудебной коммуникации.

Ключевые слова: протокол, речевой жанр, юридическая лингвистика.

В юрислингвистике в последнее время всё больше внимания уделяется жанровому аспекту изучения судебной коммуникации. По Т. В. Шмельевой, речевой жанр — «устойчивое вербальное оформление особого сочетания коммуникативной цели автора, направленной на адресата, с факторами речевого и событийного прошлого и будущего при типовом диктумном содержании»¹. Жанр протокола является одним из центральных и наиболее описанных речевых жанров в юридическом дискурсе.

Коммуникативная модель жанра протокола допроса (далее — ПД) может быть сформулирована следующим образом: протокол допроса — форма юридического закрепления показаний, полученных в результате допроса, которая узаконена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (гл. 26, ст. 190). Это перформативный вторичный речевой жанр, составленный представителем государства, наделённым официальными полномочиями, максимально точно фиксирующим речь допрашиваемого в письменном виде (см.: «Показания свидетеля записываются в протокол допроса в первом лице и по возможности дословно»²) и допрашивающего. Адресатом ПД является суд — малая группа носителей опреде-

ленных социальных ролей, обязанная поддерживать правопорядок. ПД имеют косвенно предписывающий характер, поскольку определяют ход судебного заседания. На каждой странице ПД стоит подпись допрашиваемого и фраза «с моих слов записано верно» — это жанрообразующий элемент ПД, превращающий его в документ.

Объект изучения — параметр коммуникативного прошлого и будущего жанра протокола допроса. Целесообразность изучения данного объекта связана с тем, что, во-первых, при достаточно подробном описании других коммуникативных параметров жанра протокола допроса, этим жанрообразующим факторам уделялось значительно меньшее внимание; во-вторых, по гипотезе исследования этот параметр позволяет вписать жанр ПД в систему связанных между собой жанров и увидеть ПД в его реальном функционировании.

Рассмотрим фактор прошлого речевого жанра протокола допроса. Как точно отмечает Татарникова, специфическую черту ПД составляет включённость в уголовное дело, фиксирующее сложный, с множеством участников процесс общения по поводу некоторой предметной ситуации. В рамках этого дела протокол никогда не бывает инициальным и конечным документом. Кроме того, следует отметить, что основание для составления документа в данном жанре согласуется с требованиями УПК РФ. Так, для судебного дискурса иницирующим является жанр заявления потерпевших, на основании которого в рамках судебного разбирательства производится допрос. При этом допрос является первичным жанром по отношению к ПД. Вторичная природа протокола в данном случае проявляется прежде всего в том, что текст представляет собой «перевод» устной речи в письменную с обязательным сохранением формы речи от первого лица. Событийное содержание ПД полностью должно быть основано на предшествующем жанре допроса. При этом важно учитывать, что жанры допроса и протокола допроса являются разными, несмотря на свою теснейшую связь.

Обратимся к фактору коммуникативного будущего жанра ПД. Жанр ПД, относясь к юридическому дискурсу, обладает вполне предсказуемым набором жанров, определяющих его коммуникативное будущее. С одной стороны, ход судебного разбирательства непременно обязывает вхождение протокола в систему официального делопроизводства, а соответственно, и строго определенную последовательность жанров. С другой стороны, поскольку в суде в большинстве случаев фигурируют, кроме профессиональных юристов, участники судебного разбирательства, не обладающие специальными знаниями в юридической сфере, то жанр ПД провоцирует и неофициальную околосудебную коммуникацию, которая также облекается в разные жанры, которые жёстко не регламентируются. Таким образом, в жанровом отношении коммуникативное будущее представлено двумя типами: официальной и неофициальной

коммуникацией. В официальном юридическом плане возможны как минимум 2 типа ситуаций: бесконфликтная и конфликтная.

Официальная коммуникация включает ПД непосредственно в систему документов разных жанров, формирующих «Дело» по судебному разбирательству. С точки зрения коммуникативного будущего основная функциональная нагрузка (основной признак) ПД в том, что «протоколы названных следственных действий являются основанием для последующих мероприятий, также закрепленных документально, т.е. переведенных в статус факта, в чем проявляется перформативная интенция протокола»³. В конечном итоге протокол является основанием для приговора суда как ключевого и итогового жанра судебного разбирательства в целом. Особенно стоит отметить преобразование информации в факт, являющийся жанрообразующим признаком протокола с точки зрения его событийного содержания. Признак фактографичности имеет неограниченную футуральную перспективу. Именно это свойство позволяет обращаться к ПД как документу, когда возникает необходимость работы с материалами дела.

При официальной конфликтной ситуации в ходе судебного разбирательства, в зависимости от характера ПД, заинтересованные участники коммуникации, строго оговорённые в законе, имеют право инициировать такие жанры, как ходатайство, жалоба к прокурору, разные виды заявлений и доверенностей, почерковедческую экспертизу и т.д.⁴

Кроме того, конфликтная коммуникация околосудебного разбирательства в последнее время сформировала такой жанр как «юридическая онлайн-консультация»⁵, являющийся разновидностью РЖ-форумов. Среди вопросов юридической онлайн-консультации можно выделить особую группу запросов, связанных непосредственно с ПД. При анализе материала было выделено 420 записей, отвечающих на запрос «протокол допроса». В процессе общения юристы советуют написать те или иные жалобы, ходатайства, заявления. Например: *вопрос № 1497244: «Согласно протоколу допроса подозреваемого допрос производился с 11:00 до 15:00 присутствовал адвокат, следователь и подозреваемый. на самом деле во время допроса адвокат отлучался на другой процесс что никак не зафиксировано, так же на допросе присутствовал оперуполномоченный, что тоже не зафиксировано. на суде следователь заявил что допрос не прерывался и что кроме него и адвоката никого не было. но судьёй был сделан запрос по поводу участия адвоката на эту дату в другом процессе запрос подтвердил что с 11:45 до 13:00 адвокат был на другом процессе т.е. следователь говорит неправду. можно ли на основании этого отменить протокол допроса и его результаты»*. Ответ: *«Да можно! Заявите ходатайство об исключении указанного протокола допроса из числа доказательств. Также подайте жалобу на адвоката в адвокатскую палату <...>»*. Из анализа запросов юридической онлайн-консультации можно сделать вывод,

что консультанты часто отсылают непосредственно к жанровой системе юридического дискурса.

Таким образом, коммуникативное прошлое и будущее вписывает протокол в систему жанров судебной и послесудебной коммуникации.

Примечания

1. *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи.* — Вып. 1. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 91—92.
2. *Тетерин Б. С., Трошкин Е. З.* Возбуждение и расследование уголовных дел. — М., 1997. — С. 66.
3. *Татарникова Н. М.* Юридический протокол как вторичный речевой жанр / Н. М. Татарникова. — Иркутск, 2004.
4. Процессуальные документы органов предварительного расследования. Образцы: практ. пособие. — М., 1998. — С. 77.
5. Юридическая онлайн-консультация [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.9111.ru/> (дата обращения: 01.04.2014).

Н. В. ПОНАМАРЕВА

Коммуникативно-прагматические особенности паратекста в немецком прозаическом романе XV—XVI вв. (на материале издательских и авторских предисловий)

Проводится анализ коммуникативно-прагматического потенциала предисловия как элемента паратекста раннего немецкого прозаического романа. В результате выявляются коммуникативные модели предисловия, его прагматический и функциональный фокус.

Ключевые слова: паратекст, ранний прозаический роман, прагматический и функциональный фокус.

Прагмалингвистический подход к тексту, в частности к тексту художественной литературы, требует его понимания в качестве глобального речевого акта¹, или текстового акта², компонентами которого являются: автор-адресант, его интенция, читатель-адресат, произведение — текстовое сообщение, ситуативный контекст. Ранний прозаический роман — произведение нескольких авторов, среди них — составитель рукописи и книгоиздатель как его соавтор и конечный отправитель текста³. Интенция авторов находит выражение за пределами романа — на уровне паратекста, в частности в предисловии. В связи с этим из семантических величин текста они становятся прагматически значимыми величинами: непосредственными участниками внешнего уровня художественной коммуникации.

Настоящее исследование паратекста в раннем немецком прозаическом романе направлено на то, чтобы определить коммуникативно-

прагматический потенциал данного элемента текста. Материал исследования — предисловия романов: «Melusine», «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>», «Historia von Johann D. Fausten<...>»⁴.

При анализе прагматического компонента содержания текстового сообщения следует учитывать реализованные в нем иллокутивные акты, принципы и постулаты, которых придерживается автор в своей ориентации на читателя и в текстопостроении; дейктические средства маркировки автора и адресанта, пространственно-временные ориентиры⁵. Опираясь на данную схему, рассмотрим предисловие каждого из романов.

Предисловие романа «Melusine» составлено его переводчиком — бернским городским главой Тюрингом фон Рингольтингенем — и содержит черты верхнеалеманнского диалекта. Предисловие обращено от имени автора, от 1-го лица к читателю, который обозначен через местоимение 2-го л. мн. ч. *ir*. Автор позиционирует себя как современника читателя, причисляя себя вместе с ним к одному временному периоду. На это указывает обстоятельство времени в виде сочетания свн. предложения *uff*, указывающего на предел времени (*нвн. bis zu, bis auf*)⁶, и лексических единиц с семантикой времени *hüttig* и *tag* (*uff disen hüttigen tag*).

Текст предисловия автор представляет в виде двух неравных частей. Первая, более короткая часть направлена на общее знакомство читателя с произведением. В ней рассказывается о главной героине романа — фее Мелюзине, её благородном происхождении и потомках. Здесь используются ассертивные высказывания подкласса афfirmативы⁷, функция которых — сообщение новой, еще не известной адресанту информации (1).

(1) *Und wart düsseldorffaye alle samstag vom nabel hin under ein grosser langer wurm<...>.*

Вторая часть предисловия нацелена на то, чтобы заинтересовать читателя и убедить его в необходимости знакомства с романом. Этому служат ассертивные высказывания — сильные утверждения, близкие директивам. В работе М.Ю. Сулеймановой, посвященной проблеме классификации перформативных глаголов ассертивной интенции, глаголы такой степени интенциональной интенсивности обозначены как ассертивы-заверения⁸.

Пример 2: персуазивность высказывания — сообщения о многочисленных победах, одержанных сыновьями Мелюзины, достигается через оборот *desterbillicher*, где *deste* — наречие положительной степени (*нвн. desto, umso, viel*), *billicher* — сравнительная степень прилагательного *billich* с общим значением положительной оценки (*нвн. billig, gemäß, richtig, gut*). Стремление автора доказать правдоподобность сообщаемого также выражается через модальные глаголы *solen* и *mügen* в их эпистемическом значении.

(2) *Es sige in franckrich in Cypren in Armenyen in Behem in England in Norwegen in Holland in tütschen landen und anderßwo. Und har umbmenglich es desterbillicherhalten und glaubensol und mag.*

Помимо ассертивных высказываний, вторая часть предисловия содержит высказывание-комиссив (3), где автор даёт читателю обещание, что из знакомства с книгой тот узнает многие другие подробности происхождения главной героини. Грамматическая структура, лежащая в основе высказывания данной иллюкутивной силы, — сложноподчинённое предложение с однородными придаточными, вводимыми вопросительными местоимениями (*wie, wannen, welch*). Препозитивное положение придаточных такого типа (*Objektsatz*) задаёт информационную напряжённость, на скорую возможность разрешения которой указывается в главном предложении. Временная модальность главного предложения создается формами *Werdent begriffen* и *uff das kurtzestec* общим значением ближайшего будущего.

(3) *Wie aber sich die benempte Melusine erzögteby dem ersten da noch wannen und welchem geschichtelütesü gewesen sig und wie irmuterpre[s]jineouch ein merfaye und doch ein kunigin gewesen ist Werdentir alles hie nach hören uff das kurtzeste begriffen.*

Предисловие романа «Einkurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» написано его автором-составителем, хронистом из Брауншвейга Германом Боте⁹. Самая ранняя из сохранившихся версий романа представлена изданиями Иоганна Грюнингера (1510–12 гг., 1515 и 1519 гг.). Языковая особенность текста романа и предисловия в этих изданиях заключается в смешении ниже- и верхненемецких диалектных черт.

Автором-адресантом предисловия обозначен некий N., выступающий в роли рассказчика. Точкой отсчёта повествования служит 1500 г., когда автора, по его словам, попросили написать роман. Заканчивается повествование настоящим временем и обращено в будущее. В отличие от предисловия в «Melusine» здесь нет прямого контакта автора и читателя. Адресат — вне актуального коммуникативно-прагматического времени-пространства адресанта: обозначен как третье лицо через общие наименования *die Lesenden unddieZuhörenden*, неопределённо-личные местоимения *jederman, nieman, jeman*, (4).

Предисловие представляет собой речевое действие, во-первых, информирующее читателя о событиях, послуживших причиной создания романа; во-вторых, побуждающее читателя к определенным действиям; в-третьих, иницирующее начало романа. В соответствии с этим предисловие состоит из трёх частей. Первую часть образуют исключительно аффирмативные высказывания (5). Завершает её ритуальный речевой акт снятия ответственности (извинение), реализованный посредством прагматической транспозиции экспрессива *sichentschuldigen* (6).

(5) *Als man zalt von Crist Geburt 1500 bin ich, N., durch etlich Personen gebetten worden, daz ich diese Historien und Geschichten ihn zulieb sol zusammenbringen <...>.*

(6) *Und willmich auch gegen jedermanentschuldiget haben, das solich mein Beschreiben niemen zu Widerdrießbeschehen oder jeman damit zu schwächen.*

Во второй части предисловия помимо аффирмативных высказываний используются высказывания в роли ассертивов-заверения/директивов.

Пример 7: высказывание — сильное утверждение в виде указания-рекомендации автора читателю, когда лучше всего читать предлагаемую книгу. Персуазивный компонент — наречие *allerbest* (нвн. am besten, so gut wie möglich). Пример⁸: перформативное директивное высказывание с глаголом *biten*.

(7) *Und dienet diese mein Geschrift **allerbest** zu lesen (uff daz der Gotsdienstnitt verhindert werd), sosich die Müßunder den Bänkcenbeissenunnd die Stundkurtz werden unnd so die braten Birnwol schmecken bei dem nuwen Wein.*

(8) *Und **bithi** mit einen jetlichen, wa mein Schriff von Ulenspiegel zu lang oder zu kurtz sei, das er das besser, uff das ich nit Undanckt verdiene.*

Третью часть предисловия составляют перформативные декларативные высказывания, реализуемые через глагол *enden* и сочетание *den An-fangeben* (9).

(9) *Und **ende** damit mein Vorred und **gib den Anfang** Dil Ulenspiegels Geburt mit Zulegung etlicher Fabulen des Pfaff Amis und des Pfaffen von dem Kalenberg.*

Предисловие в «Historiavon Johann D. Fausten <...>» представлено типом текста «письмо», автор которого — книгоиздатель романа Иоганн Шпис от своего имени, от 1-го лица, обращается к занимающим более высокое положение в обществе Каспару Кольну и Иерониму Хофу, с которыми он находится в дружеских отношениях. Предисловие представляет собой речевое действие, сопровождающее коммуникативный акт «дарение, посвящение предмета некоему лицу», участники которого — Иоганн Шпис и его адресаты, предмет дарения — актуальное издание романа.

Как тип текста письменной коммуникации и ярко выраженного диалогического характера предисловие состоит из трёх частей: 1) фаза приветствия (Ave-Phase); 2) деловая фаза (Business-Phase); 3) фаза прощания (Vale-Phase)¹⁰. Фаза приветствия имеет фатическое назначение, служит для установления контакта. Для неё характерны высказывания-экспрессивы, выражающие ритуальные речевые действия приветствия (10).

(10) *Gottes Gnad / meinen Gruß vnd Dienst zuvor / Ehrenhaffte / Wohlachtbare / günstige liebe Herren vnd Freunde.*

В основной, информационной, части предисловия преобладают ассертивные высказывания.

Пример 11: перформативное ассертивное высказывание, где через форму глагола *sicherkennen* одновременно и указывается на акт утверждения-признания адресантом себя обязанным, должным (*schuldig*) по отношению к адресату, и реализуется этот акт.

(11) *Ich erkennemich zwar schuldig / E. E. vnd A. in andermvnnndmehrermvnd mit allem dem / was ich vermag / zu willfahren vnnd zu dienen / <...>.*

В заключительной части — фазе прощания осуществляется акт замыкания контакта в форме экспрессивного высказывания — доброго пожелания (12).

(12) Thue E. E. vnd A. samptderselbigen Haußhaltung in den gnädigen Schutz vnd Schirm deß Allmächtigen befehlen.

Данное предисловие составлено согласно нормам формально-вежливого общения.

Пример 13: высказывание, эксплицирующее совершаемый акт дарения, реализуется в форме перформативного высказывания просьбы с глаголом *bitten* (косвенное высказывание).

(13) *Bitterthalben / dieselbigen wollen mit diesem geringen Meßkram auffdißmal von mir für gut nemmen / vnd mein günstige Herrn vnd Freundtseyvnd bleiben.*

Выводы:

1. Предисловие раннего прозаического романа не представляет собой универсальный коммуникативный акт. В основе каждого из рассмотренных нами примеров предисловий лежит своя оригинальная модель коммуникации и речевого поведения: акт доказательства правдоподобности событий романа; описание обстоятельств текстопорождения и акт текстопорождения; дружеское послание, акт дарения, посвящения. Общий признак данных моделей — относительно сильная маркированность автора и слабая читателя.

2. Прагматический фокус предисловий образуют высказывания-асертивы, функция которых — сообщить информацию, заверить читателя в ее правильности, возможно, изменить, скоординировать в соответствии с ней его поведение.

3. Функциональный фокус верхнего уровня коммуникативной системы раннего немецкого прозаического романа заключается прежде всего в референтативной направленности, где главный акцент — на объекте референции и ситуативном контексте коммуникации.

Примечания

1. Van Dijk T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension / T. A. Van Dijk, W. Kintsch. — N.Y., 1983. — 418 p.
2. Богданов В. В. Текст и текстовое общение: учеб. пособие / В. В. Богданов. — СПб, 1993. — С. 12.
3. См. подробнее: Müller J.-D. Volksbuch / Prosaroman im 15./16. Jahrhundert — Perspektiven der Forschung // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. — Tübingen, 1985. — S. 25–34.
4. Thüring von Ringoltingen: Melusine. In der Fassung des Buches der Liebe von 1587 / hrsg. von H.-G. Roloff. — Stuttgart, 2000. — 176 S.; Ein kurtzweilig Lesen von DilUlenspiegel. Nach dem Druck von 1515. / hrsg. von W. Lindow. — Stuttgart, 2007. — 304 S.; Historia von D. Johann Fausten. Text des Druckes von 1587. Kritische Ausgabe / hrsg. von St. Füssel, H. J. Kreutzer. — Stuttgart, 2012. — 351 S.

5. *Богданов В. В.* Указ.соч. С. 48.
6. Здесь и далее по: *Köbler G.* *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* 2. Aufl. 2013 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.koeblergerhard.de/germanistischeswoerterbuecher/mittelhochdeutscheswoerterbuch/mhdwbhin.html>
7. *Богданов В. В.* Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. — Калинин, 1989. — С. 25–37.
8. *Сулейманова М. Ю.* Перформативный глагол как средство экспликации ассертивной интенции // Вестник ОГУ. — 2010 — № 11 (117). — Ноябрь. — С. 90–93.
9. См.: *Honegger P.* *Ulen Spiegel. Ein Beitrag zur Druckgeschichte und zur Verfasserfrage.* Forschungen des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung: Sprache u. Schrifttum 8. — Neumünster, 1973. — 149 S.
10. *Edmondson W.* *Spoken Discourse. A model for Analysis* / W. Edmondson. — London, 1981. — P. 169.

А. А. ФИШКО

Становление двуязычной языковой личности

Статья посвящена исследованию двуязычной языковой личности. Автор указывает на актуальность изучения билингвизма в рамках лингвоперсонологии.

Ключевые слова: двуязычная языковая личность, детский билингвизм, моноэтническая семья, интерференция, лингвоперсонология.

В современный период развития языкознания большой интерес у исследователей вызывает изучение функциональной стороны языка, языковой личности, того, как абстрактное понятие «язык» реализуется в речи отдельных людей и в текстах, ими производимых. Этот интерес, обуславливающий развитие лингвоперсонологии, исторически закономерен и определяет эволюцию в изучении языка: от его формы, устройства и закономерностей до человека как языковой личности, потребности которой язык непосредственно удовлетворяет¹. Так, известную формулу, выраженную Бахтиным и основанную на идеях Соссюра: «За каждым текстом стоит система языка»², Ю. Н. Караулов в свете теории языковой личности видоизменяет следующим образом: «За каждым текстом стоит языковая личность»³.

Если обратиться к современной языковой личности, то мы видим, что её настоящее и будущее непосредственно связаны с процессами, имеющими место в современном мире. На рубеже XX–XXI вв. мы наблюдаем процесс интеграции во всех сферах человеческого общества — культурной, экономической, политической, технической. Объективный, системный характер этого процесса, получившего название глобализации, обуславливает его проникновение во все сферы человеческого общества, в том числе и в важнейшую составляющую жизни людей, во многом определяющую нас как таковых, — язык. Можно предположить, что в будущем языковая личность будет преимущественно двуязычной.

Изучение двуязычной личности в перспективе будет занимать существенное место в трудах по лингвоперсонологии, а увеличение числа билингвов и необходимость решения задач, с этим связанных, сделает науку о языковой личности более актуальной.

Каждый конкретный случай билингвизма всегда уникален, что обусловлено различием обстоятельств, при которых двуязычие формируется, и особенностями личности билингва. Исследование двуязычной языковой личности представляет собой важнейший материал для изучения билингвизма и понимания процессов его развития.

В данной работе речь пойдет о становлении двуязычной языковой личности на примере ребёнка 4 лет (4, 1, 17). Билингвизм рассматривается не в общих и теоретических его аспектах, а с точки зрения личности, формирование которой происходит в ситуации контакта двух языковых систем: ребенок усваивает одновременно два языка естественным путем (т.е. в процессе коммуникации), но в условиях искусственно созданного межъязыкового контакта.

С 1 года и 8 месяцев Арсений осваивает два языка, английский и русский, по принципу «один родитель — один язык». При этом оба родителя являются носителями русского языка, на английском языке с ребенком разговаривает мама, изучавшая этот язык в искусственной среде. Таким образом, если следовать типологии Г. Н. Чиршевой⁴, то у Арсения формируется моноэтнический билингвизм, т.е. тип двуязычия, при котором оба языка усваиваются ребенком в процессе общения с представителями только одной языковой культуры в ситуации отсутствия контакта с естественным носителем.

Сейчас Арсению 4 года, его билингвизм можно охарактеризовать как продуктивный (производящий), если использовать психологическую классификацию Е. М. Верещагина⁵. То есть ребенок способен не только понимать, но и воспроизводить речевые произведения обеих языковых систем, но и порождать их. До 4 лет основным языком коммуникации Арсения был английский язык — это связано с тем, что на английском языке с ребенком разговаривает мама: коммуникативная потребность ребенка раннего возраста направлена внутрь семьи, часто в большей степени на маму, общение со сверстниками не является приоритетным в этот период. Поэтому активное лексическое и грамматическое развитие наблюдалось преимущественно в английском языке, русский язык находился в пассивном запасе, что определило характер интерференции в речи ребенка: она характеризуется в основном влиянием английской системы языка на русскую.

В возрасте 4 лет билингвизм Арсения стал более сбалансированным и приблизился к варианту «чистого» двуязычия (по определению Л. В. Щербы)⁶, т.е. двуязычия, при котором практически отсутствует смешение языков — каждый из них используется в определенных обстоятельствах

и с определенными субъектами коммуникации. Так, на английском языке Арсений разговаривает с мамой, преимущественно в домашних условиях, на русском языке — во всех остальных случаях: в детском саду, при общении с бабушкой, папой. Примером может служить следующий диалог, зафиксированный в дневнике речевого развития ребенка:

Арсений: *Mama, make an airplane for me.*

Мама: *Ask your daddy.*

Арсений (обращается к папе): *Papa, сделай самолет.*

Необходимо отметить, что смешение языков на уровне лексики в речи ребенка было минимальным, большинство примеров лексической интерференции не носит системного характера: зафиксированные варианты проявлялись в речи редко, спонтанно и ограничивались двумя-тремя примерами. С самого начала билингвального воспитания, находясь в ситуации наличия двух разных языковых систем, ребёнок продлевал своеобразную аналитическую работу по разделению этих систем и выбору одной из них для собственной речи. Такое речевое поведение мальчика абсолютно точно указывает на раннее осознание детьми различий между языками, на ту лингвистическую работу, которая происходит в голове ребёнка и которая не только выявляет различия в языковых системах на фонетическом уровне, но и не позволяет эти системы смешивать. Ребёнок из потока русской и английской речи, которую слышит каждый день, выделяет определенную систему знаков и использует её для воспроизведения и создания речи собственной в зависимости от окружающей его языковой среды.

В речи Арсения встречаются различные виды интерференции: фонетическая, лексическая, грамматическая. Фонетическая интерференция, характеризующаяся влиянием английского языка, наиболее выражена в речи ребенка. Это обусловлено тем, что фонетический строй языка является наиболее стойким, автоматизированным, и акцент соответственно наиболее трудно преодолимым. Артикуляция звуков английского и русского языка существенно отличается за счет различия в положении и движении органов речи при произнесении звуков. Звуки [t], [d] в английском языке характеризуются аспирацией, т.е. произносятся энергично, с придыханием, что отражается в русскоязычной речи Арсения, в которой [t] и [d] это [t] и [d]. Некоторые русские звуки Арсений затрудняется воспроизводить, в итоге [ы] заменяется звуком [и], например, в слове [риби] — рыбы. Альвеолярное (как в английском языке) произнесение звуков [н], [с] затрудняет их смягчение. Так, слово Нюся (имя собаки) Арсений произносит следующим образом: [Nusa]. Такое произношение связано с тем, что в английском языке звуки [n] и [s] являются альвеолярными, только [n] — смычный альвеолярный, а [s] — щелевой. Образование мягкого [s] представляется крайне затруднительным в отличие от русского звука [c]. Английский звук [n] произносится

путем соприкосновения кончика языка с альвеолами и не смягчается перед гласными и в конце слова, в отличие от переднеязычного зубного [н']. Русский звук [я] в речи ребенка меняет свое звучание в зависимости от положения в слове: *мяч* — [tech], *Нюся* — [Nusa].

До 3 с половиной лет Арсений испытывал трудности при произнесении звука [w] перед гласными, что привело к образованию следующих грамматических инноваций и семантических модификаций:

I буду drink juice. При употреблении будущего времени в речи на английском языке (*буду* вместо *will*).

I can not eat it. I can not sleep. В значении *Я не хочу это есть, Я не хочу спать* (отрицательная форма *can* вместо отрицательной формы *want*).

Пример лексико-семантической интерференции: общение происходит на английском языке, но ребенок, увидев на картинке широкополую шляпу, называет её русским словом.

Арсений: *This is schlyapa.*

Мама: *Is this a hat?*

Арсений: *No, this is schlyapa (2;11).*

Данный пример объясняется тем, что ребенок увидел отличие шляпы на картинке от обычной шапки, но в своем английском словаре не нашёл слова, обозначающего именно широкополую шляпу — это случай межъязыкового отождествления единиц в плане содержания⁷.

Примером грамматической интерференции, а именно перенесения морфем из одного языка в речь на другом является слово *subik* (кьюбик) (2;10), состоящее из английского *cube* и русского уменьшительного суффикса «ик».

Для образования множественного числа русских слов Арсений иногда использовал способ формирования множественного числа, свойственный английскому языку: *зайкас* (зайки), *рибис* (рыбы), *опе киса*, *three кисас* (2;11).

Наличие артиклей в английском языке подталкивало ребенка использовать их и перед русскими существительными, например: *а слон* (3;0).

В речи Арсения на английском языке встречаются типичные ошибки англоговорящих детей. Например:

A roses (3;0) (некорректное употребление артикля).

Drinked, waked (3;9) (неверная грамматическая форма прошедшего времени глагола).

Nusa have a friend (3;1) (ошибка в употреблении глагола *to have*).

Many snow, many water (3;10) (употребление наречия *many* с неисчисляемыми существительными).

Двуязычие, безусловно, оказывает существенное влияние на развитие личности, так как вместе с языком познается и культура, к которой этот язык относится. Ранний билингвизм не только освобождает мысль

из плена слова, разрушая иллюзию существования незыблемых понятий⁸, но способствует воспитанию толерантности, уважения к другим культурам, традициям и языкам.

Примечания

1. *Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология. Основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — 160 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 283.
3. *Караулов Ю. Н.* Язык и личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1989. — С. 5.
4. *Чиршева Г. Н.* Детский билингвизм. Одновременное усвоение двух языков / Г. Н. Чиршева. — СПб.: Златоуст, 2012. — 488 с.
5. *Верещагин Е. М.* Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. — М.: Изд-во Мос. ун-та, 1969. — 160 с.
6. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л., 1974. — С. 60–74.
7. *Вайнрайх У.* Языковые контакты / У. Вайнрайх. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1979. — С. 80.
8. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л., 1974. — С. 60–74.

М. М. СЫЧЕВА

Речевой портрет студента (на материале устной и письменной речи)

Речевой портрет студента создан на основе анализа устной речи в бытовом общении и письменной речи (интернет-коммуникация) конкретной языковой личности. Выделены типичные и индивидуальные особенности речи студента, представлен сопоставительный анализ устных и письменных текстов информанта.

Ключевые слова: языковая личность, студент, устная речь, письменная речь.

В настоящее время интерес к языковой личности (ЯЛ) студента, несомненно, растёт, так как студенчество — одна из самых массовых социальных групп, которая формирует будущее нашего общества. По состоянию современной речевой культуры студенчества можно прогнозировать, какими будут ее дальнейшие пути развития. Этим обуславливается актуальность данной работы.

Объектом исследования является студент 4-го курса философского факультета НГУ А. Б., 21 год. Представляется, что в его дискурсе можно наблюдать сочетание типических и индивидуальных черт ЯЛ студента. В качестве наиболее типичных черт устной речи современных студентов исследователями (А. Ю. Ларионова, С. В. Леорда, И. В. Пономаренко, М. Г. Чабаненко и др.) выделяются использование жаргона, сниженной лексики и обыгрывание иностранных слов. Анализ устной повседневной речи информанта подтвердил эти наблюдения.

Группа элементов студенческого жаргона в устной речи информанта наиболее обширна, поскольку жизнь студентов неразрывно связана с процессом обучения. Такая лексика используется при обсуждении предметов и преподавателей в узком кругу, где все участники беседы являются студентами и считают друг друга «своими». Сюда входят названия учебных дисциплин, реалий, связанных с учебным процессом и бытом студентов, наименования преподавателей и др.: «*Завтра **маман**? Не, ну застрелиться!*»; «*Этот **препод** ничё так, добрый, к тому же профи, но полный неадекват*»; «*В **библе** [библиотеке] народу много. Сессия, ё-мое!*»; «*Мне надо пораньше уйти — ещё **курсач** висит*». Чаще всего жаргонизмы используются А. Б. как средство нейтральной номинации лиц, явлений или предметов.

Сниженная лексика в устной речи исследуемой ЯЛ чаще всего является просторечной и служит средством выражения негативных эмоций: «*У меня опять флешка не читается! **Твою ж мать!***»; «*Это... ведь... эм... как её... такая **ерундень**... Сопромат*»; «*Да уж, из-за неё [преподавателя] вся группа стипендии лишилась... Да **стерва**, чё там говорить*».

Новая заимствованная лексика в основном обозначает явления, связанные с современной техникой и Интернетом: «*Я сегодня **винчестер** на компе поменял; — Можешь дать музыку на телефоне послушать? — Бери. Только там **эквалайзер** не настроен*»; «*Когда я пришёл к нему, я хотел видеть его бодрым, в приятном расположении духа, а не с **дислайком***». Отмечены также отдельные заимствованные из английского языка фразеологизмы, маркирующие эмоциональные проявления в речи информанта: «*Сегодня минус тридцать! **О май гад!***»

Отметим черты устной речи, которые являются, на наш взгляд, индивидуальными в речи информанта.

Для А. Б. характерно широкое использование устаревшей лексики в шутивно-ироническом контексте: «*Прикинь, пару поставили в субботу с утра! **Аспиды!***; [одногоруппнику] *А что, **сударь**, в **былой** раз нам ничего не задали?*».

В повседневном общении с друзьями наблюдается повышенное внимание к выбору слов, развернутость устных речевых конструкций, полнота построения предложения — особенно в тех случаях, когда информант старается наиболее ярко и красочно передать свои эмоции: «*Сегодня я побывал в городской областной Думе. Я, как единственный закравшийся туда ассасин, накурившись гашиша, понял, что я нахожусь в самом чреве, в самом адище города. Да, Яков, адище адское!* [беседа с близким другом]».

Исследуемая ЯЛ широко использует в повседневной речи образные средства (сравнения, метафоры) и цитаты из классических литературных произведений, работ известных ученых: «*Прошу тебя, **прекрати так говорить**, «я не люблю иронию твоей» [Некрасов]*; «*Нам деньги назад не*

вернут — нас опять надули. Это, знаешь, как в Шерлоке Холмсе — «иногда обман столь дерзок, что ты его не замечаешь, хотя это абсолютно очевидно» [К. Дойл]; «Тут уж, как справедливо заметил Эйнштейн: «В мире есть две бесконечные вещи — Вселенная и глупость, и то насчёт Вселенной я не вполне уверен».

Письменная речь ЯЛ в интернет-коммуникации вписывается в студенческий дискурс намного органичнее, нежели устная. Это можно объяснить клишированностью ведения диалогов внутри социальных сетей (вопросно-ответная форма общения, стандартный набор смайлов, упрощенный синтаксис).

В переписке со сверстниками и друзьями информант использует жаргонизмы, иноязычные заимствования и сниженную лексику значительно чаще, чем в устной речи. Тематический состав жаргонных слов совпадает с выявленным для устной коммуникации: «*Когда завтра **ма-тан**?*»; «*В общаге холодно*»; «*Завтра в 324 кабине пара*»; «*Клаву на компе менять надо, поможешь?*» Более широкое употребление англицизмов можно объяснить в том числе и техническими причинами: многие эквиваленты русских синонимов короче и печатаются быстрее: *привет* — *хай*, *желаю удачи* — *гуд лак*, *ботинки* — *буты*, *проблема* — *трабл*, *неделя* — *вик* и т.д.: «*С этой сессией столько **траблов** сразу навалилось*»; «*Сходил в бассейн... такой **релакс**, конечно!*» Вкрапление немецких заимствований (А. Б. знает немецкий язык) придает речи нестандартность, оригинальность: «***Ахтунг**, товарищи, завтра не будет первой пары* [сообщение для одноклассников]».

К сниженной лексике в интернет-переписке чаще всего информант прибегает в ситуациях спора для усиления влияния на собеседника, с целью переубедить его. Часто такие слова содержат эмоциональную составляющую: «*В этом кафе так дорого, а **жрать**-то нечего*»; «*В общагу вчера не пустили, **сволочи***»; «*Ну у него и **рожа**, конечно, как будто только что из вытрезвителя*».

Фрагменты сообщений и диалогов сайта «ВКонтакте», а также писем на Яндексе свидетельствуют о стандартизованности письменной речи студента в электронной коммуникации; креативные элементы в ней незначительны и связаны в основном с графическими трансформациями слов: «*Сегодня опоздал, потому что **трмвайчег** сломался на полпути*»; «*Да уж, эти **спаримены** столько денег заколачивают*». Однако творческое начало и высокий уровень речевой культуры ярко проявляются в другой сфере письменной речи ЯЛ — дневнике, имеющем многие черты художественного стиля.

Таким образом, анализ речи конкретной ЯЛ студента обнаруживает как типические, так и индивидуальные черты его речевого портрета. Типичные особенности определяются экстралингвистическими факторами, индивидуализированные — интралингвистическими (у А. Б.

к ним можно отнести воспитание в патриархальной семье, детство, проведенное в небольшом провинциальном городе, обучение в гуманитарном лицее, знание языков и широкий круг чтения, развитую языковую рефлексия).

3. В. ЧЕРНЫХ

Критерии выделения конфликтных эпизодов в ситуации речевого конфликта в студенческой коммуникации

Приводятся определения речевого конфликта, а также критерии разделения конфликтных эпизодов в студенческой коммуникации от неконфликтных. Впервые подобное исследование проводится на материале устной спонтанной студенческой речи.

Ключевые слова: речевой конфликт, конфликтный эпизод.

Изучение речевого конфликта (далее — РК) является одной из актуальных областей лингвистических исследований. Интерес к проблеме конфликта в коммуникации, с одной стороны, обусловлен высоким уровнем конфликтности в современном мире и, как следствие, большим числом работ, посвящённых изучению конфликта в разных научных областях. С другой стороны, в современной лингвистике особое внимание уделяется изучению устной спонтанной речи конкретного человека или группы людей. Категория РК становится объектом дискурсивных исследований, вводится понятие «конфликтный дискурс»¹.

В работах В.С. Третьяковой², И.И. Гулаковой³, К.Ф. Седова⁴, О.С. Волковой⁵ и других лингвистов даются разные определения речевого (или, в другой терминологии, коммуникативного) конфликта, акцентирующие его сущностные признаки. Наиболее близкой к целям настоящего исследования является дефиниция В.С. Третьяковой: «Речевой конфликт — это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами»⁶. Своё определение РК, на основе дефиниции Третьяковой, формирует И.И. Гулакова. По её мнению, «коммуникативный конфликт — столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно либо бессознательно действует в ущерб другой (вербально или невербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против её интересов/целей, предпринимает ответные действия»⁷. На основе дефиниций В.С. Третьяковой и И.И. Гулаковой

можно сформировать следующее определение РК: речевой конфликт — столкновение двух сторон (участников конфликта) с использованием вербальных и прагматических средств, в ходе которого одна из сторон сознательно или бессознательно действует в ущерб другой, а другая сторона предпринимает ответные действия, направленные на конфронтацию или кооперацию с оппонентом.

Формой реализации РК в тексте является конфликтный эпизод. Конфликтный эпизод представляет собой конкретную ситуацию коммуникативного взаимодействия, во время которой между информантами происходит РК.

Объектом настоящего исследования являются конфликтные эпизоды в студенческой коммуникации. В качестве материала были использованы записи 118 эпизодов устной спонтанной речи студентов. Рассматривались только те эпизоды, в которых обе стороны конфликта являлись представителями студенчества. Задачи работы требуют выработки критериев выделения эпизодов конфликтного речевого общения и отграничения их от смежных случаев.

Исходя из принятого определения РК, стандартный конфликтный эпизод подразумевает ситуацию общения 2 и более лиц, наличие некоторого повода для возникновения конфликта, предъявление в той или иной форме претензий участников конфликта (взаимное или одностороннее), использование типичных для конфликтной коммуникации речевых маркеров, тактик и стратегий. Приведём пример такого эпизода:

Парень и девушка разговаривают в комнате. Девушке кто-то написал СМС, её молодой человек приревновал.

П.: Вы настолько хорошо общаетесь?

Д.: Что значит настолько? Мы хорошо общаемся.

П.: Ну, он меня напрягает чё-то.

Д.: Да чё к чему-то?

П.: Напряглась?

Д.: Ты глупишь. Ладно, забыли.

П.: Нееет, не забыли! Кто это вообще? Откуда ты его знаешь?

Д.: Хватит истерить. Мне папа звонит, я к тебе попозже найду.

Данный эпизод представляет собой конфликтное взаимодействие между двумя студентами на почве ревности. В рамках эпизода информанты активно используют как вербальные (*напрягает, напряглась, глупишь, истерить* и т.п.), так и прагматические средства РК: подозрение (*Вы настолько хорошо общаетесь?*); возмущение (*Что значит настолько?; Да чё к чему-то?; Нееет, не забыли! Кто это вообще? Откуда ты его знаешь?*). Очевидно, что такие случаи являются ядерными при реализации РК. В то же время речевой материал включает и менее бесспорные случаи. Обратимся к их анализу:

В комнате общежития 3 девушки.

А.: (*дружелюбно*) Девоньки, может, будем не раз в неделю посуду мыть, а малян почаще?

Б.: Ну, это не моя посуда.

А.: Да я не тебе, я всем сразу.

Б.: Ну, будем, конечно. И полы мыть тогда уж почаще.

А.: Ну-ну. И, кстати, мне надоело, что, как только я сажусь за стол, вам всем сразу сюда тоже надо. Я на кровати — вы все по углам своим.

Б.: Я за столом, когда печатаю что-то.

В.: Ну всем же места хватает!

А.: Ну как бэ тесновато, нет?

Б.: Я вообще в душ пошла, учитеесь, рыбоньки мои.

А.: Ага, давай.

По форме представленный эпизод скорее напоминает обсуждение проблемного вопроса, нежели конфликтную ситуацию. Участниками эпизода используются нейтральная лексика и шутливо-ласкательные обращения (*девоньки, рыбоньки мои*); тон общения дружелюбный: встречается единственный лексический маркер, выражающий недовольство А. — лексема «надоело». Единичные вкрапления деструктивных тактик не способствуют развитию ситуации в конфликтную. А., наряду с прямым упреком (*«Как только я сажусь за стол, вам всем сразу сюда тоже надо. Я на кровати — вы все по углам своим»*), использует косвенные, «слабые» конфликтные тактики: предложение, содержащее в подтексте намёк на недовольство поведением соседок по комнате (*«Девоньки, может, будем не раз в неделю посуду мыть, а малян почаще?»*) и выражение недовольства в форме предположения, допускающего наличие иной позиции (*«Ну как бэ тесновато, нет?»*). Другие участницы спокойно воспринимают скрытую критику, используют нейтральные тактики объяснения (*«Я за столом, когда печатаю что-то»*); сообщения (*«Я вообще в душ пошла»*), непричастности (*«Ну, это не моя посуда»*) и конструктивные тактики согласия (*«Ну будем, конечно»*), поддержки и развития предложения А. (*«И полы мыть тогда уж почаще»*). В результате развития конфликта не происходит.

Имеют место также конфликтные эпизоды, в которых высказанные одним из участников общения претензии не поддерживаются вербальным контактом с противоположной стороны. Это могут быть ситуации, где один из коммуникантов использует деструктивные тактики и соответствующие им маркеры конфликта, а другие применяют тактику молчания.

Студенческое общежитие. Уставшая Н. пришла с занятий и сразу легла спать. Поздно вечером она проснулась от громких криков и хохота. Н. вышла в умывальную комнату и начала зло выговаривать веселившимся:

Н.: Блин, чё вы так орёте?! Я уже полчаса лежу, слушаю ваши вопли, жду, когда вы заткнётесь! Вы чё, больные???

Веселившиеся девушки Л. и Ж. выслушали грубые упрёки и промолчали.

Подобные эпизоды можно считать конфликтными, поскольку при отсутствии внешнего противодействия сторон коммуникативное взаимодействие имеет место, инициатор конфликта широко пользуется вербальными конфликтогенными элементами (*орёте; вопли; заткнётесь; больные*), а коммуниканты используют тактики, типичные для РК: Н. — тактику возмущения; Л. и Ж. — тактику молчания. Применение последней в качестве единственной приводит к гашению конфликта в самом его начале.

Промежуточным случаем между первым и вторым эпизодами является РК, в котором начавшееся конфликтное взаимодействие не развивается как за счет нейтральных речевых средств, так и за счет перехода от инициальных конфронтационных тактик к более кооперативным или амбивалентным.

Студенческое общежитие. Комната студенток 3-го курса, в которой живут Н. и Л. (обеим 20 лет). Н. наводит порядок на обувных полках.

Н.: Кто не будет убирать обувь на полки, тогда будет вечно обед готовить.

Л.: Знаешь, я всё равно свои замшевые сапоги на полку не буду убирать! Даже если она у меня будет свободная. Потому что мне неудобно, и они там пачкаются.

Н. молчит, так как понимает, что Л. лучше не возражать. Девушки уже 3 года живут вместе.

Первые реплики Н. и Л. представляют собой пикировку с применением деструктивных тактик. Н. выражает свое недовольство поведением Л. в форме декларации, Л. также отвечает декларацией. Однако далее одна сторона прибегает к конструктивной тактике объяснения (*Потому что мне неудобно, и они там пачкаются*), а другая — к тактике молчания, в данном случае направленной на погашение конфликта. Оба коммуниканта используют только нейтральные языковые средства. РК гасится на ранней стадии развития.

Таким образом, реализация явления РК в конкретных конфликтных эпизодах неоднородна. Ядерными являются такие эпизоды, в которых происходит полноценное вербальное взаимодействие двух и более коммуникантов, характеризующееся активным использованием обоими участниками РК соответствующих вербальных и прагматических средств. Конфликтные эпизоды, в рамках которых соответствующие вербальные и прагматические средства встречаются единично, относятся к периферии РК. Также к периферийной области РК относятся те эпизоды, в рамках которых конфликтное

взаимодействие не поддерживается одним из информантов вербально. При дальнейшем изучении новых конфликтных эпизодов возможно выделение других критериев отнесения эпизодов к ядерной/периферийной области РК.

Примечания

1. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. — Краснодар, 2008. — С. 4.
2. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2003. — 35 с.
3. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орёл, 2004. — 20 с.
4. Седов К. Ф. Типология и портретирование языковых личностей // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение. — Барнаул; Кемерово, 2006. — С. 149–204.
5. Волкова О. С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт» (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2009. — 18 с.
6. Третьякова В. С. Указ. соч. — С. 9.
7. Гулакова И. И. Указ. соч. — С. 3–4.

Т. Н. ШАМАНАЕВА

Фразеологизмы как элемент конфликтного текста

Рассматривается феномен новой фразеологии на примере статьи русского журналиста и писателя Б. Миронова «Что делать русским в России», которая была признана некоторыми экспертами экстремистской.

Ключевые слова: русская фразеология; конфликтные тексты.

Фразеология — это фрагмент языковой картины мира. Фразеологизмы не просто описывают мир — они его каким-либо образом интерпретируют, оценивают, выражают отношение к миру говорящего. Именно это и отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц.

Относительно новейшей фразеологии в книге «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы» пишут Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров: «Несколько замечаний о фразеологии новейшего времени. Переход от индивидуального словоупотребления к массовому, т.е. преобразование речевого факта в языковую единицу, по природе своей требует весьма длительных промежутков времени, поэтому новых фразеологизмов — немного»¹. И далее они пишут о фразеологизмах, которые возникли в период и после советской власти, и о том, что большую роль в этом направлении играют наука и техника. Здесь можно было бы

с ними поспорить, потому что все чаще и чаще в современной коммуникации начинают употребляться фразеологизмы, и возник такой феномен, как «новая фразеология».

Появлению новой фразеологии поспособствовала демократизация языка, которая наблюдается в русском языке с момента падения советской власти. Наблюдается тенденция к установлению живого неформального общения во всех сферах русского языка, расширяется сфера спонтанного общения, мало кто уже читает по бумажке перед экраном. Свобода выбора форм выражения породила тенденцию к небывалому словопорождению². Поэтому фразеология как часть лексического уровня языка, одного из самых подвижных уровней, не могла остаться в стороне.

В последнее время фразеология часто начинает использоваться в политических текстах, в том числе и конфликтных. Также замечено, что фразеологические единицы нередко используются и в тех экстремистских текстах, которые связаны именно с политикой.

Таким образом, одной из актуальнейших проблем становится выяснение статуса, роли и значения фразеологических единиц в конфликтных, в частности, экстремистских текстах.

Рассмотрим феномен новой фразеологии на примере статьи Б. С. Миронова «Что делать русским в России». Эта статья, по заключению некоторых экспертов, имеет экстремистский характер и посвящена описанию политической обстановки в России.

Выявленные фразеологизмы будут рассмотрены с точки зрения их выборочной характеристики — без классификационных признаков, с элементами лингвокультурологического анализа и т.д. Думается, такой способ первоначального представления материала вполне уместен, поскольку позволяет определить своеобразный «плацдарм», основания и условия для дальнейшей подробной характеристики фразеологических единиц, дает возможность увидеть спорные моменты и пограничные явления во фразеологии конфликтного текста.

Всё исполняется по задуманному плану. «*Всё идет по плану*» — одна из самых известных песен русского рок-музыканта Егора Летова и его группы «Гражданская оборона»; впервые записана в 1988 г.³ Именно после этого получило распространение данное выражение. Как видим, в анализируемом фразеологизме происходит замена компонентов: вместо *идёт* — *исполняется*, вместо *по плану* — *по задуманному плану*. Но такая лексическая корректировка не меняет основного смысла выражения. Меняется лишь одна семантическая доля: если в выражении *всё идет по плану* мы понимаем, что контролируем этот план, то в выражении *всё исполняется по задуманному плану* мы видим, что все идёт по плану, но уже само по себе, без нашего посильного труда. Об этом свидетельствует наличие возвратного постфикса *-ся*, который указывает,

что действие совершается само по себе, без какого-либо внешнего движителя (состояние, не зависящее от лица). Это также, по мнению автора, является яркой характеристикой политической и социальной обстановки в стране: *«Нам, русским, надо осознать и накрепко запомнить: всё, что происходит ныне в России, делается осмысленно и точно, без единой ошибки и ложного шага, всё исполняется по задуманному плану...»*.

Наглость — вот основной движитель выборной кампании. Можно провести аналогию с известными выражениями типа *лень — двигатель прогресса*. Здесь мы видим ещё один способ образования новых фразеологизмов: берётся структура известного фразеологизма, и происходит нанизывание новой лексики, создаётся, по сути, новый фразеологизм. Здесь также имеется негативная оценка того, что происходит в политической сфере страны: не забота о народе, не честность и открытость, желание улучшить жизнь народа в стране, а наглость может помочь тебе выиграть выборы.

Попадает в руки людей, непосредственно заинтересованных в устранении конкурентов с мирового рынка... В данном случае можно провести параллель с фразеологизмом *попасть не в те руки*. Здесь полностью раскрывается метафорическое значение фразеологизма. И понять скрытый негативный смысл данного выражения (семантику *попасть не в те руки*) можно лишь с учётом значения исходного фразеологизма.

Такого рода комбинирование смыслов вполне соответствует признакам языковой игры, особенности которой в рамках конфликтного текста с использованием фразеологии будут рассмотрены в дальнейшем.

При анализе материала не было выявлено ни одного фразеологизма с положительной оценкой. Это в целом характеризует авторскую интенцию: негативное отношение к политической и социальной обстановке в стране, о которой он хочет рассказать своим читателям. Такое обилие фразеологизмов делает текст эмоционально приподнятым. Это помогает не просто сухо перечислять автору какие-то факты из жизни страны, но и воздействовать на читателя на эмоциональном уровне.

Таким образом, можно обозначить следующие особенности функционирования фразеологизмов в рассмотренном конфликтном тексте:

- трансформация исходных фразеологизмов (лексическая, а как следствие и семантическая);
- размывание метафорического значения исходного фразеологизма, одной из целей которого является приближение читателя к актуальной реальности;
- использование языковой игры, в основе которой лежит трансформация и комбинирование семантики фразеологических единиц;

- объединение нескольких фразеологизмов в один новый, за счет чего корректируется семантика каждой части (каждого исходного фразеологизма).

Примечания

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием Ю. С. Степанова. — М.: «Индрик», 2005. — С. 180.
2. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — С. 76.
3. Материал взят из Википедии [Электронный ресурс]. — URL:<http://ru.wikipedia.org>

А. В. ШУБАЕВА

Молодёжный жаргон: способы образования сленгизмов

Рассматривается молодёжный сленг, его общеязыковые функции и способы образования. Оценивается значимость молодёжного сленга в речи студента в современном мире.

Ключевые слова: молодёжный сленг, сленгизм, студенческий жаргон, способы образования.

Общение и выражение своего мнения являются частью саморазвития человеческой личности. Для современного студента важно не только «что сказать», но и «как сказать», чтобы быть интересным собеседником. Изъясняясь с помощью необычных слов и выражений, говорящий привлекает к себе внимание, тем самым реализуясь как многосторонне развитая и эрудированная личность. Молодёжный жаргон (или сленг) — словотворчество, поэтому он является одним из инструментов, используемых студентом для самоусовершенствования.

Студенческий жаргон как лексическая подсистема относится к групповым жаргонам. Это своеобразный язык, распространённый среди учащихся высших учебных заведений. В нём можно выделить две группы. Первая — это общие для всех студентов жаргонизмы: *универ*, *препод*, *фак*, *абитура*, *первокур*, *общага*, *хвост*, *шпора* и др. Вторая группа состоит из сленгизмов, которые употребляются студентами в соответствии с их факультетом и специализацией. Обычно слова образуются от сокращённых названий предметов, терминов, реалий, присущих данному факультету, иногда используются их шуточные трансформации. Филологический факультет: *дрель* — древнерусская литература, *заруба* — зарубежная литература. Факультет журналистики: *журавлёнок* — студент первого курса ФЖ. Юридический институт: *уголовка* — уголовное право, *админ* — административное право, *касатка* — кассационная жалоба.

Иногда названия предметов заменяются фамилиями преподавателей или их шутливыми формами (*Лебедок* — история русской литературы XVIII века). Нередко фамилии авторов учебников или их измененные формы тоже становятся сленгизмами.

Молодёжный сленг реализует главные общезыковые функции: номинативную, коммуникативную, социальную, информационную, коммуникативно-адаптационную и конспиративную. Последнюю можно назвать «тайной», служащей своеобразным паролем, средством опознания «своего человека»¹. Ведущей является эмоционально-экспрессивная функция, благодаря которой образуются синонимические ряды с общерусскими словами: стипендия — *стипуха, степеша, степя*; библиотека — *библа, научка*; девушка — *девчуля, бэйба, чика, чикса, цыпа, цыпуля, курочка, бомба*. Степень эмоциональной окрашенности варьируется в зависимости от способа словообразования (аффиксация, усечение, метафорика, метонимия, аббревиация, словосложение и др.).

Цель настоящей статьи — рассмотреть наиболее часто встречающиеся способы образования жаргонизмов в речи студентов разных факультетов ТГУ.

При образовании новых жаргонных единиц и переосмыслении старых чаще всего просматриваются тенденции к краткости, простоте, образности выражения мыслей и ощущений говорящего² и к экспрессивности употребляемых сленгизмов. Стремление молодёжи ярче, эмоциональнее выразить своё отношение к описываемому предмету или событию, дать свою оценку происходящему является основной причиной появления новых жаргонизмов.

Большое количество молодёжных жаргонизмов появляется с помощью английского или другого языка. Можно выделить 2 группы **иностранных заимствований**: *транслитерация* — прямое заимствование. Слово встречается в русском сленге приблизительно в том же виде и в том же значении, что и в языке-оригинале. Например, *левел* (level) — уровень, *апгрейд* (upgrade — делать апгрейд, модернизацию) — совершенствование компьютера или мобильного телефона, обновление его функций, программ и т.п.

Гибридизация. Сленгизмы образуются присоединением к иностранному корню русского суффикса, приставки или окончания. В этом случае часто несколько изменяется значение иностранного слова-источника, например: *олдовый*, *гуглить*, *ачивка* (комп. игр., англ. achieve — ‘добиваться, достигать’ — достижение, дополнительная возможность, которая даётся при выполнении каких-либо действий в компьютерной игре).

Аффиксация как средство образования новых сленговых единиц очень продуктивна. Наиболее распространённые суффиксы для имён существительных: -ух- (*стенуха*), -ота (*алкота*), -аг(а)/-яг(а) (*общага*,

стиляга), -щик, -ник, -ач (*халявщик*), -ак/-як (*депрессняк*), -лово (*кидалово*), -он (*причесон*) и др. Для образования имён прилагательных характерны такие суффиксы, как -ов, -н-, -ск- (*чумовой*) и др.

Усечение. Данный способ словообразования в жаргоне используется для сокращения сложных слов или словосочетаний, для экономии времени и речевых усилий, а иногда и для конспирации. *Ф-ра, гиста* — гистология, *микра* — микробиология, *шиза* — шизофрения, *алк, бру, агры* — агрономы, *касатка* (юр.).

Метафора и метонимия. Новые жаргонные слова, образованные данным способом, являются результатом переосмысления слов литературного языка. С помощью ассоциативной связи между словами появились такие сленгизмы, как *айболит* — антивирусная программа; *бомба* — девушка; заранее приготовленный ответ для экзамена; *ваниль* — чувствительный, романтичный человек; *колбаса* — ручная кладь, сумка; *огонь* — положительная характеристика чего-либо; *качалка* — тренажёрный зал. Метонимия: *травя* — наркотики для курения.

Сложение. Сложение основ — ещё один способ рождения новых слов в студенческом жаргоне. *Ватокат* — человек, который ничего не делает или занимается бесполезным делом, ленивый. *Синемор* — человек, который часто употребляет алкогольные напитки. *Гопостайл* — стиль одежды, приближенный к спортивному. Сложение целых слов: *грусть-печаль-тоска-котят* — выражение уныния, переживания.

Аббревиация полная или частичная. Новые жаргонные единицы образуются и путём сложения усечённых отрезков или усечённых отрезков и целых слов исходного словосочетания. Например, *ИМХО* (от англ. IMHO, InMyHumbleOpinion — по моему скромному мнению), *вычмат* — вычислительная математика.

Игра слов, звуков (или каламбур). Фонетическое сходство слов с именами собственными или экспрессивными легкозапоминающимися словами. Например, *mail* — *емеля* или *мыло*, *ICQ* — *аська*, клавиатура — *клава*, хоккейно (*окейно* — *окей*). Или же сходство в звучании и частичное функциональное сходство: *мерин* — мерседес. Фонетическое подражание бранному слову: *толкиенутый* — человек, увлечённый произведениями Толкиена. Перестановка звуков также является одним из инструментов данного способа словообразования. *Очепятка* — опечатка, почвоведы — *почвоведы* (в данном случае отсутствие звука).

Таким образом, мы назвали семь способов образования жаргонных единиц, что, несомненно, говорит о том, что данный пласт лексики богат и разнообразен и заслуживает не меньшего внимания лингвистов, чем литературный язык.

Появление многих жаргонизмов связано со стремлением молодёжи ярче, эмоциональнее выразить своё отношение к тому или

иному предмету, явлению, проявить свою творческую натуру и креативность. Но это не единственная причина употребления сленга студентами. Студенческий жаргон служит для подтверждения неповторимости личности, что очень важно именно для данной возрастной группы.

Примечания

1. *Васильев А. Д.* Слово в телеэфире / А. Д. Васильев. — Красноярск, 2000. — С. 112.
2. *Щенникова Е. В.* Специализированная лексика языка наркоманов // Вестник Московского университета. — Сер. 9: Филология. — № 3. — М.: Изд-во Мос. ун-та, 2009.

А. С. ШВЕЦОВА

Форум как сложное речевое событие

Рассматривается форум как сложное речевое событие общественного характера, в рамках которого помимо общения на профессиональные темы и обмена информацией формируется определённое отношение к месту проведения, чему способствуют поведение участников события.

Ключевые слова: форум, сложное речевое событие, речевые события, дискуссия.

В работе анализируется один из факторов формирования успешного имиджа региона — создаваемые события. Одним из ярких событий Томской области является Томский инновационный форум INNOVUS, имеющий большое значение для имиджа региона, поскольку позиционирует Томскую область как регион, являющийся одной из немногих в России площадок активных инновационных процессов.

В исследованиях по отечественной имиджеологии не дано чёткого определения понятия «событие». В имиджеологии имеется понятие «событийный маркетинг (event-маркетинг) — одна из интерактивных технологий интегрированных маркетинговых коммуникаций, имеющая целью организацию мероприятий, связанных с продвижением марки, продукта, услуги, персоны»¹. Из определения следует, что английским аналогом лексемы «событие» является лексема «event». В «англо-русском словаре общей лексики «Lingvo Universal» лексема «event» в качестве существительного переводится как «1) событие; происшествие, случай <...>; 2) мероприятие (приём, встреча); <...>3) исход, результат, конечный счёт;...»². Таким образом, лексема «мероприятие» является синонимом лексемы «событие», следовательно, в имиджеологии понятие «событие» можно объяснить через определение понятия «мероприятие», которое «Словарь русского языка в 4 томах» (МАС) трактует как «организованное действие или совокупность действий, направленных на осуществление определенной цели»³.

Сложные речевые события общественного характера, помимо общения на профессиональные темы и обмена информацией, формируют определенное отношение к месту их проведения. В данной ситуации велика роль СМИ — они являются средством трансляции знаний о существующих сложных речевых событиях. Насыщенность программы форума различными событиями дает повод для его активного освещения в прессе не только на региональном, но и федеральном уровне.

Сложное речевое событие (далее — СРС) служит моделью построения определенного коммуникативного акта (коммуникативных актов) в конкретной ситуации общения независимо от уровня сложности ситуации. Модель СРС закреплена в сознании и языке, и каждый раз при определенных коммуникативных условиях эта модель реализуется, наполняясь конкретными признаками конкретной коммуникативной ситуации. Таким образом, ситуация создает обстановку коммуникации, внутри которой возможны самые разные типы поведения⁴.

Форум относится к речевым событиям общественного характера, которые обычно заранее планируются, назначаемы и контролируются. Строение таких событий имеет общественно закрепленный, даже в значительной мере ритуализированный характер. Цель является одним из важнейших компонентов, определяющих целостность события. Главная цель Томского инновационного форума INNOVUS — 2013, обозначенная в его официальной программе, — обеспечить продуктивный диалог сырьевых корпораций и малого инновационного бизнеса — указывает на его коммуникативную направленность.

Форум как сложное речевое событие имеет комплексный характер, его внутренняя форма складывается из более частных речевых событий. Эти события по целевой направленности можно разделить на *дискуссионные* (панельная дискуссия, круглый стол, технологическая сессия, заседание, пленарное заседание, конференция, открытые лекции) и *выставочные* (презентация проекта, выставка). Ключевыми словами в целях дискуссионных событий являются глаголы и девербативы с коммуникативной направленностью: *обсудить, определить, обсуждение, обмен опытом* и т.д., что полностью соответствует основному направлению форума. Цели выставочных мероприятий выражаются через девербативы с семантикой наглядности: *демонстрация, представление* и т.д., что освещает лишь один аспект работы форума.

Большинство видов частных речевых событий, включенных в состав форума, имеют дискуссионный характер. Дискуссия является одним из наиболее сложных проявлений речевой деятельности и в плане содержания, и по форме своего выражения. Её границы не обусловлены постановкой и разрешением одного коммуникативного намерения говорящего, она определяется одной темой, в рамках которой раскрываются различные проблемы⁵.

С точки зрения ролевых отношений участников дискуссии можно разделить по их функциям:

1. **Модератор дискуссии.** В задачи модератора входит сохранение поставленных рамок; постановка наводящих вопросов, подведение итогов; анализ настроения публики и вовлечение публики; контроль за временем и программой. При этом модератор использует следующие речевые действия⁶:

- дескриптивные речевые действия (информирование о предмете речи): *«Вот про такой город и как он связан с экономикой мы бы хотели сегодня поговорить»*;
- директивные речевые действия (побуждение к действию) — стимулирование собеседника к выражению своей позиции, ограничение активности оппонента в ходе обсуждения какой-либо проблемы: *«Но у меня просьба больше сконцентрироваться больше на таком специфическом объекте, на территории, как город»*;
- экспрессивные речевые действия (эмоциональное воздействие на адресата) — выражение одобрения, призыв к участникам дискуссии не нарушать регламент: *«Хорошо, хорошо. Никола Бушо, я вам представляю, нашего французского коллегу»*;
- конвенциональные речевые действия (соблюдение норм речевого этикета) — формулы представления, приветствия, благодарности и т.д.: *«...позвольте вам представить, Алексей Козьмин»*; *«Спасибо большое. А...двинемся дальше»*.

2. **Ключевые спикеры.** Их функция заключается в освещении одной из заявленных проблем в рамках темы дискуссии. В их речи можно проследить следующие речевые действия:

- дескриптивные речевые действия (информирование о предмете речи): *«...если мы сужаем наш разговор сейчас до Северска и Томска, то, собственно, первый тезис такой», «Ну я начну тогда с одной главной... с одной из двух главных для меня идентичностей Томска»*;
- конвенциональные речевые действия (соблюдение норм речевого этикета) — формулы приветствия, самопрезентации: *«Спасибо, Thank you...Is it okay? Imust to apologize...», «Добрый день. А... я... э... заготовил три тезиса»*.

3. **Участники дискуссии.** Эту группу можно разделить на активных и пассивных участников. Активные — принимают непосредственное участие в ходе дискуссии. Нередко в эту группу включаются ключевые спикеры, временно меняя свою функцию после выполнения основной, также модератор сам может стать участником дискуссии. К пассивным участникам можно отнести людей, которые не вступают в ход разговора, либо знакомятся только с конечными результатами обсуждений и используют их. Речь активных участников включает следующие речевые действия:

- конвенциональные речевые действия (соблюдение норм речевого этикета) — формулы приветствия, благодарности, формулы

извинения и т.д.: *«Спасибо, Алексей», «Вы меня, конечно, извините, никогда это публично не говорил»;*

- когнитивные речевые действия — приведение примера, изложение собственной точки зрения; *«Тебе тезис сразу. А... ты говоришь, что в силу того, что Томск относительно крупный город, в нём очень разные куски, разного качества. Вопрос: нужно проводить политику выравнивания или политику поощрения ещё большего многообразия?»;*
- кооперативные речевые действия (взаимодействие с адресатом) — коллективное обсуждение отдельной проблемы в ходе круглого стола: *«Поэтому а... те посылы, о которых сейчас Сергей Николаевич говорил а... я о тех акцентах, которые должен мэр посылать, в городское сообщество послал. Этот посыл вы, Сергей Николаевич, безусловно, помните»;*
- экспрессивные речевые действия (эмоциональное воздействие на адресата) — выражение одобрения, осуждение некорректных высказываний: *«Давайте, лучше, я затем».*

Форум как сложное речевое событие имеет комплексный характер и складывается из частных речевых событий, которые, в свою очередь, можно разделить на дискуссионные и выставочные. В программе форума представлено большое разнообразие дискуссионных форм, которые подразумевают три вида ролевых отношений участников: модераторы, ключевые спикеры и участники дискуссии. Каждая группа отличается функциями и набором речевых действий, а также степенью вовлеченности в дискуссию.

Примечания

1. Быстрова Т. Ю. Словарь по имиджологии/ Т. Ю. Быстрова. — 2007—2012 [Электрон. дан.]. — URL: http://www.taby27.ru/studentam_aspirantam/image_wse/image_glossary
2. Англо-русский словарь общей лексики «LingvoUniversal». — АБВУ, 2011. Электрон. дан.] — 100 тыс. статей.
3. Словарь русского языка: в 4 т.: Описание ЭНИ// Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). — М., 2005. [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encys.htm>
4. Дубровская О. Н. Сложные речевые события как средство формирования социокультурной идентичности // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 3. — С. 45—52.
5. Клобукова Л. П. Научная дискуссия как акт коммуникации (лингвометодический аспект) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Вып. 3. — М.: Филология, 1998. — С. 5—7.
6. Там же. С. 7.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

К. А. АКЕНТЬЕВА

Представление о государственном празднике в сознании россиянина (на материале интернет- комментариев)

В настоящее время учёные активно описывают феномен праздника. Однако проблема современного праздничного календаря, его отражение в сознании людей практически не исследовались. В данной работе выявляется представление о государственном празднике и о Дне народного единства среди россиян по данным сообщений, размещённых в сети Интернет.

Ключевые слова: государственный праздник, День народного единства, онлайн-комментарии.

Праздник является неотъемлемой частью человеческой культуры. В настоящее время ученые активно описывают этот феномен с психологической, лингвистической, культурологической, философской точек зрения [Бенифанд А. В., 1986; Гужова И. В., 2006; Мазаев А. И., 1978; Пигалев А. И., 2006; Топоров В. Н., 1980; Эмер Ю. А., 2011]. Однако проблема современного праздничного календаря, его отражение в сознании россиян практически не исследовались.

При проведении психолингвистического эксперимента мы выявили, что в сознании россиян государственные праздники представлены по-разному. Так, у реципиентов существует как закреплённый образ Международного женского дня, так и устойчивая модель его празднования. Однако День народного единства, являющийся государственным праздником, появившимся в праздничном календаре с 2005 г., не входит в представление опрошенных в русский праздничный календарь — он представлен лишь как очередной выходной день, не имеющий праздничной идеи, ритуала празднования и какой-либо эмоциональной составляющей. На настоящий момент, по данным психолингвистического эксперимента, отношение ко Дню Народного Единства среди россиян является противоречивым (от равнодушного до негативного). Так, из 106 опрошенных 17 считают, что это просто *выходной*; 4 реципиента знают наименование праздника — *День народного единства*; остальные реакции были единичными: *не знаю, осень, суббота, день* и др.

Целью нашей работы является выявление представления о дне народного Единства среди россиян по данным сообщений, размещенных в сети Интернет, что позволит сравнить полученные данные с результатами проведенного ранее психолингвистического эксперимента.

Материалом исследования послужили комментарии пользователей в блоге «Праздник», созданного нами. За время существования блога было получено 55 комментариев, остановимся подробнее на 19 комментариях, оставленных пользователем AWA1969.

В комментариях данного пользователя можно выделить три типа сообщений: о государственном празднике вообще, о 4 ноября и 7 ноября.

В сообщениях автор представляет своё понимание государственного праздника: *«Я думаю, что **государственный праздник** должен отождествляться с **событиями, переломившими ход истории** данного государства. Судя по официальным определениям, за исключением христианской составляющей, можно предположить, что в скором будущем будут государственными праздниками события 1242 г., 1380, 1812, а не устанем праздновать...»* Ключевые лексические единицы: *события, переломившие ход истории, фундаментальное событие государства, корни происхождения* демонстрируют убежденность автора в том, что государственный праздник может считаться таковым, только если связан со значимым событием в истории государства, при этом фундаментом для него должны стать *история, идеология и пропаганда*. Отметим, что другие пользователи при обсуждении данной темы отмечают, что у каждого государственного праздника должна быть *своя история*, он *должен способствовать воспитанию духа патриотизма*.

Вторая неотъемлемая составляющая государственного праздника, по мнению комментатора, — это пропаганда: *«прочный фундамент, как исторический, так и пропагандистский, в том числе и духовный»*. Наиболее частыми в комментариях данного пользователя являются лексические единицы *пропаганда, ГОСУДАРСТВЕННАЯ политика, раскрутка, пиар*.

Анализ сообщений показал, что комментаторами выделяется второе условие, благодаря которому государственный праздник осознается как таковой — это распространение праздничной идеи с помощью СМИ, с помощью различных PR-технологий: *«**пропаганда** это не одни фильмы и публикации в СМИ, а **ГОСУДАРСТВЕННАЯ политика**, — СМИ, интернет, уроки в школе, демонстрации, митинги и собрания, плакаты (баннеры) и листовки и многое другое...»*. Другие пользователи согласны с мнением AWA1969, что выражено в следующих комментариях: *«Возможно, в дальнейшем **политика правительства** приведёт к желаемым им результатам»*; *«Если наши власти примут меры для **«раскручивания»** Дня народного единства, люди не будут пожимать плечами на вопрос: А вы знаете, что отмечает страна 4 ноября?»*.

Итак, комментарии-рассуждения о государственном празднике позволяют утверждать, что государственный праздник прежде всего должен обладать праздничной идеей, связанной с каким-либо глобальным событием в истории государства, а кроме того, должна быть пропаганда данного праздника среди граждан, подкрепленная эмоциональной составляющей.

При описании 7 ноября пользователь выбирает слова, которые во многом повторяют лексику, использованную при описании государственного праздника: *более солидный фундамент, событие, пропаганда*. Кроме того, в данной группе комментариев можно выделить лексику, относящуюся к событию (*события, Гражданская война — величайшая трагедия России*), и лексику, имеющую отношение к пропаганде (*идеологическая пропаганда*). Таким образом, мы видим, что в сознании пользователя AWA1969 7 ноября является образцом государственного праздника, который имел постоянно транслируемую праздничную идею, кроме того, в комментариях других пользователей также прослеживаются частые отсылки к данному празднику: *«мы, дети, с удовольствием ходили 7 ноября на демонстрацию»*.

Рассуждения о 4 ноября, как правило, сводятся к сравнению с 7 ноября, отсюда активное использование таких лексических единиц, как *тогда — сейчас, есть — нет*.

4 ноября в сознании пользователя не является не только образцом государственного праздника, но и праздника вообще. День народного единства не только не имеет праздничной идеи (*нет глобального события*), но и нет достаточно мощной пропаганды данного праздника. Кроме того, отсутствует и эмоциональная составляющая, что подтверждается результатами психолингвистического эксперимента, по проведении которого не было выявлено реакций, связанных с эмоциями, в то время как на слово-стимул *праздник* они были ядерными. Отметим, что на смену первоначально негативному или равнодушному восприятию праздника пользователем (*выходной день, прокукарекал, а там хоть солнце не вставай*), приходит заинтересованное отношение, комментатор предлагает ряд действий для того, чтобы День народного единства воспринимался как государственный праздник (*необходимо придание духа единения, счастья, веселья, изучить корни и истоки, дополнительный выходной, надеюсь, временно*), а именно привнесением в него особых праздничных эмоций. При этом пользователь AWA1969 постоянно подчёркивает идею о том, что нужна массовая, постоянная популяризация, создание положительного образа посредством использования PR-технологий, что приведет к тому, что День Народного Единства будет восприниматься как праздник с праздничной идеей, выработается праздничный ритуал, а участники будут испытывать особые эмоции.

Следует отметить, что при описании своего отношения ко Дню народного единства в первых сообщениях пользователь активно иронизирует (*Широкий выбор: пресмыкаться, а не устанем праздновать..., «народными» гуляньями, торговлей перед администрацией просроченными пирожками и наездами вышедших в тираж артистов, в этом и есть проза жизни*), перечисленные лексические единицы с отрицательной семантикой отражают негативную картину мира, в последующих текстах использование лексики с нейтральной или положительной оценкой данного праздника (*4 ноября, надеюсь временно, считаю дополнительным выходным днём, духа единения, счастья, веселья, народ примет и поймёт*) свидетельствует об изменении отношения автора комментариев к 4 ноября.

Таким образом, на данном этапе работы мы можем говорить о том, что в сознании россиянина существует определённая модель государственного праздника, однако День народного единства в неё не вписывается, так как, по мнению пользователей блога, данный праздник не соотносится с каким-либо событием, повлиявшим на дальнейшее историческое развитие государства, а кроме того, эмоциональная составляющая праздника недостаточно актуализируется.

А. В. ВАСИЛЬЕВА

Экспрессивность в коротких электронных сообщениях: коммуникативно-прагматическая характеристика

Рассматривается экспрессивность в коммуникативно-прагматическом и гендерном аспектах. Цель работы — проверка гипотезы о том, что направленность экспрессивных единиц отличается в мужской и женской речи. Гипотеза проверяется на материале коротких электронных сообщений.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, корпусная лингвистика, экспрессивность.

Гендерные исследования являются перспективным направлением лингвистики, в рамках которой одним из аспектов исследования является речевое поведение мужчин и женщин, то, какое влияние на это оказывают социальные факторы и коммуникативная среда. Одной из таких коммуникативных сред, которая может влиять на формирование и проявление гендера, является Интернет, в котором автор сообщения может быть скрыт, в связи с чем возникает проблема формирования методов определения половой принадлежности авторов текстов, в том числе и в системе криминалистической экспертизы. Данная проблема является междисциплинарной, так как входит в проблемное поле лингвистики, юридических наук, информатики. В статье представлен лингвистический фрагмент междисциплинарного проекта, направленного на

решение данной проблемы. Наша задача состоит в исследовании языковых показателей гендерных оппозиций лингвистическими методами.

В работах Т.Б. Крюковой, Е.А. Земской, М.М. Китайгородской, Е.И. Горошко и др. было выявлено, что наиболее яркими показателями отличий мужской и женской речи являются экспрессивные единицы, т.е. единицы, выражающие либо эмоции автора, либо его отношение к предмету речи. При определении категории экспрессивности и способов её языковой репрезентации мы опирались на работы Н.А. Лукьяновой и В.Н. Телия. Вслед за Н.А. Лукьяновой считаем, что экспрессивность как макрокомпонент семантики включает следующие компоненты: эмоциональность, интенсивность и образность. Так, в следующем примере: «*Не нравится мне этот Габриэль. Довольно неприятно брюзжал у себя на твиттере о русских артистах*», в экспрессивной единице *брюзжать* мы выделяем все три компонента: эмоциональный компонент «неодобрительное»; интенсивность, о чём свидетельствует компонент «беспрестанно» — действие совершается часто, сверх меры; образный компонент основывается на звуковом сходстве единицы «брюзжать» и звуке (ворчании), который получается в результате.

Языковыми средствами выражения экспрессивности являются единицы разных уровней. На данном этапе мы рассматриваем и анализируем лексические, морфологические и графические средства выражения экспрессивности. При анализе экспрессивная лексика (экспрессивы) может рассматриваться в формальном, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах.

Объектом нашего исследования являются особенности мужской и женской письменной речи в электронной коммуникации; **предметом** — коммуникативно-прагматический аспект экспрессивности в коротких электронных сообщениях. **Цель анализа** — проверка гипотезы о том, что коммуникативная направленность экспрессивных единиц отличается в мужской и женской речи.

Источниками для нашего исследования послужили материалы практики студентов филологического факультета ТГУ. Общая база исследования состоит из коротких электронных сообщений, принадлежащих 5 мужчинам и 5 женщинам, в количестве 100 сообщений каждого автора, объёмом от 50 до 250 символов. Возраст авторов текстов варьируется в пределах от 14 до 36 лет, социальное положение также неодинаково — от школьников до людей с высшим образованием. Это позволяет говорить об исключении влияния возрастного и социального факторов на результаты исследования. Нами были проанализированы тексты, в которых в результате предварительной направленной обработки были убраны показатели грамматического рода лексем, называющих признаки и действия говорящего (я читал...; я так... умн...), для того, чтобы минимизировать влияние гипотезы на получение результатов.

При определении коммуникативной направленности экспрессивных единиц как аспекта дифференциации мужской и женской речи мы обратились к модели коммуникации Романа Осиповича Якобсона. Применительно к специфике анализируемых материалов мы выделяем четыре базовых компонента: «отправитель — сообщение — получатель — контакт».

Мы полагаем, экспрессивные единицы реализуют следующие варианты коммуникативно-прагматической направленности:

Направленность на себя — говорящий выражает эмоциональное отношение к себе, оценивает свои действия: *«Я тоже попробова... получилась! Во я криворук... !; Не будем исключать этот вариант ^_^ Пусть бо-
ются гады! В гневе я страш... !»*

Направленность на собеседника — говорящий проявляет свое отношение к собеседнику, его словам и действиям: *«Катя, создай партию! Я буду голосовать за тебя!;ТУСИНСКУЮ В ПРЕЗИДЕНТЫ!;Марин помо-
ги))))))»*

Направленность на предмет речи (сообщение) — говорящий оценивает или выражает свое отношение к тому, о чем идет речь в сообщении: *«Нуслава Богу. Сингл через 3 дня провалился, а лэйбл в него на всё ле-
то мертвой хваткой вцепился: Тем не менее, у девчушки прикольный голос.
Этакая молодая Софочка Ротару».*

Направленность на создание фона коммуникации (контакт) — гово-
рящий с помощью специальных средств (чаще всего смайликов) пытается создать определенное настроение в сообщении с целью позитивного развития коммуникации: *«Кстати, пятница выходной день в Эмиратах,
поэтому сегодня на пляже было много людей)))»; блин мне бы желательно
что бы не оочень далеко от цариков))))))))))))))))))))».*

Проанализировав данные в количественном аспекте, мы обнаружили, что общее количество слов мужских и женских сообщений составляет 19821. Из них в женских текстах 9982 слова, в составе которых 71 слово (0,7 %) служат средством выражения экспрессии, направленной на себя; 146 слов (1,5 %) — на собеседника; 849 слов (8,5 %) — на предмет речи; 179 слов (1,8 %) — на создание фона коммуникации.

В мужских сообщениях 9838 слов, в составе которых 36 слов (0,4%) служат средством выражения экспрессии, направленной на себя; 67 слов (0,7 %) — на собеседника; 723 слова (7,3 %) — на предмет речи; 59 слов (0,6 %) — на создание фона коммуникации.

При том, что общая направленность экспрессивов одинакова у представителей обоих полов, в большинстве случаев единицы направлены на оценку того, о чём идет речь в сообщении, по всем анализируемым параметрам мужчины проявляют себя менее эмоционально, чем женщины. По параметру «на себя» показатели отличаются почти в два раза, «на собеседника» — более чем в два раза, «на предмет речи» — почти в полтора раза и по параметру «фон коммуникации» — в три раза.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что направленность экспрессивных единиц в мужской и женской речи различается. Следовательно, можно говорить о том, что коммуникативно-прагматический аспект экспрессивности может быть одним из параметров определения пола автора текста короткого электронного сообщения. Однако стоит заметить, что всё же, по нашему мнению, его обособленное использование не может гарантировать стопроцентного положительного результата, т.е. верного определения пола автора текста. Поэтому в дальнейшем мы планируем более подробно заниматься анализом и других аспектов экспрессивности — формального и семантического — для получения более точных результатов.

А. Н. КОВАЛЬЧУК

Актуальность использования специализированных лингвистических корпусов для решения практических вопросов юрислингвистики

Раскрываются проблемы определения смысла специфичных для юрислингвистики лексем, возможности корпусных технологий для решения таких проблем. Рассматриваются возможности корпуса конфликтных текстов, его прикладная направленность.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, юридическая лингвистика, юрислингвистика, корпус конфликтных текстов, многозначные слова, актуализация смыслов.

В современной лингвистике текст как объект изучения определил проблему трудоёмкости поиска научного материала. Таким образом, встал вопрос об оптимизации данного процесса. В решении данного вопроса особую роль сыграли интернет-технологии, и на пересечении собственно лингвистики и программирования возникло особое направление — корпусная лингвистика.

В рамках корпусной лингвистики решаются следующие задачи: 1) оптимизация поиска научного материала по особым критериям, определяемым самим исследователем; 2) общедоступность материалов, что обеспечено сетью Интернет; 3) репрезентирование функционального аспекта языка, т.е. определённые средства, единицы языка реализованы в конкретных текстах. В связи с такими характеристиками лингвистические корпуса приобретают все большую популярность. Сейчас существуют разные типы корпусов: фундаментальные, динамические/мониторные и статические; исследовательские и иллюстративные; авторские. Такое разнообразие обосновано требованиями лингвистических исследований.

На современном этапе развития корпусной лингвистики самыми представительными являются национальные корпуса текстов. Для большинства крупных языков мира, как и для русского языка в частности, уже созданы национальные лингвистические корпуса. Национальный корпус представляет собой собрание текстов в электронной форме, репрезентирующих данный язык на определенном этапе его существования.

В лингвистических корпусах, в частности национальном, заложен огромный потенциал, но этот потенциал осмыслен только научной сферой. Минусы всех корпусов в том, что они направлены только на исследователей, людей, связанных наукой, объединённых научными целями, интересами, хотя сам объект рассмотрения — текст — актуален и для рядового носителя языка, так как текстом буквально пронизана вся жизнь современного человека: книги, учебная литература, радио, телевидение, газеты, вывески, реклама, объявления, странички в Интернете и т.д.

Проблема в том, что интерес рядового носителя языка к тексту как любому продукту речевой деятельности может быть основан только на помощи в решении конкретной практической задачи. Одной из таких задач может стать проблема неоднозначности выражения смысла в тексте, а как следствие этого — вариативность его понимания, что может создавать определенные проблемы в реальном функционировании текста. Вариативность понимания — черта, особенно характерная для конфликтного текста.

Конфликтный текст представляет собой такой текстовый инвариант, который объективно допускает некоторое число интерпретационных вариантов. Их в случае юрислингвистического функционирования конфликтного текста по крайней мере два: один представлен адресантом, другой — адресатом. Конфликт разворачивается в тексте: ни одна единица языка не является исключительно инвективной, умаляющей честь и достоинство. Эти свойства языковая единица приобретает только в соответствующем контексте¹. Кроме того, важна и форма выражения той или иной конфликтогенной информации, так как анализом конфликтных текстов решаются практические задачи судебного процесса. Судебный процесс, как и любая экспертная деятельность, должен руководствоваться в первую очередь Конституцией РФ, которая защищает права и свободы человека и гражданина, свободу слова, выражения мнения и т.д. Таким образом, варианты реализации тех или иных языковых единиц, тем более с инвективным потенциалом, могут помочь как исследователю-лингвисту в процессе объективного и всестороннего анализа конфликтного текста, так и участникам процесса².

Для лингвиста-эксперта корпус конфликтных текстов способен предоставить необходимую для исследования информацию: анализ нетрадиционных значений слова путём выделения его из контекстов

конфликтных текстов; анализ приёмов и методов речевого воздействия на адресанта; анализ нетрадиционных значений метафор; анализ значения свободного словосочетания, омонимичного по лексемам с фразеологизмом.

Для рядового носителя языка корпус конфликтных текстов способен подтвердить или опровергнуть его предположения по поводу легитимности представления информации, мнения, предположения. Рядовой носитель языка может обратиться к корпусу конфликтных текстов до судебного разбирательства, если у него возникли сомнения в правомерности изложения информации в том или ином тексте. Выполняя практические задачи, лингвистический корпус актуализирует свою основную задачу — показать функциональную сторону языка во всех проявлениях.

Рассмотрим пример распространенного в интернет-среде приветствия «*Зига, бро*». Наше внимание будет непосредственно обращено к лексеме *зига*. Примечательно, что в толковых и специализированных толковых словарях С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой³; Д. И. Квеселевича⁴; С. А. Кузнецова; В. С. Елистратова; В. М. Мокиенко; В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной; Э. Л. Складорова и А. С. Малаховского значения данной лексемы нет. В Национальном корпусе русского языка найдено 4 документа, 9 вхождений. Анализ данного материала показал, что в данных отрывках лексема *зига* употреблена в значении имени человека.

Специализированного корпуса текстов, ориентированного на специфику материала и задачи юрислингвистики, не существует. В связи с этим многие исследователи, эксперты обращаются к самым популярным поисковым системам: Google.ru, Yandex.ru, Mail.ru. Но и здесь существует опасность некорректной выборки в связи с тем, что поисковые системы не имеют лингвистической направленности, поэтому первыми после строки поиска будут самые посещаемые сайты по точному совпадению слов вашего запроса. Такая ситуация для лингвистического исследования является негативной, так как только самые актуальные значения, зачастую обоснованные экстралингвистической ситуацией (политическими событиями, экономическим кризисом и т.д.), будут доступны для анализа.

Распространенное в интернет-среде приветствие *зига, бро* состоит из двух лексем: *зига* обозначает непосредственно приветствие, *бро* — обращение, сокращение от слова *брат*. Данный апеллятив многозначен, кроме того, может быть применен к любому лицу мужского пола как фамильярное обращение или как акцент на единство идей, мнений адресанта и адресанта. В зависимости, в частности, и от этого лексема *зига* может быть подкреплена историческим контекстом или нет.

Поиск по Интернету дал свои результаты. Результаты разнородны по своим значениям, но наиболее близкими к речевому жанру приветствия

являются следующие (примеры приведены в их первоначальном виде: пунктуация, стилистика, орфография сохранены):

1. *Зига — это фанатский жаргон! Фанатское приветствие, объединяющее ту группу фанатов, которая заряжает (орёт) Зигу в данный момент. Так: Зига!, Ой!, Зага!, Ой!, Зигазага зигазага, ой ой ой! . Чаще всего присуща ультраправым футбольным фанатам⁵.*

2. *Зига — жест в виде вскинутой вперед и вверх руки с обращенной вниз ладонью и вытянутыми пальцами. Как и многие известные жесты (кукиш, хер, виват, честь и др) имеет древнее (вероятнее всего, культовое) происхождение и в разные времена означал разное⁶.*

3. *Зига: древний жест приветствия руки от сердца к небу или просто римское приветствие. Использовалось в Древнем Риме, у славян и в Германии 1933—1945 гг.⁷*

4. *Зига бро: привет, брат — приветствие. Например: Зига бро тебе! Привет друзья! Зига бро.⁸*

В ходе исследования выражения *зига, бро* был проведён опрос через социальную сеть «ВКонтакте». Было опрошено 37 информантов в возрасте 11—29 лет. По результатам опроса 78 % респондентов слышали, употребляли высказывание, 28 % никогда не сталкивались с таким приветствием. Говоря об особенностях употребления, почти 20 % информантов отметили, что данное выражение может употребляться в ироническом смысле. Примечательно, что большинство информантов, отмечающих ироничное употребление данного высказывания, были подросткового возраста: от 14 до 18 лет.

В качестве нейтрального приветствия, не связанного с нацистской идеологией, данное высказывание употребляется достаточно часто — по результатам опроса 35 % информантов слышали данное приветствие от людей подросткового возраста. Чаще всего информанты связывают употребление высказывания *зига, бро/брат* с неосведомлённостью и привлекательным звукорядом. Также некоторые информанты отметили, что данное приветствие уже стало модной тенденцией, мейнстримом — словом, выражением, часто употребляющимся без какого-либо определенного значения. Большинство информантов, говорящих о нейтральном употреблении приветствия *зига, брат/бро*, 70 % отмечают низкий уровень образованности, интеллекта людей, использующих данное приветствие.

По результатам опроса было выявлено одно окказиональное употребление данного высказывания. Окказиональность заключается в положительной коннотации выражения. 65 % опрошенных связывают данное приветствие с идеями нацизма, в том числе неонацизма. Примечательно, что только 5 % респондентов отметили значение данного выражения как приветствия фанатов, тогда как результаты интернет-поиска выявили данное значение как одно из самых актуальных.

Корпусные технологии призваны оптимизировать поиск контекстов, но лишь специализированные корпуса наиболее продуктивно способны решить узкоспециальные задачи и осуществить результативный поиск лексем, характерных для определенной области. Примечательно, что специализированный лингвистический корпус, ориентированный на решение практических задач юрислингвистики, основанный на материале конфликтных текстов, пока не создан.

Примечания

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. — М., 2009.
2. Матвеева О. Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику). — Барнаул, 2004.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. . Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — URL: ozhegov-shvedova.ru
4. Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики / Д. И. Квеселевич. — М.: Астрель: АСТ, 2011. — 1021 с.
5. Ответы@mail.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://otvet.mail.ru/question/35297150>.
6. Ответы@mail.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://otvet.mail.ru/question/51481858>.
7. СЛОВОБОРГ. Народный словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — URL: <http://otvet.mail.ru/question/51481858>.
8. Там же.

Н. А. АГАПОВА, Н. Ф. КАРТОФЕЛЕВА

К вопросу о создании электронного словаря лингвокультурологического типа¹

Особую актуальность и востребованность в настоящее время приобрело такое направление, как разработка и создание электронных словарей, корпусов и баз данных. Авторы статьи видят своей задачей создание электронного словаря лингвокультурологического типа.

Ключевые слова: электронная лексикография, корпусная лингвистика, словарь компьютерного типа, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвокультурография, народная примета.

Особую актуальность и востребованность в настоящее время приобрело такое направление, как компьютерная лексикография: сейчас разработка и создание электронных словарей, корпусов и баз данных являются наиболее продуктивными её областями. Ценность данного направления заключается не только в разработке наглядных и удобных методов представления и классификации материала, но и в том, что электронные словари и компьютерные корпуса позволяют сохранить для дальнейшей обработки уже собранный (иногда на протяжении очень долгого времени) материал, хранившийся ранее в менее удобной

и неустойчивой к внешним воздействиям форме (бумажные картотеки, рукописные источники, аудио-, а также видеоносители, уязвимые перед внешними пагубными факторами, — аудиокассеты, видеокассеты, дискеты и т.д.).

Безусловно, необходимость перевода существующего массива словарей различных типов из бумажного формата в формат электронный назрела уже давно; данное направление сейчас достаточно успешно развивается в рамках отечественной лексикографии: конечно, назвать это собственно научной деятельностью сложно, однако без предварительно проведенной технической работы невозможно получить готовый к исследованию материал — именно перевод информации в электронный формат является первым этапом работы с любым компьютерным корпусом. В отдельных случаях перевод данных в электронную форму сопровождается дополнительной и подчас весьма трудоёмкой деятельностью. В качестве примера можно привести работу по переводу в электронный формат записей диалектной речи: это не только оцифровка самого материала (картотек, тетрадей), но и масштабная подготовительная работа, реализующаяся в виде разработки сложной системы метаразметки и её применения в текстах, составляющих основу компьютерного диалектного корпуса².

В то же время словарь, существующий в электронном формате, — это не просто электронная (отсканированная, оцифрованная) версия уже созданного бумажного словаря, это полностью самостоятельный продукт. В.П. Селегей противопоставляет электронные словари традиционным, опираясь на несколько основополагающих принципов: исследователь называет их «антиномиями бумажной лексикографии». Во-первых, как отмечает автор, большой объём бумажного словаря (являющийся следствием богатой лексической базы и полноты словарных статей) выступает серьёзным препятствием для удобного пользования: многотомный (или же просто очень объёмный) словарь становится буквально непригодным для быстрого поиска информации — не говоря уже о том, что он абсолютно не мобилен в процессе использования. Таким образом, высокое качество словаря на содержательном уровне является непосредственной причиной низкого качества удобства его использования; в качестве примера автор приводит 20-томный Оксфордский словарь.

Вторая антиномия касается актуальности представленной в словаре информации: необходимо отметить, однако, что данное замечание справедливо в первую очередь для двуязычных (переводных) словарей, а также словарей терминологических: «Чрезвычайно долгий цикл создания и модификации фундаментальных бумажных словарей приводит к тому, что образ мира, который они фиксируют в системе своих значений, примеров и переводов, уже заметно отличается от действительности. Многие

словари, основной корпус статей которых сформировался в языковой атмосфере середины века, представляют собой лексикографические музеи (а то и терминологические кладбища, если говорить о специализированных словарях)»³.

Третье противоречие строится на асимметрии формы и содержания: чем интереснее собственно лексикографическая концепция словаря, чем интегральнее средства описания лексических значений, тем уже его лексическая база. Ещё один недостаток бумажных (традиционных) словарей — отсутствие удобной навигации: в данном вопросе наиболее объективной представляется позиция пользователя, работающего со словарём; при этом чем больше объем словаря, тем сильнее данный недостаток проявляется. Основным навигационным инструментом, используемым в словарях, является способ расположения материала: в алфавитном порядке или по тематическому принципу, возможен и смешанный вариант данных способов подачи материала. Этим возможности бумажного словаря исчерпываются.

Возможности компьютерной лексикографии позволяют успешно преодолеть перечисленные трудности и противоречия. Так, первая «антиномия» в рамках электронной лексикографии разрешается благодаря возможности поместить большой объем данных на легкий и мобильный носитель информации, а также разместить созданный словарь (корпус) в сети Интернет, создав, таким образом, возможность обращаться к словарю практически в любое время и любом месте. Неблагоприятные последствия, связанные с долгим циклом создания словаря, можно нейтрализовать — в случае, если программа, в которой создается лексикографический продукт, допускает возможность внесения новой информации и корректировки уже имеющейся. Эта же опция позволяет пополнять базу словаря: таким образом, лексикографический объект перестает быть статичным, застывшим во времени и пространстве и получает возможность обновляться, если таковая потребность возникает. В отличие от бумажной электронная лексикография обладает весьма обширными навигационными возможностями.

Наибольшее количество электронных лексикографических продуктов в настоящее время создается в области переводческой деятельности. Существовать переводные словари могут как в самостоятельном формате — в виде скачиваемой и устанавливаемой отдельной программы, так и в формате интерактивном, т.е. интегрированными в какой-либо электронный ресурс: иначе говоря, пользоваться таким словарем можно в режиме on-line, посетив нужный сайт в сети Интернет. Специально для создания словарей переводческого типа компанией ABBYY — одним из наиболее известных в России разработчиков, занимающихся созданием электронных словарей, был создан язык DSL (Dictionary Specification Language)⁴. Использование языка DSL возможно и для

создания толковых словарей: способ представления материала по принципу «слово — толкование» аналогичен первоначальной схеме «слово — перевод»; меняется только наполнение словаря.

Однако давно назрела необходимость создания электронных словарей не только переводного и толкового, но и других типов: перечисленные ранее «антиномии бумажной лексикографии» актуальны для всех лексикографических областей; не являются исключением словари лингвокультурологического и этнолингвистического типов. Закономерным выглядит версия о том, что организация материала в словарях этого типа предполагает принципиально иной подход, отличающийся от подхода к организации материала толковых и двуязычных словарей; следовательно, и создание компьютерных приложений для них будет строиться иных на принципах.

Словари такого типа диктуют более сложную по сравнению с другими типами словарей форму организации материала: связано это, прежде всего, с тем, что в поле зрения лексикографа наряду с собственно языковыми попадают неязыковые явления (обычаи, обряды, жесты, костюмы...), требующие особого подхода к возможности их представления в рамках словарной статьи. Это актуально для традиционного — бумажного — формата словаря и является не менее актуальным для электронной лингвокультурологии. В то же время специфика материала, отображаемого в словаре лингвокультурологического типа, соединившись с навигационными и техническими возможностями компьютерной лексикографии, способна дать продуктивные результаты в виде не только удобно выстроенной навигации между материалом и иллюстрациями. Использование медиа-приложений (видео-, аудиозаписей, анимированных приложений) является эффективным инструментом для иллюстрирования статей лингвокультурологического характера.

Авторы настоящей статьи видят своей целью разработку электронного словаря именно лингвокультурологического типа: в качестве примера такового было принято решение разработать и создать электронный словарь народных примет, призванный в компьютерном формате объединить корпус народных примет и лингвокультурологический комментарий, сопровождающий собранный материал. Воплощение этого проекта в жизнь предполагает разработку общей концепции словаря, структуры (модели) словарной статьи и принципов организации представленного в словаре материала, а также разработку компьютерного приложения, посредством которого данным словарем можно будет эффективно пользоваться как составителям словаря, так и читателям.

Уникальность заявленного проекта словаря заключается, с одной стороны, в его формальном воплощении — подобные типы словарей пока не представлены в рамках лингвокультурологических (как,

впрочем, и филологических в целом) работ. Создание электронного словаря подобного типа позволит выработать и апробировать ряд универсальных принципов лексикографической работы с материалом, обладающим лингвокультурологической ценностью; прежде всего — в области репрезентации такого материала в формате компьютерного словаря. С другой стороны, актуальность и научная ценность исследования заключается в содержательной части словаря. Это связано, в свою очередь, с тем, что содержательное наполнение заявленного лексикографического продукта базируется на уникальном материале — корпусе народных примет, фиксируемых в рамках работы с разнообразными источниками, обладающем несомненной культурологической ценностью, создаваемом в течение нескольких лет и пополняемом до сих пор.

Работа над представленным лексикографическим продуктом включает в себя несколько базовых этапов.

Первый этап. Сбор материала, который выступит в качестве основы словаря; написание словарных статей, репрезентирующих лингвокультурологический комментарий. В настоящий момент этот этап в целом завершён.

Второй этап. Разработка общей концепции словаря; выбор формы существования словаря; составление программистом технического задания в соответствии с разработанной концепцией.

Третий этап. Выявление функциональных и нефункциональных требований, детализация технического задания на основе выявленных требований; написание словарных статей для электронного словаря.

Четвертый этап. Проектирование архитектуры компьютерного приложения с несколькими вариантами поиска и группировки материала, выбор средств разработки.

Пятый этап. Реализация электронного лингвокультурологического словаря народных примет на основе спроектированной архитектуры приложения. Разработка программной платформы словаря, позволяющей осуществлять поиск по заданным параметрам, проводить статистическую обработку материала, сохранение результатов поиска. Завершение разработки электронного ресурса: создание интуитивно понятного интерфейса и удобной навигации.

Шестой этап: Апробация созданного электронного словаря в рамках научных исследований, проводимых в сфере лингвокультурологии и смежных с ней научных областей, а также в сфере лексикографической практики (на базе кафедры русского языка и Лаборатории общей и сибирской лексикографии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета).

Примечания

1. Исследование выполнено в рамках государственного задания на выполнение НИР «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)» (код проекта 2059).
2. Юрина Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. — Филология. 2011. — № 2. — С. 58–63.
3. Селегей В. П. Электронные словари и компьютерная лексикография. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/selekey_al.asp
4. Ассоциация лексикографов Lingvo. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lingvoda.ru/dictionaries/create.asp#p2>.

М. В. ЛИХАНОВ

Жанр экскурсии: к модели описания

Статья посвящена проблеме описания жанра экскурсии и характеристике значимых для описания жанра параметров: коммуникативной цели, экскурсионного маршрута.

Ключевые слова: жанр, экскурсия, коммуникативная цель, экскурсионный маршрут.

Несмотря на активное исследование речевых жанров, в теории жанроведения существуют нерешённые проблемы: модели описания жанров, создание энциклопедии речевых жанров и др. (см. работы Н. Д. Арутюновой, А. Вежицкой, В. Е. Гольдина, В. В. Дементьева, Т. В. Дубровской, Н. Б. Лебедевой, К. Ф. Седова, Т. В. Шмелёвой и др.).

Одной из актуальных проблем, решаемых в лингвистике, является создание энциклопедии речевых жанров отдельного дискурса, в частности экскурсионного. Целью данной работы является описание экскурсии как речевого жанра.

Спецификой экскурсии является единство показа объекта и текста рассказа. Если отсутствует компонент показа, то жанр экскурсии перестаёт им быть, а превращается в лекцию или беседу. В первичности показа состоит специфика экскурсии, но лишённая текста, содержащего анализ, пояснения и объяснения увиденного, экскурсия станет просто осмотром достопримечательностей. Сущностью экскурсии является синергичность (неразрывное единство) показа с текстом. Вследствие этого экскурсия является полисемиотической системой (текст, жесты, графические и прочие семиотики).

В данной работе речевой жанр понимается нами, вслед за К. Ф. Седовым, как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей»¹. Экскурсия в данном случае является типичной ситуацией общения, в которой присутствуют исторически сложившиеся в определённой сфере общения относительно устойчивые модели высказываний, «обеспечивающие социальное взаимодействие людей в типичных ситуациях общения», т.е. жанром². С позиции жанроведения

экскурсия практически не рассматривалась, исключение составляют работы Л. Е. Бахваловой о жанре экскурсионной речи как особой системе коммуникативной практики³.

Вслед за Т. В. Шмелёвой, для описания экскурсии как речевого жанра мы используем анкету речевого жанра⁴, так как рассмотрение всех признаков жанра в совокупности фациентов (структурообразующих компонентов) позволяет выявить их жанрообразующую природу. В данной модели мы посчитали необходимым добавить к уже стандартным фациентам анкеты речевого жанра (коммуникативной цели, образу автора и адресата и др.) фациент экскурсионного маршрута. Данный структурообразующий компонент является знаковым и обязательным для жанра экскурсии. Его наличие выступает в роли маркера и в своем роде формирует жанр.

В рамках данной статьи остановимся на двух из фациентов: коммуникативной цели и экскурсионном маршруте.

Коммуникативная цель.

Коммуникативную цель жанра экскурсии мы определяем как информативно-оценочную. Информативная цель экскурсии состоит в предоставлении некоторой информации об экскурсионном объекте, в информировании целевой аудитории о предмете (в широком значении) и его характеристиках. Например: *«Старт корабля «Восток» с ним на борту был произведён 12 апреля 1961 года в 09:07 по московскому времени с космодрома Байконур»*.

Экскурсовод перед проведением экскурсии выделяет из всей доступной информации по конкретному объекту показа важную фактуальную информацию и обрабатывает её посредством сличения с интенциями экскурсии и образцами текстов данного типа, изученными и интерпретированными автором. Затем, транслируя текст, адаптированный согласно перцептивным возможностям адресантов, экскурсовод реализует информативную цель экскурсии.

Оценочная цель заключается в представлении экспоната с выгодной стороны, в презентации его как в чем-то превосходящего остальные: *«Перед вами величайшее произведение древнерусского зодчества, живописный сквер «Прудок»»*. В данных высказываниях лексические единицы *величайшее* и *живописный* несут оценочную семантику с положительной коннотацией.

Экскурсионный маршрут.

Данный фациент определяет путь следования экскурсантов, который регулируется порядком развития мысли, целью экскурсии и оптимальным порядком, удобным для усвоения, экскурсовода-адресанта, оптимальный для раскрытия темы экскурсии. Мы выделяем хронологические, тематические и тематико-хронологические типы экскурсионных маршрутов. Представленный фациент воплощается в жизнь через жанр экскурсионных

меток. Он представляет собой систему направляющих семиотических систем, таких как, например, жесты, естественный язык, таблички, карты и др. В высказываниях: *«Давайте пройдем в следующий зал; сейчас мы попали в Царскую комнату; Мы на улице Горшенина; В этом отделе собраны не только; здесь у нас первая остановка — абонемент»* номинативные единицы *следующий зал, Царская комната* призваны ориентировать экскурсанта в пространстве, что подразумевает локативную характеристику местности с её названием. Фациент также служит для привлечения внимания к объекту рассказа и конкретным его деталям, например: *«Посмотрите туда, справа от нас в парковой зоне стоит памятник, вот эта картина; Я держу в руках первый рекламный буклет Университета 1996 года; Если посмотреть направо, можно лицезреть»*. Данный фациент смещает фокус внимания адресата на конкретный предмет и подразумевает использование различных семиотик. Он осуществляет перевод экскурсионного объекта в сознании адресата из перцепции в апперцепции.

В данной работе мы представили фрагмент описания экскурсии как речевого жанра. Коммуникативная цель жанра — информационно-оценочная: в экскурсии не только делается запрос, подтверждение и трансляция информации, но и даётся её интерпретация, жанр выполняет познавательную-ценностную функцию. Фациент «экскурсионный маршрут» служит для навигации экскурсантов в ходе экскурсии.

Примечания

1. Седов К. Ф. Языковая личность и речевые жанры // Основы психолингвистики: учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов — М.: Лабиринт, 1998. — С. 145—154.
2. Седов К. Ф. Предисловие // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 5—6.
3. Бахвалова Л. Е. Сравнительный анализ экскурсионной речи в режиме «автор — адресат» // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 2, т. I. — С. 199; Она же. Лингвопрагматические параметры экскурсионной речи // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. — № 4. — С. 90—93.
4. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Вып. 1. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 88—99.

И. В. ЛЕВЕНТАЛЬ

К проблеме создания учебных словарей нового типа

В статье речь идёт об учебных толковых словарях русского языка для иностранцев: рассматриваются недостатки существующих словарей, демонстрируются некоторые трудности при использовании традиционных толковых словарей в иностранной аудитории, поднимается вопрос о необходимости создания учебных словарей нового типа.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебный толковый словарь, семантизация лексических единиц.

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес как к теоретической, так и практической лексикографии. Появилось большое количество разнообразных лексикографических изданий, выходят в печать научные монографии, учебные пособия, проводятся тематические конференции, в программы высших учебных заведений вводятся спецкурсы по лексикографии. Этот лексикографический «бум» коснулся также и учебной лексикографии: в последние годы появилось немало учебных словарей специального характера. Тем не менее до сих пор ощущается существенный недостаток одноязычных толковых словарей для иностранцев. При этом абсолютное большинство лексикографов, методистов и преподавателей сходятся во мнении, что одноязычные толковые словари играют важную роль как в процессе изучения, так и в процессе преподавания иностранного языка. Ещё Л. В. Щерба отмечал, что «обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте», поскольку система понятий любой пары языков не совпадает. В то же время переводные словари целесообразно использовать лишь на начальном этапе¹. Существующие немногочисленные толковые словари для иностранцев в настоящий момент не очень популярны среди преподавателей и студентов по ряду причин: в силу их абстрактного характера, выражающегося «в приближительности как самого лексического материала, так и его интерпретации»², а также в силу того, что многие из них уже устарели и не соответствуют запросам нашего времени. Так, «Краткий толковый словарь русского языка» под редакцией В. В. Розановой, вышедший впервые в 1978 г. и впоследствии выдержавший ещё несколько изданий, часто подвергается критике со стороны научного сообщества. Например, С. Э. Баннистер и В. В. Морковкин сомневаются в адекватности семантизации слов, которая осуществлена посредством неограниченного количества слов в семантизирующей части. По их мнению, для начального этапа она слишком сложна, для продвинутого — примитивна³. В словаре «4000 тысячи наиболее употребительных слов русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (1978) в словарных статьях отсутствуют толкования заголовочных единиц, так же как и в вышедшем в 2009 г. Русском словаре Аникиной Учебный словарь сочетаемости слов русского языка под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина, при всех его достоинствах, сложно использовать как толковый словарь, несмотря на то, что толкования заголовочных единиц в нём присутствуют.

Кроме того, лексический материал отличается лишь относительным разнообразием: он включает только существительные, прилагательные и глаголы. Учитывая эту ситуацию, неудивительно, что преподаватели в своей работе обращаются к не ориентированным на обучение лингвотрическим толковым словарям. В настоящее время существует целое

множество таких словарей, однако они не отвечают требованиям учебной лексикографии и не удовлетворяют потребности пользователя. Так, толкования лексики в них зачастую непонятны иностранцу, поскольку для объяснения значений используются традиционные способы толкований, не отвечающие требованиям учебной ситуации. В такой ситуации пользователь просто переходит к зоне иллюстраций и получает (если получает вообще) лишь приблизительное представление о значении слова. И это приводит к тому, что человек вновь берёт в руки переводной двуязычный словарь. Обратившись к самому популярному в нашей стране Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (2001), мы часто встречаем объяснение значений через отсылки к другим словам. Нередко это приводит к порочному кругу. Например, *соответствовать* — *находиться в соответствии с кем-чем-н., отвечать (в 3 знач.) чему-н.* Смотрим толкование для глагола *отвечать (в 3 знач.)* — *то же, что соответствовать*. Иногда определение значения становится многоступенчатым. Например, *укорить* — *то же, что упрекнуть. Упрекнуть* — *сделать упрёк. Упрёк* — *выражение неудовольствия, неодобрение, обвинение*. Представляется, что такие толкования делают процесс выяснения значения слова долгим и трудоёмким и ещё раз укрепляют уверенность студента в том, что нет ничего лучше двуязычного переводного словаря. Кроме того, в традиционных толковых словарях, как правило, недостаёт как раз той информации, которую должен включать современный учебный словарь активного типа: разнообразия форм и значений, стилистических, синтаксических, сочетаемостных характеристик, указаний на прагматические условия употребления, отражения парадигматических связей, приведения словообразовательных моделей, культурологического комментария, а также разнообразных приложений.

Пожалуй, единственным примером современного толкового словаря активного типа может служить Толковый словарь русского языка под ред. Д. В. Дмитриева (2003). Многое из того, что содержит этот словарь, в русской толковой лексикографии было предпринято впервые. Словарь был создан на основе корпуса текстов различной жанровой принадлежности, содержащего около 200 миллионов словоупотреблений. Его отличает совершенно новое построение и оформление словарной статьи, развёрнутые толкования, довольно большое количество иллюстраций, упрощённая и доступная пониманию система сокращений и символов, указание на частотность употребления слов, отсутствие иерархии значений, прекрасное полиграфическое исполнение. Уже толкования содержат модели языкового употребления, вместе со словом даётся типовой контекст употребления, «реальная сочетаемость» слов. По словам авторов, языковая теория, которой они руководствовались при написании словаря, может называться объектно-ориентированной, так как она предполагает «предварительную классификацию объектов окружающей

нас действительности и обозначающих их слов»⁴. Однако при всех своих преимуществах, по сравнению с традиционными и немногочисленными учебными толковыми словарями, этот словарь не может быть использован как полноценный учебный толковый словарь для иностранцев. Он рассчитан на довольно широкий круг пользователей — от учителей средних школ и родителей до рекламистов и работников СМИ и соответственно не может (да и не должен) следовать методическим принципам учебной лексикографии и в соответствии с ними минимизировать, осуществлять компрессию языкового материала.

Словарь является обязательным и необходимым средством обучения иностранному языку — двуязычный на начальном этапе и одноязычный на среднем и продвинутых этапах обучения. «Идеальный» учебный словарь решает одновременно целый ряд задач, удовлетворяя разнообразные потребности пользователя. Однако главными задачами учебного словаря являются: во-первых, объяснять значение слова, которое соотносится с объектом, явлением или отрезком реальности, обозначаемым этим словом; во-вторых, иллюстрировать живое употребление слова как в устной, так и в письменной речи⁵. То есть «идеальный» учебный словарь призван удовлетворять потребности правильного восприятия текста и потребности производства текста (decoding and encoding needs). В пользу выбора одноязычного словаря, начиная уже со среднего этапа обучения, склоняют такие незамысловатые и очевидные факты, как отсутствие полностью эквивалентных по значению слов в разных языках, обусловленность значения слова сочетаемостью, контекстом, стилистическими, прагматическими и ситуативными характеристиками, коллективными ассоциациями, наличием культурологического и лингвострановедческого компонента и др. Все эти характеристики, в идеальном варианте, призван отражать учебный словарь.

В практике мировой учебной лексикографии уже существуют примеры таких словарей, по праву заслуживших популярность среди преподавателей и студентов. Речь, конечно, идёт об одноязычных учебных словарях (monolingual learners dictionaries) английского языка. Среди самых известных и наиболее распространённых стоит назвать созданные на основе корпусов словари издательств Cambridge University Press, Oxford University Press, Longman, Cassel, HarperCollins, Penguin, MacMillan. Учебные словари этих издательств адресованы студентам-иностранцам. Многие из них регулярно переиздаются, дополняются и совершенствуются в соответствии с новыми достижениями учебной лексикографии. Большинство из этих словарей имеют электронные и интернет-версии, что делает их невероятно привлекательными среди пользователей. У учебных словарей английского языка масса достоинств. Аналогов подобных словарей в нашей стране нет. Наконец,

пришло время серьёзно задуматься над этим вопросом, поскольку существует реальная потребность в создании серии полноценных, отвечающих новейшим отечественным и мировым достижениям последних лет и соответствующих запросам пользователей, одноязычных толковых словарей русского языка для иностранцев.

Примечания

1. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Избранные труды по языкознанию и фонетике. — Т. 1. — Л., 1958. — С. 87–88; *Он же.* Предисловие [к русско-французскому словарю] // Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 304–312.
2. *Богачёва Г. Ф., Морковкин В. В.* О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2011. — С. 6.
3. *Баннистер С. Э., Морковкин В. В.* Семантизация лексики в учебном объяснительном словаре, ориентированном на определенный иностранный язык // Теория и практика учебной лексикографии / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Группа учеб. лексикографии; под ред. В. В. Морковкина. — М., 1988. — С. 84.
4. *Дмитриев Д. В.* Принципы и структура словаря // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. — СПб.: АСТ. Астрель, 2003. — С. 9.
5. *Ter-Minasova S. G.* To Reach the Unreachable... To Cover the Uncoverable... The Dictionary about which Teachers of Foreign Languages are Dreaming // Словарь в современном мире: матер. Третьей Междунар. школы-семинара, Иваново, 14–16 сентября 1999 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. — Иваново: Изд. центр «Юнона», 2000. — С. 6–7.

А. А. ПЛОТНИКОВА

Жанровый аспект метаразметки диалектного корпуса

Параметр жанровой разметки диалектной речи рассматривается на материале сопоставления диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка, Саратовского корпуса и Томского диалектного корпуса. Выделяются проблема репрезентативности диалектных жанров в корпусе и принципы определения данного параметра текстов в Томском диалектном корпусе. Доказывается, что определение границ жанра в диалектном корпусе специфично по сравнению с литературным языком.

Ключевые слова: жанры, диалект, диалектный корпус, метаразметка.

Корпусная лингвистика с конца XX в. стала неотъемлемой частью лингвистических исследований, позволяющей не только анализировать частотность словоупотребления и проводить статистический анализ, но и проверять ряд филологических гипотез на большом массиве материалов, оптимизировать поиск данных, сохранять и предоставлять для широкого круга исследователей ранее недоступные архивы данных (например, материалы диалектологических экспедиций).

Разработка принципов построения корпуса является одной из наиболее актуальных и сложных проблем корпусной лингвистики. Жанр —

один из параметров метатекстовой разметки большинства известных корпусов (например, ВС, CNC, НКРЯ), это признак, который характеризует тексты в целом.

Жанровая система диалекта в силу особенностей характера общения в народно-речевой культуре отличается не только количеством жанров, но и качественными характеристиками, и при аннотировании корпуса диалектных текстов необходимо учитывать эту специфику.

Природа речевого жанра диалектного дискурса отличается от литературного языка. В теории речевых жанров на материале литературного языка отмечается, что «жанр соотносится с ситуацией, событием, текстом, имеет количественно и качественно более сложную природу, чем речевой акт, даже если представляет собой субжанр, объём которого равен одноактному высказыванию, как, например, в различных вывесках»¹. Однако диалектный дискурс почти всегда политематичен: одна речевая ситуация содержит в себе множество пропозиций, отсылающих к другим ситуациям, причем переход от одной к другой может быть как резкий, так и неявный. Поэтому практически любой текст требует несколько жанровых определителей.

Диалектный подкорпус НКРЯ практически не выделяет речевые жанры, предполагается лишь подразделение на 4 крупные категории: 1) устные нефольклорные тексты, 2) письменные нефольклорные тексты, 3) устные фольклорные, 4) письменные фольклорные тексты². При этом основное внимание уделяется тематической разметке. ДК НКРЯ и СарДК различаются по характеру тематической и жанровой разметки корпусов: «В ДК НКРЯ выделение текста по тематическому принципу делает избыточной тематическую разметку каждого отдельного текста. Незначительный объём тематически цельных текстов в ДК НКРЯ обуславливает также нецелесообразность их жанровой разметки: каждый текст обычно оказывается моножанровым («бытовая сфера»)»³. Однако стоит отметить, что материалы томских диалектологических экспедиций содержат малое количество записей такого типа.

В Саратовском и Томском диалектных корпусах предусмотрена жанровая разметка как часть структуры метаразметки. В принципах выделения системы жанров есть определенная преемственность, но и различия.

Элементами жанровой параметризации Саратовского корпуса являются, например, «рассказ-повествование», «рассуждение», «описание», «сказка», «песня», «пословицы, поговорки». В Томском диалектном корпусе, опираясь на результаты исследований О.А. Казаковой⁴ и С.В. Волошиной⁵, маркируются жанры «биографический рассказ», «интервью», «описание», «рассуждение». Прежде всего, корпус по материалам экспедиций отражает и подтверждает тот факт, что «одной из важнейших функций диалекта как устной формы коммуникации является передача культурно значимой информации от одного поколения к другому, воплощенной в систему жанровых форм. Ядерными в этом

отношении являются речевые жанры воспоминания и автобиографического рассказа»⁶.

Фольклорные жанры выделяются в отдельную группу, в связи с их специфичностью и обособленностью от других речевых типов: сюжетный рассказ, сказка, песня, частушка, пословица. Приведём пример частушки из материалов Томского диалектного корпуса:

Чулок не носили таких базарных, а так свяжем из холста, да ешиш с рисунками навяжешь. Да эти чиро'чки наденешь и пошла:

*Ой ты, сапога',
Да не жалей сапога'.
Найдём дурака,
Сошьём сапога'.*

[Что такое чирочки?] Да каки' сапоги? Из кожи сошьёшь, как на мне носочки, а тут завяжешь, ниточки сплетёшь, завяжешь (Тетрадь № 351, Место записи: Томская обл., Парабельский р-н, с. Парабель, 1985 год, информант Нестерова Степанида Осиповна; 75 лет; Запись с магнитной ленты).

Отметим, что диалектный корпус позволяет увидеть частушку не изолированно, а в живом речевом контексте, т.е. исследователь может проследить, каким образом фольклорный жанр вводится в речь.

В метаразметке текста обозначаются не только тип жанра, но и более точный субжанр, который характеризуется коннотативной направленностью. Субжанр в Томском диалектном корпусе выражен в виде закрытой системы и представлен 4 группами:

1. Информативные: сообщение о событии, сообщение о намерении, сообщение о мнении, сообщение-цитирование, предположение, объяснение, жалоба, предупреждение.
2. Императивные: просьба, распоряжение, поручение, приказ, предложение, совет.
3. Ритуальные: приветствие, прощание, извинение, благодарность, приглашение, угощение, пожелание.
4. Оценочные: похвала, осуждение, самооценка, оценка⁷.

Источником материалов диалектного корпуса являются материалы экспедиций, проводимых на базе Томской диалектологической школы начиная с 1946 г. по настоящие дни. Материалы экспедиций с точки зрения жанровой сбалансированности уязвимы и во многом фрагментарно отражают жанровую систему диалекта, так как большинство текстов получено в результате разговоров с диалектологом, когда в экспедициях прошлых десятилетий часто не имелось возможности фиксации спонтанных и связанных диалектных текстов. Таким образом, проблема несбалансированности жанровой системы в диалектном корпусе неизбежна. Однако, несмотря на вышеперечисленное, жанровая разметка корпуса, ориентированная «от материала», позволяет с рядом оговорок

зафиксировать жанровое разнообразие и своеобразие материала, что является самостоятельной научной задачей.

В настоящее время жанровая разметка текста в корпусной лингвистике производится вручную. Рассмотрим задачу жанровой разметки на примере небольшого отрывка расшифрованной записи звучащей речи, сделанной в 1979 г. в п. Белый Яр Верхнекетского района Томской области. Вопросы информанта в записи не представлены.

Вот мясое'д, я не знаю когда, вот, наверно, весной он бывает, мясоед-то, мясо едят, всё скоро'мно. Да, щас мясое'д-то, мясо в магазине есть — вот мясое'д, а нет — так пост.

Мата'ня, у нас всегда так говорили, ну а как же, матаня, щас как-то, прости меня господи, фраера', а у нас мота'ня. Мота'ня, мота'нечка — одно и то же ласково. А чё, это ласково, мотаня, хорошо.

А «залётка» как-то мало, у нас всё мата'ня, у нас и песни складывали про мота'ню.

А но'нче как у нас получилось тоже. Мильцанер ехал пьяный на своей машине и парня и девушку на мотоцикле сбил. Его в армию, сёдня проводи'ны и сёдня его сбили.

Я своим супом покормлю вас. Может, не поглянется вам, но всё равно (Тетрадь 961, Место записи п. Белый Яр, Верхнекетский район, Томская область, 1979 г., информант Талаева (Дроздова) Прасковья Дмитриевна, 54 года).

Фрагмент представляет собой, прежде всего, часть лингвистического интервью с диалектологом, в котором отчетливо выделяется ряд метаязыковых рассуждений диалектоносителя: «мясоед-то, мясо едят, всё скоро'мно»; «Мата'ня, у нас всегда так говорили, ну а как же, матаня, щас как-то, прости меня господи, фраера', а у нас мота'ня. Мота'ня, мота'нечка — одно и то же ласково»; «как-то мало, у нас всё...», «у нас и песни складывали». При этом стоит отметить 2 характерные для диалектной коммуникации жанровые черты: 1) семантизацию через мотивацию (мясоед = мясо едят) и 2) выраженную оппозицию «свой» — «чужой» (у нас). Маркерами лингвистического интервью при этом являются лексемы «говорить» и «складывать <песни/частушки/стихи>», «называть».

Но, кроме интервью, являющегося жанром реактивным, диалектоноситель сам инициирует диалог, дважды резко меняя тему: сначала вводится жанр «сообщение о событии», вводимое характерной фразой-зачином и информирующее о происшествии: «А но'нче как у нас получилось тоже. Мильцанер ехал пьяный на своей машине и парня и девушку на мотоцикле сбил. Его в армию, сёдня проводи'ны и сёдня его сбили; и угощение: «Я своим супом покормлю вас. Может, не поглянется вам, но всё равно». Принадлежность к данному субжанру обусловлена диктумом высказывания и заложенным во фразе коммуникативным будущим — последует либо отказ,

либо реализуется предполагаемое действие («супом угощу»). Кроме того, в приведенном фрагменте дискурса имеется еще и оценка: *«Мота'ня, мота'нечка — одно и то же ласково. А чё, это ласково, мотаня, хорошо»*.

В приведенном примере предлагается следующий вариант разметки:

#жанр: интервью, повествование;

#субжанры: объяснение, сообщение о событии, угощение.

С точки зрения теории речевых жанров жанровая принадлежность как оценочного высказывания, так и сообщения о событии и угощении является дискуссионным и зависит от понимания жанра, в частности от критериев разграничения жанров в речевом потоке. Так, существует точка зрения, что границы жанра должны совпадать с границами текста-высказывания, которые определяются сменой речевых субъектов. Более мелкие типы высказывания при таком подходе рассматриваются как речевые акты. Однако в российской лингвистике более распространенной является точка зрения, согласно которой первичные жанры и субжанры, оказавшиеся в пределах одного высказывания, являющиеся самостоятельными при условии сохранения специфической природы, отличной от отношений между словами и предложениями.

Очевидно, что не любое оценочное высказывание является жанром, так, например, в рассматриваемом тексте оценка относится не к описываемому субъекту, а к языковой номинации. Кроме того, оценка того или иного диалектного слова по сравнению с литературным или просторечным — это один из характерных признаков для метаязыкового интервью.

В другом случае оценка прошлого и современности является самостоятельным субжанром речи диалектоносителя: *«А так и жили, никогда ничего хорошего не носили. Ничего не видели. Пока война уж прошла. Да и до войны-то ешшо ничего не было, особенно у нас здесь. Наша жизнь' была такая скучная. Но всё равно мы жили, счита'м, что мы жили интересней, чем сейчас. Вот так вот когда <разберемся/разберёмся>. <...> Все как-то, знаешь, всё переговоришь, смешно, ве'село. И неделю работаешь ото всей душу»* (Парабель, 1985 г.).

Подводя итог, следует отметить, что если жанровый анализ не представляет особой трудности для исследователя, то при ручной разметке значительного объема материала становится сложной практической задачей и требует оптимизации временных затрат. С одной стороны, необходим тщательный анализ текстов, с другой стороны, нужно учитывать фактор целевого назначения корпуса и удобства использования, и наконец, жанровая разметка должна по возможности полно отражать своеобразие жанров диалектной речи. В связи с обозначенной спецификой при жанровой разметке используется поэтапное аннотирование: на первом этапе разметки маркируются жанры, наиболее характерные для

диалекта и тексты, имеющие очевидную монологическую природу (особенно группа фольклорных текстов); на данном этапе многие тексты оказываются вне жанровых определений. На втором этапе размечаются субжанры, а затем по мере пополнения корпуса происходят корректировка и уточнение жанровых определений в соответствии с потребностями исследователей.

Примечания

1. *Комлева Е. В.* Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 5.
2. *Савчук С. О.* Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. — М., 2005. — С. 62—88.
3. *Крючкова А. Ю., Гольдин В. Е.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/36.pdf>
4. *Казакова О. А.* Диалектная языковая личность в жанровом аспекте / О. А. Казакова. — Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2007. — 196 с.
5. *Волошина С. В.* Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2010. — № 2 (10). — С. 5—10.
6. *Волошина С. В., Демешкина Т. А.* Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2012. — № 3 (19). — С. 14—15.
7. *Юрина Е. А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — № 2. — С. 61—62.

Е. В. СОЛОМИНА

Опыт использования самозаписи информанта при изучении языковой личности носителя городского просторечия

Описывается опыт использования нового для лингвоперсонологии метода фиксации спонтанной устной речи — самозаписи информанта (носителя городского просторечия) на аудионоситель. Рассматриваются специфика использования, а также преимущества и недостатки данного метода.

Ключевые слова: языковая личность, спонтанная устная речь, методы лингвоперсонологии, самозапись.

Лингвоперсонология — лингвистическая дисциплина, центральным понятием которой является языковая личность (далее — ЯЛ) — «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённая в созданных ею текстах»¹.

Если при изучении «пишущей» ЯЛ (обычно это писатели, учёные или общественные деятели) исследователь имеет возможность подвергнуть

анализу готовые письменные тексты, то изучение «непишущей» ЯЛ выводит на первый план проблему сбора материала — записи устной спонтанной речи информанта.

Настоящая статья посвящена описанию одного из возможных методов сбора материала при изучении ЯЛ, принадлежащих к бесписьменной речевой культуре — метода самозаписи информанта.

Понятие «самозапись» в значении «фиксация собственных текстов» распространено в фольклористике и этнографии, однако в этих дисциплинах оно обозначает перенос фольклорного текста в письменную форму, сделанный сказителем². В нашем случае под самозаписью понимается запись информантом своей речи на аудионоситель. В лингвистике названный метод мало распространён. Известны проводимые в Японии массовые обследования местного населения в рамках теории языкового существования. Как отмечает Ю.В. Рождественский, при изучении процесса речевой коммуникации «наиболее трудной частью <...> является учёт устной речи, рассматриваемой как в лексическом, так и во временном плане. Раз в год 200000 добровольцев записывают на магнитофон все свои речевые действия в течение суток»³. Есть также упоминания о самозаписи 124 волонтеров из разных социальных групп для пополнения устной части Британского национального корпуса. Добровольцы использовали аудиоплеер для незаметной записи своих разговоров в течение двух или трёх дней; необходимые детали заносились в специальный блокнот. Участников беседы после разговора просили дать согласие на использование записи в качестве материалов для корпуса⁴.

В настоящее время метод самозаписи информанта апробирован в Томской лингвистической школе. Целенаправленное собирание материала осуществляется Е.В. Соломиной с 2010 г. В центре внимания — речь носителя городского просторечия: Л.Л., 1959 г. рождения, русского, с неполным средним образованием (6 классов средней школы), проживавшего в Новосибирской области, а затем — в Новосибирске.

Обращение к новому методу было обусловлено не только жизненными обстоятельствами, не позволяющими собирателю постоянно находиться рядом с информантом (частая смена места жительства и рода занятий, меняющаяся вследствие этого коммуникативная сфера, работа информанта в однополых мужских коллективах), но и стремлением лингвиста свести к минимуму влияние на него посторонних с учётом своеобразия ЯЛ носителя городского просторечия.

Представители просторечного слоя речевой культуры — по определению люди недостаточно образованные (а значит, далёкие от науки как деятельности), они нередко относятся к учёным с недоверием (что может проявляться иногда как враждебность), а к лингвистическим исследованиям — с опаской. Часто не понимая целей, преследуемых

наукой вообще, носители просторечия не верят в чисто научный интерес к своей речи со стороны исследователя и приписывают последнему те или иные корыстные мотивы. Для преодоления этого барьера в методе самозаписи, как, например, и в методе включённого наблюдения, необходимо создание неформальных отношений с объектом анализа. Установление контактов предполагало разговоры в гостях и по телефону, угощение, переход на «ты», традиционные обоюдные расспросы о детях, здоровье и делах, взаимопомощь. Для того чтобы такие связи воспринимались как естественные, лингвист избегал в своей речи не свойственных городскому просторечию языковых средств и тем коммуникации (ср. одобрителный комментарий Л.Л.: *«Ты вот говоришь, как своя — как будто и не училась нигде!»*). Формирование доброжелательных отношений значимо ещё и потому, что техническая сторона метода самозаписи требует постоянных встреч носителя языка с собирателем для передачи аудиофайлов с материалом (если записываемый человек сам не пользуется компьютером). Особенно это актуально при изучении ЯЛ городского жителя. Типичные для просторечной среды трудности в сфере реализации жизненных планов могут привести к тому, что контактирование лингвиста с интересующей его личностью прервется раньше, чем будет собрано достаточное количество материала. Приятельское общение, предполагающее частые визиты, создаёт, таким образом, дополнительную мотивацию, «удерживающую» наблюдаемого в поле зрения наблюдателя в течение длительного времени.

В ходе наблюдений над речью Л.Л. было выявлено, что рассматриваемая ЯЛ варьирует языковые средства в зависимости от тех или иных характеристик участников коммуникации. С малознакомыми «культурными» собеседниками Л.Л. стремился говорить, ориентируясь на нормы литературного языка (однако демонстрируя многочисленные нарушения таких норм). При этом его повседневная речь в привычной коммуникативной среде с близкими по уровню речевой культуры собеседниками имеет заметные отличия от речи «напоказ». Является ли такая черта типологической для просторечника или носит индивидуальный характер, пока однозначно сказать трудно. Чтобы избежать присущей говорящему «мимикрии», были предприняты некоторые меры предосторожности. Исследователь намеренно представился лишь в качестве посредника, передающего записи в университет для прослушивания учёными. Это было сделано с тем, чтобы информант не ориентировался на собирателя даже как на невидимого собеседника (поскольку перспектива прослушивания и обработки аудиозаписи знакомым человеком может осознаваться именно так). Кроме того, истинная цель работы — изучение ЯЛ — также не была ему раскрыта полностью. Собиратель попытался донести до исследуемого лица мысль, что содержательная сторона записываемой речи не представляет для заказчиков

материала (в качестве заказчика был назван университет) никакого интереса, а предметом анализа будет фонетика и некоторые грамматические категории. Л.Л. было сказано, что лингвистов интересует только естественная речь, поэтому «говорить надо только так, как ты говоришь всегда, в обычной жизни», а «наигранные» тексты отбираются при помощи специальной компьютерной программы и не рассматриваются.

В обобщенном виде инструкция собирателя звучала так: «Записывай все подряд, чем больше запишется — тем лучше». На практике Л.Л. включал диктофон, когда предполагались какие-то разговоры: в будние дни на работе — при дежурстве с напарником, дома — в присутствии дочери и внуки, в выходные — во время прогулок по улице, поездок в гости или семейных праздников. Запись велась не ежедневно (очевидно, не каждый день было и с кем поговорить), но достаточно регулярно.

Важным моментом в реализации метода самозаписи ЯЛ является выбор предлагаемого индивиду технического средства. Если ещё в конце XX в. звукозаписывающая техника была довольно громоздкой, дорогостоящей, энергозатратной и требовала расходных материалов, то в последнее десятилетие появилась недорогая цифровая звукозаписывающая техника (непрофессионального класса), не нуждающаяся в расходных материалах и отличающаяся компактностью, малой энергоемкостью и удовлетворительным качеством записи. В качестве звукозаписывающего устройства для самозаписи носителя городского просторечия использовался MP-3 плеер «Samsung YP-U5» со встроенным диктофоном, 2 Гб памяти и возможностью подключения к компьютеру через USB-порт. Этой модели было отдано предпочтение по нескольким причинам: маленький размер, сравнительно низкая стоимость, возможность работы без подзарядки аккумулятора в течение нескольких дней, приемлемое качество записи и воспроизведения звука, а также функции радио и аудиоплеера (последние функции неважны в процессе записи речи, но привлекательны для информанта).

Следует отметить, что применение метода самозаписи связано с некоторыми этическими проблемами, поскольку фиксация спонтанной речи в повседневном бытовом общении — это всегда вторжение в сугубо личную сферу жизни. Самозапись нельзя отнести к однозначно открытым способам сбора материала: являясь открытой для самого наблюдаемого, она часто является скрытой для его собеседников, что не вполне этично по отношению к ним. Кроме того, ведущий аудиозапись способен забыть о включённом диктофоне, поэтому фиксируются подчас и интимные подробности его жизни и сведения, огласка которых может навредить ему или его близким. Оба обстоятельства налагают на учёных определённые обязательства по фильтрации попадающего в открытый доступ материала, а иногда и сохранению анонимности ЯЛ.

Обозначенный метод, как представляется, имеет свои недостатки и преимущества. Среди недостатков можно перечислить следующие: самозапись ЯЛ не так универсальна, как, например, включение в языковое существование говорящего, и мало подходит представителям традиционной народно-речевой культуры — малограмотным пожилым диалектоносителям. Вместе с тем она может быть успешно применена лицами среднего возраста и молодёжью, способными пользоваться несложной современной техникой. Минусом является то, что лингвист в этом случае не является непосредственным наблюдателем или участником речевых ситуаций, в которых происходит общение информанта; в результате полученные аудиоматериалы не всегда самодостаточны для понимания и адекватной интерпретации. Большая дистанция между исследователем и информантом и предоставляемая последнему возможность выбора записываемых эпизодов создаёт некоторые ограничения в постижении нелингвистической составляющей ЯЛ в сравнении с включенным наблюдением.

Главным преимуществом метода самозаписи, на наш взгляд, является высокая степень естественности речевого поведения информанта при сборе материала, обусловленная вуалированием исследовательского внимания. Такое вуалирование особенно важно, когда собиратель социально или культурно чужд окружению наблюдаемой ЯЛ. Если лингвист и информант не являются лицами одного пола, то самозапись (наряду со скрытой записью) позволяет достоверно зафиксировать общение индивида в гендерно однородном коллективе. Во-вторых, отсутствие необходимости находиться всегда рядом с объектом наблюдения в момент фиксации его речи не препятствует передвижениям говорящего субъекта и не нарушает привычного уклада его жизни — это особенно актуально для городских условий, когда человеку в течение дня бывает нужно много ходить и ездить. Кроме того, при систематической записи возможно получить значительный по объёму материал в относительно короткие сроки.

Примечания

1. *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 10.
2. *Функ Д. А.* Шаманская и эпическая традиция тюрков юга Западной Сибири: Историко-этнографическое исследование телеутских и шорских материалов второй половины XIX — начала XXI в.: дис. ... д-ра. ист. наук. — М., 2003. — 365 с.
3. *Рожественский Ю. В.* Принципы современной риторики / Ю. В. Рожественский. — М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1999. — С. 86.
4. Полевая лингвистическая практика: учеб.-метод. комплекс сложной структуры. — Ч. 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка. — СПб., 2006. — 98 с.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

М. А. БАДМАЕВА

Человек физический в свете народной культуры

Статья посвящена выявлению единиц, маркирующих признаки человека физического в простонародной лексике. Материалом для анализа был взят словарь О. И. Литвинниковой и М. А. Алексеенко «Человек в производных именах русской народной речи». На основе материала был произведен подсчёт лексики с семантикой «человек физический» и выявлены наиболее часто встречающиеся признаки.

Ключевые слова: номинация, народная культура, человек физический.

Производные слова занимают особое место в лексических системах языков, так как «именно по отношению к производной единице как единице с расчлененной смысловой структурой мы можем с уверенностью говорить о том, какой признак предмета был воспринят как самый для него типичный и броский и какой признак смог стать, в конечном счёте, «представителем» всего класса предметов в целом»¹. Можно сказать, что создание слов отражает мыслительную работу человека, что позволяет видеть в деривационных процессах фиксацию национального опыта познания мира и выявлять особое восприятие действительности разными культурами и слоями общества.

Материалом для настоящего исследования послужила лексика словаря О. И. Литвинниковой и М. А. Алексеенко «Человек в производных именах русской народной речи», в котором представлены мотивированные имена существительные и прилагательные семантического поля «Человек». Авторы лексикографического труда совершенно справедливо считают, что именно лексика простого народа, как ни один другой пласт языка, отражает менталитет и специфику нации, её особое понимание и категоризацию мира². При этом центром мироздания предстаёт сам человек, одной из ипостасей которого является его физическая суть. В данной статье предпринята попытка описания человека физического в свете народной культуры сквозь призму номинации.

К анализу были привлечены лексические единицы, характеризующие физическое состояние человека по разным основаниям: росту (*долган, долгарище*), телосложению (*крепак, бомбьяга*), отличительным особенностям фигуры (*локотена, кривошея*), физиологическим свойствам

(*косогляд, глушь*), чертам лица (*кривоносик, хрушкоглазый*). Сюда же мы отнесли наименования человека с позиций красоты/уродства, поскольку данная характеристика напрямую связана с его физическими особенностями (*дородница, кучумка*). Всего было проанализировано 625 номинативных единиц, в том числе 388 существительных и 237 прилагательных.

На основе толкований слов было установлено:

1. С точки зрения народной культуры гендерная характеристика человека физического не является первостепенной — возможно, потому, что она репрезентативна при визуальном восприятии человека и не нуждается в языковом маркировании. Так, 44 % существительных относятся к общему роду: *жерздила* «высокий и худой человек», *кучумка* «безобразный, некрасивый человек», *лысуха* «человек с лысиной», *щерба* «беззубый человек» и др., а также практически все имена прилагательные могут определять человека независимо от его гендерной принадлежности: *басенький* «хорошенький, красивенький», *бездушный* «малосильный, слабый», *безноженький* «безногий» и т.д.

2. Мужчина в аспекте физического строения маркируется значительно чаще женщины: 163 единицы м. р. (*вислоносик, долган, пухляк, разгребик* «человек с отвислыми губами» и др.) против 66 слов ж. р. (*белиха, во-лыглазка* «женщина с большими глазами», *долгозубка*). Во всем материале выявлено всего 16 коррелятивных пар образования феминативов на базе наименований мужчин: *зубан* — *зубанья, зубарь* — *зубара, краснощёк* — *краснощечка, кривоносик* — *кривоноско, курносик* — *курноско, лупыч* — *лупычка* («лупоглазый») и некоторые другие, что свидетельствует об асимметричном характере восприятия человека по половому признаку.

3. С точки зрения мотивов наименования выявлен следующий набор характеристик человека: общее физическое состояние (здоровье/нездоровье, в том числе искалеченность (52 единицы), красота/некрасивость — (37 единиц), рост (80), телосложение (полнота/худоба — 100 единиц), отсутствие/особенности строения конечностей (28 единиц), форма/размер головы (7), отсутствие/наличие/качество волос (28), особенности строения частей лица, в том числе их отсутствие — глаза, нос, губы, лоб, рот, щеки (175). Материал показывает явное преобладание маркирования черт, отклоняющихся от представления о норме как в сторону их уменьшения (*карнаушка, лысуха*), так и увеличения (*ушан, лапыш*). При этом оценка данных черт носит преимущественно негативный характер (*жирёна, носан*). Не так много слов, описывающих части тела человека: *безножка, косоножка, ковыляла, косоручка* — слова с оценочными суффиксами передают жалостливое отношение народа к таким людям. Наиболее актуальным в характеристике физического облика человека является лицо, что подтверждают также различные русские пословицы: *на лице написано; знать по лицу, сколько лет молодцу*

и многие другие. Большое внимание в народной лексике уделяется глазам (68 единиц), что подтверждает фразу: «глаза — зеркало души». Слова *вытараска*, *хрушкоглазый* маркируют большие глаза, что не характерно для культуры, но поощряется хорошее зрение — *видок*. В народе также немало зафиксировано номинаций, связанных с волосами, например, у мужчин это связано с бородой (*бородан*) как признак мужественности, зрелости и мудрости, отсутствие — свидетельство молодости и неопытности — (*безбородик*). Для женщин характерны признаки разного цвета волос (*лисавка*, *красноволоска*) и слова с оценкой причёски женщины (*барадашница*). Борода же, напротив, уродует женское лицо (*бородуля*).

4. Различие в восприятии мужчин и женщин проявляется в характере маркировки признаков. Рассмотрим это в виде таблицы.

	Рост		Вес		Красота		Физическое состояние		Лицевая часть		Части тела		Уши		Волосы	
	Выс.	Низ.	Пол.	Худ.	Крас.	Некр.	Здор.	Слаб.								
М.	21	16	19	13	0	3	14	1	59		7		4		10	
Ж.	2	2	8	5	4	2	1	0	31		2		2		5	

Мы видим соотношение физических признаков мужчин и женщин. Большинство из признаков характерно для мужчин, такие как: рост, масса тела, физическое состояние, лицевая часть, части тела, уши, волосяной покров. Исключительно женским признаком является признак «Красота», образу женской красоты соответствует белая кожа (*белонега*), румяные щеки (*краснощёчка*), т.е. народный образ — это «кровь с молоком» и не излишняя полнота — (*дородница*) как признак здоровья и возможность родить здорового и крепкого ребёнка. Масса тела для мужчин имеет большое значение, худоба у мужчин маркируется с негативной оценкой (*сохлятье*), означает физическую немощь и слабость, излишняя полнота, вызванная любовью к еде, тоже вызывает неодобрение (*брюхан*). У мужчин часто маркируется высокий рост (*долган*), зачастую эти слова заключают в себя и признак худобы. Небольшой рост для мужчин неприятен (*недорослик*), когда для женщин, наоборот, рассматривается в положительном ключе (*малка*). Высокий рост и умеренная масса тела для мужчины всегда признак здоровья, силы и работоспособности. Мужчин с хорошим здоровьем называют в народе *крепак*. Слов, маркирующих слабость (*жиделяга*), небольшое количество.

Таким образом, диалектный вариант национального языка свидетельствует о высокой значимости характеристики человека по указанным основаниям, о чём говорит большой состав данной группы, её богатая синонимия, разнообразие как в номинативном, так и в словообразовательном плане: *бездушный* — *безнутрый* «худой, малосильный», *басенький* — *личистый* «красивый, хорошенький», *глуш* — *глухуша* «глухой», *запестуш* — *пужанистый* «полный, толстый человек».

Примечания

1. Языковая номинация: Общие вопросы. — М.: Наука, 1977. — С. 70.
2. Литвинникова О. И. Человек в производных именах русской народной речи / О. И. Литвинникова, М. А. Алексеев. — М., 2004. — С. 9.

А. В. БОРОВКОВА

Образы употребляемых в пищу растений в русской метафорической картине мира¹

Данная статья посвящена когнитивно-дискурсивному исследованию образной лексики и фразеологии, отражающей образы употребляемых в пищу растений. Выявляются ассоциативные компоненты семантики, лежащие в основе метафорического уподобления; анализируются метафорические модели, репрезентирующие сферу «человек» сквозь призму растительной пищи. Описываются понятийные сферы внеязыковой действительности, метафорически выраженные через образы съедобных растений.

Ключевые слова: кулинарная метафора, образная лексика и фразеология, языковая картина мира.

В лингвистике понятие образа трактуется в двух значениях. Первичный образ связан с чувственным восприятием предметов и явлений внеязыковой действительности. Вторичный ассоциативный образ является результатом метафорического сближения разнородных предметов, переноса качеств одного предмета на другой. Образные языковые единицы — собственно образные слова, языковые метафоры, сравнительные обороты, фразеологические единицы, — посредством метафорической внутренней формы называют одни явления внеязыковой действительности в ассоциативной связи с другими². Например, метафоры, называющие человека: *гриб* — человек, проводящий много времени за компьютерными играми, *крутой перец* — симпатичный, модно одетый молодой человек, фразеологизм *седьмая вода на киселе* — о дальнем родственнике; образные наименования различных предметов: *брюки-бананы* — брюки, расширяющиеся до уровня колен и резко суживающиеся книзу, *луковица* — церковный купол, напоминающий по форме луковицу; явления: *это ещё цветочки, а ягодки впереди* — о градационной череде неблагоприятных событий, *развесистая клюква* — что-либо нелепое, неправдоподобное и т.д.

Объектом исследования в данной статье выступают образные лексические и фразеологические единицы, мотивированные наименованиями растений, употребляемых в пищу. Растения, называемые мотивирующими словами, обладают определёнными стабильными признаками: имеют характерный цвет, форму, размер, вкус и т.п., которые позволяют воспринимать эти растения в качестве эталонных носителей данных свойств. Например, разнообразие зелёных оттенков лексически

выражено в метафорических единицах, называющих зелёные плоды съедобных растений: *гороховый* — серовато-жёлтый с зеленым оттенком, *фисташковый* — грязно-зеленый, *оливковый* — тёмный желтовато-зелёный, *как огурец* — насыщенный зелёный. В том случае, когда признак является переменным, растение не может восприниматься, как эталонный носитель данного признака. Например, яблоко может быть зелёным, красным, желтым, поэтому не выступает эталоном цвета.

Образы растений задействованы в метафорической характеристике различных явлений действительности в качестве эталона формы, при этом параметрические свойства называемых объектов уподобляются стандартной форме растения. Так, представления о фигуре, силуэте человеческого тела характеризуются посредством ассоциативной связи с формами таких фруктов, как яблоко, груша, банан. Форма груши округлая, состоящая из двух полусфер, узкой наверху и расширенной к основанию, что метафорически связывается с образом женской фигуры с ярко выраженными бедрами (о женщине: «*о сладкая груша, гитара, покатая шампанская бутылка*»). Шарообразная форма яблока ложится в основу ассоциативного переноса на фигуру человека с большим животом («*ожирение в форме яблока*»). Изогнутая и вытянутая форма банана визуальным образом напоминает позу согнутого человека («*сидеть перед компьютером в позе банана*»).

Невысокого, хилого, иногда сутулого, физически слабого и неказистого мужчину называют *сморчком* за его внешнее сходство с этим маленьким сморщенным грибом («*форменный сморчок: сутулый, с бегающими глазками и нездоровым желтым лицом*»). *Сморчок* — гриб с короткой ножкой и шляпкой, поверхность которой покрыта извилистыми складками, морщинами, — собственно образная лексическая единица, мотивированная глаголом *сморщиться*. Она уже несёт в себе дополнительную отрицательную коннотацию, поэтому при метафорическом уподоблении образа этого гриба с телом человека играет роль не только визуальное представление, но и заложенная в самой лексеме оценка.

Образы растительной пищи проецируются и на представления об органах и частях человеческого тела. Образы крупных округлых овощей (кочан, репа, тыква) становятся эталонами для характеристики формы головы человека, но также несут отрицательную оценку интеллектуальным качествам человека, не способного мыслить, как и растение. Языковые метафоры *кочан* («*покорно склонив головы кочан*»), *репа* («*раздумывая, чесал репу*»), *тыква* («*голова, как тыква*»), именующие человеческую голову, содержат в себе отрицательную коннотацию. Такая метафора называет глупого, недалёкого человека, что ярко выражается в устойчивом выражении *чесать репу* ‘долго безуспешно думать над чем-либо, почесывая при этом голову’. Лексема *чесать*, в прямом значении обозначающая ‘скрести, тереть для облегчения зуда’, в паре с *репой* ‘голова’

усиливает пренебрежительность, ироничное отношение к объекту, получившему такую характеристику.

Разнообразие форм носа представлено в следующих образных единицах: *баклажанный нос* (1 контекст); *нос грушей/картошкой/луковицей/сливой* (творительные сравнения). Такой метафорический перенос позволяет наглядно представить различные по форме носы: *баклажанный нос* ‘большой вытянутый, утолщенный на конце нос’ (*«повисает баклажанный нос»*); *нос картошкой* ‘пухлый нос с широкими ноздрями’ (*«его нос картошкой, толстый и распухший»*); *нос грушей/луковицей* ‘расширенный книзу нос’ (*«неправильный на манер груши нос»*, *«особые приметы — нос луковицей»*); *нос сливой* ‘крупный нос, красного или лилового цвета’ (*«бесформенный нос сливой»*).

Шарообразная форма яблока ассоциируется не только с фигурой человека, но и с формой глаза (*глазное яблоко*), кадыком (*адамово яблоко, яблочко*). Ассоциативная связь яблока и кадыка основана не только на общности округлой формы, но и библейской мифологии: считается, что кусок запретного яблока застрял у Адама в глотке и все мужчины потом носят след его грехопадения. Перифраз *глазное яблоко* прочно закрепился не только в лексикологии русского языка, но и в медицинской номенклатуре. Похожая ситуация в русском языке произошла с языковой метафорой *миндалины*. Миндалиной называют долю парного органа лимфатической системы, расположенной на стенках глотки и похожей по своей форме на миндальный орех.

Кроме формы в основе ассоциативного уподобления могут лежать и другие характеристики растений. Цвет и структура покрытия плодов растений лежат в основе метафорической характеристики кожных покровов человека, что представлено в образных единицах *апельсиновая корка, абрикосовая/персиковая кожа, вишневые/брусничные/клюквенные губы* и др.

На цвете кожи человека часто отражаются его эмоции, настроение, мысли: гнев, ярость, смущение, страх и т.д. Красное от переживаемых эмоций лицо по своему цвету и форме визуально схоже с помидором, что отражено в сравнении *красный, как помидор* ‘с красным от гнева лицом’ (*«один из чиновников нервно курил, был красный, как спелый помидор»*). То же подобие лежит в образном основании сравнения *красный, как свекла* ‘покрасневший от смущения’ (*«он смутился и стал красный, как свекла»*).

В основу ассоциативного сближения между особенностями человеческого лица и растительными пищевыми продуктами ложатся также вкусовые характеристики. В основе образного сравнения *как будто лимон съел/разжевал* лежит реальная ситуация поедания лимона, кислый вкус которого неизбежно заставляет человека скривить лицо/рот. При метафорическом переносе это выражение приобретает значение проявления сильного недовольства человека (*«лицо*

его сморщилось, как будто он разжевал лимон»). Ягодка — обращение к красивой девушке, любимому человеку или маленькому ребенку, в основе метафорического переноса лежит сладкий вкус ягоды, её аромат, притягательность.

Эмоциональное состояние и самочувствие человека метафорически характеризуются посредством ассоциации с процессом приготовления растительной пищи, а также со структурой ткани растения. Усталый человек будто лишен жизненной силы, кажется, что из него «высосали» всю энергию, все жизненные соки, как выжимают сок из лимона во время приготовления блюда, разрушая его структуру («после занятий с нею я чувствовал себя как выжатый лимон»). Языковая метафора овощ характеризует вялого, лишённого сил и рассудка человека, в то время как бодрое состояние ассоциируется с образом зеленого свежего огурца («раньше приходилось не спать по двое, а то и по трое суток, и ничего — всегда как огурец»), а уверенность в себе и своих силах отражена в устойчивом выражении *держат хвост морковкой* быть уверенным, держаться прямо, как морковка из грядки’.

Структура и способ произрастания съедобных растений могут употребляться как качества характера человека и особенностям его поведения. *Крепкий (твёрдый) орешек* метафорически описывает сильного духом человека, не поддающегося на провокации и не обращающего внимание на различные препятствия на пути к своей цели. Крепость духа метафорически сравнивается с твердостью, прочностью ореховой скорлупы. *Грибом* называют человека, склонного к компьютерной зависимости, просиживающего дни за монитором, как гриб, растущий на одном месте. *Одного поля ягодки* — фразеологический оборот, называющий людей, схожих по своим привычкам, пристрастиям, характеру, воспитанию, образу жизни и т.д., как ягоды, растущие на одном поле. Чаще всего такой оборот несет в себе негативную оценку, например, она даётся кем-то со стороны и объединяет людей по каким-то отрицательным чертам («они были *«одного поля ягодками»*: необременённые образованием и одаренные мощной политической интуицией — умением манипулировать людьми в достижении своих целей, которые оправдывали любые средства»)³. *Яблоко от яблони недалеко падает/ от осинки не родятся апельсинки* — выражения, употребляющиеся в отношении родителей и детей, похожих по своему характеру, поведению, образу жизни (эти фразеологизмы обычно несут негативную оценку).

Наименования растительных продуктов отражены в фразеологизмах, указывающих на умственные способности человека. Фразеологизм *разбираться как свинья в апельсинах* используется при определении человека, который ничего не смыслит в определенной сфере. При номинации человека, легко справляющегося с решением сложных задач, используется фразеологизм *щёлкать (задачи) как орешки/как семечки*.

Решение задачи ассоциативно связывается с расщелкиванием ореха, добычей орехового ядрышка из скорлупы.

Такие особенности структуры ягоды, как расположение косточки внутри плода, а также горький или кислый вкус некоторых ягод, ложатся в основу образных выражений *красна ягода, да на вкус горька; ягода с косточкой; ягода-кислица*, характеризующих людей со строптивым, сложным или надменным характером.

Образы растений отражены в метафорическом наименовании социального статуса человека и роде его деятельности. В криминальной среде *апельсином* называют человека, присвоившего себе авторитет в уголовном мире (чаще покупая его). Окраска плодов задействована в перифразах *малиновый пиджак* и *гороховое пальто*. *Малиновым пиджаком* в девяностые называли «новых русских», людей, неожиданно разбогатевших в кризисные годы, перифраз *гороховое пальто* в XIX в. употреблялся по отношению к агентам сыских служб за цвет их мундиров, позже так стали называть доносчиков.

В заключение отметим, что образы съедобных растений проецируются не только на сферу «человек», но и на другие понятийные области. Например, сфера «артефакты»: *банан* ‘надувной водный матрас, цепляющийся к катеру и использующийся в развлекательных целях на курортах’, *груша* ‘тренажёр для отработки ударов в боксе’, *горошина* ‘мелкие шарообразные предметы’ и т.д.; сфера «растения»: *чертово яблоко* ‘картофель’, *карфагенское яблоко* ‘гранат’; сфера «цвет»: *персиковый* ‘о предметах, окрашенных в светло-желтый с розоватым оттенком цвет’, *как апельсин* ‘о предметах, окрашенных в оранжевый цвет’, *в яблоках* ‘о пятнистой расцветке лошадей’ и т.д.; сфера «оценка явлений и событий»: *хрен редьки не слаще* ‘о ситуации, в которой выбор лежит между двумя одинаково плохими альтернативами’, *закидать тухлыми помидорами* ‘раскритиковать чью-либо идею, работу, мнение’ и др.

Дискурсивный анализ образной лексики и фразеологии, отражающей метафорические проекции из сферы-донора «съедобные растения», по данным Национального корпуса русского языка, показал их высокую метафорическую активность и частотность употребления преимущественно в публицистическом и художественном типах дискурса.

Примечания

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207 а — «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.
2. Блинова О. И., Юрина Е. А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. Научный периодический журнал. — № 1. — Томск, 2008. — С. 5–13.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. — Пермь, 2001. — 208 с.

Состав антропонимов диалектоносителя с точки зрения соотносённости с основными формами национального языка

Рассматривается состав имён собственных (имён, отчеств, фамилий и прозвищ) в лексиконе диалектоносителя с точки зрения соотношения с формами национального языка — его литературной, диалектной и просторечной подсистемами.

Ключевые слова: антропонимы, диалект, языковая личность, формы русского национального языка.

Исследование системы антропонимов в идиолексиконе сибирского старожила — жительницы с. Вершинино Томской обл. В. П. Вершининой (1909—2004 г.) — является частью масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности, осуществляемого в Томской лингвистической школе¹. Наричательная лексика в речи диалектоносительницы описана достаточно подробно — описание имён собственных только начато в работах Е. В. Иванцовой², А. В. Шевлякова³. Значимость анализа антропонимической подсистемы в лексиконе индивида обусловлена весомой культурологической составляющей имён собственных, которые несут богатую информацию о национальном языке и его носителях, дают возможность реконструкции сущностных черт языковой личности.

В статье рассматривается состав антропонимикона диалектоносителя в соотношении с основными формами национального языка — его литературной, диалектной и просторечной подсистемами. Постановка этой задачи отличается новизной, поскольку: 1) ономастические работы опираются главным образом на обобщенный материал национального языка в целом (А. В. Суперанская, В. Д. Бондалетов, В. Э. Сталтмане, А. В. Суслова); данные исторических памятников письменности (В. В. Палагина, Л. А. Захарова, Л. М. Щетинин); фольклор и художественные произведения (С. И. Зинин, Ю. Б. Мартыненко, С. М. Васикова, Л. М. Ахметзянова); данные отдельных диалектов (М. В. Карпенко, И. П. Кокарева, Т. А. Сироткина, Е. И. Сянова, А. С. Щербак) и почти не обращаются к идиолектным антропонимическим системам; 2) диалектный материал изучен гораздо слабее, чем литературный; 3) состав антропонимикона языковой личности в обозначенном аспекте никем не рассматривался.

Согласно классификации О. И. Блиновой, лексика местных говоров по соотношению с основными формами национального языка делится на собственно диалектную, бытующую только в системе диалекта; диалектно-просторечную, входящую как в диалект, так и в городское просторечие, и общенародную — известную диалектам, просторечию

и литературному языку. Отмечается также, что существуют диалектные и диалектно-просторечные варианты общерусских слов, диалектные варианты просторечных единиц⁴. Их соотношение рассматривалось на материале некоторых говоров⁵ и в составе нарицательной лексики исследуемой языковой личности. Рассмотрим в этом аспекте систему имен собственных В. П. Вершининой.

Источником работы является создаваемый автором идиолектный словарь антропонимов, включающий 1028 единиц.

1. Наиболее обширным в антропонимиконе диалектной языковой личности является класс **личных имён** (518 единиц). Он же отличается наибольшим разнообразием с точки зрения соотносённости с основными формами национального языка. Для определения характеристики имен по рассматриваемому параметру использовались «Словарь русских личных имён» Н. А. Петровского (М.: Астрель, 2000) и «Словарь русских имён» А. В. Суперанской (М.: Эксмо, 2005).

Имя считалось общерусским (О), если оно отмечено в названных словарях без помет о суженной сфере функционирования и не содержит фонетических, акцентологических, словообразовательных отклонений от литературной нормы: *Николай, Коля, Татьяна, Сергей, Елена, Лукерья*.

Имена квалифицировались как собственно диалектные (Д), если они отсутствовали в словарях Н. А. Петровского и А. В. Суперанской: *Ви'тьчишка* — «неодобр. к Виктор», *Ню'ришка* — «неодобр. к Анна», *Си'на* — «неполная форма к Аксинья».

Диалектными вариантами общерусских (ДО) считались имена собственные, которые имеют частичные отличия от общерусских в звуковой оболочке при семантическом тождестве (ср.: *Ангели'на* — О, *Андели'на* — ДО, *Гео'ргиевна* — О, *Гево'ргиевна* — ДО) или отличия в коннотативной семантике при формальном тождестве (ср.: *Ната'льюшка* «ласкательное» — О, *Ната'льюшка* «пренебрежительное» — ДО).

Поскольку используемая в словаре Н. А. Петровского помета «просторечное» понимается расширительно (просторечной считается «производная форма от документального имени, возникшая в сниженном стиле речи, просторечии, говорах»), а у А. В. Суперанской «диалектные, областные, просторечные формы имён <...> в словаре не представлены», имена рассматривались как диалектно-просторечные (ДП) на основе наблюдений исследователей городского просторечия и интроспекции: *Катю'ха, Валю'ха, Колю'ха, Надю'ха*.

Диалектно-просторечными вариантами общерусских имен (ПО) считались антропонимы типа *Катери'на, Лизаве'та, Лекса'ндр, Лекса'ндра, Лексе'й* по отношению к *Екатерина, Елизавета, Александр, Александра, Алексей*.

Общее соотношение выделенных групп в составе имен таково: О — 82,2 %, Д — 1,9 %, ДП — 1,7 %, ДО — 11,7 %, ПО — 2,5 %.

Наиболее ярко специфика языковой личности представителя народно-речевой культуры проявляется в той части антропонимикона, которая включает нелитературные компоненты. Формальные и семантические характеристики этих имен отражают черты говора исследуемой языковой личности.

В форме имен отражены лексикализованные фонетические особенности родного для информанта Вершининского говора, многие из которых являются одновременно типичными для всех сибирских старожильческих говоров Среднего Приобья. В сфере согласных это:

- мена заднеязычного Г на переднеязычный Д: *Де'на, Де'ночка, Андели'на, Евде'ния*;
- мена глухих и звонких парных согласных: *Анфиза, Рауза; Оле'к*;
- мена смычного заднеязычного К на шелевой заднеязычный Х: *Ви'хтор, Христи'на*;
- мена губных В, М на зубные Л, Н: *Алгу'ста, Во'ла* (от литературного *Лола*); *Мики'фор*;
- появление начального В перед гласным О: *Во'сип, Во'льга*;
- появление интервокального В между гласными: *Геве'ргий, Лариво'ныч*;
- упрощение групп согласных: *Костанти'н, Ми'трий, Адрия'н*;
- редукция сочетания согласных в конце основы: *Лекса'н*;
- мена долгих звуков на краткие: *И'на*.

В области гласных представлены:

- редукция начальных А и Е в полных формах имен: *Лекса'ндр, Лекса'ндра, Лексе'й, Фана'сий, Кули'на, Нато'лий, Катери'на, Проси'нья, Лизаве'та*;
- уподобление звуков в основе имени: *Палаге'я*;
- мена гласного среднего ряда А на гласные переднего ряда И, Е: *Индели'на, Авдоки'я*;
- мена гласного верхнего подъема И на гласный среднего подъема Е: *Маре'я, Клавде'я, Анастасе'я*;
- утрата зияния: *Венамин*.

В отдельных случаях появление нелитературного имени связано с неосвоенностью незнакомой диалектоносителю новой единицы, вызывающей различные ассоциации (*Во'ла, Во'лга, Во'лка* — от *Лола*). Неполное имя *Ма'тя* (от *Мотя*) используется в речи В. П. Вершиной как элемент чужой речи и соотносится с индивидуальными особенностями говорящего («Она её «Ма'тя» звала. Не «Мотя», а «Ма'тя». Ну она у нас глуховата была, мама-то, тоже...»). Такие примеры можно рассматривать как пограничные между диалектными вариантами общерусских слов и собственно диалектными словами.

Среди акцентологических явлений, типичных для нелитературных имен, представлен регулярный сдвиг ударения от начала слова к концу: *Клавде'я, Агне'я, Лампе'я* (ср. *Кла'вдия, А'гния, Евла'мпия*).

Нелитературные имена в антропонимиконе диалектоносителя могут иметь также отличия в морфемной структуре слова. Усечение основы характерно как для неполных диалектных имен (*И'ля* — ласк. к *Илья*), так и для полных (*Евге'ня*, *Анато'ль*, *Васи'ль*). Ряд мужских имен, в общерусской форме имеющих нулевое окончание, отличаются наличием флексии -а: *Артёма*, *Кири'лла*.

Небольшая группа собственно диалектных имен создана по особым, отсутствующим в русском литературном языке антропонимическим словообразовательным моделям:

— основа неполного имени + суффикс -ишк- : *Ви'тьчишка*, *Ле'нчишка*, *Лёньчишка*, *Та'ньчишка*, *Ню'ришка*;

— основа неполного имени + суффикс -юшк- : *Гу'тюшка*,

— основа полного имени + суффикс -юшк- : *Ната'льюшка*, *Федо'сьюшка*;

— основа неполного имени + суффикс -ёшк- : *Танёшка*, *Санёшка*.

Все эти имена выражают субъективную оценку говорящего по отношению к именуемому лицу: в именах типа *Танёшка* — ласкательную, в прочих — неодобрительную.

2. Число **отчеств** в идиолектном антропонимиконе — 156 единиц. Их соотносённость с формами национального языка определялась по тем же словарям, что и для имен. Подсчеты по этому классу антропонимов дали следующую картину: О — 77,6%, ДО — 19,2%, ПО — 3,2%.

Отчества демонстрируют те же фонетические закономерности, что и имена, пополняя список иллюстраций к уже обозначенным явлениям: встречаются редукция начальных гласных (*Листра'тьевна*, *Фана'сьич*), мена гласных, различающихся рядом (*Авдоки'мовна*), губных и зубных (*Микола'ич*), глухих и звонких согласных (*Капидо'новна*), упрощение групп согласных (*Костанти'новна*). При образовании отчеств наблюдается также усечение производящей основы (*Георгевич*). В то же время нелитературные акцентологические особенности у отчеств не выявлены.

3. В идиолектной системе антропонимов отмечено 270 **фамилий**. Поскольку фамилия — официальная форма именования лица, паспортные формы рассматриваются как общерусские единицы состава идиолексикона (*Бо'рин*, *Ти'хонова*, *Зозу'ля*, *Вахненко'*), а их изменения — как ДО (*Вахне'нкина*, *Зозу'лина*), прочих быть не может. Первые составляют 95% от общего числа фамилий, вторые — 5%. Фонетические преобразования звуковой оболочки имеют место только при неосвоенности фамилий: *Була'тов* (Хасбулатов), *Менчу'к* (Деменчук). Для фамилий, воспринимаемых диалектоносителем как нерусские, характерны словообразовательные трансформации в соответствии с наиболее частотными русскими словообразовательными моделями на -ов/-ев и -ин: *Лебедев* (Лебедь), *Гришко'в* (Гришко), *Зозу'лин* (Зозуля), *Вахне'нкин* (Вахненко).

4. В лексиконе исследуемой языковой личности зафиксировано 84 прозвища. Все они созданы и бытуют в микросоцуме одного села, поэтому их можно рассматривать как диалектные. В прозвищах представлены некоторые фонетические особенности говора (*Гроно'м* — редукция начального А, *Узю'м* — уподобление гласных). Широко используются прозвища, созданные по модели «основа фамилии + суффикс -их (а)»: *Картаиши'ха, Басара'ниха, Комари'ха...*

Таким образом, можно сделать вывод: 1) антропонимикон В.П. Вершининой по преимуществу составляют О — 803 единицы (78,1 %), но также отмечены ДО — 104 (10,1 %), Д — 94 (9,2 %), ДП — 18 (1,75 %) и ПО — 9 (0,8 %). Соотношение рассматриваемых групп антропонимов таково: среди имён (82,2 %), отчеств (77,6 %) и фамилий (95 %) преобладают общерусские формы имён, доля ДО у имен 11,7 %, у отчеств — 19,2 %, у фамилий — 5 %, большую группу диалектных имён составляют прозвища (8,1 %) и имена (1,9 %), среди отчеств и фамилий единицы данного порядка не обнаружены; 2) данное сопоставление личных имен соответствует составу нарицательной лексики речи исследуемой языковой личности (ср.: О — 59,23 %, ДО — 20,75 %, Д — 11,79 %, ДП — 2,9 %, ПО — 2,9 %)⁶.

Примечания

1. *Иванцова Е. В.* Идиолектология // Томская диалектологическая школа: историографич. очерк. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — С. 157–164.
2. *Иванцова Е. В.* Состав антропонимов индивидуального ономастикона и характеристики языковой личности // Русская речевая культура и текст. — Томск, 2010. — С. 319–324.
3. *Шевляков А. В.* Антропонимикон диалектной языковой личности: аспекты изучения // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 294. — С. 93–97.
4. *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию: материалы для спецкурса. — 2-е изд., испр. и доп. / О.И. Блинова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. — С. 32–44.
5. *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 40–42.

К. М. БОРИСОВА

Лингвострановедческий словарь фразеологизмов как отражение русской языковой картины мира

Исследуется фразеологический состав русского языка, представленный в лингвострановедческом словаре, с позиций его идеографической организации. Анализируются структурные элементы идеографической классификации с точки зрения отражения картины мира.

Ключевые слова: фразеология, языковая картина мира.

Антропоцентризм современной лингвистики направляет исследовательское внимание к описанию образа мира, который выстраивается в сознании носителей языка и обеспечивает жизнедеятельность людей.

Понятие картины мира также является важным и для методики преподавания русского языка как иностранного, так как, изучая язык, иностранец не просто заучивает и воспринимает фонетику, лексику, грамматику, синтаксис неродного ему языка, а также знакомится с их картиной мира, отраженной в изучаемом языке, и познает его носителей.

Одним из наиболее информативных источников познания культуры народа через язык выступают фразеологические единицы.

Цель данного исследования: описать фразеологический состав лингвострановедческого словаря с позиций его идеографической организации.

Источником материала для данной работы стал словарь В. П. Фелициной и В. М. Мокиенко «Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь» (1990) под редакцией Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Данный словарь имеет специальную лингвострановедческую ориентацию. Из него были отобраны 382 фразеологические единицы (далее — ФЕ) и распределены по идеографическому принципу на понятийные сферы, семантические поля и группы.

Исследованный материал можно разделить на четыре понятийные сферы: «Человек», «Время», «Пространство» и «Количество и мера».

Наиболее заполненной является понятийная сфера «Человек» (282 ФЕ), в состав которой входят большинство исследуемых единиц. Они характеризуют человека с точки зрения его внешних, внутренних и социальных качеств. Остальные сферы представлены весьма небольшим количеством единиц. Фразеологические единицы сферы «Природа» вообще не отмечены.

В сфере «Человек» можно условно выделить две подсферы, описывающие его с различных точек зрения: во-первых, это подсфера внутренних и внешних характеристик человека и, во-вторых, подсфера социальных взаимоотношений людей. В первой подсфере приоритетную позицию (по количеству входящих единиц) занимают ФЕ, характеризующие черты характера человека, проявляющиеся в его поведении (*семь пятниц на неделе, как перекасти поле, хоть кол на голове теши, закусывать удила, моя хата с краю, каши не сварить, извиваться ужом, пристать как банный лист, как с гуся вода, тише воды, ниже травы*). Далее следуют умственные способности (*семи пядей во лбу, сами с усами, на мякине не проведешь, видеть на три аршина под землей, щелкать как орехи, щелкать как семечки, брать в толк, добиваться толку, взять в толк, толокенный лоб, каша в голове, как в темном лесу, как баран на*

новые ворота, белены объелся), а также психические и эмоциональные состояния человека и переживаемые им чувства (*ни жив ни мёртв, дрожать как осиновый лист, труса праздновать, готов сквозь землю провалиться, кусать локти, вот так клюква, злой как собака*). В пределах данной подсферы выделяется также достаточно большое количество единиц, передающих оценочные характеристики человека, выступающего не как субъект, а как объект оценки (*поднимать на щит, наклеивать ярлыки, стричь всех под одну гребенку, мерить на свой аршин, смотреть со своей колокольни, на большой палец, с большой буквы, гроша ломаного не стоит, кисейная барышня, гусь лапчатый, пятое колесо в телеге, красная девица, садиться не в свои сани, родиться в сорочке*).

Во второй подсфере, связанной с социальными проявлениями человека, наиболее обширный пласт составляют единицы, характеризующие человека с позиций разноплановых социальных взаимоотношений, совершаемых в их рамках действий и различных типов поведения. Все входящие в подсферу единицы образуют множественные семантические поля, каждое из которых достаточно хорошо заполнено: «Характеристика действий человека», «Речь», «Труд», «Имущественные и денежные отношения».

Поле «Характеристика действий человека», включающее 42 ФЕ, весьма разработано. Оно фиксирует промедление и постоянство, желательность и нежелательность, характер протекания действия (*дать себе отчёт, не давать себе отчёта, хлебом не корми, хуже горькой редьки, откладывать в долгий ящик, одним росчерком пера, дать задний ход, ни тпру ни ну, расхлебывать кашу, спустить на тормозах, поставить заслон, дать добро, поставить на прочный фундамент*).

Далее следует семантическое поле «Речь» (32 ФЕ), в которое вошли единицы, характеризующие акустические и содержательные свойства речи (*каша во рту, бобы разводить, турусы на колесах, тары-бары, семь вёрст до небес, заводить волынку, с три короба, ради красного словца, развесистая клюква, сказка про белого бычка*), а также речевые действия (*бросать камешки в огород, бросить клич, закидывать удочки, на все лады, ломать копыя, ставить вопрос ребром, выносить сор из избы, играть в прятки, играть в жмурки, поймать на удочку, клевать на удочку, попать на удочку, наводить тень на плетень, сбивать с толку*).

Высокоразработанным является поле «Труд» (26 ФЕ). Единицы, вошедшие в данное поле, довольно четко делятся на три группы: 1) лень, бездействие, медлительность, неумение и плохая работа (*бить баклуши, считать ворон, тянуть канитель, через пень колоду, спустя рукава, ни тпру ни ну, наломать дров, долгая песня, вкривь и вкось, как курица лапой*); 2) характеристика мастерства и хорошей работы (*не лыком шит, тертый калач, знать толк, подковать блоху, в руках кипит, не за страх, а за совесть, засучив рукава, печь как блины*); 3) фразеологизмы,

характеризующие тяжелый труд (*тянуть лямку, гнуть спину, вертеться как белка в колесе, волком рыскасть*).

В семантическое поле «Деньги и имущественные отношения» (18 ФЕ) вошли единицы, характеризующие бедность человека, отсутствие денег и имущества (*ни гроша за душой, ни копейки за душой, ни кола ни двора, гол как сокол, перебиваться с хлеба на квас (на воду), рожки да ножки, ни пяди земли*) и богатство (*грести деньги лопатой, денег куры не клюют, молочные реки, кисельные берега, как сыр в масле кататься*).

Подводя итог, следует отметить, что русская фразеологическая картина мира является антропоцентричной, что подтверждается большой наполненностью семантических полей понятийной подсферы «Человек».

В описании человека фразеология акцентирует различные стороны его существования, а более всего — социальную сферу, в которой прежде всего выделяются характеристики действий человека, взаимоотношения людей, речь, труд, денежные отношения и оценка ситуаций, в которые попадает человек. Но кроме социальной сферы разработанной также является сфера внешних и внутренних характеристик человека.

Все полученное как отражение русской фразеологической картины мира должно стать основой для разработки методики преподавания РКИ с учетом культурных доминант русского менталитета.

Л. А. ИВАНОВА

Формы представления социального времени в идиолексиконе языковой личности диалектоносителя

Рассматриваются способы представления времени социального в дискурсе диалектной языковой личности — Веры Прокофьевны Вершининой. Выделены типы социального времени и предпринята попытка воссоздать фрагмент языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая личность, языковая картина мира, время социальное.

В современной лингвистике, имеющей антропоцентрический характер, проблема изучения языковой картины мира является одной из самых актуальных. В её изучении центральным объектом становится языковая личность как субъект осмысления мира. При этом особую значимость приобретает описание языковой картины мира носителя традиционной народно-речевой культуры, поскольку именно диалекты репрезентируют основы национального видения мира.

Объектом данного исследования выступает Вера Прокофьевна Вершинина (1909—2004), жительница села Вершинино Томской области. Материалом послужил «Полный словарь диалектной языковой

личности» в 4 томах, составленный лингвистами Томской диалектологической школы. Словарь включает всю лексику, зафиксированную в период 24-летнего наблюдения над речью информанта. Цель исследования: по данным идиолексикона Вершининой воссоздать фрагмент языковой картины мира диалектоносителя «Время».

Время — важнейший элемент любой картины мира, задающий, наряду с пространством, границы человеческого существования. Среди различных типов времени (время физическое, биологическое, культурное) важное место занимает время социальное. Это время, которое воспринимается человеком как последовательность отграниченных друг от друга событий или социальных состояний. Социальное время отражает динамику развития общества в целом и отдельного человека в нём. Лексическими маркерами такого времени являются номинации событий, происходящих в социуме.

Среди единиц, характеризующих время социальное, в дискурсе Веры Прокофьевны можно выделить маркеры глобальных событий, актуальных для общества в целом: смена общественно-экономических формаций, исторические вехи развития государства, этапы развития общества. Такие глобальные события относятся как к обществу в целом, так и к жизни отдельного человека, например **ВОЙНА**. При этом выделяются **Германская война** (Первая мировая война), **Финская война** (война СССР с Финляндией в 1939—1940 гг.) и **Японска(я) война**. (война России и Японии в 1904—1905 гг.), поскольку затрагивают информанта лично: «Кака’-то японска ли кака’ была война, и герма’нска война была. Раненый был... [отец]». Великая Отечественная война маркируется как событие, делящее время на две части: **ДОВОЁННЫЙ**, прил. ‘бывший до войны’ и **ПОСЛЕВОЁННЫЙ**, прил. ‘относящийся ко времени после войны’ (обычно о Великой Отечественной войне): *«Послевоенного вре́мя; Пойдут это, на заготовку [дров] её посылать — это послевоенно время!»*.

Другими актуальными для общества в целом являются такие события, как **КОЛЛЕКТИВИЗА́ЦИЯ**; **ПЕРЕСТРО́ЙКА**; **ГО́ЛОД** (1921 г.). События отмечаются, поскольку совпали со временем жизни диалектоносителя, т.е. являются значимыми не только для всего общества, но так или иначе касаются информанта лично: *«Колтивизация прошла это на наших плечах всё, тода́ тоже как было трудно жить-то. Я запомнила, какой... то ли двадцатый, то ли какой год тоже... двадцать первый ли... тоже голод присмёртный был. Вот... в какой голод не пропадали. Ой, горе!»*.

Социальное время воспринимается и сквозь призму времени циклического. Так, можно выделить периоды времени, связанные с крестьянскими работами: **СЕНОКО́С**; **СТРА́ДА**: *«А это воскресенье тоже сено сгребал, на тракторе работал, поставили его, ну на время, на сенокос»;*

«Счас надо, ешо сенокосу нету — пусь идёт [дождь]»; «А мы как-то мало продавали [грибы]. ~ А люди может и продавали много, может быть и брали больше. То сенокос, то страда, может, кто и продас».

Отмечаются события и менее глобальные, актуальные лишь для небольших социальных объединений: **ЗАБАСТÓВКА**; **КАРАНТИ́Н**. Эти события не являются специально запланированными, носят ситуативный характер: *«А чё, забастовка идёт ешо это, кто всё что не будет повышать цену»; «Свинка. На карантине [детский сад], а там на ремонт»; «В садике, поди, карантин».*

Каждый человек в социуме выполняет определенные обязанности, поэтому в дискурсе отмечаются единицы, маркирующие поле деятельности человека: работа: **ВАХТА** ‘сезонная работа с выездом на рабочее место’; **ДЕЖУРСТВО**; **КОМАНДИРÓВКА** либо учеба: **СЁССИЯ**, а также время отступления от исполнения привычных функций: **ДЕКРЁТ**; **БОЛЬНИЧНЫЙ**!; **ОТГУ́Л**; **ОТДЫХ**; **ОТПУСК**; **КАНИКУ́ЛЫ**: *«Она не работала, ничё не работала, а счас надо было декрет заработать»; «Тут взял отгул, месяц пробыл»; «Вы надолго ездили в отпуск прошлогóд-то?»; «На отдых, путёвку куды-то, далёко, отдыхать»; «Ну долго на больничном был... Месяцев десять был; На больничный, может, пойдёт, чё-то болеет»; «А эта женщины уехала в командировку; В командировку ездил куды-то, за лесом ездил»; «Будто бы он Тане говорит... звóнит: «Таня, дай ребятишек! На каникулы. Пусть они у меня поживут».*

Также можно выделить личное время человека, актуальное для человеческой жизни, не являющееся глобальным. Оно определяется протеканием различных социально и индивидуально значимых для него событий и связано с выполнением социальной роли человека в течение жизни. Такими являются события, относящиеся к армии как особому социальному институту: **А́РМИЯ**, 2. ‘период службы в составе вооружённых сил’ — *«Ну, он рано снял [деньги со сберкнижки], ешо до армии снял».* *О —/1; **КОНТРАКТ**, 2. ‘служба на основе письменного соглашения с взаимными обязательствами сторон’ — *«Он год отслужил [в армии], а ему там предложили, и теперь он в контракте».* ДО —/1; **ПОБЫ́ВКА** ‘недолгое пребывание военнослужащего у родных во время отпуска’ — *«А Коля из арьмии пришёл, только как на побывку»; «И на побывку приезжал, в отпуск — и тоже к ей пришёл».* О —/3.

Среди маркеров социального времени, актуальных только для отдельной личности, можно выделить события, придающие человеку новый социальный статус: **ПЕ́НЗИЯ**, **ПЕ́НСИЯ**, и события, влекущие за собой существенные изменения в жизни человека: **КАТАСТРО́ФА**, ж. ‘внезапное событие (любого масштаба) с трагическими последствиями’: *«Ну? месяц бы он не пас. Тоже бросил. Тут ешо получилось у него это... катастрофа-то эта [выбил жене глаз]. Бросил*

пасти»; *«У Раи Илю провожали на пенсию, в субботу; На пенсии, давно уж, пиисят лет пошла»*. Кроме того, такие события могут приводить к временному отступлению человека от исполнения привычных обязанностей в обществе: **ЗАПОЙ, ЗАГУЛ**: *«Цясто, запой у ей недели по две бува́т, и на неделю, пьёт»*; *«Они в загуле. Ну, загуляют — не день: неделю либо две будут пить»*.

Таким образом, в дискурсе Веры Прокофьевны можно выделить единицы, маркирующие время индивидуального бытия человека; события, характерные для небольших социальных объединений и маркеры времени глобальных событий. Выделение определённых событий в дискурсе Веры Прокофьевны связано с тем, что это время так или иначе относится к ней или ее близким. Более наполнена группа, характеризующая личное время человека. Значение всех единиц связано с исполнением привычных обязанностей в обществе: работой, учебной, сельскохозяйственной деятельностью, и это говорит о вписанности человека в разные типы социального времени, его причастности к ходу времени.

С. С. КУЗНЕЦОВА

Перцептивные глаголы *видеть, видать* в речи диалектной языковой личности

В статье описывается субъектно-объектная структура глаголов зрительного восприятия в устной речи одного лица. Сделаны выводы о языковой личности говорящего.

Ключевые слова: идиолект, языковая личность, зрительное восприятие

Под диалектной языковой личностью в данной работе понимается реальный носитель языка. В качестве материала использовались высказывания сибирской крестьянки В. П. Вершининой (далее ВП), извлечённые из электронной базы текстов информанта.

Глаголы *видеть, видать* относятся к ядерной части лексикона, они частотны в речи личности. К сфере восприятия относятся значения «иметь зрение» (*видеть 1*), «воспринимать зрением» (*видеть 2, видать 1*), «видно» (*видать 2*).¹ В других значениях, например, «обращать внимание» (*видеть 2*), «сознать, понимать, чувствовать» (*видеть 3*), исследуемые глаголы используются относительно редко.

Наиболее общее значение «иметь зрение» отмечено у глагола *видеть*. Почти всегда (88% употреблений) констатируется ослабление зрительной способности, для этой цели используются формы с отрицанием или наречия *плохо, худо*: *«Татьяна Лексе'вна не видит несколько. [Катаракта?] Катаракта, ага. Операцию — Георгий тоже не видел...»*;

«*Вязать-то не вижу. Прямо плохо стала видеть*». Ухудшение зрения подчёркивается использованием наречий степени *ничё*, *ниско'ль/нисколько*, *совсем*: «*А я в них [очках] ничё не вижу*»; «*Он щас ослеп, совсем не видит ниско'ль*». Очень редко отмечается способность видеть или хорошее зрение: «*[В.С. Ты без очков видишь?] В.П. Вижу, вижу*»; «*А сама не слышит ничё, а видит, хорошо-о! Хорошо видит*». Значение «быть подслеповатым» передаёт также глагол *недовидеть*: «*Ну она [девушка] тоже... недовидит, недослышит, ну и так кака'-то как недора'звита*». Тот факт, что чаще обозначается ситуация ухудшения/потери зрения, можно объяснить как особенностями языковой категоризации мира (норма — хорошее зрение — номинируется очень редко), так и актуальностью данной ситуации для информанта.

Основное значение «воспринимать зрением» представлено у глаголов *видеть*, *видать*. Обязательными актантами при этих глаголах являются субъект и объект.

Субъектом чаще всего является конкретное лицо. Этим лицом может быть сам говорящий, его родственники, односельчане, собиратели. Соотношение разных субъектов для четырёх лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) не совпадает. Для ЛСВ *видеть 1*, *видать 1* субъект восприятия чаще всего совпадает с субъектом речи: «*А у Поли я прошлого'д видала, у ей вот таки' — ну усыпаны помидорами были, вот таки'... [кусты]*»; «*А ты хлопущку [выбивать ковры] на улицу выкинула, ага? Я видала, ты её в сени выкидывала*»; «*Я его [сына] пьяного-то не видала, чтобы он напился и пришёл домой пьяно'й...*»; «*[Коровы прошли уже?] Я не видала; Я видала, машина тут была*»; «*Спасибо, ты прям закрыва'шь, а я сижусь... там не вижу...*»; «*[Я привезла.] А я уж вижу, спасибо*». При употреблении глагола *видать* ярко проявляется эгоцентричность — более половины всех примеров приходится на долю «я»-субъекта, около четверти — на долю собеседника. Эгоцентричность, по мнению исследователей, является одним из определяющих свойств разговорной речи: «о чём бы ни говорил человек при разговорном общении, он говорит и о себе». ²

Для варианта *видеть 2* субъект восприятия чаще всего совпадает с собеседником или третьим лицом. В случае, если субъектом восприятия является собеседник, предложение чаще всего представляет собой вопрос: «*А я окошко-то, ты видел? Я его выставила*»; «*В субботу приехали они. Пошли полоть картошки. Ну, пропололи — не знаю, как-и'. Не видала?*» С помощью подобных вопросов к лицам, которых она считает сведущими, В.П. стремится получить какую-либо информацию, важную для неё. «*В.П. Ну и, ты не видала? Валя не приехала? Мотина-то? П.М. Не видала Вали, не видала*»; «*В.П. <...> а Анька-то руга'тся, что, гыт, ху'до изде'лали. Ши'бко худо, там не видала? У теб'я рядом, может, видать*». При общении с собирателями из города

вопросительные предложения выполняют другую роль: говорящий хочет удостовериться, что собеседник владеет нужной информацией или знаком с какой-либо реальией: «*Она на кры'лосте пела, — кода' в церкви-то поют там, пе'вчи-то — ты не видала?*»; «*Сеянка от лук, видала? Ну, его посеять, он такой от родится*». Предложения, в которых субъектом восприятия является собеседник, редко являются утвердительными: «*Я отдала Алке свою скатерть — така' краси'ва была, ты-то видала*».

Многочисленны примеры высказываний с глаголом *видеть* в форме 2 л. ед. ч., употребляемые с целью привлечь внимание собеседника к тому, о чём говорится: «*Видите, я светы' нонче насадила. Да они ничё не растут*»; «*От так сидит, видишь, всё — заметила? всё болтат сидит [ногой]. Нет, он это, отравился, от вина*». В таких высказываниях значения «воспринимать зрением» и «обращать внимание» тесно связаны.

Реже, чем говорящий и собеседник, субъектом восприятия является третье лицо, не участвующее в разговоре: «*Ну, Поля вчара' видала, она шла. Откэ'дова-то, с сумкой; Ну она не видала, конешно. Если бы увидала, она бы открыла*». Многие высказывания, в которых субъектом является третье лицо, включают цитирование чужой речи: «*А... она гыт: «Я вижу огонь», — Анька-то, гыт: «Хотела затти', а собака-то там така'»*».

Редко субъект является неопределённым: «*Ну, у их потерялась но'нче тёлка <...> Ну, нигде не нашли, не видали, ничё, никаких костей, никого*». В отдельных случаях субъект зрительного восприятия представляет собой группу лиц: «*Чё он, стрелял, народ все видели и всё*».

Глагол *видать*, кроме того, употребляется в модальном значении «видно», при этом 2/3 примеров содержат отрицание, 1/3 — утверждение: «*И о'строва не видать, бе'ло белелось*»; «*А тут — разломила [пирог], и не знаю, с чем, не видать*»; «*А потом... телеви'зер только идёт, видать свет*».

Таким образом, субъект восприятия, если он формально выражен, всегда является именем собственным (*Поля, Анька, Володя, Таня, Катя, Юричева...*) или местоимением (*я, ты, она; все, никто, кто?, хто'-то*), лишь в одном случае — именем нарицательным со значением совокупности людей (*народ*).

Глаголы *видеть, видать* в значении «воспринимать зрением» предполагают наличие объекта: «*Ну я тоже платок видала [из окна], на кровати сидела... лежала ли*»; «*А она уж туды' на почту, гыт: не видала са-хар, гыт, так и так, я оставила...*»; «*А черёмуха не видал, де есь?*»; «*А кто мне вчара' говорил: «Я, гыт, шёл и кукушку видел. И ла'сточков видел*». Объектная структура во многом сходна для вариантов *видеть* и *видать*. Объектом восприятия могут быть артефакты (*мост, теплица, потолок,*

серёжки, сапоги, платок, скатерть, вазочка, чугунок, сахар...), растения (картошка, помидоры, лук, редиска, астрочка, черёмуха), животные и птицы (свиньи, гуси, кукушка, ласточки). Средства обозначения объекта — конкретная лексика и местоимения.

Объектом восприятия может быть не только предмет, но и ситуация, в этом случае используются придаточные предложения (*Ну я видала, что она от их-то вышла; Ну, я не знаю, как они с карто'шкими, там ты не видала?; А не обливались, ничё они? не видала ты?*) Объекты зрительного восприятия представляют те фрагменты мира, которые актуальны для информанта. Это, прежде всего, одежда, посуда, продукты питания и другие предметы быта и хозяйства. Объекты зрительного восприятия относятся чаще всего к личной сфере информанта, это дом и огород: *«Помидоры-то видала, каки' у меня?»* Обозначаются также предметы, относящиеся к пространству вокруг дома, принадлежащие соседям, ближайшему окружению: *«Не видал свиней-то у ней?»* Редко обозначаются объекты, находящиеся за пределами села: *«Ты бывала же в Яру-то? мос-ты видала?»*

При употреблении глаголов *видеть*, *видать* в исходном значении человек является, как правило, объектом нереального восприятия: *«А я ка'жний день покойников вижу во сне»; «И во сне вижу Мишеньку своего, сыно'чка-то»; «Но'нче чё-то Шуру я во сне видала, какова она там?»; « [А Мотя не снится?] Ну! Сколько раз видала! Сколько раз её видала».*

В других случаях, если позицию объекта занимает наименование лица, глаголы *видеть*, *видать* приобретают оттенок значения «видеться, лично встречаться с кем-либо»: *«А вы не видали Людмилу Гевор'гевну, недавно-то?»; «Мотю не видала там?»; « [Татьяна не работает?] Нет. Не видала я её, худа', гыт, тоже, ши'бо, не лу'че меня, однако»; «Ну бо'льшенький он [правнук], наверно, такой уж... Я его давно видала»; «Постарел он, нет ли? Давно-о не видала». Употребляются в этом же значении ЛСВ *видеться*, *видаться*, *увидеть*, *увидать*, *увидеться*, *свидеться*.*

Часто в дискурсе информанта глаголы *видать*, *видеть* сближаются с глаголом *знать*. Это связано, вероятно, с тем, что знания информанта получены чаще всего эмпирическим путём. Для диалектоносителя *знать* — значит *видеть*: *«Ну, я знаю, что она, я её видала, она хоро'ша женщинына».* В большинстве случаев, однако, сближение происходит через отрицание (не видеть — не знать): *«Ночью их [на фронт] проводили. Ну, чтобы никто не видал, не знал»; «... купили они — рубаху купили, восемь тысяч дали — не знаю каку', не видала рубаху»; « [Ф.Г. Коров не гоняли, не видала?] В.П. Я не знаю, не видала».* Вопросы к собеседнику, видел ли он что-либо, предполагают вместе с тем и наличие определённых знаний: *«Ну, чёренький меленький такой он [лук], как батун — не видала никогда',*

не знашь?» Тесная связь знания и опыта для диалектоносительницы подтверждается наличием ЛСВ «знать» в значении «воспринимать органами чувств»: *«Она же не знат, бе’дна, ни день, ни ночь [о слепой]»*. Редко отмечается противопоставление восприятия и знания (видела, но не знаю): *«[Дом такой же, как у вас?] Нет, наверно... Побольше, наверно, ли чё ли, не знаю, какой. Ну, так-то видала, а не приходилось заходить. Я не знаю»*.

Глагол *видать* в прямом значении противопоставляется глаголу *слышать* в значении «знать по слухам». В результате выстраивается своеобразная оппозиция видеть — «знать достоверно» — слышать (что говорят) — «знать недостоверно»: *«Дубок [о растении] — этот не знаю, слыхать слыхала, а не видала. Есь дубок»*. Можно сделать вывод, что для диалектоносителя наиболее достоверной представляется информация, полученная в ходе непосредственного восприятия мира.

В употреблении глаголов восприятия проявляются черты, характерные для всего идиолексикона, в частности, антропоцентризм. Зрительное восприятие в картине мира В. П. Вершининой предстаёт как специфическая человеческая способность. В этом проявляется отличие от художественной речи, где человеческие качества распространяются на неодушевлённый мир. В употреблении глаголов восприятия проявляются основные тенденции разговорной речи: эгоцентричность, с одной стороны, и ориентированность на собеседника, с другой. Проявлением первой из них можно считать тот факт, что около 2/3 всех примеров приходится на долю «я-субъекта». Ориентация на собеседника проявляется в вопросах к нему и в употреблении глагола *видеть* с целью привлечь внимание. Анализ глаголов восприятия позволяет выявить и такую черту идиолексикона, как конкретность. Она проявляется в том, что под субъектом восприятия почти всегда подразумевается определённая личность и редко — группа лиц. Конкретностью, как правило, отличается и объект восприятия. Глаголы восприятия чаще употребляются в исходном перцептивном значении.

Примечания

1. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е. В. Иванцовой. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Т. 1. — С. 208–210.
2. Т. В. Матвеева. Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. — Свердловск, 1990. — С. 47.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А. В. БУДАШКАЕВА

Акронимы: структурно-семантические типы (на материале современного монгольского языка)

Рассматриваются типы классификаций способов образования акронимов современного монгольского языка, используемых в Сети, а также неспецифические группы способов их образования.

Ключевые слова: акронимы, монгольский язык, способы образования.

Язык имеет тенденцию к экономии как средство коммуникации и передачи информации с помощью ёмких, но в то же время кратких по объёму выражений передать некоторую информацию публике, и как результат в современном мире всё больше распространяются определенные общепринятые сокращения — акронимы.

Акронимы возникают в языке в соответствии с имеющимися в языке структурными типами слов.

Анализ акронимов, наиболее часто используемых при общении в Сети, выявил определенные закономерности их образования. На основе данного анализа мы разделили эти закономерности на четыре типологические группы, различающиеся по способу образования:

1. Сочетание согласных лексической единицы с опущением всех гласных: *shn* // сайхан «красивый», *twп* // тайван «хорошо», *chmr* // чамаар «у тебя», *hj* // хийж «делать», *mrgh* // маргааш «завтра» и т.п.

2. Инициальная буква + конечный слог лексической единицы: *shan* // сайхан «красивый», *bna* // байна «есть», *hna* // хаана «где» и т.п.

3. Первый закрытый слог + финальная буква лексической единицы: *so* // сонин «новости», *sa* // сайхан «красивый», *mi* // миний «мой», *ta* // манай «наш» и т.п.

4. Первый открытый слог + финальная буква лексической единицы: *og* // өглөөний «утренний», *od* // өдрийн «дневной», *eemr* // аймар «очень», *ir* // ир «иди», *yasn* // яасан «почему» и т.п.

Безусловно, существуют исключения из этих четырёх групп, которые нельзя причислить из-за свойственных им особых, специфических

способов образования. Например, *baka / bka* // баяртай «до свидания» образовалось при помощи слияния двух слов *баяртай* и *пока* — заимствование из русского языка, сыгравшее особую роль при образовании данного акронима. Данный вид акронима объясняется тем, что по месту образования фонемы *p* и *b* одинаковые. «По дифференциальному признаку: *p* — губной, смычный, шумный, сильный, твердый и чистый, *b* — губной, смычный, шумный, слабый, твердый и чистый. По позиции: *p* — только в словах твёрдого ряда; *b* — инициаль первого слога в слове твёрдого ряда. Поэтому при длительной адаптации заимствования *p* ослабляется и переходит в *b*»¹. Таким образом, в заимствованном русском слове *пока* инициаль *p* заменяется в более привычный для артикуляционного аппарата монгола согласный *b*.

Акронимия пронизывает не только единицы лексического уровня, но и единицы синтаксического уровня, что выражается в предложениях, сформированных из фраз, полностью либо частично состоящих из акронимов.

Хаана байгаа юм бэ? «где находишься?» > *хаана байгаан?* > *хна бган* // *hna bgan* > *хбн* // *hbn*.

В данном специальном вопросе в первую очередь опущена вопросительная частица *бэ*, носящая второстепенный характер и потому не уменьшающая информационную ценность и не влияющая на понимание смыслового содержания отрезка речи. Следующим этапом акронимии подвергается один из смысловых центров вопроса, вопросительное слово *хаана* «где» до единицы *хна* // *hna*. Далее, по закону экономии языковых усилий, основа *байгаа* (форма незаконченного причастия настоящего времени) и *юм* (предикативная частица) преобразовываются в единицу *байгаан*. И, наконец, единица *байгаан* акронимизируется по второму типу образования акронимов, мы получаем акроним *бган* // *bgan*. Таким образом, данное предложение практически полностью состоит из акронимов. Однако процесс не заканчивается на этом этапе, поскольку явление акронимии может быть вторичным и уже сокращенные единицы могут акронимироваться до инициальных видов. Так, из фразы *хна бган* // *hna bgan* мы получаем вторичный акроним *хбн* // *hbn*.

Следующей группой акронимов, используемых в монгольском языке при общении в Сети, являются цифро-буквенные сокращения на основе замены слогов на созвучные цифры, как, допустим, в таких примерах: *06e* // *тэгье* — «пойдём»; *00* // *тэг тэг* — «давай, давай», *m 1* // *тэнэг* — «глупец». В монгольском языке цифра 0 переводится как *тэг*, а цифра 1 — как *нэг*.

Кроме замены слогов на числовое обозначение, в монгольском используется качественная подмена одних звуков на другие: *air / eemr / emr* // *аймаар* — «очень»: в монгольском языке дифтонг *ai* при беглом произношении сходен по звучанию с долгим ээ. При написании же проще

употребить символ *ee/e* вместо *ai*. Таким образом, закон экономии языковых средств в современном кибернетизированном сообществе влияет на появление данного акронима. Этот процесс можно продемонстрировать с помощью фонетического анализа: «первый формант дифтонга — это немного продвинутый вперед и приподнятый *a*-образный звук. По качеству этот элемент очень близок к калмыцкому звуку, который записывается буквами *a* или *aa*. Второй формант дифтонга весьма близок основному несмягченному варианту *э*. В закрытом слоге первый формант дифтонга *ai* воспринимается как долгий *ээ*, а в открытом слоге долгим формантом оказывается второй, то есть в любом случае он уподобляется долговому *ээ*, либо с кратким узким финалом»².

Таким образом, акронимы в современном монгольском языке образуются при помощи четырёх универсальных типов способа образования. Кроме этого, существуют неспецифические группы способа образования акронимов, которые отличаются по способу образования и не попадают в эти четыре специфические группы.

Примечания

1. Кузьменков Е. А. Фонологическая система современного монгольского языка / Е. А. Кузьменков. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — С. 143.
2. Там же. — С. 92.

Б. Д. ГАРМАЖАПОВА

Семантическая трансформация монгольско-бурятской межъязыковой омонимии

Рассматриваются семантические отношения в сфере омонимии монгольского и бурятского языков, а именно: дизъюнкция, отношения включения и пересечения.

Ключевые слова: межъязыковая омонимия, конвергенция, дивергенция.

Межъязыковыми омонимами принято считать лексемы двух языков, идентичные в плане выражения, но расходящиеся в плане содержания. В близкородственных языках чаще встречаются межъязыковые паронимы, которые в большинстве случаев возникают вследствие семантической дивергенции исторически общих основ.

Анализ семантических отношений в области межъязыковой паронимии позволил раскрыть основную причину расхождения семантики слов монгольского и бурятского языков, которая представляет собой следствие расхождений этимологически тождественных слов (отношения дизъюнкции, включения, пересечения).

Подводя итоги формально-смысловых исследований межъязыковых монгольско-бурятских паронимов, есть вероятность выделить следующие типы формально-семантических соответствий:

1. Формальное тождество/сходство при отсутствии общей части в значениях монгольской и бурятской лексических единиц (отношения дизъюнкции), если омонимия возникла случайно (в результате конвергенции). «В закономерно возникших омонимах и однокорневых паронимах допустимо сохранение следов прежней семантической связи. Отношения полного семантического различия могут быть следствием расхождений этимологически тождественных слов»¹. Монг., бур. *үнэгүй*// стпмя. *üne ügei*, сходно восходящие к одному этимону (*үнэ* — цена,), на синхронном срезе имеют разные значения: бур. *үнэгүй* «дешевый»; монг. *үнэгүй* «бесплатный». Ср.: монг. *Нээлтэй болон үнэгүй программ хангамжууд татах*. «Скачать доступные и бесплатные компьютерные обеспечения»; бур. *үнэгүй* — дешевый; *Энэ хормойе намда үнэгүй болгоожо худалдахта?* «Продадите ли вы мне эту юбку по дешевой цене?».

«Расхождение семантики слов, восходящих к одному этимону, может быть связано и с *расширением* / *сужением* семантического объёма лексемы в одном из языков»². Для выявления расхождения значения лексем мы привлекли старописьменный монгольский язык, поскольку он является более древней формой монгольских языков.

Расширение семантического объёма выражается в тех случаях, когда в новом функционировании слово охватывает больший круг денотатов. Сравнительно-сопоставительный анализ лексического состава монгольского и бурятского языков показал, что значительное количество слов характеризуется расширением своей семантики, т.е. многозначностью. Следует сказать, что таких слов не так много. Например, монг. *боох* / бур. *боохо* — 1. а) заворачивать, обертывать, обвязывать, завязывать, бинтовать; б) душить; 2. а) преграждать, отрезать дорогу, ставить преграду, препятствовать, задерживать; в бурятском языке процесс расширения значения слова заканчивается, в монгольском же он продолжается: б) принуждать; 3) окружать, осаждать, блокировать; 4) обязаться, обещать, принимать на себя обязательство; 3. крепить, скреплять болтами. Например, бур. *Халдабариие шарха руу орохогүй нь тула бинтээр боохо хэрэгтэй*. «Для того чтобы инфекция не попала в рану, следует перевязать её»; монг. *Би чинь Галсан гуайгаас болж үгэндээ боогдлоо* «Теперь из-за дяди Галсана я принял на себя обязательство». Расширение объёма слова представляет собой наиболее распространенный и продуктивный способ образования и развития их семантики.

Сужение семантики слов представляет собой семантический тип отношений, являющийся результатом перехода из широкой общественной среды в более узкую. Например, стпмя. *aji aqi* функционировало в довольно широком смысле — «видимая форма бытия; быт; жизнь, образ жизни; средство к существованию; занятие». В настоящее время в этих языках значение данной лексемы конкретизировалось: монг. *аж ахуй* /

бур. *ажахы* «хозяйство», монг. *аж ахуй* — 1. хозяйство; 2. бытё, житеё-бытё; монг., бур. *ажахы* — 1. хозяйство (производственная единица); 2. хозяйство (имущество производственной единицы); 3. хозяйство (способ производства). бур. *Улан-Удэ хотодо Бурядай гүрэнэй хүдөө ажахын академи олон жэл соо амжалтатай ажалдаг*. «В течение долгих лет в городе Улан-Удэ успешно работает Бурятская государственная сельскохозяйственная академия».

2. «Между формально сходными многозначными лексемами двух языков могут быть самые разнообразные типы отношений. При *частичном* совпадении семантики полисемичных слов выявляют отношения *включения и пересечения*»³.

2.1. Формальное тождество / сходство при семантическом пересечении значений слов (отношения пересечения ЛЗ). «Подобные отношения наблюдаются в тех случаях, когда значения сопоставляемых слов как бы накладываются одно на другое (то есть в них имеются совпадающие элементы), но в то же время у каждого из данных слов остается несовпадающая семантическая связь»⁴: монг. / бур. *орой* — 1. вершина, верхушка; 2. крыша; 3. голова, темя; 4. зенит; в монгольском языке обнаруживается дополнительное значение «коронка». Монг. *Шүдний сурвалжийн оройг тайрах гэдэг нь шүдийг авахгүйгээр хадгалж үлдэх арга*. «Ампутирование коронки корня зуба является способом сохранения зуба без его удаления»; бур. *Хадын орой руу гарахада, ех хүндэ байдаг*. «Когда поднимаешься на вершину горы, бывает весьма непросто».

Формальное тождество/сходство при семантическом включении на уровне слова (отношения включения). Данный тип соответствия заключается в том, что в значении лексемы имеет большее количество сем, чем в соответствующей единице другого языка, т.е. в семный состав значения лексической единицы одного языка входит все значение единицы другого языка плюс еще какие-либо семы, или наоборот. Например: монг. *үлдэх* — 1. оставаться, быть излишним; 2. гнать, выгонять, прогонять / бур. *үлдэхэ* — 1. а) гнать, выгонять, прогонять; б) гнаться, преследовать 2. а) отставать; б) оставаться (на месте); 3. голодать, быть голодным. Монг. *Хүүгээ ээждээ буу үлдээ* «Не оставляй сына у матери»; бур. *Шоно гэдэлнэйнгээ үлдэхэдэ, хүнишье эдижэрхихэдээшье болохо* «Когда волк голодный, он может съесть даже человека».

Таким образом, при анализе семантических отношений мы выявили, что наибольшее количество омонимов в монгольском и бурятском языке относится к отношению включения. Это связано с тем, что в семный состав значения лексической единицы одного языка входит все значение единицы другого языка. С другой стороны, данный тип отношения является важным показателем в контрастивной семасиологии.

Примечания

1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.biblioteka.vpu>.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.

Л. А. АЛТУХОВА

Теоретические и прикладные аспекты перевода терминов фитнес-индустрии

Статья посвящена теоретическим и прикладным аспектами перевода терминов фитнес-индустрии как особой сферы профессиональной коммуникации. Представлена идея влияния комплексного подхода к проблеме перевода фитнес-терминов на процесс систематизации терминологии не только фитнес-индустрии, но и любой другой профессиональной сферы.

Ключевые слова: фитнес-индустрия, фитнес-термин, фитнес-тренинг, терминоведение, специальное понятие, сфера функционирования, профессиональная сфера, системность, свойства терминов, конвенциональность, однозначность, семантические требования, формальные требования, прагматические требования, когнитивная парадигма, когнитивный элемент, концептуальное содержание, NTC (Nike-TrainingClub — система тренировок, разработанная фирмой Nike), MMA (Mixed Martial Arts — смешанные боевые искусства), тренировочная программа, язык перевода (ПЯ), исходный язык (ИЯ).

Эффективность любого исследования в значительной мере зависит от чёткого понимания сущности сформулированной темы и создания теоретического фундамента для её раскрытия. В настоящее время в рамках терминоведения представляется возможным по-новому взглянуть на язык профессиональной коммуникации с точки зрения современных научных подходов к изучению терминологии.

Статья посвящена теоретическим и прикладным аспектам перевода терминов фитнес-индустрии как особой сферы профессиональной коммуникации. Нет никаких сомнений, что представленные подходы к рассмотрению вопросов терминологии помогут не только глубже понять сущность самого термина, но и найти ряд новых сфер применения теоретических разработок терминоведения в русле прикладного аспекта. Например, в сфере межкультурной коммуникации это может быть создание нового двуязычного лингвистического терминологического словаря. Терминология любой отрасли в разных странах и соответственно в языках развивается разными темпами и по своим правилам, в зависимости от развития самой отрасли применения данных терминов, и переводчику необходимо составлять свою собственную систему организации постоянно пополняемой лексики, а именно сложной, т.е. терминологии.

Для начала необходимо представить обзор основных проблем терминоведения и их решений на современном этапе развития данной

научной области. Одной из основных проблем является определение самого термина. Несмотря на достаточно длительную традицию исследований, она является одной из самых актуальных. До сих пор в лингвистической литературе не выработано универсального и исчерпывающего определения термина. С.Ф. Булычева отмечает, что «ещё не существует окончательно сложившейся стройной теории терминообразования и терминопользования»¹. Б.Н. Головин констатирует «нерешенность до настоящего времени во всей сложности и объеме проблемы специфики термина»².

О.С. Ахманова представляет термин как «особое слово или словосочетание специальной сферы употребления, служащее для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции»³. В.А. Татаринцов соотносит его «со специальным понятием, явлением или предметом»⁴. О.Ю. Шмелёва определяет его как «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности»⁵. Исключительно ёмко определяет термин А.С. Герд: «Термин — это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (чаще слово или словосочетание), существовавшая ранее или специально созданная и обладающая специальным терминологическим значением, которое выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки, признаки существующего научного понятия»⁶. Исходя из когнитивно-коммуникативного подхода, Е.И. Голованова определяет термин как «вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации» и как «слово или словосочетание, имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие»⁷. Стоит отметить, что чётко прослеживается эволюция определения термина, траектория движения от вопросов терминообразования, формальных признаков и структуры к вопросам его свойств и функций, от рассмотрения его специфики к рассмотрению сферы функционирования. В совокупности данные явления отражают новые возможности и направления для исследователей.

Большой интерес представляет рассмотрение основных свойств терминов. Одним из очень важных свойств является то, что он соотносится с другими терминами в данной области и образует вместе с ними систему. Это свойство термина (системность) проявляется двояко: с одной стороны, это системность понятийная, логическая, вытекающая из системности понятий самой науки, с другой — системность лингвистическая, системность языковых единиц, выражающих эти понятия. К отличительным свойствам терминологической единицы, по мнению

О. Ю. Шмелёвой, относится «конвенциональность и вытекающая из неё специфика лексического значения термина»⁸. Конвенциональность — это соглашение, по меньшей мере, нескольких специалистов принять предложенную одним из них форму выражения нового термина и употреблять её применительно к определённом создателем термина содержанию. В широком смысле конвенциональность подразумевает и сознательное терминотворчество. Из данного признака вытекают следующие свойства термина — однозначность, содержательная точность, чёткость значения.

Одним из основных вопросов в теории терминоведения являются и требования, предъявляемые к терминам. Так, О. Ю. Шмелёва при рассмотрении современных подходов к определению термина предлагает «учитывать семантические, формальные и прагматические (функциональные) требования, предъявляемые ему как к особой единице языка»⁹. Формулировка этих требований вызывает особый интерес в связи с полнотой представления. К семантическим характеристикам автор относит непротиворечивость семантики, под которой имеется в виду соответствие термина понятию; однозначность, т.е. исключение категориальной многозначности; полнота, понимаемая как отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия; отсутствие синонимов. Прагматические, или функциональные, требования характеризуются внедрённостью в профессиональную коммуникацию, что указывает на их общепринятость и употребительность в определенной среде. Обладая высокой информативностью, термин выполняет коммуникативную функцию, которая указывает, что «успешная» коммуникация зависит от краткости и точности сообщения и соответствия профессиональным знаниям реципиента. Бесспорно, существует вероятность, что в будущем каждое из требований будет расширено или классификация будет дополнена другими требованиями, так как на современном этапе при анализе сущности термина исследователи всё чаще берут за основу когнитивный элемент.

И действительно, формулировка связи специфики термина с областью применения и рассмотрение его под углом когнитивной парадигмы даёт основание акцентировать внимание на актуальном направлении когнитивной лингвистики. Для решения вопросов трудностей перевода фитнес-терминов особое внимание будет уделено когнитивно-коммуникативному подходу, с появлением которого язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе. Такой современный подход поможет описать многие терминологические процессы, привлекая во внимание не только природу и специфику самого термина,

но и роль самого участника коммуникации. Так, в сфере фитнес-индустрии стремительно появляются названия различных упражнений. Яркими примерами являются упражнения, представленные в Nike Training Club (система тренировок, разработанная Nike): froggers, cobra plank, Russian twist, planks walks, crazy ivans, flutter kicks, hand hops, four cone leg hops, lateral box jumps, sum squat, single arms witch hops, suitcases, belly up. Данная система тренировок — это продукт, который широко применяется не только в фитнес-клубах во всём мире, но и для подготовки профессиональных спортсменов к соревнованиям. Эти термины закреплены в методических пособиях НТС и используются презенторами НТС на международных конвенциях. Специалисты, которые только ещё знакомятся с данной системой тренировок, чётко понимают, в какой профессиональной сфере нужно и можно использовать продукт НТС. Эти термины мгновенно проникают и закрепляются в других направлениях фитнеса и отвечают двум из основных требований — однозначность и чёткость значения.

Также современный мир профессионального спорта состоит из большого количества направлений, одним из таких является ММА (Mixed Martial Arts — смешанные боевые искусства). Тренировочная программа спортсменов включает в себя блок функционального фитнес-тренинга, состоящего из следующих упражнений: explosive pushups, interval sprints, hops sprawls, judo pushups, Hindu squats, alligator walk, Cossack lunge, diamond pushups, swinging plank. Перед переводчиком стоит сложная задача — выполнить адекватный перевод данных терминов, тем самым передать корректную информацию адресату. В настоящее время ни в одном англо-русском словаре нет вариантов перевода представленных терминов. Для того чтобы адаптировать эти упражнения в тренировочном процессе, специалисты в России смотрят видеоролики на английском языке в Интернете. Одним из этапов адаптации является появление соответствующего варианта перевода в русском языке. В данном случае стремление к максимальной смысловой и структурной близости перевода к оригиналу вполне оправдано.

Нельзя не согласиться, что использование определенной единицы ПЯ для перевода данной единицы ИЯ не должен быть случайным. И здесь самое время обозначить особую роль концептуального компонента в создании подобной общности между ИЯ и ПЯ в случае отсутствия эквивалента в ПЯ на момент перевода, когда ничто иное, как концептуальное содержание становится основанием семантики терминов и обуславливает выбор способа перевода. Сфера профессиональной деятельности обслуживается специальным языком — языком профессиональной коммуникации, и в процессе обучения любой профессии важнейшим условием является усвоение определённой информации. Это возможно, только если мы знаем,

какое понятие заложено в тот или иной термин и чем мотивировано данное понятие. На практике такое понимание поможет выполнить адекватный перевод представленных фитнес-терминов с английского языка на русский.

Например, термин из тренировочной программы ММА «diamond pushups». Слово «pushup» в спортивном контексте переводится как «отжимание», а слово «diamond» имеет разные варианты перевода: «бриллиант, ромб и т.д.». Просмотр видеоролика, в котором наглядно представлено выполнение данного упражнения, помогает выделить то понятие, которое заложено в терминологическое словосочетание «diamond pushup». Дело в том, что по технике выполнения отжимания кисти рук находятся на уровне ширины корпуса, но при опускании корпуса до положения жима локти отводятся в стороны и тем самым при фронтальном рассмотрении можно увидеть, как линия пола, голова и разведенные локти в сторону образуют форму, напоминающую ромб. Поэтому можно предложить два варианта перевода: «ромбовидное отжимание» или «отжимание с положением кистей рук на ширине корпуса и отведением локтей в сторону при опускании корпуса до положения жима». Очень важно, чтобы при переводе данный термин сохранил свою универсальность, однозначность, информативность и не утратил своего прямого лексического значения.

Комплексный подход к проблеме перевода фитнес-терминов поможет систематизировать терминологию не только фитнес-индустрии, но и любой другой профессиональной сферы на её современном этапе развития и стать важным этапом при создании специализированного лексикографического продукта — двуязычного словаря фитнес-терминов. Более того, полученные данные в ходе исследования помогут уточнить современное состояние английского языка, касающееся процессов в области терминообразования; а также разработать систему подхода к описанию специальных лексических единиц в сфере фитнес-индустрии, которая может служить основой для подобных исследований и в других сферах профессиональной коммуникации.

Примечания

1. Булычева С. Ф. Лингвометодические проблемы термина // Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. — М.: Наука, 1979. — С. 78.
2. Головин Б. Н. Терминология // Общее языкознание. — М., 1979. — С. 264.
3. Ахманова О. С. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. — М., 1966. — С. 69.
4. Татаринов В. А. У истоков теоретической терминографии / В. А. Татаринов // Филологические науки. — 1996. — № 1. — С. 81.
5. Шмелёва О. Ю. Терминологические процессы в синхронии и диахронии (на материале английского языка) / О. Ю. Шмелёва. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. — 120 с.

6. Герд А. С. Значение термина и научное знание // Научно-техническая информация. — Сер. 2. — 1991. — № 10. — С. 1—4.
7. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е. И. Голованова. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 221 с.
8. Прохорова В. Н. Русская терминология / В. Н. Прохорова — М.: Книга по требованию, 2011. — 125 с.
9. Шмелёва О. Ю. Указ. соч.

Т. Л. АНДРЕЕВА, К. А. БАГРИНЦЕВА

К вопросу о семантике фразеологизмов в сопоставительном аспекте

Работа посвящена особенностям перевода фразеологизмов на другие языки. Авторы проводят анализ и сравнение фразеологизмов с компонентом «деньги» в английском, русском и французском языках для иллюстрации сложностей, которые возникают при подборе эквивалентов к фразеологическим единицам в разных языках.

Ключевые слова: перевод фразеологизмов, фразеологизмы, фразеологизмы с компонентом «деньги», английский язык, русский язык, французский язык.

Фразеологизмы постоянно пополняют словарный запас языка. Новые фразеологизмы появляются по мере развития объективной действительности, её познания и описания посредством языка.

Источниками данных единиц являются литературный язык, профессиональная лексика, жаргоны, диалекты. Очень часто фразеологизмы переходят в общее употребление из литературных произведений (мифы, басни Эзопа, произведения У. Шекспира), высказываний известных личностей, упоминаний об исторических событиях.

Для лингвистов особый интерес представляет не столько изучение фразеологизмов, сколько их толкование и адекватный перевод на другие языки. При этом возникают сложности, так как предметное значение фразеологизма нельзя соотнести с предметным значением ведущего компонента. Так, по мнению Н. Ф. Алефиренко, свойства фразеологизма обуславливают своеобразие его значения (значений). К признакам значения фразеологизма он относит смысловую связанность; неразложимость; номинативную целостность, преобладающую над структурной раздельно-оформленностью; семантическую конвергентность, поглощающую индивидуальные смыслы слов-компонентов фразеологизма; инкорпоративность как отличие от аналитичности значения свободного сочетания. В совокупности данные признаки образуют специфику значения фразеологизма: оно является самостоятельным, частично или вовсе не совпадающим с отдельно взятыми значениями слов, составляющих фразеологизм¹.

Из-за данных свойств, возникают значительные сложности при переводе фразеологизмов с одного языка на другой. Не всегда возможно

найти адекватные эквиваленты тому или иному словосочетанию или выражению. Особенно сложно это сделать с фразеологическими единицами, носящими исключительно национальный характер (казанская сирота, как швед под Полтавой и т.д.). Другую сложность при переводе фразеологизмов представляют окказиональные фразеологические единицы. Необходимо обозначить, что выделяют два типа фразеологизмов — узуальные и окказиональные. Узуальные входят в словарный фонд наряду с другими словами, а окказиональные придумываются писателями или журналистами². Именно из-за того, что они еще не вошли в язык как устойчивые выражения, переводчик сталкивается с огромными трудностями при их переводе. Также существует особая группа фразеологизмов, являющихся языковыми лакунами. В широком смысле языковая лакуна представляет собой национально-специфический элемент культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями иной лингвокультуры в процессе коммуникации³. В узком смысле языковую лакуну можно определить как отсутствие в системе языка слова или фразеологизма для обозначения того или иного понятия.

Зачастую из-за отсутствия соответствующих аналогов невозможно адекватным образом перевести тот или иной фразеологизм, в связи с чем языковые лакуны представляют особую сложность для переводчиков.

Для более полного исследования значений языковых единиц ученые разработали значительный инструментарий. Стоит сделать особый акцент на сравнительно-сопоставительном методе. Он применяется в разных областях языкознания: истории языка, компаративистике и т.д. К концу XIX в. в языкознании сложилось два подхода, опирающихся на приемы сравнения и сопоставления — диахронический и синхронический. Диахронический подход предполагает изучение фактов одного или нескольких языков на разных этапах его / их развития. Он характерен для исследований по вопросам сравнительно-исторического языкознания, исторической типологии, истории языка и т.д. Синхронический подход ставит своей целью анализ фактов одного или нескольких языков на определенном моменте его / их развития. Данный подход используется в работах характерологического, сопоставительного, теоретико-переводного планов и т.д.

По мнению А.Л. Зеленского, в лингвистике принято различать внутри- и межязыковое сравнение. Внутриязыковое сравнение выявляет сходства и различия единиц одного языка. Межязыковое сравнение проводит подобные исследования, но в разных языках. Автор предлагает некоторые разновидности сравнений, например такие, как негенетические сравнения⁴. Выделяют две разновидности негенетических сравнений. Первый тип основывается на изучении материала географически

смежных языков. Вторая разновидность негенетического сравнения, иногда обозначаемая как сопоставительно-типологическое языкознание, не налагает каких-либо ограничений на характер языкового материала и может быть охарактеризована как нелокализованное сравнение. Именно этот вид сравнения представляет специальный интерес для установления общих и специфических черт языка независимо от их генезиса и географии и поэтому позволяет реализовать самый широкий подход к языковому материалу.

Для языкового анализа методом сплошной выборки из лексикографических источников нами были отобраны английские фразеологизмы с компонентом «money», «dollar», «cent» и выявлены соответствующие им эквиваленты в русском и французском языках. Выбор языковых единиц объясняется тем, что, поскольку денежные отношения всегда значили очень много для представителей большинства народов мира, это должно было проявиться и в языках в виде многочисленных языковых единиц. Помимо самого термина «money» нами были отобраны термины «dollar» и «cent», так как в реальной жизни слова, обозначающие разновидность валюты, отождествляются с таким широким понятием, как «money».

Слово «money» произошло от старофранцузского слова «monnaie», которое обозначало такие понятия, как «монета, валюта». В свою очередь это слово пришло во французский из латинского. Латинское «moneta» называло место для хранения денег или же сами деньги. А изначально Moneta — имя римской богини, в храме которой хранили деньги⁵.

Слово «dollar» пришло в английский язык из немецкого. Еще в XVI в. появилось слово «daler» (затем оно трансформировалось в «taler» и затем в «thaler»). Талер — название крупной серебряной монеты, которая в XVI—XIX вв. играла важную роль в денежном обращении Европы и в международной торговле. Американские колонисты использовали это слово в отношении испанской восьмипенсовой монеты. На Континентальном конгрессе 1785 г. слово dollar было закреплено для обозначения валюты США. Одно оно практически не использовалось до 1794 г.⁶

Слово «cent» произошло от латинского «centum», что означает «сто». В качестве названия для американской разменной монеты это слово было принято также на Континентальном конгрессе⁷.

Русское слово «деньги» произошло от древнерусского слова «деньга», которое было заимствовано из тюркских языков, где лексема «tāngǵa» имело значение «серебряная монета»⁸.

Французское слово «argent» является исконно французским. Однако первоначально оно использовалось для обозначения белого металла, который применялся для чеканки монет. Но уже в Средневековье лексема «argent» стала употребляться для обозначения денег в самом широком смысле⁹.

Для исследования фразеологизмов с компонентом, обозначающим «деньги», нами были отобраны 178 фразеологизмов на английском, русском и французском языках. Часть выделенных нами фразеологизмов мы разделили на группы по принципу представленности их эквивалентов в исследуемых нами языках. Так, в первую группу вошли следующие фразеологизмы, к которым нам удалось подобрать эквиваленты как на русском, так и на французском языке:

Money makes (attracts) money — (букв. деньги привлекают деньги) — деньги к деньгам — *l'argent t'appelle l'argent*.

Money can not buy happiness — (букв. деньги не могут купить счастье) — счастье за деньги не купишь — *l'argent ne fait pas le bonheur/ l'honneur vaut mieux que l'argent*.

To have money to burn — (букв. деньги, чтобы сжигать) — денег куры не клюют — *il est coudé d'argent*.

Вторую группу составили фразеологизмы, которые имеют эквивалент только в одном языке:

To be rolling in money — (букв. кататься в деньгах) — купаться в деньгах.

Mettre de l'argent du côté de l'épée — жениться на деньгах.

Money makes the mare go — (букв. деньги могут заставить кобылу идти) — *Avec l'argent on fait tout*.

Третью группу составили языковые лакуны. В ходе исследования было выявлено 3 фразеологизма, которые не обладали эквивалентами ни в русском, ни во французском языках.

Put one's money where one's mouth is — (букв. положить деньги, где свой рот) — поддерживать то, во что веришь, особенно при помощи денег.

To bet some one dollars to doughnuts — (букв. ставить доллары на пончики) — поставить что-то против того, что стоит гораздо меньше.

Glad to take eggs for one's money.

Для первых двух фразеологизмов мы смогли найти толкование в словаре идиом. Идиома «*Glad to take eggs for one's money*» является окказиональной и пока даже ещё не вошла в общее употребление.

Также мы обнаружили фразеологические единицы, которые вызывают сложности при подборе перевода, так как выражают культурные особенности нации, ее культурное восприятие. В качестве примера можно привести фразеологизм «*almighty dollar*» (букв. всемогущий доллар).

В ходе исследования мы обнаружили, что не все английские фразеологизмы с компонентом «деньги» имеют «денежную» семантику. Например, фраза «*You can bet your life/your bottom dollar*» говорит о том, что нечто настолько верно или выигрышно, что на это можно поставить жизнь. Фразеологизм «*Sixty-four-dollar question*» подчеркивает, что вопрос является очень важным. Для английского языка свойственны фразы, которые используются для выражения собственного мнения

и содержат компонент «деньги», например: «*Forone's money*» — (букв. за свои деньги) — по чьему-то мнению. Подобные исключения мы также встретили в русском и французском языках: «*prend reqch pour argent comptant*» — принимать что-л. за чистую монету; или русское выражение «глаза с пятак», которое говорит о высокой степени удивления.

Более того, при подборе эквивалентов к таким фразеологизмам зачастую «денежная» семантика совсем исчезает: «*Hewear saten — dollar hat on a five — cent head*» — (букв. носить десятидолларовую шляпу на пятицентовой голове) — не по Сеньке шапка.

Подводя итог, стоит ещё раз подчеркнуть, что фразеологизмы занимают важное место в системе языка. Они не только обогащают речь, но и отражают культурные и национальные особенности народа. Именно поэтому перевод фразеологических единиц на другие языки вызывает значительные трудности. На примере фразеологизмов с компонентом «деньги» мы проиллюстрировали, какие существуют сходства и различия в восприятии этого феномена. Также мы выявили, что подобные фразеологизмы используются не только для того, чтобы передать свое отношение к деньгам, но и на их примере описать другие предметы/события. Деньги настолько сильно пронизывают жизнь современных людей, что это нашло отражение во всех трех исследуемых языках. Однако не всегда отношение к деньгам совпадает у носителей английского, русского и французского языков.

Примечания

1. Алефиренко Н. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова. — М., 2005. — С. 22.
2. Иванова Н. К. Лексикология английского языка / Н. К. Иванова. — Иваново, 2009. — С. 31.
3. Титкова С. И. Языковая лакуна в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. — 2007. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/2007/3/6033.html> (дата обращения: 27.05.2013).
4. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков / А. Л. Зеленецкий. — М., 2004. — С. 10.
5. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. — URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=money&searchmode=no
6. Там же.
7. Там же.
8. Этимология и история русского языка // Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова [Электронный ресурс]. — URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vasmer.php?id=499&vol=1>.
9. Etimologie // Centre national de ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/argent>

Работа с картинами в жанре интерьера на уроках РКИ

Статья посвящена работе с интерьером как жанром живописи на уроках русского языка как иностранного. Методическим материалом послужила картина Ван Гога «Спальня в Арле». На её основе разработаны уроки для иностранных студентов начального и базового уровней подготовки.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика.

В работах методистов, занимающихся проблемами преподавания русского языка как иностранного, говорится, что искусство может служить сильным мотивирующим фактором для учащихся на занятиях по развитию речи. В первую очередь это относится к произведениям живописи, язык которой можно назвать интернациональным, потому что он нагляден и понятен всем хотя бы в самом общем виде. Как пишет Т. Л. Жаркова, «уроки с обсуждением, например, шедевров живописи, могут проходить по-разному. Это будет зависеть от цели занятия, от личности преподавателя, его осведомлённости, подготовки, артистизма, а также от подготовленности учащихся, от их интеллектуального и психического склада, от направленности их интересов»¹.

Обычно живопись привлекают для занятий со студентами среднего и продвинутого уровней. Думается, что картины можно привлекать для занятий и в начальный период их обучения — например, такие жанры, как натюрморт, портрет, сюжетную живопись, а также интерьер, о котором пойдёт здесь речь.

В истории живописи этот жанр относили к числу «низких», считали его вспомогательным, так как в пространство помещения вписывали другие жанры. Но интерес к внутреннему миру человека заставит художников заинтересоваться интерьером, в котором отражается характер и чувства живущих в нем людей. После первых уроков русского языка иностранцы не в состоянии ещё формулировать сложные мысли по поводу картин, но они должны уметь рассказать о своей квартире (комнате). Для этого они должны усвоить следующие группы лексики: 1) существительные, называющие части помещения (*стена, окно, пол*), мебель (*шкаф, стол, кровать*), предметы интерьера (*книга, ваза, зеркало*), одежду (*пальто, шапка*); 2) прилагательные, характеризующие предметы по цвету, размеру (*красный, большой*); 3) глаголы со значением размещения в пространстве (*лежать, стоять, висеть — класть, ставить, вешать*); 4) наречия и предложно-именные сочетания пространственного значения (*слева, справа, в центре*). Усвоение этой лексики должно идти на грамматической основе по речевым образцам типа: *книга лежит на столе, кровать стоит слева*.

На наш взгляд, для отработки этой темы очень подойдет картина голландского художника Ван Гога «Спальня в Арле» (1888 г.). Она очень яркая, её пространство заполнено узнаваемыми предметами, что позволяет преподавателю задавать понятные для аудирования вопросы. Например: *Что это? Где стоит стол? Какого цвета одеяло?* — и подобные. Основная грамматическая тема по картине на начальном этапе — предложный падеж, предлоги НА и В: *на стене, в углу* и т.д. Студентам можно дать контрольное задание написать как можно больше сочетаний (или предложений с глаголами) *что* (находится), *где*. И они будут описывать не привычную для них учебную аудиторию, а спальню великого художника.

Для студентов чуть более высокого уровня подготовки (базового) эту картину можно использовать для работы с русскими загадками, достаточно простыми и содержащими на картине наглядные подсказки. Например: *Днём спит на ней покрывало и подушка, а по ночам там спит Андрюшка* (кровать); *четыре брата одним кушаком подпоясаны, под одной шляпой стоят* (стол); *с ногами, а без рук, со спиной, а без живота* (стул); *поля стеклянные, межи деревянные* (окно); *не смотрел в окошко — был один Антошка, посмотрел в окошко — а там второй Антошка!* *Что это за окошко? Куда смотрел Антошка?* (зеркало). Студенты — недавние дети, они ещё помнят свои национальные загадки, поэтому можно дать им задание перевести их и загадать затем группе.

Как показал опыт, работа с этим жанром плодотворна и в аудитории продвинутого уровня. Это возможно, потому что жанр, несмотря на внешнюю простоту, очень информативен. Как указано в энциклопедии «Искусство», «со второй половины XIX в. интерьер всё больше становится не «портретом помещения», а иносказательным портретом личности, судьбы, эпохи. Внутреннее пространство несёт психологическую нагрузку, заставляя зрителя домысливать содержание картины»². Например, студентка Ли Чэнь написала по этой картине лиричный рассказ «Аромат», где с печалью рассказала историю большой любви девушки из богатой семьи, которая вышла замуж против воли родителей за бедного юношу. Их брак был счастливым, но недолгим, потому что мужчина умер, но женщина продолжает жить и хранить аромат воспоминаний их любви.

Этот уровень подготовки учащихся предполагает их знакомство с биографией художника, историей создания картины, но в данном случае эта информация могла помешать творческому воображению автора. Если бы студентка знала, как автор отзывался о картине, её сочинение получилось бы совсем другим. Ван Гог писал: «Это просто моя спальня, и в этой картине всё решает цвет, упрощая вид предметов и создавая ощущение места, где можно отдохнуть и выспаться. Иными словами, глядя на эту картину, можно дать отдых мозгам или, скорее, своему

воображению». Поэтому, как представляется, студентам не надо давать точной информации, чья это комната, как она связана с художником, чтобы их мысль была по-настоящему свободной.

Таким образом, можно сделать вывод, что картины в жанре интерьера имеют богатый лингвометодический потенциал: они развивают навыки учащихся в области говорения, аудирования, чтения и письма, совершенствуют их умения выражать в устной и письменной форме свои впечатления от увиденного, услышанного и прочитанного. Этот тип живописи может быть использован в иностранных аудиториях разного уровня подготовки, в том числе и начального.

Примечания

1. *Жаркова Т.Л.* Урок по развитию речи (произведения искусства в обучении РКИ) //Сборник научно-образовательных материалов для учителей русского языка московских школ / сост. Н. В. Кулибина. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2010. — С. 168.
2. *Интерьер* //Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия. / Под ред. проф. А. П. Горкина. — М.: Росспэн, 2007.

М. В. ГРЕКОВА

Культурологический комментарий как компонент словарной статьи «Словаря русской кулинарной метафоры»¹

Рассматриваются структура, функции и границы культурологического комментария в лингвокультурологическом «Словаре русской кулинарной метафоры».

Ключевые слова: лингвокультурология, культурологический комментарий, образные единицы.

«Словарь русской кулинарной метафоры» по праву относится к словарям особого типа — лингвокультурологическим. Подобные лексикографические издания могут быть отнесены к как словарям филологического, так и энциклопедического типа. В словарях первого типа дается лингвистическое толкование, второго — энциклопедическое определение. Функции этих частей словарной статьи совпадают, но содержательно они разнятся. В первом случае в определении дается дескриптивная семантизация лексической единицы. Во втором — широкая семантизация (Х. Касарес, Р. М. Цейтлин, Л. В. Щерба, В. Г. Гак, И. Ф. Протченко и др.).

Особенностью словарной статьи лингвокультурологического словаря является культурологический комментарий (далее — КК), или, по Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, «изъяснение»². То есть объяснение культурного фона определённых единиц, в которых имплицитно представлено взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры. Такая

зона полностью отсутствует в статье филологического словаря, но отчасти присутствует в энциклопедическом. В последнем случае эта часть называется описанием — описание научного значения лексической единицы.

По мнению Т.Б. Банковой и Г.В. Калиткиной, «словари лингвокультурологического типа должны ближе стоять к энциклопедическим, чем к собственно толковым словарям. Отличие же заключается в том, что энциклопедические словари фиксируют только внеязыковую действительность, здесь же описывается культурная коннотация как элемент лексического значения»³. Лингвокультурологические словари фиксируют «культурный фактор в языке и языковой фактор в человеке»⁴ посредством интерпретации культурной информации, заложенной в языковых единицах. Под культурной информацией мы понимаем мировидение, миропонимание, традиции, исторические события, и ситуации определенного народа как носителя языка (Н.Ф. Алефиренко, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия, Г.В. Токарев и др.).

Культурная коннотация является центральным понятием для лингвокультурологии. В.Н. Телия определяет её как «интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры»⁵. То есть объяснение не только понятийного содержания, но и всех дополнительных смыслов, входящих в лексическое значение, с точки зрения материальной и духовной культуры. В культурной коннотации М.Л. Ковшова выделяет три составляющих, позволяющих «проследить путь» исследуемых ею фразеологизмов от ее зарождения под влиянием категорий культуры до актуализации культурной информации в речи носителей языка⁶.

В теории лексической образности (О.И. Блинова, Е.А. Юрина) образная лексика — языковые метафоры и лексемы с метафорической внутренней формой — рассматривается в тесной структурно-семантической взаимосвязи с образными выражениями — сравнительными оборотами различной структуры, фразеологическими единицами, перифразами и другими подобными оборотами речи. Общими чертами образного лексико-фразеологического фонда языка являются семантическая двуплановость, метафорическая внутренняя форма языковой единицы, осознание носителями языка нетождественности исходного образного основания и результирующего понятийного содержания образного слова или выражения и наличие культурной коннотации⁷.

Образные единицы являются «вместилищем» культурной коннотации и являются связующим звеном между исходным образом и заложенной в их семантике культурной информацией, способствуя ее актуализации. Поэтому КК к словарной статье, описывающей семантику образной единицы, должен включать в себя результаты анализа

культурной коннотации, предполагающего, по мнению В. Н. Телия, исследование «ценностно осмысленных установок культуры, то есть ментальных прескрипций, оценивающих социальные и духовные практики человека»⁸.

КК является неотъемлемой частью структуры статьи «Словаря русской кулинарной метафоры» (далее — СРКМ). Цель КК — эксплицировать культурную информацию, скрытую в образных единицах, источниками которых являются образы русской гастрономии. В структуре словарной статьи данного словаря КК находится сразу после заглавного слова и необходимой иллюстрации (функционирование лексической единицы в исходном значении).

Например, КК к словарной статье Е. А. Юриной *блин* представлен в СРКМ следующим образом: «Характерное для современной русской кухни кушанье. Выпекаются блины обычно в большом количестве и складываются друг на друга стопкой. — *Я пыталась всё сгладить тем, что после концерта пригласила их домой, напекла гору блинов (С. Спивакова)*».

Если сковорода недостаточно прогрета, первый блин может прилипнуть: «*Что делать, если уже далеко не первый, а десятый блин продолжает прилипать к сковороде и выходит натуральным комом? Возможно, тебе не повезло с маслом: оно попало низкого качества. А бывает, что ты просто поторопилась и плохо прогрела сковороду, ведь блины следует выпекать только на горячем жире (Советы хозяйке)*».

Перед подачей и употреблением блины без начинки сворачиваются конусом или трубочкой. Блины с начинкой (творогом, мясом, грибами, сыром и пр.) складываются конвертиками. Блины едят со сметаной, маслом, вареньем, икрой.

Одно из самых древних русских блюд. Были ритуальным блюдом еще у языческих славянских народов, являлись символом солнца, имели магическое значение. Символизировали плодородие, богатство, благополучие. Обязательное ритуальное блюдо на праздниках (Масленица, Святки), поминках и свадьбах. — *И неспроста на масленицу все пекут блины — круглые, золотистые и горячие, как весеннее солнце! (Т. Креветко. До чего же славной бывает масленица!)*⁹.

Структура КК и способ комментирования культурно маркированных единиц зависят от целей и задач конкретного словаря. Цели СРКМ — «в лексикографической форме показать закреплённые в языке особенности национальной пищевой традиции и воспроизводимые в речи ключевые образы культуры, основанные на представлениях о пище и характеризующие разные сферы действительности; систематизировать образный лексический и фразеологический фонд русского языка, реализующий кулинарную метафору; выявить национальную специфику миропонимания и миропонимания»¹⁰.

Способы изъяснения КК предлагаются в работах Т.Б. Банковой, Д.Б. Гудкова, Г.В. Калиткиной, М.Л. Ковшовой, В.Н. Телия и др. и реализованы в опубликованных лингвокультурологических словарях (Большой фразеологический словарь под редакцией В.Н. Телия; Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. Телесный код русской культуры: материалы к словарю и др.).

Представим структуру КК в словарной статье СРКМ:

1. Характеристика внутренней формы слова. Дается в форме мотивирующего толкования и включается в том случае, если это способствует репрезентации культурной коннотации. Например, в словарной статье *простокваша*: *«Этот молочный продукт получил такое название, потому что заквашивается простым способом. Простокваша получается в результате сквашивания топленого или обезжиренного молока»*. В ряде случаев проясняется этимология заглавного слова.

2. Характер функционирования продукта в современной пищевой традиции. Информация об использовании продукта в настоящее время позволит показать особенности бытования блюда или продукта на современном этапе, представит изменения в отношении носителя лингвокультуры к тому или иному продукту питания как источнику образных ассоциаций. Например: *«Молоко традиционно было наполнено более глубоким символическим содержанием и ценностным значением. В настоящее время это обыденный для русской кухни напиток и ингредиент для приготовления различных блюд»*.

3. Информация энциклопедического характера, связанная с историей возникновения и употребления продукта. Такие сведения необходимы, чтобы проследить историю появления, употребления и современного использования продукта. Например, КК к словарной статье *кефир*: *«Родиной кефира является Северный Кавказ, народы которого издавна справедливо считали его напитком здоровья и бодрости и называли «даром небес». Способ приготовления кефира держали в строжайшей тайне. По легенде, работницу московской молочной фабрики, приехавшую на Кавказ за кефирными грибками, похитил богатый поставщик молочных продуктов из Кисловодска князь Байчаров. Не добившись её руки, он был привлечен к суду и смог откупиться лишь десятью фунтами (0,454 кг) кефирных грибков. Благодаря этому в России и была запатентована технология производства кефира, которое началось только в начале XX-го столетия»*.

4. Обрядово-ритуальное функционирование продуктов русской кухни. В этой зоне культурологического комментария происходит «соединение» образов-источников метафорических характеристик и символов, эталонов, стереотипов, ритуалов, обрядов и под.

Приведём пример из статьи *калач* Н.С. Зинченко. *Калач считался символом экономического благополучия и богатства и использовался в некоторых эмблемах, например на гербе города Муром. Некоторые пословицы*

*передают высокую значимость калача: кяхтинский чай, московский калач — так полдничают богач, с калачика — бело личико*¹¹.

Определяя границы культурологического комментария и объем эксплицируемой культурной информации, составители словарных статей, прежде всего, опираются на метод интроспекции. КК, с одной стороны, должен содержать «минимальные культурные и языковые знания, присутствующие рядовому носителю языка», что позволит ему без лишних трудностей пользоваться «Словарём русской кулинарной метафоры». Например, всем известно, что *творог — пищевой продукт, получаемый из молока при его сквашивании и отделении сыворотки*.

С другой стороны, культурологический комментарий предполагает включение специальных лингвистических и культурологических сведений из разных областей знания для репрезентации культурной информации. Такие данные могут быть известны не только профессионалам, но и любознательным носителям языка. Не каждый носитель русского языка знает, что *ряженка — это производное от слова пряжить, то есть жарить. Молоко и сливки «жарили» при высоких температурах в печи, не доводя до кипения, пока они не принимали красивый кремовый цвет*.

Стоит отметить, что и минимальные культурные и языковые знания, и специальные лингвистические и культурологические исследования даются в культурологическом комментарии неразрывно. Как и эксплицированная культурная информация, все части культурологического комментария образуют цельный связный текст.

Основной проблемой создания культурологического комментария для «Словаря русской кулинарной метафоры» является поиск источника культурной информации. Составители словарных статей обращаются к трудам С.А. Арутюнова, А.К. Байбурина, В.С. Похлёбкина и др., посвященным исследованию пищевой традиции как составной части русской культуры в целом. Информация собирается по крупицам из различных верифицированных источников, так или иначе упоминающих продукты русской национальной кухни. КК в СРКМ, имеющий четкую структуру и границы, — это одна из важнейших зон в словарной статье, которая эксплицирует культурную коннотацию, скрытую в образных словах и выражениях.

Примечания

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207 а — «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.
2. *Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1980.
3. *Банкова Т.Б., Калиткина Г.В.* Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под ред. Т.А. Демешкиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С.135.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. — М., 1996. — С. 222.

5. Там же. — С. 214.
6. Там же. — С. 148.
7. *Блинова О. И., Юрина Е. А.* Образная лексика русского языка // Язык и культура. Научный периодический журнал. — № 1. — Томск, 2008. — С. 5–8.
8. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. — 2-е изд. / М. Л. Ковшова. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — С. 56.
9. *Юрина Е. А.* Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: Опыт лексикографической презентации // Вопросы лексикографии. — № 1 (3). — Томск, 2013. — С. 69.
10. *Юрина Е. А.* Русско-казахский лингвокультурологический словарь «Национальная пищевая традиция в зеркале языковых образов» // Вестник Кокшетауского гос. ун-та им. Ш. Уалиханова. — Сер. Филология. — № 1–2. — Кокшетау, 2013. — С. 233.
11. *Зинченко Н. С.* Лингвокультурологический словарь как источник дидактического материала и средство обучения на уроках РКИ (на примере «Словаря русской кулинарной метафоры»): дис. ... магистра филологии / Н. С. Зинченко — Томск, 2013. — С. 21.

Л. Б. ДАШИЕВА

Способы выражения категории рода в современном МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Подробно рассматривается грамматическая категория рода имени существительного в современном монгольском языке, в частности морфологический и лексический способы его выражения.

Ключевые слова: категория рода, лексический, морфологический, аффикс, пол.

Принято считать, что характерной особенностью монгольских языков является отсутствие грамматического рода, поскольку в современных монгольских языках именной и глагольной основам не характерна согласуемая или координируемая функция рода. Точка зрения на категорию рода как на классификационную или согласовательную ошибочна, так как, с одной стороны, она не охватывает весь класс существительных, в частности, одушевлённые, а с другой стороны, она отрицает морфологические характеристики самого существительного и не объясняет тот факт, что в процессе развития языка категория рода не только претерпела существенных сокращений, но сохранилась почти полностью. С семантической точки зрения монгольская основа имени связана со способностью обозначать лишь биологический пол. Однако эта способность проявляется только у названий лиц и частично у названий некоторых видов животных.

Почти все исследователи монгольских грамматик не только проявляли интерес к данному вопросу, но и указывали на некоторые следы грамматического рода¹. Так, академик Б. Я. Владимирцов не только рассмотрел следы грамматического рода в монгольском языке, но и наметил методику изучения этого вопроса. Также он отметил, что в системе терминов двадцатилетнего цикла, обозначаемых животными, различают

год и дни недели по пяти наименованиям цветов, например: *улаагчин* «красная», *шарагчин* «жёлтая».

Грамматическая категория рода признаётся многими лингвистами как наиболее немотивированная категория имени существительного. Эту категорию связывают с выделением грамматического значения рода и выявлением форм выражения этого грамматического значения. Так, категория рода воспринимается только как классификационная, формальная, позволяющая разделить все существительные на большие родовые классы. С. М. Трофимова после проведения анализа лексико-морфологической структуры пришла к выводу, что деление существительного по родам определяется лексически, т.е. значением слова, либо морфологически, т.е. родовыми морфологическими показателями².

Все монгольские существительные могут быть разделены на три группы:

- 1) (одушевлённые) существительные, род которых обусловлен лексически;
- 2) (одушевлённые) существительные, род которых обусловлен морфологически;
- 3) (одушевлённые) существительные, род которых не обусловлен.

В современном монгольском языке существуют различные способы обозначения живых существ.

В личных именах существительных пол обозначается:

- 1) лексически, при помощи супплетивных основ: *ав* «отец», *эх* «мать», *овгөн* «старик», *эмгэн* «старуха», *хүү* «мальчик, сын», *охин* «девочка, дочь»;
- 2) описательно, постановкой перед соответствующим именем существительным слова *эмэгтэй*, если речь идет о женщине, например: *эмэгтэй багш* «учительница» «при *багш* «учитель», и реже — *эрэгтэй*, если речь идет о мужчине: *эрэгтэй хүн* «мужчина».

В названиях животных принадлежность к полу выражается:

- 1) лексически, при помощи супплетивных основ: *морь* «конь», *гүү* «кобылица»; *тэмээ* «верблюд», *ингэ* «верблюдица»; *ухна* «козел», *ямаа* «коза»; *бодон гахай* «кабан», *мэгж* «самка кабана»;
- 2) при помощи слов, указывающих на пол: *эр* «мужчина, самец», и *эм* «женщина, самка», *өлөгчин* «самка», например: *эр тахиа* «петух», *эм тахиа* «курица»; *өлөгчин чоно* «волчица» (при *чоно* «волк»).

Кроме этого, в монгольском языке существуют аффиксы для обозначения (от значимых основ) имен, выражающих принадлежность к мужскому или женскому полу:

1. Аффикс *-гчин* служит для образования имён, обозначающих самок животных, определяемых по масти, например: *борогчин* «серая,

сивая» (о кобылице) (от *бор* «серый»); *цагаагчин* «белой масти» (от *цагаан* «белый»); *харагчин* «чёрной масти» (от *хар* «чёрный»).

Кроме того, данный аффикс может указывать на принадлежность живого существа к женскому полу, например: *шивэгчин* «служанка»; *эмэгчин* «самка».

2. Аффикс *-ж* служит для образования (от застывших основ) имён, обозначающих самок животных, определяемых по возрасту, например: *гунж* «трехлетняя»; *гунж үнээ* «трехлетняя телка» (от *гурав* «три»); *дөнж* «четырёхлетняя» (от *дөрөв* «четыре»).
3. Аффикс *-ан/-эн* служит соответственно для образования имен, обозначающих самцов животных, определяемых по возрасту, например: *гунан* «трехлетний», *дөнөн* «четырёхлетний».
4. Аффикс *-гай/-гэй* обозначает особей женского пола, например: *ав-гай* «тетя», *худгай* «сватья», *гэргий* «хозяйка дома, жена».

По мнению М. Н. Орловской, все эти аффиксы имеют весьма узкую сферу употребления³.

Современный монгольский язык, таким образом, исчерпывает свои способности различить пол. В основном язык не в состоянии выразить разницу полов, так как не обладает такими грамматическими свойствами. Например, слова *багш* «учитель», *эмч* «врач» применяются как по отношению к женщине, так и к мужчине. Это создает аналогичную картину с русским языком, когда слова данного типа обозначают лица, не дифференцируя их по принадлежности к данному полу. Эта форма настолько устойчива, что в строгой речевой ситуации слово, относящееся к женскому полу, сохраняет «мужскую форму». Мы должны обратить внимание на то, что слова типа *багш* «учитель» обозначают лицо, никак не связанное с биологическим полом, сама же эта лексема, имея два означаемых, является одним обозначающим.

Что касается собственных имён, то в прошлом было трудно разграничить мужские и женские имена, так как каждое имя было мотивировано. Кроме того, в монгольском языке существует некоторая дифференциация, отличающая женские имена от мужских с помощью форманта *-маа*, восходящего к санскритскому корню «мать», который характерен для женских имён, например: *Доржмаа*, *Дулмаа*, *Норжмаа*.

Исходя из вышеизложенного, в монгольском языке грамматическая категория рода у существительного отсутствует, но распределение существительных по родам является мотивированным либо лексическим путем, либо морфологическим, либо одновременно. Выделенные лексико-морфологические средства выражения родового значения охватывают большинство существительных и позволяют говорить о системности средств выражения.

Примечания

1. *Владимирцов Б. Я.* Следы грамматического рода в монгольском языке // Доклады Российской академии наук. — Л., 1925. — С. 31.
2. *Трофимова С. М.* Именные части речи в монгольских языках / С. М. Трофимова. — Улан-Удэ, 2001. — С.23.
3. *Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке / М. Н. Орловская. — М., 1961. — С. 13.

Р. ДЕ БИАЗЕ

Сравнение русского и итальянского молодёжного сленга

Целью данной работы является изучение русского и итальянского молодёжного сленга. Идея исследования родилась из желания рассмотреть эту своеобразную форму коммуникации и сравнить её различные способы реализации на примере двух упомянутых языков. Проводится лингвистический анализ, основанный на сравнении отдельных слов в обоих языках: анализируемые слова выступают предметом опроса, проводимого среди носителей обоих языков разного возраста, территориального происхождения, пола. Сравнив полученные данные, можно классифицировать слова в различных рассмотренных областях, изучить их происхождение, проследить эволюцию, а также установить общие и различные черты сленга в русском и итальянском языках.

Ключевые слова: молодёжный сленг, лингвистический анализ.

Молодёжный мир привлекает всё больший интерес учёных во всех областях знания: от социологии и психологии до литературы и лингвистики. В данной статье мы будем рассматривать образ молодёжи с точки зрения лингвистики — анализировать язык молодёжи, понимаемый как особый язык, характерный для определённой возрастной группы.

Причины, по которым молодые люди используют свой собственный язык, связаны с типичной для их возраста необходимостью в поиске и приобретении собственной идентичности и чувства независимости по отношению к внешнему миру. Молодёжная среда характеризуется разными людьми, отличающимися друг от друга с точки зрения культурных традиций, экономического статуса, географического происхождения, опыта.

Молодёжный жаргон только частично стандартизирован — обычно он принимает невероятное разнообразие форм, часто отличающихся спецификой того или иного города, возрастом или образованием говорящих, а его исследование интересно для понимания творчества, воображения и юмора языка.

В Италии нет собственно национального сленга — речь идёт скорее о жаргонных выражениях, тесно связанных с диалектами, однако возможно распределение некоторых видов сленга по различным категориям:

1) общеупотребительный сленг (*esseregasato* (поддатый), *cicca* (бычок), *sigà* (сига));

2) сленг для определения разных типов людей (*tipo/a*, что на русский язык можно перевести сленговым *тип*, *типок*), *figo/a* (красавчик), *gnosso/a* (няша), *secchione* (ботан));

3) школьный и университетский сленг (*prof* (препод), *uni* (универ), *fa-refilone* (филонить).

Язык молодёжи богат вульгарными выражениями и терминами, связанными с сексуальностью, но в этом случае часто используются фигуры речи и другие художественные приёмы. Среди них можно отметить:

1) образные выражения (*fossile* (ископаемое — в значении «что-то или кто-то старый»), *ameba* (амёба — в значении «вялый»));

2) Интернационализмы (*hi!*Вместо *ciao* (привет)).

Все эти формы делают речь более быстрой и эмоциональной.

Мы провели интервью с русскими и итальянцами в возрасте от 23 до 26 лет с помощью анкет, содержащих предварительно закодированные вопросы с целью проверки знаний и понимания степени использования определённых выражений, взятых из сленга. Таким образом, можно было наблюдать разнообразие некоторых форм в зависимости от региона, к которому принадлежат опрашиваемые. Большинство выражений, используемых при анализе, в двух рассмотренных диалектах итальянского языка совпадают, но были найдены и некоторые различия, которые можно видеть в следующей таблице.

Кампания	Лацио	Значения
Essere un tappo	Essere un picchio e un barattolo	Человек низкого роста
Fighettino	Pariolino (соотносится с Париоли — названием элитного квартала в Риме)	Элегантная девушка в очень дорогой одежде известных марок
Provolone	Essere de coccio	Медленно соображающий человек.
Tamarro	Grezzo	Грубый, необразованный, провинциальный человек
Essere fuori/sclerare	Hai scapocciato!	Сходить с ума
Tirarsela	Se la sente calla	Важничать, хвастаться

Una cifra	Un botto	Пребывать в приподнятом настроении после принятия алкоголя (быть под парами)
Bella (Красавица — как форма приветствия или обращения)	Aò!	Привет!

Как уже отмечалось ранее, молодые люди очень часто проявляют творческие способы внедрения новых терминов, в том числе из иностранных языков, особенно английского. Это так называемые интернационализмы, которые италянизируются, т.е. адаптируются к структуре итальянского языка: мы находим, например, глаголы *chattare* (чатиться), *googlare* (гуглить), *linkare* (кидать ссылку), которые морфологически изменяются по типу первого спряжения итальянских глаголов, так как оно является наиболее распространённым:

Italiano	Inglese	Significato
Chattare	To chat	Общаться в чате
Googlare	To google	Искать информацию в сети Интернет с помощью поисковых систем (таких как Google)
Linkare	To link	Отправлять ссылку на интернет-ресурс

В сравнении русского и итальянского молодёжного сленга мы можем найти некоторое сходство.

Общепотребительный и университетский сленг. В этой группе встречаются слова, обозначающие одинаковые понятия (преподаватель — *professore*, университет — *università*, сигарета — *sigaretta*). Интересен тот факт, что и в русском, и в итальянском языке все эти слова при переходе в поле сленга изменяются одинаковым с точки зрения морфологии способом словообразования — бессуффиксным:

Italiano	Русский
Professore/essa — prof	Преподаватель — препод
Università — uni	Университет — универ
Sigaretta — siga	Сигарета — сига

Компьютерный и интернет-сленг на основе английских корней.

При заимствовании слова из английского языка происходит его грамматическая ассимиляция — приобретение грамматических признаков языка-реципиента. В итальянском языке это всегда окончание первого спряжения (-are), а в русском языке встречается разные окончания, но, в основном, это окончание -ить второго спряжения:

Italiano	Русский
Linkare — отправлять ссылки	—
Bloggare — вести блог	—
Chattare	Чатиться — общаться в чате
Googlare	Гуглить — искать информацию в Интернете
—	Спамить — рассылать спам
Postare	Постить — делать пост
—	Лайкать — ставить лайк
—	Флудить — писать на тематическом форуме сообщения не по теме форума

Сленг для определения разных типов людей. Общие понятия, которые имеют языковое воплощение в сленге.

Italiano	Значение	Русский
Pupazzo	Бесхарактерный человек	Тряпка
Secchione	Усердно учящийся человек, заучка	Ботан, зубрила
Tamarro(на территории Неаполя)	Грубый, невежественный человек	Гопник
Sei alto un metro e una banana	Человек маленького роста	Метр с кепкой

Подведём итоги. Сравнение русского и итальянского сленга помогло увидеть как сходные, так и различные черты молодёжного языка двух стран. Наибольший интерес представляют собой именно общие случаи образования и употребления слов, ведь отслеживание этих процессов позволяет наблюдать процессы мировой интеграции и глобализации. Сленговые слова и выражения не просто временное явление, так как они являются потенциальными источниками обогащения общелитературного языка.

Фрагмент семантического поля «Еда» в русской и китайской лингвокультуре (на материале повестей Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством»)

Рассматриваются понятия, входящие в семантическое поле «еда», и рецепции данных слов в русской и китайской лингвокультурах: различия их лексического наполнения и семантической сочетаемости.

Ключевые слова: семантическое поле, лингвокультура, Н. В. Гоголь.

В. А. Белошапкова в книге «Современный русский язык» пишет: «Подобно другим единицам языка единицы лексики образуют некоторые системные отношения — синтагматические и парадигматические отношения в лексике, категориальные отношения лексических единиц: многозначность, омонимия, синонимия, конверсия, антонимия, семантическое поле и др.». В нашей работе мы исследуем семантическое поле со значением «еда» в произведениях Н. В. Гоголя¹.

Семантическое поле — «это иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых общим значением»². Например: колбаса, галушки, вареники, бублики, пампушки, <...> — еда.

В данной работе рассматриваются повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством». Как известно, Гоголь родился на Украине и провёл детство в деревне, поэтому в своих произведениях он часто описывает жизнь украинской деревни и украинскую еду.

В книге «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством», Н. В. Гоголь часто описывает еду, например: пряники, кисель, колбасу, сливянки-сливянку, галушки, книш, яйцо, соль, вареники, пампушку, кашу, пироги, бублики, масло, кутью, баранину, хлеб, сметану, борщ, водку и др. В китайской культуре известны многие из названных блюд, однако некоторые, имея одинаковые названия, обозначают иные блюда. Также похожие блюда в русской и китайской кухне имеют различное символическое значение.

Данная работа рассматривает упоминающиеся в повестях Гоголя лексические единицы, относящиеся к семантическому полю со значением «еда», и проводится сравнение культурного и символического значения названных блюд.

Всем известно, что еда является основой человеческого существования и развития, в разных регионах и разных культурах появляются различные блюда и формируются разные культуры питания. Поэтому ответ на вопрос о том, что и как есть, может ясно отразить различные традиционные обычаи разных наций и разницу между историями и культурами. Культура китайского питания и культура русского питания имеют

долгую историю и свои особенности. Поэтому разница между китайской и русской культурой еды отражает разницу народов двух стран в привычках жизни и образе мышления.

Например, в России и в Китае есть пельмени. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимир Даль так объясняет, что это такое: «пельмень, (пельнянь, пельмени, пельняни), (пермяцк. или вогульск. пель; ухо; нянь, хлеб) ушки млрс., колд(т)уны запд., родъ варениковъ, начиненныхъ мясомъ; иногда рыбой, капустой, грибами, редькой»³. Русское слово пельмени является заимствованием из языка коми *пельнянь* («хлебное ухо»: *пель* «ухо» + *нянь* «хлеб»). Слово *пельмени* (также *пельняни* и др.) попало сначала в вятские, уральские и в целом в севернорусские говоры и уже оттуда перешло в литературный русский язык. Тесто для пельменей очень похоже в России и в Китае: оно готовится из муки, яиц и воды (реже молока). Однако оно отличается по форме и начинкам. Российские пельмени чаще всего имеют круглую форму, но в Китае пельмени обычно лепят длинной формы, похожей на лодки или листья ивы, и по размеру они обычно больше, чем в России. «Начинка классических русских пельменей изготавливается из говядины, свинины и/или баранины с добавлением различных специй, лука, иногда чеснока, возможно использование также мяса медведя, оленя, лося, гуся, рыбы, свиного сала, картофеля, капусты. В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» упоминает и редкие фруктовые пельмени»⁴. Одним словом, в начинке русских пельменей преобладает мясо и немного овощей (чаще лук). Но в начинке китайских пельменей обычно в равных долях соединяются мясо и овощи, либо овощи преобладают. И отличаются от русских пельменей тем, что в начинку китайских пельменей почти не добавляют картофель, и никогда не используют сыр, и едят не со сметаной, а вместе с ферментативным соусом и уксусом, иногда с чесноком. Самые известные пельмени в России — это сибирские пельмени, вторые — это уральские пельмени. Говорят, что бывший президент России Борис Николаевич Ельцин, который родился на Урале, очень любил уральские пельмени. В России даже есть очень популярная команда КВН, которая называется «Уральские пельмени». Это доказывает, что русские любят есть пельмени, особенно зимой, потому что и вкусно, и удобно.

Хотя пельмени в России популярны, однако для русских это только еда, они не имеют культурных традиций. Но в Китае пельмени не только национальная еда, они имеют долгую историю и много интересных смыслов. В Китае пельменям уже более двух тысяч лет, и по-китайски они называется *цзяоцзы*; в Китае есть много видов пельменей и разные традиции, которые отличаются друг от друга, но во время праздника Весны все китайцы вместе со своими родными обязательно едят пельмени, кроме того, большинство людей сами

с родными вместе готовят эти пельмени. В Китае есть много пословиц о пельменях, например: «Ничего нет вкуснее, чем пельмени», «Без пельменей нельзя провести праздник Весны» и др. Обычно китайцы тоже любят есть пельмени, особенно когда встречаются после разлуки, или в особое время, например дни рождения и некоторые праздники и др. В Китае пельмени являются самым традиционным национальным блюдом, они так популярны в Китае не только потому, что вкусные, но и потому, что имеют много символических значений в китайской литературе. Например, их форма похожа на вид китайских древних денег, поэтому пельмени имеют значение богатства и прекрасных желаний; вся семья часто вместе ест пельмени, поэтому пельмени выражают радость, счастье, здоровье, благополучие; кроме того, пельмени изгоняют чёрта и дьявола и др. В общем, китайцы часто едят пельмени, когда родные и друзья собираются вместе, и тогда они очень счастливы.

В книге «Сорочинская ярмарка» Гоголь пишет: *«Проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою, будто ненарочно растегнувшуюся кофту: варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!»*⁵, и это касается вареников. В России есть вид пельменей, которые называются вареники. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимир Даль так объясняет: «Вареники — это отварные треугольные пирожки пресного теста, начиненные сыромъ, творогомъ. Таки-сяки варенички, а все лучше галушекъ»⁶. С варениками сходны китайские пельмени, основное отличие этих блюд тоже в начинках и внешней форме: в начинке китайских пельменей используются только овощи, мясо, яйца, грибы, но никогда не используется творог, сметана, фрукты и ягоды. Форма русских вареников обычно является плоской и длинной. Для начинки вареников обычно используют варёное мясо, тушёную капусту, варёный картофель, творог или свежие ягоды: вишню, чернику, клубнику и др. Также есть вид вареников, которые называются ленивые вареники, потому что этот вид вареников без начинки, обычно только со сладкой подливкой.

В Китае тоже есть вареники, которые называются таньсяньцзяоцзы, но они отличаются от русских. Китайские вареники обычно дельтовидной формы и очень милые. А начинки вареников — это только сахар или жёлтый сахар, иногда с разными орехами, но никогда не используются овощи, творог, мясо, фрукты или ягоды, для китайцев это не понятно. Китайцы просто едят вареники, но русские едят их по-другому. Они обычно подаются горячими со сметаной и/или сливочным маслом. Те, что со сметаной, часто посыпают сахаром или поливают вареньем. Вареники с картофелем принято подавать с жареным луком и постным маслом. Всё это говорит о разных восприятиях перечисленных блюд в русской и китайской лингвокультуре.

Примечания

1. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык / В.А. Белошапкова. — М., 1989. — С. 166.
2. Там же. — С. 231—232.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. — Т. 3. — С. 68.
4. *Лыткин В.И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляева. — М.: Наука, 1970. — С. 219.
5. *Гоголь Н.В.* Сорочинская ярмарка / Н.В. Гоголь. — С. 9.
6. *Даль В.И.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 407.

МЭ ЛАНЬ, СЯ ТИН, ЧЭНЬ ЛЭЙ, ЧЭНЬ ШУТИН

Образы гастрономии как источник метафорической характеристики в русском и китайском языках

Рассматриваются кулинарные метафоры русского и китайского языков в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: лингвокультурология, образные единицы.

Данное исследование посвящено образным средствам русского и китайского языков, мотивированным образами гастрономии, рассматриваемым в лингвокультурологическом аспекте.

Лингвокультурология — это наука о живой связи языка и культуры. Культура — это особое явление человечества, в которое входят литература, история, традиция, быт, политика государства или народа. Культура исторически и социально сложилась на основе деятельности общества. У разных народов своя особенная и уникальная культура, развивающаяся под влиянием географического и исторического факторов.

Лингвокультурология базируется на постулате: «язык не только является частью культуры, но и растёт из неё и выражает её»¹. Язык и культура взаимодействуют друг с другом: язык является условием, основой и продуктом культуры. Она находится в зависимости от языка, язык способствует распространению культуры. Язык передаёт содержание культуры через конкретные материальные реализации, например пословицы, поговорки, из поколения в поколение. Образные единицы «вмещают» в себя культурную информацию и способствуют ее актуализации в речи.

Рассмотрим образные единицы, мотивированные образами напитков и продуктов русской гастрономии: *квас, кисель, вино, пиво, молоко, сыр*. Материал расположен следующим образом: заглавное необразное слово, толкование исходного значения, контекст употребления, единица образной парадигмы, толкование образного значения, контексты употребления, культурологический комментарий, синонимичные образные выражения китайского языка с дословным переводом на русский и культурологический комментарий.

КИСЕЛЬ — студенистое кушанье, сваренное из ягодного или фруктового сока, молока и т.п. с добавлением крахмала. *Часов в десять в какой-то столовой на дальней окраине нам вручили четыре гнутых алюминиевых поддона, на три пальца залитых схватившимся столярным клеем, и если бы не Людмила подказка, мне и в голову бы не пришло, что это поминальный кисель* (Андрей Волос. Недвижимость // Новый мир).

Дать киселя (кому-л.). ФЕ. Ударить кого-либо коленом сзади. *Остается утешенье, что никогда не протягивал руки там, где надо было поднять ногу, чтоб дать доброго киселя* (Григорович. Замшелые люди).

Седьмая (девятая, десятая) вода на киселе. ФЕ. О человеке, находящемся в крайне отдаленном родстве с кем-либо. *Знатные мужи, окружающие царя, также производили свой род от богов, но уже в более отдаленной степени, так сказать, седьмая вода на киселе* (Тэффи. Греция).

Выражение связывают с изготовлением в русских деревнях киселя из овсяной муки. Такую муку несколько раз промывали водой, в воде оставался крахмальный осадок, и после нескольких промываний крахмального осадка уже не образовывалось, так что «седьмая вода» киселем уже не была. Поэтому седьмая вода на киселе обозначает дальнейшее родство.

八竿子打不着的亲戚 *ba gan zi da bu zhao de qin qi* (указание на очень дальнего родственника).

Буквальное толкование: родство живет там, куда нельзя «дотянуться потрогать», расстояние больше, чем восемь шестов. То есть восемь шестов — это очень далеко, у родственников нет хороших отношений.

За семь вёрст киселя есть/хлебать. Погов. О деле, которое не стоит того, чтобы из-за него отправляться в дальнюю дорогу. *Их можно понять: невыгодно ездить за семь вёрст киселя хлебать да еще со своим киселем* (Мурат Аджиев. Мгла над Тындой // Вокруг света)

Семь вёрст по меркам XVIII—XIX вв., когда не было машин и было сплошное бездорожье, — большое расстояние. Кисель — национальное русское кушанье — был недорогим, повседневным блюдом. Так что ехать за ним далеко не было никакого смысла. Отсюда и появилось это выражение.

ПИВО — напиток из ячменного солода с небольшим содержанием алкоголя. *После обеда он пил пиво, и это было заметно по его походке, по слабым, вялым рукам* (Чехов. Переполох).

Пиво не сваришь с кем-л. ФЕ. Трудно сговориться, сладить дело с кем-либо. *С Семёновым приятели большие, — А как до дела — затыкает уши. Он стар да глуп, упрям да бестолков. С ним пива не сваришь*. (Островский А. Козьма Захарыч Минин-Сухорук).

Пиво является основной частью праздничного стола. Для русских пиво является неотъемлемым напитком. И, конечно, варить пиво — очень важное действие. Если пиво не сваришь с кем-либо, то значит трудно сговориться о важном деле.

不相为谋 dào bù xiāng móu (не вместе планировать, обсуждать). Люди не могут сотрудничать. Это выражение происходит из книги «Лунь Юй» (главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция). Обычно используется в ситуации, когда у людей разные мнения об одной работе, поэтому они не могут вместе обсуждать и работать.

СЫР —пищевой продукт в виде твердой и полутвердой массы, приготавливаемый из заквашиваемого особым способом молока. *Я обычно сэндвич делаю: между двумя кусками хлеба кладу сыр, колбасу, листочек салата, в общем, что в холодильнике есть* (Наши дети: Подростки).

Как сыр в масле (кататься). Погов. О жизни в полном довольстве, изобилии, легко и беззаботно (говорится с одобрением). *Самого лучшего жениха во всем Шали заполучит, будет жить в достатке, как сыр в масле кататься!* (Герман Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны // Знамя).

В старину, чтобы сыр не черствел, сырную голову клали в кадушку со сливочным маслом. Бочонок закрывали и перекатывали из стороны в сторону. Вот сыр внутри в масле и катался. Оно впитывалось в сырную корочку и задерживало испарение влаги. Поэтому такой сыр дольше оставался свежим. А поскольку оба этих продукта были дорогими, считалось, что те, у кого есть сыр, и кто хранит его в масле, живут припеваючи.

В народной русской речи словом «сыр» прежде обозначался и просто творог, т.е. та пищевая масса, которая получается из молока при его сквашивании и отделения сыворотки. Отсюда довольно долгое время все, что производилось из творога, называлось «сырным» (например, «сырники»). Именно в значении «творог» употреблено данное слово в популярном сравнении о сыре, катающемся в масле.

Этот народный оборот отражает два вида переработки молока, но масло — результат иного, более длительного и трудоёмкого процесса: с молока снимали сливки, а из сливок в особом деревянном сосуде сбивали масло. Сыр-творог и коровье масло — крестьянские символы жизненного благополучия, сытости и довольства. Их соединение в одном обороте усиливает эту символику, повышая тем самым экспрессивность народного сравнения.

Мёд 蜜罐子 mì guǎn zi (банка мёда). Мёд —это сладкий продукт, и обычно он хранится в банке. Обычно эта поговорка используется, чтобы характеризовать хорошую жизнь, близкие отношения, счастье, любовь и т.д. Вариант этой поговорки *вырасти в банке мёда* (говорится с одобрением), с целью обозначить обеспеченность и довольство жизни. Например, ребенок, выросший без забот.

Примечания

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — М.: Изд. центр «Академия», 2001. — С. 28.

Живопись как материал для изучения русской истории в иностранной аудитории

Статья посвящена выявлению лингводидактического потенциала русской живописи в знакомстве с историей страны изучаемого инофонами языка. Материалом для анализа была взята картина В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». На ее основе разработан фрагмент занятия для иностранных студентов продвинутого уровня подготовки.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская история.

Изучение иностранного языка в обязательном порядке предполагает знакомство студентов с историей и культурой новой для них страны. На это постоянно указывают методисты РКИ: «Интерес к историческим сюжетам, к истории страны изучаемого языка проявляется почти у каждого иностранца, изучающего русский язык»¹. Подобная работа вводит иностранных учащихся в мир чужой страны, подготавливает к усвоению учебного курса, обязательного для обучающихся в российских вузах по любой специальности. При этом она также способствует развитию устной речи студентов, обогащает их словарный запас, развивает аналитическое мышление.

О значимости подобной работы говорят учебные пособия по истории для иностранцев², включение страноведческих текстов в книги для чтения, адресованных иноязычной аудитории. Например, в «Шкатулке»³, предназначенной для начального уровня подготовки учащихся, это небольшие тексты до двух страниц («Великий Новгород», «Тысячелетие России»). В «Читаем о России по-русски»⁴ уже половину объёма книги занимает раздел «Славные имена России», в котором представлены рассказы о деятелях истории (князе Владимире, Иване Грозном и др.), науки (М. В. Ломоносове, Д. И. Менделееве и др.) и культуры страны (писателях, композиторах, художниках). Книга Л. С. Пухачевой и Л. Н. Ольховой⁵ целиком посвящена сегодняшним дням государства и отдельным моментам его истории («Из истории государственного флага России»). Особо хочется выделить серию «Золотые имена России» — комплексные учебные пособия, снабженные учебными видеофильмами, выходящие в издательстве «Русский язык. Курсы». Каждое из них содействует развитию у студентов навыков аудирования, говорения и чтения.

Считаем, что заинтересовать инофонов русской историей можно также с помощью живописи, которая поможет преподавателю разнообразить занятия, оживить их и тем самым повысить мотивацию учебной деятельности. Иллюстративным материалом на таких занятиях должны стать сюжетно-тематические картины, соответствующие определению исторического жанра — «одного из основных жанров изобразительного искусства, посвященного историческим событиям и деятелям, социально значимым явлениям в истории общества. Обращённый

в основном к прошлому, исторический жанр включает также изображения недавних событий, историческое значение которых признано современниками»⁶.

Одним из ярких представителей этого жанра в России был сибиряк по рождению Василий Иванович Суриков (1848—1916). В своих картинах («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы») он показал, как в трудные моменты истории складываются судьбы народа и национальный характер, рождаются героические личности. Внимание к историческому колориту, духовной атмосфере изображаемых эпох придаёт его творчеству особую эмоциональную силу, что даёт возможность преподавателю многоаспектно представить работы художника на занятиях.

Думается, что занятие по картине должно включать в себя следующие этапы:

1. Представить студентам В. И. Сурикова и показать его картины.

2. Прочитать со студентами подготовленный преподавателем текст о событиях 1682 и 1698 гг. — стрелецких бунтах, их причинах и последствиях, показать им картины других художников об этих событиях (А. И. Корзухина, Н. Д. Дмитриева-Оренбургского).

3. Проработать лексику данной темы (*бунт, стрелец, исторические предпосылки, последствия, наследник, трон/престол...*) в предложениях и словообразовательных упражнениях (*бунт — бунтовать — бунтовщик; править — правитель — расправляться — расправа; казнить — казнь; столица — престол — престолонаследник...*).

4. Провести опрос по теме.

5. Провести предварительную беседу по картине «Утро стрелецкой казни»: кто и что изображено на картине, характеристика общего настроения полотна.

6. Повторить грамматическую тему «Причастие», необходимую для описания картины (*сидеть — сидящий, сидевший, стоять, смотреть, просить, прощаться, переживать, горевать..., создавать — создающий, создававший, создаваемый, созданный, представлять, казнить...*).

Основной этап — собственно работа по картине. Он начнётся с чтения искусствоведческого текста, вот его часть: *На картине два главных героя — молодой Пётр, сидящий на коне возле кремлёвских стен, и рыжий стрелец, гневно смотрящий на царя. Этот неистовый человек представляет собой эмоциональный центр композиции. Его руки связаны, ноги забиты в колодки, но он не смирился со своей участью. В руках он сжимает свечу с взметнувшимся языком пламени. Пётр глядит на стрельцов не менее гневным и непримиримым взглядом. Он полон сознания своей правоты. Между фигурами стрельца и Петра можно провести диагональную линию, которая зрительно демонстрирует противостояние этих персонажей. Столь же эмоционально показаны и другие стрельцы <...> Глубокий трагизм момента подчёркивает и тёмный колорит*

картины. Художник выбрал время изображения казни — утро после дождливой осенней ночи, когда только начало светать и над площадью не успел полностью рассеяться холодный утренний туман <...> Суриков не показал самой казни, так как он не стремился шокировать зрителя, а хотел рассказать о трагической народной судьбе в момент исторического перелома. Художник сосредоточил внимание на душевном состоянии приговорённых и на том, что переживает каждый из них в последние минуты своей жизни.

Чтение сопровождается объяснением новых слов (казнь *execution*, приговорённый *sentenced*, смириться *submit*, *resign oneself*, противостояние *opposition*, озираться *look around*, отчаяние *despair*, бессильный *powerless*, участь *fate*, неудачный *unsuccessful*, гневно *angrily*, трагизм *misery* и др.), усвоением их в речевых образцах ((кто?) смирился со своей участью (кто?), озирается по сторонам (как? в поисках кого-чего?) и др.). Содержание картины позволяет употребить при ее описании сложные слова, семантизация которых студентами даёт возможность повторить ряд грамматических тем: глагольное управление и предложно-падежную систему русского языка (*свободолюбивый* — любящий свободу, *рыжеволосый* — с рыжими волосами: *чернобородый*, *пёстроглавый*, *престолонаследник* и др.). Контрольным упражнением, требующим поставить слово в нужной форме, проверяется усвоение лексики и грамматики, напр.: Художник обратился к (событие) эпохи Петра I; Стрелец не покорился (приговор) Петра.

В завершение темы преподаватель предлагает студентам вопросы для беседы по искусствоведческому тексту: *Чему посвящена данная картина? Кто её персонажи? Кто из них образует композиционный центр полотна?..* После детальной беседы на дом даётся задание написать сочинение по этой картине. В дальнейшем предполагается уточнение упражнений, их апробация на занятиях в иностранной аудитории.

Примечания

1. Курмаева Н. М., Милованова И. С., Никитина В. В. и др. Русский язык как иностранный. История России от нашествия Золотой Орды до правления Ивана III: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 4.
2. Ефремова Л. В., Захарова Н. Н., Пронина Е. В. Интересуемся историей России: учебное пособие для иностранных учащихся. — Тула: ТулГУ. — 415 с.; Соловьёв В. М. История России в фактах, датах и иллюстрациях: учеб. пособие для иностранцев, изучающих русский язык / В. М. Соловьёв. — М.: Русский язык. Курсы, 2013. — 319 с.
3. Бабурина К. Б., Брайнина Т. Д., Жабоклицкая И. И. и др. Шкатулка: пособие по чтению для начинающих изучать русский язык. — М.: Русский язык. Курсы, 2005. — 224 с.
4. Сергиенко З. П., Сосенко Э. Ю., Черниченко А. Ф. и др. Читаем о России по-русски / Хрестоматия. — 4-е изд. — СПб.: Златоуст, 2002. — 88 с.
5. Пухаева Л. С. Обновленная Россия: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / Л. С. Пухаева, Л. Н. Ольхова. — СПб.: Златоуст; М.: МГИМО(У)МИД России, 2007. — 288 с.
6. Богемская К. Г. Исторический жанр // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovari.yandex.ru/>

Этапы переводческой и технической адаптации русскоязычного медиапродукта для англоязычного пользователя

Описываются основные этапы перевода и адаптации русскоязычного медиапродукта, ориентированного на англоговорящего пользователя. На примере фильма «Дневники экспедиции ТВ-2: Кеть-Кас. Туда и обратно» производства томской телекомпании «ТВ-2» исследуется влияние технического аспекта создания медиапродукта на его перевод и адаптацию.

Ключевые слова: адаптация, субтитры, медиаконтент, предпереводческий анализ.

В наши дни большую долю российского видеорынка занимает иностранная, прежде всего западная, продукция. «Похвастаться» таким же количеством видеопродукции, переведённой с русского на английский язык, российский видеорынок пока не может. Однако если рассматривать отношения западного и российского телевидения как двусторонние, можно отметить, что интерес к контенту российского производства возрастает по мере расширения связей российских телеканалов с западными СМИ. По данным портала Rapidtvnews¹, только в 2012 г. ведущими каналами было закуплено более 10 тысяч часов иностранного медиаконтента. А 10 февраля 2014 г. Европейская аудиовизуальная обсерватория публикует новый отчёт о телевизионном рынке России, в котором сказано, что 77 % контента в эфире крупнейших телеканалов является национальным, а 23 % — зарубежным.

Интерес существует, а значит, необходимо «подтягивать» переводческую составляющую медиаконтента. В своем исследовании мы изучаем проблему перевода и адаптации русскоязычного видеопродукта для англоязычного пользователя. Новизна состоит в том, что перевод медиаконтента напрямую зависит от технической составляющей производства видеофильма. Для изучения нами был выбран фильм томской телекомпании ТВ-2, серия «Дневники экспедиции ТВ-2: Кеть-Кас. Туда и обратно»².

Основным методом перевода текста фильма мы выбрали адаптацию, которую Жан-Поль Вине определял как «эквивалентную замену»³. Процесс адаптации проходил в несколько этапов. Первый этап заключался в предпереводческом анализе текста. Целью анализа было выявление основных составляющих нашего медиатекста, культурно маркированных элементов и переводческих трудностей. Основные элементы медиатекста включают закадровый текст, прямую речь человека в кадре, подписи и таблички внутри кадра, титрованные «плашки» поверх кадра с именами действующих лиц. Культурно маркированными элементами являются географические названия (*Кеть-Кас*), просторечия (*чтоб*

куда не *заперло*), диалектизмы (*облоски*). К переводческим трудностям относятся термины (*шлюзовая камера, водораздельное озеро*), профессиональный жаргон (*сезонная эксплуатация, покатушки*), эллиптические конструкции (*Газу, газу!*), сложная модальность (изучен, *вроде бы*, досконально). Приведем фрагмент рабочей таблицы анализа.

ФРАГМЕНТ	ТРУДНОСТИ
Егерь Александр Дубинец и его сын и напарник Роман — проводники нашей экспедиции. Для них русло канала — рабочая магистраль, каждый участок которой изучен, <i>вроде бы</i> , досконально. Но река всякий раз преподносит сюрпризы, заставляет действовать осторожно. У шлюза Ильинского особенно. На выходе из створа шлюзовой камеры — нагромождение бревен.	— «Вроде бы» — сложная модальность; — «створ шлюзовой камеры» — терминология; — географические названия
Александр Дубинец, егерь Кеть-Касского заказника: Там единственное нельзя ртом зевать, если что-то заглохнет, подкинет там, чтоб боком не поставило. Понял? Чтoб куда-то не заперло и не перевернуло	— Имя и географические названия; — «ртом зевать» — просторечия
На исходе дня мы достигли Николаевского стана	— Географическое название; — «стан» — «mill»
Читает надпись на самоваре: «Товарищество торгового дома, братья Шимарины, город Тула, вот поставщики его императорского величества. Старенький. Аминов наверное чай-то с него пил еще. Теперь мы тут пьем»	— для субтитров вводим пояснение «Надпись на самоваре»; — географические названия; — исторические титулы и имена; — «чай-то», «тут» — просторечные выражения.

На втором этапе мы осуществили полный перевод текста оригинала с учётом всех культурно маркированных элементов и трудностей перевода.

На третьем этапе был выбран способ представления перевода. Учитывая ценность единства звукового и видеоряда оригинала, оптимальным способом представления текста перевода стали субтитры. Выбранный метод потребовал переработки текста перевода. Существуют технические параметры, которым должен соответствовать титруемый текст: в одном фрагменте субтитра могут быть представлены максимум две строки, текст субтитров должен быть отцентрирован на экране, каждая строка должна укладываться приблизительно в 35 символов. Сущность субтитрования в свое время описала французская исследовательница С. Бальдо, согласно которой качественные субтитры должны быть органичными, быстро сменяющимися, экономными, обобщающими, намеренно неточными⁴.

К необходимым изменениям текста перевода относим сокращение закадрового текста (за счет базисной информации), минимизацию повторений, перевод надписей, табличек, указателей и т.п., краткий лингвокультурологический комментарий.

Последний этап характеризуется некоторыми сокращениями технического свойства, которые происходят с текстом уже в процессе «укладки» субтитров на видео оригинала. Здесь учитываются особенности восприятия зрителем картинки и текста. Сокращение работает на то, чтобы в результате переведённый текст обеспечил на зрителя воздействие, равное тому, которое оказывал оригинал на слушателя исходного текста.

Итак, перевод медиапродукта осуществляется в 4 этапа: предпереводческий анализ, перевод оригинала, определение способа представления перевода и техническая обработка перевода.

Примечания

1. Russian content dominates national TV schedules. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rapidtvnews.com/index.php/2014021032228/russian-content-dominates-national-tv-schedules.html#ixzz2t13mdai8> (дата обращения: 03.11.2013 г.).
2. Телекомпания ТВ-2. — Томск, 2011—2014. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tv2.tomsk.ru/tv2/encyclopedia/ekspeditsiya-tv-2>.
3. Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике // Технические способы перевода. — М., 1978. — С. 157—167.
4. Бальдо С. Адаптация: пропедевтический метод обучения переводу // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. — 2008. — № 2. — С. 85—103.

Г. ШЕНКАЛ

Образные средства создания экспрессивности в турецком оригинале и русском переводе романа О. Памука «Чёрная книга»

Освещается проблема переводческой передачи образности и экспрессивности художественного текста. Анализируются переводческие решения в отношении поиска образных и экспрессивных лексико-фразеологических эквивалентов, позволяющих сохранить исходную стилистическую окраску в тексте перевода.

Ключевые слова: образная лексика, фразеология, экспрессивность, художественный перевод.

Роман современного турецкого писателя Орхана Памука «Чёрная книга»¹ представляется ярким примером функционирования категории экспрессивности на всех уровнях текста. Важным способом выражения текстовой экспрессивности выступают образные средства языка: метафоры, устойчивые сравнения, фразеологизмы, а также звукоизобразительные языковые средства и обороты речи. Рассмотрим способы

передачи экспрессивности текста-оригинала в русском переводе романа (переводчик Вера Фионова)².

Анализируя лексическую структуру текста, нельзя не обратить внимания на широкое распространение метафоры. Автор пользуется неограниченными возможностями этого средства, используя как устойчивые языковые метафоры, так и развёрнутые авторские обороты речи метафорического характера, сближая порой самые неожиданные явления. Например, в следующем фрагменте текста автор образно описывает процесс интерпретации текста, метафорически сближая ментальные и механические процессы: *откопать сведения в словах* в значении «извлечь скрытую в тексте информацию», *прятать реальные факты* — «скрывать информацию в подтексте». Трудоёмкость интерпретационной ментальной деятельности экспрессивно выражается при помощи турецкого компаративного фразеологизма *iğneyle kuyu kazar gibi* (буквально — *иглой копать колоде*, т.е. «выполнять кропотливую работу, требующую больших усилий»):

Bu manaları, hafiyeliğe ve Hurufiliğe meraklı arkadaşımız, Celal Bey'in yazıları içinden, Celal'in onları gizlediği harflerin içinden iğneyle kuyu kazar gibi, her birini tek tek kendisi bulup çıkarmıştır.

У нас есть один коллега, увлекающийся расследованиями и хуруфизмом, он-то и *откопал* все эти *сведения* в статьях Джеляль-бей, *в словах*, за которыми Джеляль-бей *прятал реальные факты*. Это была кропотливая работа — *всё равно, что иглой колодец копать*.

Сравнения и метафоры, используемые автором, также являются яркими и экспрессивными. При их переводе не возникает особых трудностей, и их выразительность сохраняется: *«Koltuk. Kollarının ve ayaklarının cilas-ı dökülmüş, oturulacak yerinin derisi yara gibi yırtılmış ve bu derinin içinden, kar-nı yarılmış bir süvari atının dökülen barsakları gibi, paslı yayları umutsuzca dışarı fıskırmış»*¹. — *Кресло стояло перед закрытыми лавками обойщика, обивщика, картощика, столяра; лак на ручках и ножках облупился, кожа сидения походила на рваную рану, и из этой раны уныло торчали ржавые пружины, словно кишки из развороченного живота раненой кавалерийской лошади*.

Кроме того, с целью сохранения эффекта воздействия на читателя переводчик может буквально передавать специфические метафоры, характерные для турецкой культуры, но отсутствующие в языке перевода. Однако «нестественность» данных выражений привлекает внимание русского читателя, вызывает в его воображении нужный образ, следовательно, коммуникативное намерение автора достигает своей цели. Так, О. Памук образно описывает процесс «складывания» слов из букв при чтении посредством турецкой метафоры *«столкновения букв»*: *«Babanne, en büyük sihiri, harflerin birbirine nasal vurulacağını hırılılı sesiyle duyurduktan sonra...»* — *«И бабушка хриплым голосом объявляла самое большое из чудес — как быются друг о друга буквы»*.

В русском варианте переводчик сохраняет этот образ, хотя он и выглядит для русского читателя несколько странным, искусственным.

Однако функция привлечения внимания реципиента выполнена, следовательно, коммуникативное намерение автора достигнуто.

В то же время ряд развернутых экспрессивных авторских метафор носит общечеловеческий характер, не имеет национальной специфики, и, описывая ситуацию в мире и в частности в Турции на момент написания романа, он вводит следующую метафору, которая легко интерпретируется в буквальном переводе: «*Bayram şenliğine çıkmış çocukların keyfi ve heyecanıyla birbirimizi öldürdüğümüz bugünlerde hangimiz bir şey okuyup dünyadan haberdar oluyor ki?*» — «*Кто из нас нынче читает, кому интересно знать, что происходит в мире, где люди убивают друг друга с радостью и энтузиазмом детей, пришедших на праздник?*».

Тем не менее нередки случаи, когда экспрессивность, присутствующая в исходном тексте, нейтрализуется в тексте перевода. Причиной этого может стать то, что переводчик не может подобрать адекватной замены в языке перевода, либо он делает вывод о том, что нейтрализация экспрессивности выражения в переводе не нанесёт большого вреда тексту. Так, например, в тексте исследуемого произведения есть выражение, которое автор использует, чтобы сказать, насколько трудно далось человеку какое-то дело: *dişleriyle turnaklarla* (буквально — *зубами и ногтями*). В переводе эту образность сохранить не удалось: «*Dişleriyle turnaklarıyla kurmuştu bu dükkânı*». — «*Большого труда стоило ему открыть эту лавку*».

Переводчик достаточно редко прибегает к букальному воссозданию оригинального образа в тексте перевода, руководствуясь правилами сочетаемости, свойственными его языку; а также выбирая образы, которые были бы более адекватно восприняты и поняты читателем текста перевода: «*Polemiğe gir, ama karşındakinin canını yakabileceksen*. (дословно — «*Вступай в полемику, только если сможешь сжечь душу противника*»).

В русском варианте образный компонент смысла победы над противником как причинения ему боли и уязвления не сохранён, передаётся лишь понятийное содержание фразы: *В полемику вступай только в том случае, если уверен, что одержишь верх над противником*. То есть яркость, эмоциональность оригинального образа снята, однако она компенсирована использованием образного выражения *одержать верх*, которое основано на пространственной метафоре.

Особого внимания заслуживают переводческие решения, принимаемые относительно перевода слов, несущих эмоциональную стилистическую окраску. Рассмотрим несколько примеров: «*Konsoloslukların adreslerini öğren. (İkinci Dünya Savaşı sırasında C'nin Alman, A'nın da İngiliz Konsolosluğu'na beslendiğine ilişkin söylentiye telmih)*». — «*Узнай адреса зарубежных консульств (намёк на слухи о том, что во*

время Второй мировой войны Дж. **подкармливало** немецкое консульство, а А. — английское)».

Мы видим, что в русском переводе переводчику удалось сохранить эту эмоциональную окраску предложения, сохранив при этом исходный образ, так как в сознании русского читателя глагольная метафора **подкармливать** имеет сходную с турецкой коннотацию.

Как уже отмечалось, одним из приёмов реализации экспрессивности является передача лексическими средствами различных звуков. Специалистами в области турецкого языка неоднократно отмечалась его музыкальность. Большое количество звукоподражательных слов позволяет очень лаконично описать какие-либо звуки, не прибегая к дополнительным описаниям. Однако в русском языке ситуация несколько иная. Рассмотрим несколько примеров:

Dışarıdan kış sabahının ilk sesleri geliyordu: Tek tük geçen arabalar ve eski otobüsler, poğaçacıyla işbirliği eden salepçinin kaldırırma konup kalkan güğümleri ve dolmuş durağının değenekçinin düdüğü. При чтении вслух этого предложения отчетливо слышатся звуки, которые описываются автором в силу фонетического оформления использованных слов. Переводчик русского текста достаточно успешно компенсирует их с помощью дополнительных лексических средств:

Снаружи в комнату проникали первые звуки зимнего утра. Шуршание шин редких автомобилей, скрип старых автобусов, звяканье поднимаемых и опускаемых на мостовую кувшинов салеппчика, работающего в паре с пекарем, свистки распорядителя на стоянке маршрутных такси.

Однако не всегда в переводе удается сохранить музыкальность и звуковое оформление предложения оригинального текста. Передаются только лексические средства, использованные автором, читатель перевода понимает, о чем идёт речь, однако того эффекта, которым обладает предложение исходного текста, — эффекта «слушания» всех этих звуков — в тексте перевода достичь не удаётся: *«Bütün gece, su ve kalorifer boruları çeşitli inlemeler, gurlamalar ve iç çekmelerle öttüler».* — «Всю ночь он слушал **стоны, урчание и вздохи водопровода и батарей**».

Еще одной распространенной проблемой на лексико-фразеологическом уровне реализации экспрессивности, с которой сталкивается переводчик, является передача просторечной окраски слова. В романе О. Памука присутствуют примеры просторечной лексики, а переводческие решения относительно данной проблемы заслуживают внимания, так как переводчику, на наш взгляд, прекрасно удалось справиться с этой трудностью и подобрать адекватные замены на лексическом уровне: *«Anne «gırvat» demez, «kravat» derdi: Eskiden Anne'nin ailesi daha zengin olduğu için».* В русском языке переводчику удалось подобрать соответствие, полностью

отражающее ситуацию, описанную в оригинальном тексте: «*Мать произносила не «галстух», а «галстук», потому что её семья была богаче*».

Таким образом, очевиден тот факт, что экспрессивность и образность как базовые категории художественного текста воплощаются на лексико-фразеологическом уровне при помощи различных образных средств языка и речи как в тексте оригинала, так и в тексте перевода. Реализация данных категорий помогает автору передать свое отношение и отношение персонажей к действительности; делает повествование более ярким и неповторимым.

В ходе анализа было выявлено, что, несмотря на национальные, культурные и языковые различия, образные способы выражения экспрессивности в турецком и русском языках во многом совпадают. Преобладающее большинство метафор и фразеологизмов обладают экспрессивно окрашенным значением. Трудность может вызвать тот факт, что при переводе образных средств языка оригинала вначале необходимо распознать характер образных аналогий и основания метафорического уподобления различных явлений действительности, проанализировать функции образных единиц в контексте и, наконец, подобрать эквивалент в языке перевода, при возможности сохраняя образность, экспрессивность, колорит и стиль автора.

В данной статье мы постарались осветить сложность и многогранность проблемы переводческой передачи образности и экспрессивности художественного текста. Были проанализированы переводческие решения в отношении поиска образных и экспрессивных лексико-фразеологических эквивалентов, позволяющих сохранить исходную стилистическую окраску в тексте перевода.

Примечания

1. *Pamuk O.* Kara Kitap / О. Pamuk. — İstanbul : İletişim Yayınları, 2000. — 442 s.
2. *Памук О.* Чёрная книга / О. Памук; пер. с турец. В. Б. Фионовой. — СПб.: Амфора, 2000. — 573 с.

В. В. ШИЛИНА

Радиоресурсы культурно-просветительской направленности в обучении иностранных студентов русскому языку и культуре¹

Радиоресурсы культурно-просветительской тематики рассматриваются как источник аутентичных текстов. Предлагается краткий обзор, выявляются преимущества использования данных ресурсов в преподавании русского языка и культуры.

Ключевые слова: лингвострановедческий подход, радиоресурсы, культурно-просветительские передачи, аутентичные тексты, Интернет, русский язык, культура.

Лингвострановедческий подход относится к числу перспективных в методике преподавания иностранных языков. Исследователи отмечают, что возрастающая значимость национальной коммуникации и средств её обеспечения заставляет по-новому взглянуть на задачи страноведческого компонента в сфере преподавания РКИ. В центре оказывается осмысленное понимание ценностей другого народа и познание особенностей национальной психологии. Современная методика преподавания РКИ характеризуется поиском пути создания реального дискурса в аспекте кросскультурного подхода².

В лингвострановедческом аспекте обучения иностранцев русскому языку особую роль приобретает использование аутентичных русскоязычных текстов. Так, О.Н. Киян обращает внимание на реализацию социокультурного фона в аутентичных текстах через продуктивный словарный запас, в который входят наиболее значимые в коммуникативном плане лексические единицы. Кроме того, в таких текстах находит выражение деятельностная структура говорения. Текст выступает и как продукт говорения, и как объект смысловой обработки, создавая необходимое содержание и коммуникативную базу для развития говорения. Он обладает коммуникативной целостностью, благодаря которой отвечает познавательным и эмоциональным запросам учащихся, активизирует их мыслительную деятельность³.

Современные технологии позволяют преподавателям и студентам активно обращаться к аутентичным текстам самых разных типов. Особой ценностью обладают интернет-СМИ: тексты СМИ обеспечивают решение многих коммуникативно ориентированных задач, связанных с изучением общественно-политической и культурной ситуации в России, формируют представление о традициях, привычках, моделях поведения россиян⁴.

Среди электронных СМИ особый интерес для нас представляет интернет-радио как ресурс, обладающий большим потенциалом для развития у учащихся необходимых в реальной коммуникации страноведческих и языковых компетенций. Восприятие аутентичных текстов на слух способствует развитию у студентов навыков аудирования — одного из важнейших навыков, обеспечивающих успех коммуникации с носителями языка. Специалисты относят к преимуществам радио возможность восприятия «чистого» звука (слушатель не делит своё внимание к звуку с визуальным рядом); активизацию воображения слушателей; интерактивность⁵.

Учитывая важность культурной адаптации студентов и углубления их страноведческих знаний, мы выделяем радиоресурсы культурно-просветительской направленности. Их изначальной целью является популяризация культуры и сохранение культурных ценностей России, поэтому привлечение такого материала способствует освоению иностранными студентами культуры страны изучаемого языка.

Культурно-просветительские радиопрограммы затрагивают все сферы культурной жизни страны, которые могут быть интересны слушателям:

музыка, кино, история, литература, театр, музеи, выдающиеся деятели культуры и т.д. Помимо тематического разнообразия, радиопередачи культурно-просветительской направленности имеют и другие преимущества:

- особое внимание к нормам русского языка (что не всегда соблюдается в передачах развлекательных радиостанций);
- умеренный темп речи, обеспечивающий более выраженное интонирование фраз;
- лексическое разнообразие, дающее студентам возможность обогатить свой словарный запас, расширить представление о лексической сочетаемости тех или иных слов согласно нормам языка и развить навык языковой догадки;
- тематика, соответствующая содержанию материалов государственного тестирования;
- ориентация на формирование в сознании слушателей позитивного образа России и россиян.

В связи с отмеченным мы считаем целесообразным использование на уроках РКИ материалов российских радиоресурсов, ориентированных на освещение культурных реалий и событий. Такие материалы представлены в режиме онлайн-доступа в интернет-пространстве.

Среди радиоканалов культурно-просветительской направленности выделяются: «Радио России. Культура»; радио «Русский мир» — проект одноимённого фонда, целями которого являются популяризация русского языка и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом⁶; «Литературное радио», посвященное современной русской литературе и ориентированное на молодёжную аудиторию. Программы культурно-просветительской направленности выходят также в эфире универсальных радиостанций, таких как «Радио России» («Литературный сериал», «Народы России», «Образы России»), «Эхо Москвы» («Говорим по-русски», «Как правильно», «Культурный шок»), «Народное радио» («Традиция», «Литературные чтения»).

В пространстве сети Интернет существуют также сайты, представляющие собой «хранилище» подкастов, посредством которых также можно ознакомиться с материалами различных радиопередач. Подкасты предназначены для скачивания и прослушивания на любом MP3 плеере или персональном компьютере⁷. Они открывают преподавателям РКИ и студентам широкий выбор возможностей для практики аудирования.

В практике обучения РКИ на филологическом факультете ТГУ радиоресурсы привлекаются в качестве материалов для спецкурса «Культура и общество современной России», рассчитанного на студентов продвинутого уровня владения языком. В рамках курса интернет-ресурсы используются как для аудиторной, так и для самостоятельной работы.

Студенты с интересом изучают спецкурс и отмечают, что обращение к аутентичным радиоресурсам и регулярная работа с ними позволили улучшить навык аудирования и расширить представление о жизни страны.

Привлечение к учебному процессу интернет-радиоресурсов убедило в том, что программы культурно-просветительской направленности обладают большим потенциалом и целесообразны в обучения РКИ. Они дают возможность реализации лингвострановедческого подхода на базе аутентичных текстов и способствуют формированию у студентов знаний, умений и навыков, необходимых для успешного освоения русского языка, русской культуры и для адаптации в новой языковой среде. Наблюдения, полученные в ходе проведения спецкурса, выявили развитие самостоятельности студентов в изучении русского языка и культуры, а также повышение мотивации в обучении.

Примечания

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.
2. Курлова И. В. Некоторые аспекты лингвострановедения «нового времени» // Проблемы преподавания русского языка как иностранного: новые тенденции обучения: Сб. докл. преподавателей Центра международного образования МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2008. — С. 23.
3. Киян О. Н. Аутентичность как методическая категория в обучении иностранному языку. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/4/KIYAN.htm> (дата обращения: 16. 01. 2014).
4. Нестерова Н. Г., Ковалева Т. С. Роль текстов СМИ в формировании коммуникативной компетенции иностранца // Актуальные проблемы обучения русскому языку X / Sbornikpracipedagogickefacultymu. Radajazykovaaliterarni. — Brno, 2012. — P. 582—590.
5. Шишки Н. Э. Введение в теорию журналистики. [Электронный ресурс]. — URL: <http://media.utmn.ru/library.php?book=70> (дата обращения: 13.01.2014).
6. Фонд русский мир. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/fund/about> (дата обращения: 15.11.2013).
7. Kavaliauskienė G. Podcasting: A tool for improving listening skills // Teaching English with Technology. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tewtjournal.org/VOL%208/ISSUE%204/A%20WORD%20FROM%20A%20TECHIE.pdf> (дата обращения: 15.12.2013).

ЮАНЬ СИНЬЮЙ

Работа с портретом на уроках РКИ

Статья посвящена выявлению форм работы с портретом как жанром живописи на уроках русского языка как иностранного. Материалом для анализа была взята картина И. Е. Репина «Протоиерей». На её основе разработаны варианты заданий для иностранных студентов продвинутого уровня подготовки.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика.

Не подлежит сомнению мысль о необходимости соизучения иностранных языков с культурой стран изучаемых языков, их историей, социокультурными традициями. Ведущую роль при изучении последних играют произведения художественной литературы, музыки, живописи и других видов искусств, материалы по лингвострановедению. Как пишет Л. М. Абазова, «обладая способностью уникального эмоционального воздействия на психику и сознание человека, они вызывают особую творческую активность студентов. Представляя собой своего рода культурный фон, они служат его неисчерпаемым источником, воспитывая толерантность к другому образу жизни, мышления и мировоззрения»¹.

В этих условиях методикой РКИ ведется поиск оптимальных средств, способных повысить уровень владения русским языком студентами-иностранцами. Вслед за школьными учителями, активно включившими изобразительное искусство в уроки родного для учеников языка с целью развития их коммуникативной компетентности², преподаватели РКИ также сформировали свои традиции использования произведений живописи на уроках инофона³. Их опыт доказывает, что искусство может служить сильным мотивирующим фактором на занятиях по развитию речи с учащимися среднего и продвинутого уровня.

Конечной целью нашего исследования является разработка системы уроков с использованием живописи, где, кроме общекультурной задачи (знакомство аудитории с русскими художниками и их творчеством), ставятся задачи развития лексического запаса студентов и обучения их на основе текстов-образцов типам речи. Это, прежде всего, описание и его соединение с рассуждением и элементами повествования. Для этого мы обратились к жанру портрета — наиболее полно соответствующему нашим задачам: нельзя забывать, что «Человек» (внешность, характер) является важнейшей лексической темой на всех этапах обучения иностранцев, включая начальный. При этом данная тема позволяет рассуждать о национальном типе красоты, национальном характере, что доказывает, например, название статьи Л. В. Аладышкиной⁴.

Это один из важнейших жанров: он предполагает не только передачу внешности, но и выражение характера, души человека, его личности. «Популярная художественная энциклопедия» указывает, что «портрет по своей природе наиболее философский жанр живописи. Он в основе своей строится на сопоставлении того, что человек есть, и того, чем человек должен быть. Это позволяет прочитывать портрет разнообразными способами: мы можем в нем увидеть черты людей определенной эпохи, психологические или этикетные отличия дамского и мужского поведения, социальные трагедии, различные варианты воплощения самого понятия «человек»»⁵. В руках художника-портретиста всегда есть средства выразить своё отношение к портретируемому. И задача зрителя — правильно прочитать картину, увидеть в ней все

заложенные автором мысли, что делает его привлекательным для работы в учебной аудитории⁶.

Указанная выше методическая цель будет решаться разработкой разного рода заданий к произведениям этого жанра. Сейчас наше внимание обращено к творчеству Ильи Ефимовича Репина (1844–1930) — знаменитого русского портретиста, чьи картины отличаются мощной эмоциональной силой. Цель упражнений 1–3 — познакомить с терминологией жанра, научить строгим научным формулировкам терминов, обратить внимание студентов на модели образования специальных слов. Задания 4 — 5 вводят в творческую мастерскую художника, готовят к восприятию картины «Протоиерей» (1877).

1. *Прочитайте стихотворение А. Кушнера и дайте определение жанру портрета:*

Если видишь, что с картины
Смотрит кто-нибудь на нас:
Или принц в плаще старинном,
Или в робе верхолаз,
Лётчик или балерина,
Или Колька, твой сосед, —
Обязательно картина
Называется: портрет.

2. *Опираясь на структуру слов, определите значения данных прилагательных* (одиночный/двойной/групповой; камерный/парадный; прижизненный/ретроспективный; в рост (полнофигурный) / оглавный / оплечный / погрудный / поясной / поколенный; анфасный / профильный; индивидуальный/собирательный).

3. *Охарактеризуйте типы предъявленных портретов* (предъявляются преподавателем разные типы, включая жанр автопортрета).

4. *Прослушайте (или прочитайте) текст о художнике и ответьте на вопросы* (формулируются по содержанию сообщения, например: «Когда и где родился И. Е. Репин? Где он получил художественное образование? В каких жанрах работал художник?» Подчеркивается внимание И. Е. Репина к ярким, сильным личностям).

5. *Познакомьтесь с энциклопедическим толкованием слова и определите, какие из этих характеристик отражены в портрете.* Протоиерей (протоиерей) — главный иерей в епархии при кафедральном соборе. Титул протоиерея жаловался в виде награды за особые заслуги, даётся иерейам после 20 лет служения. Протоиереи обычно славятся своим голосом, который украшает богослужения. В Русской церкви в официальных или торжественных случаях к нему принято обращаться: «Ваше высокоблагословение!».

Уже на начальном этапе работы с жанром портрета в иностранной аудитории можно сделать первые выводы:

1. Портрет является одним из древнейших жанров в живописи. Он существует в большом разнообразии видов и подвидов, что делает его интересным объектом преподавания.

2. В русском искусстве он достиг высот мастерства еще в XVIII в., накопив к сегодняшнему времени большое количество шедевров, с которыми нужно познакомить иностранных студентов: изучение языка должно происходить параллельно со знакомством культуры страны.

3. Изучение портретной живописи может предполагать разный уровень ее анализа, что делает возможным знакомство с ней студентов разного уровня владения русским языком.

Следующим направлением в работе с жанром портрета может стать работа со словесными (литературными, художественными) портретами, в том числе сопоставительная, поскольку описания героев картин дошли до нас в отзывах современников, в литературных произведениях.

Примечания

1. *Абазова Л. М.* Золотые имена России на уроках РКИ // «Инновации в науке»: матер. XVII междунар. заоч. науч.-практ. конф. (25 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/6732-2013-03-06-13-46-27>.
2. *Ходякова Л. А.* Живопись на уроках русского языка: учеб. пособие / Л. А. Ходякова. — М.: Флинта: Наука, 2000. — 200 с.
3. *Жаркова Т. Л.* Урок по развитию речи (произведения искусства в обучении РКИ) // Сборник научно-образовательных материалов для учителей русского языка московских школ / сост. Н. В. Кулибина. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2010. — С. 168—182; *Тульская М.* Звучащая картина [Электронный ресурс]. — http://e-toile.russchool.eu/results-ru/materials_ru/poland_ru
4. *Аладышкина Л. В.* Образ русской женщины в картинах Бориса Кустодиева: лингвокультурологический аспект // Традиции и новации в преподавании русского языка и литературы: матер. докл. и сообщений XVI Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: СПГУТД, 2011. — С. 206—209.
5. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В. М. Полевого. — М.: Советская энциклопедия, 1986 [Электронный ресурс]. — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/2592.
6. *Таяновская И.* Характеристика человека как культуроведчески ориентированный текстовый материал для обучающей работы (продвинутый этап в освоении РКИ) // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. — 2012. — № 2 (3). — С. 131—142.

ЯО МИНСЮ

Урок по картине И. И. Левитана «Золотая осень» для иностранных студентов

Статья посвящена выявлению форм работы с пейзажем как жанром живописи на уроках русского языка как иностранного. Материалом для анализа была взята картина И. И. Левитана «Золотая осень». На ее основе разработано занятие для иностранных студентов среднего уровня подготовки.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика.

На многих сайтах, посвящённых живописи, можно встретить слова о ней французского художника Э. Делакруа: «Первая ценность каждой картины — быть праздником для глаз». Думается, что лучше всего эта оценка соответствует картинам в жанре пейзажа, которые предлагается привлекать к преподаванию русского языка как иностранного (РКИ). Необходимо отметить, что пейзаж как самостоятельный жанр впервые появился в Китае (VI—VII вв.) Китайские художники достигали в пейзаже исключительной одухотворённости и философской глубины. На длинных горизонтальных или вертикальных шёлковых свитках они писали не виды природы, а целостный образ мироздания, в котором живёт человек. Вечно обновляющаяся природа считалась наиболее наглядным воплощением мирового закона (дао); эта концепция находит прямое выражение в пейзаже типа «шань-шуй» («горы-воды»)¹.

Сегодня пейзаж считается одним из наиболее лиричных жанров живописи. Не случайно пособие Л.Л. Страховой², задача которого — помочь школьникам в подготовке к написанию сочинения по картине, содержит «Словарь настроений и чувств». При взгляде на лучшие пейзажные произведения можно почти физически ощутить дуновение ветра, запах моря, тишину снега или шум листвы. В этих картинах художник выражает свои мысли о времени и о себе: любовь к родному краю, гордость за его прошлое и тревогу за его будущее. В наше время беспокойных раздумий о кризисе во взаимоотношениях человека и природы, поисков путей сближения цивилизации и окружающей среды пейзажное искусство предстает мудрым учителем.

В жанре пейзажа работали многие русские живописцы: В. Васнецов, К. Коровин, В. Серов, А. Саврасов и др. В их числе выдающийся русский художник Исаак Ильич Левитан (1860—1900), чей талант сразу же был признан современниками. Он считается создателем «пейзажа настроения», в котором образ природы наполнен человеческими чувствами и размышлениями. Левитан говорил, что он старается рисовать не только внешнее, но и «глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу»³. Его друг, А. П. Чехов, придумал слово *левитанистый* и называл им пейзаж, полный грусти и тайной печали.

Картина «Золотая осень» (1895) не является в полной мере «левитанистой»: слишком она яркая, мажорная, смелая, праздничная. Белые стволы и пылающая листва берез, прозрачная голубизна неба, рыжеватая трава, холодная синь реки. Воздух этого погожего осеннего дня врывается в грудь и заряжает нас бодростью. Любопытно, что сам художник не был до конца удовлетворён картиной и через год написал другую — с тем же названием, но совсем иную по настроению, что делает возможным и интересным их сравнение в студенческой аудитории.

Ниже приведены некоторые типы разработанных нами упражнений на основе пейзажной живописи и конкретно картины Левитана

«Золотая осень». Первые обучают студентов особенностям данного жанра, вторые — подготавливают к восприятию пейзажа Левитана.

1. Прочитайте стихотворение Александра Кушнера. Обобщите информацию о том, что может быть изображено на пейзаже, и дайте определение жанру.

Если видишь, на картине
Нарисована река,
Или ель и белый иней,
Или сад и облака,
Или снежная равнина,
Или поле и шалаш, —
Обязательно картина
Называется пейзаж.

Слова для справки: *земная поверхность, водоёмы, флора (растительность), фауна (животные, птицы), люди, человеческие постройки, перспективы вида, атмосферные образования (свет, воздух, облака, дождь, снег).*

2. Прочитайте искусствоведческий текст: *«По предмету изображения выделяют архитектурный, индустриальный пейзаж, городской, деревенский (сельский), морской и другие пейзажи. По манере исполнения можно говорить о реалистическом, фантастическом (футурологическом), историческом, героическом, лирическом и других пейзажах. При этом они могут быть камерными или панорамными».*

Определите типы предъявляемых преподавателем (или одним из студентов, получившим заранее это задание) картин в жанре пейзажа, аргументируйте свой ответ.

3. Как вы понимаете строки А. С. Пушкина:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса.

Как вы считаете, соответствуют ли эти стихи содержанию картины «Золотая осень»?

4. Докажите, что праздничное, возвышенное настроение пейзажа поддерживается цветовым великолепием картины. Подберите определения к данным существительным: *вид, роща, березка, листья, небо, воздух, даль, река, настроение, красота.*

Слова для справки: *багряный, великолепный, восхитительный, дивный, красноватый, красочный, лирический, медно-золотой, одинокий, приподнятый, прозрачный, прощальный, свежий, сверкающий, синеющий, солнечный, торжественный, чудесный, яркий.*

5. Ознакомьтесь с одноимённой картиной 1896 г. и сравните два пейзажа по настроению и цветовой гамме.

Этот список упражнений требует дальнейшей доработки, апробации в иностранной аудитории. В заключение работы с картиной можно объявить конкурс на лучшее сочинение по ней. В задании следует предложить студентам отразить в создаваемом тексте запечатленный на холсте осенний день, деревья в пестром наряде, хрустальную синеву реки. Они должны показать своё понимание особого языка художника (живописец разговаривает с людьми сюжетом, линиями, цветом), доказать верность истины, что картину нужно не только смотреть, но и видеть.

Таким образом, привлечение живописи на уроки РКИ, способной воздействовать на творческую активность студентов, может стать мощным стимулом для обучения в условиях «перекрёстка культур» — практики межкультурной коммуникации. На основе пейзажных описаний студенты учатся формулировать свои мысли, строить связно-логические тексты, подбирать уместные лексические средства.

Примечания

1. *Виноградова Н.А.* Китайская пейзажная живопись / Н.А. Виноградова. — М., 1972. — С. 11.
2. *Страхова Л.Л.* Сочинение по картине для младших школьников / Л.Л. Страхова. — СПб.: Литера, 2010. — 80 с.
3. *Овруцкая Я.* Самый левитанистый из всех [Электронный ресурс]. — URL: <http://family.booknik.ru/articles/sovremennye-geroi/samy-levitanistyy-iz-vsekh/>

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Г. Ю. ВЕСНИНА

История слова «правило» и его соответствий в славянских языках в рамках ЛСП «норма»

Описывается развитие семантики нормы у лексемы *правило* на всех этапах развития русского языка, проводится сравнение с путями развития семантики у её эквивалентов в славянских языках.

Ключевые слова: историческая лексикология, славянская компаративистика.

Лексема *правило* фиксируется в древнерусских текстах с XI в. При рассмотрении материалов исторических словарей мы столкнулись с проблемой разграничения омонимии.

Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. лексема *правило* приводится как в вещественных значениях — «руль, кормило» (с XI в.); «снасть для управления парусом (с XVII в.)»; «брусок на ткацком станке для подъёма ниток» (с XV в.); «приспособление, применяемое в строительном деле для вертикальной каменной кладки и выведения прямых углов» (с XV в.); «приспособление для вытягивания, распрямления полотна из ткани, кожи, меха» (с XVII в.); «приспособление, применяемое сапожниками для шитья обуви» (с XVII–XVIII вв.); «знак изменения чтения в тексте» (с XVII в.); так и в абстрактных — «прямызна» (с XV в.); «церковный канон, правило» (с XII в.); «устав, свод правил» (с XI в.); «установленное богослужение, положенные молитвы перед исповедью и причащением» (с XIV в.); «закономерность» (с XVII в.); «обычай, привычка» (к. XV в.)¹. Срезневский же разделяет лексемы *правѣло* и *п्रा́вило*: для слова *правѣло* приводит значения вещественные, а для *п्रा́вило* — абстрактные².

Если принять во внимание формальное сходство, синкретичность, свойственную средневековому сознанию, и то, что омонимия часто возникает при распаде полисемии, можно предположить, что когда-то *правѣло* и *п्रा́вило* были разными ЛСВ одной лексемы. Развитие же

значений лексемы *правило* связано с развитием ремёсел. Так, ЛСВ «при-способление, применяемое в строительном деле для вертикальной каменной кладки и выведения прямых углов» зафиксировано тогда, когда распространяется и становится популярным каменное строительство, хотя появляется данный вариант значения наверняка раньше, так как первые памятники каменной архитектуры датируются XI в.

В словаре XVIII в. также наблюдаем разграничение по омонимии: у слова *п́равило* выделены 2 основных значения: 1) положение, служащее началом, основанием в науках (*прим. автора — норма в научном познании*); «всё, что служит к управлению разума и сердца» (*прим. автора — этическая норма?*). 2) церковный устав, касающийся обрядов. Вещественные значения, которые зафиксированы с XI по XVII в., приводятся только в толковании лексемы *правѣло*, и к ним прибавляется значение «хвост у борзой собаки», появление которого обусловлено популярностью охоты с породистыми собаками у высших слоёв населения в данный период³. В XIX в. данная лексема зафиксирована в значениях «закон, постановление» и «принцип, нравственная норма», и, несмотря на то, что среди примеров имеются два церковных словоупотребления (*Монастырские правила, устав. Правила перед причастьем, наставленья, что должно исполнить*), при рассмотрении корпуса текстов XIX в. подобных контекстов не было найдено, а значит, можно отметить постепенный отход от обязательной связи семантики лексемы *правило* с религиозной сферой.

В СРЯ лексема *п́равило* имеет следующие значения: «положение, выражающее закономерность», «установка, принцип, служащий для руководства», «норма поведения, привычка». *Правѣло*, опять же, указано как омоним.

Слово *правило* является дериватом от глагола *правити* «направлять, наставлять; управлять; совершать, исполнять; судить; чинить, поправлять» с суффиксом -л- из праслав. *dl (частноименной суффикс индоевропейского происхождения с показателем среднего рода и типа склонения, служивший для образования названий орудий)⁴. *Правити*, в свою очередь, образуется от прилагательного *правый* «прямой; верный, истинный, настоящий». Эта деривационная цепочка осознаётся русскоговорящими на всех этапах развития русского языка. В свою очередь, от *правило* образуется *правильный, правильно*. Интересно отметить, что именно лексемы, образованные от слова *правило*, использовались в качестве некоторых математических терминов до петровской эпохи: *правилонпростый* — перпендикуляр, *правильница* — прямая, *облежашая правильница* — диаметр.

На материале славянских языков было выявлено выпадение согласного *d*, который сохранился в западославянских языках и восточнославянских, испытывавших их влияние. В польском слова с суффиксом -*dl-*

имеют оба варианта развития семантики: пол. *prawidło*, мн.ч. *prawiდეł* «правило» (*prawidłapisowni* «правила правописания»); «сапожная колodka». В белорусском же при сохранении согласного (под влиянием польского) произошло разграничение омонимии: блр. *правіла* «правило в разных значениях, положение, установка», *праві́дла* «строительный, сапожничий термин». В украинском же языке согласный *d* не сохранился так же, как и в русском: *правило* «положение, закономерность; принцип», во мн. ч. — «сборник положений», *правило* «устройство для распрямления; длинное весло для управления плотом, лодкой и т.п.».

В других западнославянских языках, кроме польского, у соответствующих по форме лексем представлено развитие абстрактной семантики, вещественную семантику развивают слова с другим суффиксом: слвц. *pravidlo* «правило; принципы» (*pravidláslušnosti* «правила приличия»), чеш. *pravidlo*, -а (в осн. во мн. ч.) «правило, положения, служащие руководством» (*pravidlapravopisu* «правила правописания», *dopravnípravidla* «правила уличного движения»), НО *pravítко* «линейка», *zednicképravítко* «строительный инструмент, правило». В южнославянских языках у соответствующих лексем было обнаружено только развитие абстрактной семантики: серб. *правило* «правило», хорв. *правило* «правило, норма», болг. *правило* «правило», ст.-слав. *правило* «правило, установление», «церковный канон».

Согласно данным исследования Р. М. Цейтлин исходным значением слов с корнем *-прав-* было «прямой, гладкий, ровный», «небугристый, нехолмистый», затем — «прямой, не отклоняющийся вправо или влево». По сей день подобное значение сохраняют производные от этого корня в южнославянских языках: серб., хорв. *прав* «прямой, прямолинейный; настоящий, подлинный; невиновный», *права линија* «прямая линия»⁵.

Итак, все данные свидетельствуют о постепенном расхождении вещественных и абстрактных значений многозначной лексемы **pravidlo* и формировании омонимичных лексем в тех языках, где различные линии развития семантики не были разграничены разными суффиксами.

Примечания

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. — Вып. 18. — М.: Наука, 1975–2008. — С. 106–107.
2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. — Т. 2 / И. И. Срезневский. — СПб, 1893. — 1903., — С. 1343–1344.
3. Словарь Академии Российской. — Ч. 4. — СПб.: Акад. наук, 1789–1794. — С. 1049–1050.
4. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. — М.: Наука, 1984. — С. 11.
5. Цейтлин Р. М. Лексико-семантическая группа *-прав-* // Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV–XV вв. Проблемы и методы. — М.: Наука, 1996. — С. 137–167.

Эпистолярный как источник уточнения времени вхождения в русский язык некоторых иноязычных единиц (на материале переписки Г. А. Потёмкина и Екатерины II)

Статья посвящена описанию некоторых заимствованных единиц русского языка, представленных в письмах Г. А. Потёмкина и отмеченных словарями более позднего периода. В процессе исследования устанавливаются информативные возможности эпистолярного Г. А. Потёмкина для уточнения времени вхождения в русский язык отдельных ксенолексем.

Ключевые слова: заимствования лексики, историческая лексикология, лингвистический источник.

Иноязычная лексика занимает значительное место в русском языке. В определённые периоды истории словарь пополнялся ксенолексемами особенно интенсивно. Одним из таких периодов является XVIII в. Для изучения указанной эпохи исследователи привлекают разного рода источники. Среди них особое место занимают эпистолярные видных государственных, военных и общественных деятелей. Ценность данных источников для исследований по исторической лексикологии определяется, в первую очередь, тем, что письменные свидетельства людей, принадлежащих к высокообразованным, интеллигентным кругам российского общества, более полно отражают языковые явления, свойственные тому или иному историческому периоду, в своем непосредственном «живом» выражении.

Материалом для данного исследования послужил сборник писем Г. А. Потёмкина, изданных под редакцией В. С. Лопатина: «Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769—1791»¹.

В ходе работы было выявлено 594 иноязычные единицы. В процессе верификации источника с данными исторических, этимологических, толковых словарей были обнаружены лексические единицы иноязычного происхождения, зафиксированные словарями более позднего периода. Рассмотрим некоторые из них.

Существительное *прелиминарии* впервые фиксируется словарями в начале XX в.² Однако в письме Потёмкина, датированном 1791 г., данный субстантив встречается в следующем контексте: «Из донесений К[нязя] Репнина изволисте увидеть, что визирь отозвался, хотя и с глупою гордостью, но уже мне известно по другому донесению, что переговоры о *прелиминариях* берут хорошее начало»³. По всей видимости, рассматриваемое иноязычие имеет источником фр. *préliminaires* «предварительные переговоры», которое образовано на базе лат. *prae* «перед, впереди» и *limen*, *inis* «начало»⁴. В письме речь идёт о действиях, предваряющих

соглашения воюющих сторон. Таким образом, существительное *прелиминарии* употребляется в том же значении, что и во французском языке. Кроме того, в ответных письмах Екатерины II встречается адъектив *прелиминарный*, образованный от данного заимствования, что является свидетельством определенной степени адаптации рассматриваемой единицы в русском языке конца XVIII в.

Иноязычное слово *спазма* зафиксировано в словарях начала XX в.⁵ Данная лексема встречается в четырех контекстах писем Г.А. Потёмкина, датируемых 1783–1790 гг.: «*Пред сим занемог было жестоко в Херсоне спазмами и, будучи еще слаб, поехал в Крым*»⁶; «*Но я, моя матушка, изнемог до крайности. Спазмы мучат, и, ей Богу, я ни на что негоден*»⁷; «*Я слаб, спазмы меня мучат всякий день, которые причиняют столь сильную ипохондрию, что я не рад жизни*»⁸; «*Поздравляю, кормилица, Вас с будущим днём Екатерины, имянинством от Вас украшенным. Я терплю от спазму в груди*»⁹. По-видимому, источником заимствования является фр. *sprasse* «резкое и внезапное сжимание мышц», которое восходит к лат. *spasmus* «судорога», первоисточником которого является греч. *σπασμός* «спазма, судорога»¹⁰. Отметим, что данный термин часто употребляется и самим князем, и Екатериной II. Кроме того, в письмах императрицы зафиксирован дериват *спазматический*, свидетельствующий о включенности единицы в словообразовательную систему русского языка и о достаточной степени его освоенности русским языком.

Следующее существительное *стапель* впервые фиксируется русскими словарями в середине XIX в.¹¹, встречается в письме 1791 года: «*Великому лесу и Гуте поселены большими слободами и обращены на разные мастерства; по Адмиралтейству, в порте николаевском только что заведенном, построены уже два корабля, а находятся на стапелях два еще линейные фрегата*»¹². Слово заимствовано из немецкого языка, в котором существительное *stapel* имеет значение «помост и устройство для спуска кораблей»¹³. Контекстный анализ позволяет сделать вывод, что в письме речь идет именно о таком устройстве. В эпистолярной литературе слово употребляется в том же значении, что и в языке-источнике, и с указанной семантикой этот субстантив впоследствии вошел в русский язык¹⁴. Следует отметить также, что слово *стапель* отражает звуковые соответствия начального *s* в сочетаниях *st*, *sp*, *sm*, *sl*, *sn*, *sw* в немецком языке и других языках германской ветви, не переживших звуковой трансформации [s]→[ʃ] в подобной позиции, а также в различных диалектах немецкого языка. Кроме того, по всей видимости, рассматриваемая лексема могла быть заимствована письменным путем, так как подобные единицы немецкого происхождения к концу XVIII в. стабилизировали свою форму с начальным *ш*-, ориентированную на литературную немецкую норму¹⁵.

Следующая единица *фальшкиль* отмечается словарями конца XIX в.¹⁶ и употребляется в письме 1790 г.: «*Взятый корабль нынешнюю кампанию*

не поспеет служить: мачты должно переменить и килевать, причем должно надделать *фальшкиль*, чтобы лучше ходил в бойдевинд»¹⁷. Этимологически субстантив восходит к нем. falschkiel «деревянный или металлический брус, прикрепляемый под килем для предохранения его от повреждений или для придания судну большей устойчивости». Структура слова включает в себя два элемента: falsch «ложный» и kiel «киль»¹⁸, что позволяет определить значение лексемы как «ложный киль». В письме автор говорит о приспособлении, которое не несёт на себе главной функциональной нагрузки в устройстве корабля, а является подставным, или, иначе, «ложным», по отношению к основному килю элементу. В силу терминологичности слово не получило распространения в широких кругах русского общества.

Кроме приведенных выше примеров иноязычных единиц в письмах зафиксировано ещё 13 ксенолексем, которые были отражены в словарях более позднего периода. Большинство из этих слов (10 ед.) заимствованы из французского языка (*посессия, ферментация, пароксизм, патриотизм, ресурс, претекст, фанатизм, фанфаронада, эксплозия, ориентироваться*) и по одной единице из немецкого (*форзейль*), польского (*сеймик*) и турецкого (*сераскир*) языков. Большинство иноязычий (6 ед.) лексикографически зафиксированы в конце XIX в. (*посессия, ресурс, сераскир, претекст, фанфаронада, ферментация*)¹⁹, 4 слова отмечены словарями второй половины XIX в. (*ориентироваться, патриотизм, форзейль, фанатизм*)²⁰ и по одному — в начале XX в. (*сеймик*)²¹, в начале XIX в. (*пароксизм*)²² и конце XX в. (*эксплозия*)²³.

Таким образом, включение в научный оборот эпистолярия Г. А. Потёмкина позволяет корректировать данные о времени вхождения в русский язык некоторых иноязычных единиц, их семантике и способствует воссозданию более полной картины словаря русского языка последней трети — конца XVIII в.

Примечания

1. Екатерина II — Г. А. Потёмкин. Личная переписка 1769—1791 / под ред. В. С. Лопатина. — М., 1997.
2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка — Т. 3 / Д. Н. Ушаков. — М., 1935—1940. — С. 739.
3. Екатерина II и Г. А. Потёмкин... — С. 463.
4. Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française / A. Dauzat. — Paris, 1938. — Р. 358.
5. Ушаков Д. Н. Указ. соч. — Т. 4. — С. 422.
6. Екатерина II и Г. А. Потёмкин... — С. 175.
7. Там же. — С. 231.
8. Там же. — С. 237.
9. Там же. — С. 440.
10. Dauzat A. Указ соч. — Р. 679.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 3 / В. И. Даль. — М., 2004. — С. 506.

12. Екатерина II и Г. А. Потёмкин... — С. 456.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 3 / М. Фасмер. — М., 1964—1973. — С. 746.
14. Даль В. И. Указ. соч. — С. 235.
15. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л.: Наука, 1972. — С. 216.
16. Михельсон М. И. Объяснение всех иностранных слов (более 50000 слов), вошедших в употребление в русский язык с объяснением их корней. — Т. 2 / М. И. Михельсон. — М., 1877. — С. 362.
17. Екатерина II и Г. А. Потёмкин... — С. 435.
18. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — М., 2003. — С. 813.
19. Михельсон М. И. Указ. соч.
20. Даль В. И. Указ. соч.
21. Ушаков Д. Н. Указ. соч.
22. Яновский А. Е. Словарь иностранных слов и научных терминов / А. Е. Яновский. — СПб, 1905.
23. Крысин Л. П. Указ. соч.

М. В. ПРОКИНА

Особенности парадигматических отношений русского прилагательного *чистый*

Парадигматические отношения русского прилагательного «чистый» позволили отнести его к группе так называемых эксклюдеров (голый, свободный, пустой) — лексем, семантика которых имеет общекатегориальную сему «отсутствие какого-либо признака», реализующуюся в семантической структуре через открытый ряд «противочленов». Особенности парадигматических отношений прилагательного «чистый» рассмотрены на уровне общекатегориальной семы и ряда «противочленов».

Ключевые слова: слова-эксклюдеры, широкозначность, парадигматические отношения.

В русском языке есть группа прилагательных, так называемых эксклюдеров¹ (*простой, обычный, настоящий, чистый, свободный, голый*). Эта группа слов обладает особой референцией: признаки не включаются, а исключаются из семантической структуры слова. Все слова-эксклюдеры имеют общую категориальную сему эксклюзивности — «отсутствие какого-либо признака». Они обладают широкой семантикой, которая предполагает не только многозначность, но и широкозначность. Слова с широкозначной семантикой выражают предельно обобщенные понятия высокой ступени абстракции, обычно к ним относят глаголы (*брать, делать*) и существительные (*вещь, лицо*). Прилагательные-эксклюдеры близки им, но могут выражать лишь отрицание определенного признака.

Значение слов-эксклюдеров определяется через ряд так называемых «противочленов», т.е. через исключение открытого ряда положительных признаков:

Чистый — «1) не имеющий грязи, не поганный; *перен.* беспорочный, безупречный, без обмана; 2) с не занятой ч.-л. поверхностью; <...> 5) без примесей»². Ряд противочленов может быть продолжен.

Анализ семантической близости слов-эксклюдеров на уровне общей категориальной семы эксклюзивности «отсутствие какого-либо признака» показывает, что их специфические компоненты, выраженные рядами противочленов, не пересекаются (ср. *чистая одежда* — *свободная одежда*, *чистая речь* — *свободная речь* — *пустая речь*). В реальном речевом употреблении случаи замены эксклюдеров наиболее вероятны: *чистый лист бумаги* — *пустой лист бумаги*, *на голом месте* — *на пустом месте*³.

Можно рассмотреть семантическую структуру прилагательного *чистый* через синонимию его противочленов, чтобы определить, каким образом расчленяется это понятие. Синонимы (неабсолютные) выражают только какую-то часть понятия, что позволяет при выявлении их внутренней формы определить те компоненты, которые структурируют понятие. Анализ семантической структуры прилагательного *чистый* позволил выделить следующие синонимические ряды отдельных ЛСВ:

1) *незагрязнённый* (о воде, воздухе, поверхности предметов); *опрятный* (о помещении, одежде); *аккуратный* (о человеке, его внешнем виде, привычках, жизненных установках); *чистоплотный* (о человеке, его привычках, о животных);

2) *незапятнанный*, *кристальный* (о человеке, имени, репутации);

3) *неразбавленный*, *неразведённый*, *несмешанный*, *однородный* (о жидкостях, сыпучих веществах);

4) *незамутнённый*, *прозрачный*, *хрустальный*, *кристальный*, *чистый как слеза* (о воде, стекле, кристалле);

5) *невинный*, *непорочный*, *нетронутый*, *неиспорченный*, *безгрешный*, *целомудренный*, *девственный* (о человеке, его нравственных качествах).

Противочлены и их синонимы в основном имеют прозрачную внутреннюю форму (*незамутнённый*, *незапятнанный*, *безгрешный* и др.), историко-лексикологический комментарий потребовался лексемам *аккуратный*, *опрятный* и стилистически маркированному антониму *неряшливый* (*неряха*).

Опрятный указывает на чистоту только во внешнем виде субъекта. Эта семантическая особенность во многом определяется внутренней формой прилагательного, образованного от существительного типа рус. диал. *опрят* «наведение порядка; уборка», соотносимого с глаголом *опрятать*, *опрятывать* «приводить в порядок, убирать, укрывать и т.п.». Исходное значение связано с понятием уборки, с тем, что сделано тщательно. Древнерусское наречие *опряти* имело значение «скромно, почтительно», отголосок его сохраняется в семантике *опрятный*, подчёркивая скромность и простоту в одежде субъекта, чаще занимающего невысокое социальное положение.

Аккуратный в русский заимствовано через польск. *akuratny* или нем. *akkurat*, восходит к лат. *accuratus* «старательно исполненный, тщательный, точный, обстоятельный; хорошо продуманный», и, являясь отглагольным образованием, указывает не только на внешний вид субъекта, но также на его привычки и жизненные установки.

Семантически центральный признак прилагательного *чистый* «без грязи», естественно, что антонимом будет обозначение этого исключаемого признака — *грязный*. Если оппозиция *чистый* — *грязный* не требует комментариев, то внутренняя форма стилистически маркированного антонима *неряшливый* нуждается в историко-лексическом объяснении.

Неряшливый «не соблюдающий чистоты, порядка» есть производное от *неряха*, которое образовалось из сложения отрицания **ne* и **rexa*, сохранившееся в русском диалектном *ряха* «шеголиха; чистоплотный, опрятный человек», *ряхать* «приводить в порядок, чистить, мыть что-л.»⁴. По происхождению существительное *ряха* — сокращённое производное на -х- от *ряд*, *рядиться* (в диалектах *рядить* «украшать что-л.»). Существительное *ряха* образовано по малоизвестной словообразовательной модели (ср. *пряха*, *сваха*).

Таким образом, прилагательные-экслюдеры имеют характерную организацию семантической структуры и можно говорить об их близости с широкозначными словами, к которым обычно относят глаголы и существительные.

Вторая особенность слов-экслюдеров — слабая синонимичность, так как их референты мало пересекаются. В речи более вероятны случаи взаимозаменяемости экслюдеров, поэтому позволительно говорить о речевых синонимах.

Третьей особенностью парадигматических отношений русского *чистый* является выделение среди противочленов и их синонимов большого количества непроеизводных слов с прозрачной внутренней формой, где явно виден исключаемый признак. Историко-лексикологический комментарий понадобился только для трех лексем: *аккуратный*, *опрятный* и *неряшливый*. Эти лексемы характеризуют с точки зрения чистоты внешний вид, привычки, действие и жизненные установки субъекта.

Примечания

1. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 92—118.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М., 1968.
3. Ломакина О.О. Синонимия экслюдеров // Романо-германские лингвистические исследования и методы преподавания иностранного языка: матер. междунар. конф. — Ч.2. — Томск, ТПУ, 1992. — С. 69—70.
4. Этимологический словарь славянских языков. — Вып. 24. — М., 1997.

Несколько замечаний о категории состояния в древнерусском и древнечешском языках

Данная работа посвящена компаративному анализу категории состояния в двух близкородственных языках. Лексические, словообразовательные и грамматические особенности данных единиц будут рассмотрены в диахроническом ключе.

Ключевые слова: категория состояния древнерусский язык древнечешский язык.

В традиционной трактовке под категорию состояния подводятся неизменяемые знаменательные слова, выполняющие функцию предиката в безличных предложениях и выражающие состояние в широком смысле, например: «*На улице жарко*»; «*Елене нехорошо*»; «*Нам было весело*». Формальная омонимия подобных единиц с определенными наречиями и краткими формами прилагательных обусловила неоднозначную позицию слов категории состояния в грамматической системе русского языка. Рассмотрение данной проблематики в сравнительно-историческом плане, как нам представляется, может выявить языковые факты, способные помочь найти ответы на целый ряд вопросов.

В данной статье мы проанализируем функционирование слов категории состояния в древнерусском и древнечешском языках. В качестве практического материала мы будем использовать разножанровые тексты XIII–XVI вв.

В первую очередь рассмотрим лексические особенности категории состояния. Исследуемые единицы, как известно, семантически характеризуются тем, что выражают состояние в широком смысле, т.е. подобные слова могут обозначать:

1) психическое или физическое состояние человека:

«*По томъ же разболѣся и **тяжко** ему велми бѣ и по том **легчѣе** бысть ему*¹;
*jak sie wam **dobrze** stalo!*»²;

2) состояние природы, окружающей обстановки:

«*Ведрено бо было тогда велми, еще къ тому буря и вихоръ великъ зѣло*»³;
«*Toho léta **teplo** bylo vo Vánociach jako na podletí*»⁴;

3) состояние с модальной окраской:

«*Темъ же **потребно** есть бегати и внимать себе, и бдети и молитися, да не внидемъ во искушение*»⁵;

«*Bát'ò, **třeba** mi s tebu mluvití cosi tajného*»⁶;

4) оценку состояния или действия:

«*бѣ же видѣти **стыдко** и велми **страшно** ругание окааных православно-му христианствѹ*»⁷;

*Bylot by **mrzko** sliseti,
Protoz o ny chczi mlczeti*»⁸.

Необходимо отметить, что ряд слов может входить одновременно в несколько лексико-семантических разрядов, т.е. обозначать, например, эмоциональное или физическое состояние человека и оценку состояния:

«В *лѣто* 6762. *Добро* бѣше християномъ»⁹;

«*И царь говорилъ, чтобы до зимы государь ждалъ для иныхъ недруговъ и для того, что Казанская земля въ великихъ крѣпостехъ, въ лѣсехъ и во езерехъ и в ржавцѣхъ: зимою добро будетъ воевати*»¹⁰.

Это обусловлено лексическим значением подобных единиц, широкое семантическое поле позволяет употреблять данные слова в разнообразных контекстах.

Итак, слова категории состояния как в древнерусском, так и в древнечешском языке способны выражать различные семантические оттенки, однако общим для всех подобных единиц является категориальное выражение семантики состояния.

Изучение слов категории состояния в словообразовательном плане выявило, что единицы анализа представляют собой членимые структуры. Деривационный механизм может быть описан следующим образом: мотивирующая основа + формант -о или -е:

«*И бысть ими промежду мирно, и пропускаше пскович(и) немѣцкыя гости, а немѣцкыи новгородскыя гости пропускаше*»¹¹;

«*Vztytecno gest take vtrpenye blyznym k dobremu przykladu*»¹²;

«*Přemysl stojí v lese a tomu se díváje k svým bojovníkům pověd'al: «Dobře jest tak, neb se musilo tak státi*»¹³.

Заметим, что в качестве мотивирующей основы могут выступать не только имена прилагательные, но и страдательные причастия:

*Батыи же вземъ градъ Козелескъ, и изби вся и не пощадѣ, и до отросятъ ссушихъ млеко, а о князи Василии неведомо есть*¹⁴.

Особой структурой характеризуются некоторые слова с модальной семантикой и слова, генетически восходящие к именам существительным:

«*Аще ти не жалъ очины своя, ни матере, стары суца, и дѣтий своих*»¹⁵;

Přemysl vstřel v zemi otka
řka: «*Žel mi jest, že ste tak ráno přijeli!*
Byste byli tepruv ot Libuše vyjeli,
abych byl mohl tuto úlehl vzorati,
víc by bylo oráči chleba *netřeba* kupovati»¹⁶.

С деривационной точки зрения подобные единицы являются нечленимыми. В обоих языках такие образования представляют собой застывшие формы имен существительных.

Отличительной чертой слов категории состояния в морфологическом плане является отсутствие форм словоизменения. Однако говорить о данном лексико-грамматическом классе как группе неизменяемых слов необходимо с некоторыми оговорками. Некоторые слова категории

состояния способны иметь формы сравнительной и превосходной степени. Категорией степеней сравнения характеризуются единицы, соотносительные с именами прилагательными:

«*Оже бы по моему гаданию, **луче** бы миръ створити и дати старейшинство князю Костянтину*»¹⁷;

«*K tomu kardinál: «**Lepe** jest státi v jednotě cierkve svatě a poslušensťvie*»¹⁸.

Другие слова категории состояния не способны образовывать компаративы и суперлативы.

Итак, мы рассмотрели функционирование слов категории состояния в древнерусских и древнечешских памятниках. Проведенное исследование показало, что указанные единицы обнаруживаются как в древнерусских, так и в древнечешских текстах. Слова категории состояния в обоих языках характеризуются однотипными морфологическими свойствами, выражают сходные семантические оттенки, образуются по одинаковой деривационной модели. Полученные факты позволяют сделать вывод, что мы имеем дело с типологическим явлением, обнаруживающимся в двух близкородственных языках. Формирование категории состояния, таким образом, представляется результатом естественного развития грамматической системы русского и чешского языков.

Примечания

1. Московский великокняжеский летописный свод // Полное собрание русских летописей. — Т. 25. — М.; Л., 1949. — С. 216.
2. Podkoní a žák // Chrestomatie k vývoji českého jazyka / Porák, J. — Praha, 1979. — S. 129.
3. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. — Т. 18. — СПб., 1913. — С. 154.
4. Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického. — Praha, 1959. — S. 319.
5. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. — Т. 9. — СПб., 1862. — С. 214.
6. Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. — Praha, 1958. — S. 111.
7. Московский великокняжеский летописный свод. — С. 155.
8. Smil Flaška z Pardubic. Nová rada // Chrestomatie k vývoji českého jazyka / Porák, J. — Praha, 1979. — S. 123.
9. Новгородская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. — Т. 3. — СПб., 1841. — С. 80.
10. Так называемая Царственная книга // Полное собрание русских летописей. — Т. 13. — М., 1965. — С. 482.
11. Софийская первая летопись. — М., 2000. — С. 345.
12. Tomáš ze Štítného. O sedmi vstupních // Chrestomatie k vývoji českého jazyka / Porák, J. — Praha, 1979. — S. 137.
13. Hájek z Libočan. Kronika česká: výbor historického čtení. — Praha, 1981. — S. 114.
14. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. — С. 59.
15. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. — М.; Л., 1950. — С. 48.
16. Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. — S. 23.
17. Софийская первая летопись. — М., 2000. — С. 226.
18. Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického. — Praha, 1959. — S. 239.

Письма П. А. Румянцева как источник уточнения времени вхождения некоторых иноязычных единиц

Статья посвящена лингвистическому описанию эпистолярия П. А. Румянцева как источника уточнения времени вхождения в русский язык иноязычий. Представлено описание некоторых лексем, время фиксации которых в русском языке относят к более позднему периоду.

Ключевые слова: лингвистический источник, историческая лексикология, иноязычные слова.

В письмах П. А. Румянцева нашли отражение многочисленные иноязычные единицы, датируемые разными периодами вхождения в русский язык. Самые ранние ксенолексемы, зафиксированные в эпистолярии П. А. Румянцева, относятся к X—XI вв. Основную массу иноязычных слов в данном источнике составляют заимствования петровской эпохи.

Верификация данных источника с данными исторических, толковых и этимологических словарей показала, что большая часть зафиксированных в эпистолярии иноязычий вошла в русский язык не позднее XVIII в., однако при определении времени их появления в языке обнаружены несоответствия данных словарей и исследуемого материала. Обратимся к конкретным примерам.

Согласно данным словарей в русском языке слово *бандероль* отмечено с 1803 г.¹, во второй половине XIX в. было зафиксировано в словарях в значении «перевязь военная, ремень через плечо сверх мундира для носки оружия»². Широкое распространение лексема получила в течение XIX в. Субстантив *бандероль* в эпистолярии П. А. Румянцева встречается один раз в письме к Екатерине II, датированном 1777 г.: *«Конному — к общему в немецком платье палаш, а в венгерском — сабля, к особенному немецким — карабин настоящий, венгерским — самой короткой препорции, и некоторым пики с бандеролей, или значком по цвету полковому»*³. Это слово заимствовано из французского языка *banderole*, «перевязь; ружейный ремень»⁴, который восходит к фр. *bande* «лента, полоса, бинт, повязка, бандаж»⁵. В данном контексте единица употребляется в значении «ремень через плечо сверх мундира для носки оружия»⁶. С XX в. слово *бандероль* в толковых словарях фиксируется в нескольких значениях: «бумажная обёртка в виде широкой ленты или конверта»; «небольшое почтовое отправление в бумажной обёртке»; «ярлык на товаре в знак уплаты акциза или пошлины»⁷. Многозначность ксенолексемы, на наш взгляд, можно объяснить, с одной стороны, полисемантической природой слова в языке-источнике, которым выступил французский язык, где субстантив имеет следующие значения: «вымпел, флажок; перевязь; ружейный ремень; лента с надписью, повязка». С другой стороны, есть вероятность вторичного заимствования этого слова в более поздний период из немецкого *Banderole*

«бандероль (почтовая)»; «бандероль (акцизная), ярлык с акцизной печатью»⁸. Мы можем судить, что письма свидетельствуют о более раннем периоде (последняя треть XVIII в.) появления в языке существительного *бандероль* и позволяют делать вывод о его семантике на начальном этапе функционирования в языке. В первый период вхождения источником заимствования был французский язык, однако на формирование его семантики мог воздействовать и немецкий язык, чье влияние на русский язык в течение XVIII в. было не менее сильным.

В русском языке субстантив *актирование* распространяется и фиксируется словарями в середине XX в. в значении «составить акт с целью удостоверить наличие или отсутствие чего-нибудь»⁹. В эпистолярной П. А. Румянцевой слово *актирование* встречается один раз в его письме Екатерине II, датированном 1777 г.: «Аммуницию на людей в суммах, ладунах, перевезях и португезах, а на лошадей седла, чепраки, оголовье, удила и стремена определить по свойству их одеяния и **актирования**, к немецкому — немецкую, венгерскому — венгерскую»¹⁰. Рассматриваемый субстантив является дериватом глагола *актировать*, образованным с помощью суффикса -ни- со значением результата действия. Следует полагать, что глагол образован от субстантива *акт*, заимствованного из латинского *actus* «акт, действие» через немецкий *Akte* «акт, бумага, документ»¹¹. Моделью для оформления послужили глаголы немецкого и реже французского происхождения, которые в процессе адаптации на русской почве получали суффикс -ировать. В данном контексте слово, по всей видимости, употребляется в значении «составление акта классифицируемого предмета по определенным признакам». Указанное лексическое значение близко к тому, которое дается в современных словарях русского языка: «актирование — составление акта с целью установить наличие или отсутствие чего-либо»¹². Именно в этом значении существительное сохранилось в русском языке.

Согласно данным словарей в русском языке слово *растаг* известно с середины XVIII в.¹³ Словарями исследуемая единица зафиксирована в конце XVIII в. в значении «отдых, стоянка». Слово *растаг* / *растах* встречается в исследуемом источнике два раза. Первый случай фиксации отмечен в письме В. В. Фермору, датированном 1758 г.: «Я от Конница выстуя 11 июня, марш мой продолжал до местечка Цимпельбург, а от Цимпельбурга 12-го до Любзнец, где имел **растах** 13-го»¹⁴. Второй случай употребления зафиксирован в письме 1773 г. Екатерине II: «Положа сие намерение, перешёл и я с главным корпусом армии 5-го сего месяца чрез реку Ялоницу и следовал без **растагов**, ведя наравне с своим ходом по Дунаю от Гирсова и приведённые для переправы суда к той же Гуробальской высоте <...>»¹⁵. Рассматриваемое слово восходит к немецкому *Rasttag* «дневка, суточный отдых» и используется П. А. Румянцевым в данном контексте как эквивалент русского субстантива *привал*. Автор

употребляет представленную единицу в значении, аналогичном немецкому источнику «дневка на марше»¹⁶. Использование иноязычной единицы при наличии русскоязычного эквивалента может быть следствием того, что Румянцев долгое время обучался в Берлине и хорошо владел немецким языком, который оказывал влияние на его речь. Ещё одной причиной может быть терминологичность слова, так как оно употребляется преимущественно в текстах военной тематики. Следует отметить, что рассматриваемая единица появляется в словарях к концу XVIII в., но в представленном источнике фиксируется в середине XVIII в., что говорит о более раннем этапе вхождения ксенолексем в русский язык.

Исследование текста писем П.А. Румянцева позволило нам выделить в общей сложности 5 единиц, время фиксации которых согласно данным словарей относится к более позднему периоду (кроме рассмотренных выше единиц, в источнике отмечены ещё два субстантива турецкого происхождения: *сераскир*, *рейз-эфенди*). Эти единицы встречаются в письмах, датированных второй половиной XVIII в. Слово *сераскир*, как и *рейз-эфенди*, сохранило статус варваризма, обозначая турецкую реалию. Источником других слов являются немецкий (*активирование*, *рас-таг*) и французский (*бандероль*) языки.

Таким образом, рассматриваемый материал показал, что исследуемый источник информативен для решения одного из ключевых вопросов исторической лексикологии при изучении заимствованных слов, а именно определение времени вхождения и семантики единиц на начальном этапе их функционирования в принимающем языке. Данные источника свидетельствуют о более раннем времени фиксации в языке некоторых слов. Также исследуемый материал помогает определить первичную семантику слов (*бандероль*). Таким образом, включение в научный оборот писем П.А. Румянцева позволяет скорректировать несоответствия и дополнить данные словарей, что позволит составить более полную картину состояния словаря русского языка второй половины XVIII в.

Примечания

1. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — Т. 1. — М.: Рус. яз., 1999. — С. 70.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — Т. 1. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. — С. 45.
3. Капитонов А. П. Сборник Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания / А. П. Капитонов. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 54.
4. Черных П. Я. Указ. соч. — С. 70.
5. Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française / A. Dauzat. — Paris, 1938. — P. 49.
6. Капитонов А. П. Указ. соч. — С. 54.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 20-е изд. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1989. — С. 18.

8. Большой немецко-русский словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-9371.htm> (дата обращения 24.03.2014).
9. Там же. — С. 59.
10. *Капитонов А. П.* Указ. соч. — С. 55.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — Т. 1 / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1964—1973. — С. 20.
12. МАС [Электронный ресурс]. — URL: <http://mas-dict.narod.ru/> (дата обращения: 15.03.2014).
13. *Виноградов В. В.* История слов [Электронный ресурс]. — URL: <http://wordhist.narod.ru/rozdi.html> (дата обращения: 15.12.2013).
14. *Капитонов А. П.* Указ. соч. — С. 79.
15. Там же. — С. 139.
16. Там же. — С. 292.

В. Ю. СКИРНЕВСКАЯ

«Море» в истории и мифологическом сознании греков

Рассматривается значение моря в жизни греков, и появление пласта морской лексики. На фоне существования мифологического сознания семантический ряд тематики «море» реализуется в культовых именах (Посейдон).

Ключевые слова: этимологический анализ, мифологическое сознание.

Изучение семантической группы «море» в греческом языке невозможно без погружения в культурную и экономическую жизнь античного мира, а также рассмотрения эволюции сознания эллинского народа, начиная с ранних этапов его развития.

Если посмотреть на карту Греции, то можно отметить главную географическую особенность — близость к морю. И действительно, невозможно представить жизнь греков без моря. Однако такое представление родилось не сразу. Греки как один из народов, носителей индоевропейской культуры, не являются коренным населением Пелопоннеского полуострова. Вопрос этногенеза и глоттогенеза греческих народов вызывал большие споры и возникновение различных теорий. Ю. В. Откупщиков в исследовании, посвящённом догреческому субстрату¹, приводит краткие характеристики гипотез о появлении греков и возникновении греческого языка. Большинство исследователей считает (и эта гипотеза стала традиционной), что греки пришли на полуостров с севера и вытеснили (или ассимилировали) племена, проживающие там ранее (пеласгов, например). В доказательство этому приводятся данные археологических раскопок и связанных с ними исследований. Разделённая на две составляющие (во-первых, происхождение народа, во-вторых, происхождение языка), эта проблема имеет и другие решения. Среди них — теория «дорического вторжения» (приход греков с севера, традиционная) (Дж. Грот и др.), прибытие из

Малой Азии (Hencken, Mellaart, Pisani и др.), автохтонность греческих племен (Valmin) и некоторые другие.

При наличии такого количества теорий следует остановиться на ряде фактов. С одной стороны, это существование некоего догреческого субстрата до установления господства греческого языка на данных территориях. С другой стороны, не вызывает сомнений и приход грекоговорящих племен на территорию полуострова. Возвращаясь к исследуемому вопросу, стоит говорить о том, что смена обстановки жизни привела к появлению новых реалий, что вызвало изменения на языковом уровне, так как потребовало номинации. Вопрос о путях номинации, способах и условиях, в которых она происходила, становится целью данного исследования.

«Материковый» характер жизни греческих племён сменился при выходе к морским берегам полуострова, что привело к возникновению потребности осмысления новых явлений окружающего мира — в языке проявилось в появлении целого пласта «морской» лексики. Немаловажную роль в этом играет мифологическое сознание древних греков, которое неотъемлемо для развития зачаточных представлений о мире. Синкретизм сознания проявляется в неотделении себя от одушевлённого мира вещей и явлений. А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» говорит о том, что миф представляет собой подлинную и действительную реальность в сознании древнего человека: «Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми её надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей её реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность»².

Влечение к широте водного пространства и страх перед необузданной морской стихией рождали на фоне мифологического восприятия мира культ водного божества, проявляющегося в разных ипостасях в разные периоды развития сознания. В современном научном представлении о мифологии древних греков, наряду с более частными проявлениями морских явлений и божеств — нимф, океанид и других, выделяются три божественные сущности, в разной степени осмысленные греками: Посейдон, Понт и Океан. В рамках статьи мы рассмотрим происхождение и культурное бытование культа Посейдона на территории Греции и в языке.

Нет единого мнения по поводу возникновения этого имени. Однако божество было известно ещё в крито-микенскую эпоху, о чём свидетельствуют глиняные таблички со списком жертвоприношений для богов, найденные в Пилосе (po-se-da-o-ni) и Кноссе (po-se-da-[o-ne])³. Близость моря способствовала развитию морских культов, которые выразились наряду с религией и в светской жизни, через употребление морских мотивов для украшений панелей и фриз дворцов и использование их в вазописи. Расселившиеся позднее греки не могли не реагировать на существование уже готовых образов, при учёте более низкого развития

культуры пришлых племен. Представления греков о божестве в эпоху расцвета героических мифов изменились, откуда множественность эпитетов, употребляемых античными авторами, и разница в почитаемости культа.

Х. Фриск приводит в словаре⁴ несколько версий этимологии слова. Так, Kretschmer, а за ним и Schwyzer рассматривают Poseidon как форму от PotedaFon, где F (дигамма) — одна из букв архаического алфавита, утрата которой и привела к стяжению -don, -dan. Форма происходит из Posi-, где -s- сменила -p-: Poti-. Превалирующий элемент pot, встречающийся в греческих словах: poton, н *влага*, potamos, м *река*, potisdo *давать пить*, *поить*, в латинском poto *пить*. Видна тесная связь происхождения слова с водной стихией, интерпретация «бог вод» согласно этому рассмотрению выглядит вполне убедительно.

Ряд представлений сохраняет за Посейдоном значение плодородия земли, пропитанной влагой. Отсюда версия о дорийском происхождении слова — «супруг земли» в именительном падеже. На это указывают П. Кречмер и И. Б. Гофман: Poteidan — pot=ros, корень слова указывает на «супружество» (posis — муж,супруг) и da=ga, «земля» (*дор.* земля) или в звательном падеже (И. Б. Гофман) (эпитет в «Одиссее» Гомера — «колебатель земли» (V. 366), «земледержец» (gaiaohos) (I. 68)).

В имени Посейдона видят воплощение текучей плодородной сущности, которая выражена в застывшей форме ритуального обращения: «владыка вод» (А. Карнуа, А. Хойбек), так как дорийск. Poteidan разлагается: potei, «владыка» в звательном падеже, и прилагательное daon, «водный», «водяной» в звательном падеже, образованное от индоевропейского корня da-, danu-, указывающего на влагу и реку (ср. осет. *Донбеттыра*, наименования рек Дон, Днепр, Дунай).

Этимологию имени «Посейдон» на современном этапе развития науки нельзя считать завершённой. Множественность трактовок говорит о сложности рассматриваемого явления и необходимости подробного рассмотрения данного вопроса как в узких исследованиях (этимологический анализ каждой единицы морской лексики), так и в обобщающем ключе (поиск и выявление закономерностей номинации явлений действительности). Для такого понимания вопроса важно обращение как к языку, так и к культурно-историческому фону, на котором разворачивались языковые процессы.

Примечания

1. *Откупщиков Ю. В.* Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации / Ю. В. Откупщиков. — Л.: Изд-во ленингр. ун-та, 1988. — С. 4–5.
2. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 2001. — С. 40.
3. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период / сост.: В. П. Казанскене, Н. Н. Казанский. — Л., 1986. — С. 143.
4. Здесь и далее изложение этимологии имени согласно изданию: *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch / H. Frisk. — Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960. — S. 583–584.

«Одр» и «кровать»: сходства и отличия (историко-семантический аспект)

Рассматривается вопрос об истории слов «одр» и «кровать», прослеживается эволюция их значений, выявляются общие и дифференциальные семы в их семантической структуре.

Ключевые слова: история слова, эволюция значения, предметы мебели.

Любое слово отражает те изменения, которые происходят в жизни человека, обществе, культуре, и имеет свою собственную, неповторимую историю. По мнению Р. А. Будагова, эта история включает в себя все этапы существования слова с момента его возникновения в языке (диахронный уровень) до его современного состояния и положения в лексической структуре языка в целом (синхронный уровень). По словам Л. В. Щербы, каждое мало-мальски сложное слово в семантическом отношении «должно быть предметом научной монографии». Именно поэтому рассматриваемые нами лексемы «одр» и «кровать», относящиеся к одному синонимическому ряду (кровать — ложе — постель — полати — одр — нары — гамак — койка), заслуживают столь пристального внимания с нашей стороны.

Только при сопоставлении двух лексических единиц и выявлении сходных черт и различий в их семантической структуре можно выявить их специфические стилистические особенности, особенности в употреблении и культурные и исторические предпосылки их возникновения. Таким образом, цель нашего исследования — проследить эволюцию двух лексем, выявить точки соприкосновения и различия в их значениях.

Главным словом в данном синонимическом ряду на современном уровне является лексема «кровать», так как она является стилистически нейтральным и наиболее общим по лексическому значению членом данного ряда.

Как референт, реально существующий объект действительности, кровать появилась ещё во времена египетских фараонов, при этом кровати имели довольно причудливые формы, напоминающие тела животных. Сама кровать состояла из деревянной рамы с натянутой на ней сеткой, с ножками в виде лап животных и была предназначена только для фараонов, а в древнем Риме каркас кровати изготовлялся из дерева с инкрустацией слоновой костью или металлом (чаще всего — бронзой), даже из золота и серебра. О времени происхождения одра как денотата нет точных данных, однако можно предположить, что он появился многим позднее. Однако несмотря на это, семантическую историю двух слов можно охарактеризовать как значительное расширение значения с последующим резким его сужением. К такому заключению мы пришли на основании следующих фактов.

Лексема «одр» зафиксирована в письменном источнике раньше, фиксация датирована VIII в.: «*въ клЕти одръ твоихъ*»¹. Слово «*кровать*», в свою очередь, появилось на Руси не позже XII в.: в одном из важнейших памятников древнерусской литературы — «Слове о полку Игореве» — употребление данного слова зафиксировано дважды: «*одевахуть мя — рече — черною пополомоу на кровати тисове...*», «*И схоти ю на кровать и рекъ...*». Значение двух лексем на данном этапе почти одинаково, слова объединяет общая сема «спальное место».

В XI в. для лексемы «одр» характерны уже два значения: «ложа, кровати, скамьи» и «лёгкой переносной кровати, используемой как носилки: «возьми одръ свои и иди в домъ твои» (Остромирово Евангелие, 1057)². В XII в. появляется новое ЛЗ: приспособление с решёткой, установленное над огнём (использовалось как орудие пыток): «*в одръ лежить желЕзенъ*»³. *Кровать* же в XII—XIII вв. понимается только как «ложе, спальное место»⁴.

Однако уже к XIV—XV в. кровать приобретает еще одно новое значение: «крытые носилки; паланкин»⁵. Впервые это значение было зафиксировано в «Хождении Афанасия Никитина» — письменном источнике XV в. Таким образом, появляется еще одна общая сема для двух лексических единиц: «носилки». В свою очередь, в это же время семантическая структура слова «одр» расширяется за счёт нового значения — «спальня»: «*в аще не не помЕтаеть одра дважды днемъ*»⁶.

В XVI—XVII вв. внутренняя структура каждой из лексем ещё больше расширяется, наращиваются дополнительные специализированные значения: для *одра* — «железные орудия либо инструменты», «кузов телеги, дроги с настилом», «большая телега для возки снопов» (XVI в.)⁷; для *кровати* — «приспособление в виде полок, нар для хранения оружия», «деревянный настил с внутренней стороны крепостной стены», «настил на деревьях для наблюдения» (XVII в.)⁸. Появление столь большого количества значений обусловлено общим для двух лексем историко-культурным контекстом и сильным влиянием экстралингвистических факторов. Для нас же наиболее важным является тот факт, что в это время актуализировалась еще одна общая сема: «настил».

XVIII в. для истории слов можно охарактеризовать как «переломный» или «переходный»: можно наблюдать процесс резкого сужения области значения и слова *одр*, и слова *кровать*. Для лексемы *одр* по-прежнему актуально значение «ложа, постели», однако появляется и новое — «погребальные носилки», оба значения равнозначны, существуют наравне друг с другом. Расширяются типы синтагматических отношений: например, одр болезни, брачный одр. Наиболее интересное словосочетание, в будущем перешедшее в ранг фразеологизмов, — смертный одр. Кровать же имеет следующие значения: «предмет мебели для сна, на который кладутся постельные принадлежности», «предмет мебели

вместе с постельными принадлежностями; ложе, постель». В речи также реализуются словосочетания «висячая, разборная, дорожная кровать». Можно утверждать, что именно с конца XVIII в. наблюдается видимое стилистическое расхождение между двумя синонимами, формируются сферы их употребления: лексема *кровать* реализуется во всех стилях как в письменной, так и в устной речи; слово *одр* употребляется преимущественно в художественных текстах и специфическом фразеологическом выражении «смертный одр».

В XIX в. круг значений лексем ещё больше сужается. В текстах середины века можно наблюдать параллельное существование двух значений слова «одр» (постели и фразеологизма «смертный одр»), однако уже к концу XIX — началу XX в. лингвистическая ситуация меняется, так как прямое значение постепенно вытесняется переносным. Эту тенденцию удалось выявить, изучив около ста поэтических текстов, взятых из Национального корпуса русского языка, начиная с XVIII (творчество И. Ф. Богдановича, В. Майкова, И. И. Дмитриева) и заканчивая XX в. (тексты В. В. Маяковского, М. А. Волошина и др.), в которых употреблялась данная лексема. Лексическая структура слова «кровать» так же постепенно утрачивает узкие периферийные значения, и к началу XX в. употребляется преимущественно в одном значении: «спальное место».

В XX в. завершается процесс сужения значений, конкретизируется структура и чётко определяется сфера реализации каждой из лексем. Для «одра» БАС выделяет два значения: «постель, ложе», куда относится и выражение «на смертном одре», и «носилки для выноса покойника»⁹. Для кровати остается актуальным основное значение — «предмет домашней обстановки, предназначенный для сна»¹⁰. Однако по прошествии всего нескольких десятков лет МАС уже помечает одр как устаревшее слово и особо выделяет словосочетание «на смертном одре», эти же значения сохраняются и в СРЛЯ. Кровать также сохранила в настоящее время одно главное значение: «предмет мебели, служащий для сна»¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что существительное «кровать» дошло до настоящего времени в одном значении, является общепотребительным, стилистически нейтральным. Лексема «одр» дошла до нас в двух значениях и в системе современного русского языка является архаизмом, употребляется преимущественно в художественных текстах, поэтической речи, следовательно, является стилистическим синонимом. В разговорной речи почти не реализуется, за исключением употребления в составе словосочетания «смертный одр» в значении: «гроб, постель умирающего».

Лексемы имеют похожую историю формирования основного значения и сходные пути наращивания дополнительных значений: «спальное место, предмет для сна» (как ядро значения) прирост семы «носилки» — прирост семы «настил» (для лексемы одр в значении «дно телеги»,

для кровати — деревянное дно в укреплении) — постепенная утрата приобретенных значений — формирование и конкретизация основного значения. Эти процессы можно объяснить изменением самой культурно-исторической обстановки и её влиянием.

Примечания

1. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. — Т. 2 / И. И. Срезневский. — М., 1989. — С. 622.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. — Т. 12. — М., 1981. — С. 294.
3. Там же.
4. *Срезневский И. И.* Указ. соч. — Т. 4. — С. 299.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. — Т. 8. — М., 1981. — С. 61.
6. *Срезневский И. И.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 622.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. — С. 294.
8. Там же. — Т. 8. — С. 62.
9. Большой академический словарь русского языка. — Т. 13. — М.; Л., 2009. — С. 568–569.
10. Там же. Т. 8. С. 654.
11. *Кузнецов С. А.* Современный толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб., 2002. — С. 301.

С. ДУШЧУЛУУН

Тире в текстах русского и монгольского языка: проблемы перевода.

Рассматриваются случаи постановки тире в русских художественных текстах и способы перевода контекстов, содержащих тире, на монгольский язык. На материале данного знака препинания разрабатывается сопоставительный анализ пунктуации русского и монгольского языка (функциональный и стилистический аспекты).

Ключевые слова: пунктуация, тире русский и монгольский литературные языки; перевод.

Тире — знак препинания, употребляющийся в простом и сложном предложении и выполняющий разнообразные функции, объединяемые инвариантным семантико-синтаксическим разделением-выделением¹. Ученые выделяют разное количество функций², справедливо полагая, что «диапазон употребления тире действительно широк: во-первых, это фиксатор всевозможных грамматических пропусков, тире заполняет эти словесно пустые места; во-вторых, при отсутствии лексико-грамматических средств выражения (при бессоюзии) тире способствует передаче на письме особых смысловых отношений — условно-временных и следственных, в устной речи эти значения передаются интонационными средствами; в-третьих служит цели создания эмоционально экспрессивных качеств речи»³. В исследовании Б. С. Шварцкопфа⁴ выделяются три основные функции тире. Собственно грамматические функции тире реализуются при следующих условиях: 1) в случае эллипсиса в структуре

предложения, в том числе между подлежащим и имеемым сказуемым без связки; 2) перед обобщающим словом, заключающим перечисление однородных членов предложения; 3) при прямой речи и в диалоге. Часто мы встречаемся с употреблением тире, которое не обосновано какими-либо правилами, то есть, не общеобязательно, что обычно рассматривается как «проявление индивидуального стиля автора, связанное с его манерой строить предложение и выражать синтаксическими средствами тонкие оттенки своих мыслей»⁵.

Анализируя современную практику употребления тире в текстах разной функциональной направленности, исследователи отмечают, что настоящее время тире ведет себя явно наступательно по отношению к другим знакам, заметно вытесняя в некоторых позициях двоеточие и запятую⁶. Например, в бессоюзном предложении при обозначении причины, пояснения, обоснования во второй части, в сложноподчиненных предложениях в случаях когда в главной части есть слова, предупреждающие о разъяснении (по правилам здесь должно быть двоеточие) и др. Однако «практика такого широкого употребления тире вместо двоеточия отнюдь не свидетельствует о том, что в тех же условиях уже не можем стоять обычный знак: параллельное свидетельство о наметившейся тенденции и, следовательно, в данное время о возможности выбора знака — более традиционного, строгого, «академического» (двоеточия) и нового, более вольного, энергичного и экспрессивного (тире). Выбор зависит от характера текста, манеры изложения, наконец, от авторской привычки, но ясно одно — сдерживать наступательное движение тире уже нельзя»⁷.

Спектр функций тире, актуальных для современных текстов монгольского языка, выглядит более компактно, и сам знак препинания в этих текстах менее востребован. Ц. Дамдинсүрен отмечает как случаи совпадения этих функций с подобными в русской пунктуации так и специфичные для монгольских текстов⁸. К первой группе относится постановка тире перед обобщающим словом после перечисления, в случае выражения подлежащего и сказуемого словами одной части речи, тире при пропуске сказуемого, при указании на пространственный или временной промежуток, во второй следует особо выделить использование тире в функции указателя подлежащего. При этом знак препинания может быть заменён лексическими средствами, и если подлежащее получает специальный указатель, использование тире становится избыточным. Показатели подлежащего — *хэмээгч, гэж, гэгч, гэдэг, чинь, бол, болов, ч, маань* и др. — в большинстве являются частицами глагольного происхождения. Например: *Жизнь в страхе — худшая жизнь человека / Үргэлж айж амьдрах хүний адгийн амьдрал*.

Устранение тире и его замена специальными лексическими средствами часто наблюдается при переводе русских художественных

текстов на монгольский язык. Сопоставим исходный русский текст с использованием тире и перевод на русский язык его монгольской версии, максимально приближенный к монгольскому тексту.

Тире между подлежащим и сказуемым. 1) Считается, что лучшая лучшая похвала для подвесного лодочного мотора — это сказать, что он работает, «как швейная машина» (Паустовский) / Завины хөдөлгүүрийг «Оёдлын машин» шиг л ажиллаж байна гэвэл түүнийг хамгийн дээд зэргээр магтаж байгаа нь тэр / Сказать, что лодочный мотор работает «как швейная машина», считается лучшей похвалой для него. При переводе текста Паустовского на монгольский тире заменяется дицендиальным связующим словом гэвэл. Формы глагола гэр 'говорить', теряющие своё исходное лексическое значение и выступающие в функции связующих средств (союзов и союзных слов), являются показателями синтаксических отношений в сложноподчинённом предложении и составляют важнейший элемент его структуры. Таким образом, синтаксическая структура и пунктуационное оформление предложения русского текста изменяются при сохранении исходного смысла. 2) *Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору* (Бунин) / Намар болж хаан ширээний баярын цаг ойртсон энэ үед улс амьтан ажлаа эмхлэн цэгцэлсэн, санаа сэтгэл тэнүүн, тосгоны нүүр царай бусад үеийнхээс шал өөр болсон байдаг билээ/ **Настала** *пора престольных праздников* *осень, народ в это время прибран, доволен, и вид деревни совсем не тот, что в другую пору.* Отметим, что при переводе на монгольский тире аннулируется и заменяется сказуемым **настала**. На его месте мог быть другой фазовый или бытийный глагол, указывающий на начало процесса или наличие явления, восстанавливающий предполагаемый смысловой компонент.

Тире при пропуске повторяющегося сказуемого. *По левому берегу тянулся лес, по правому — заросли лозы, переплетенные густой сеткой ежевики* (Паустовский) / Мөрний зүүн эрэг дагуу дан ой мод үргэлжилж, баруун хөвөөгөөрөө үзмийн ороонго, бөөрөлзгөний эгнээ мод битүү ургажээ/ По левому берегу тянулся лес, по правому разрослась лоза, переплетённая густой сеткой ежевики. В русском тексте тире употребляется в неполном предложении при пропуске сказуемого, которое восстанавливается из контекста по смыслу. Устранение сказуемого как такового проблематично для монгольского текста, поскольку оно является предикативным центром предложения и без него сама синтаксическая единица невозможна. При переводе тире отсутствует и заменяется синонимичным сказуемым во избежание словесного повтора. Таким образом, текст, с точки зрения переводчика, приобретает большую определённую, но теряет динамичность синтаксиса. Похожие случаи обнаруживаются в переводах текстов И. С. Тургенева, И. А. Бунина: *Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же — к людям, к обществу*

(Тургенев) / Калиныч нь байгаль ертөнцөд ойр байдаг бол, Хорь хүн, ний гэмд ойр байна / *Калиныч стоял ближе к природе, Хорь стоял (был) ближе к людям, к обществу; Сад у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkками и яблоками, а дом — крышей* (Бунин) / Эгчийн цэцэрлэг- өтгөн саглагар, гургалдай, хүтгээ шувуу, алимаараа алдартай, байшин нь дээврээрээ гайхуулдаг билээ/ *Тёткин сад славился своей запущенностью, соловьями, горlinkками, а дом удивлял своей крышей* (Бунин).

Тире при особовлении согласованных определений.

1) *Небо было затянуто мглой сизой и настолько плотной, что через нее не просвечивали чёрные клубы грозовых туч и характерные облачные валы с рваными желтыми космами, спускавшимися до самой земли* (Паустовский) /Тэнгэр улмаар бүрхэж шар хиаз бүхий хэсэг хэсэг хар үүл хурдлан газар тэнгэр ялгагдамгүй боло/ *Небо было затянуто мглой, налетели чёрные клубы грозовых туч с жёлтыми космами, небо слилось с землёй.* Переводчик сохраняет общий смысл текстового фрагмента (описание грозы), но отказывается от конструкции с тире, упрощая как синтаксический, так и образный строй (в тексте Паустовского выделены пропущенные компоненты).

2) *Их слушали только листья, птицы да небо — бледное и застенчивое псковское небо* (Паустовский) / Түүнийг нь цэцэг навчис, шувуу жигүүртэн, нь цэцэг навчис, шувуу жигүүртэн, маалинга тарисан талбай шиг бүдэг цэнхэр Псков нутгийн тэнгэр сонсон баясч байдаг буюу / *Их слушали только листья, птицы да бледное-синее псковское небо, похожее на хлопковое поле.* Тире при словесном повторе, выполняющее функцию логической актуализации, интонационного выделения фрагмента высказывания, устраняется, авторский перевод содержит цветообозначение (бледно-синее небо) и сравнение (похожее на хлопковое поле), отсутствующие в исходном тексте и включённые в текст перевод целью уточнения смысла.

Тире при уточнениях, вставных конструкциях при переводе, как правило, не сохраняется, так как подобные синтаксические конструкции не встречаются в монгольских текстах: 1) *Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые цветные: синие и лиловые* (Бунин) / Байшин нь цэцэрлэгээр хүрээлэгдэж, цонхных нь шилний дээд тал хөх, хөх ягаан өнгөтэй болохоор бүх өрөө нь зарцын зочны том тасалгаа гэлгүй цөм бүүдгэр сэрүүхэн байдаг ажээ/ *Дом окружён садом, верхние стёкла окон синие и лиловые, поэтому во всех комнатах, в лакейской, в гостиной, в зале сумрачно и прохладно;*

2) *Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, — первый признак богатой деревни, — и были все высокие, большие и белые как лунь* (Бунин) / Выселкийн өвгөд эмгэд их урт насалдаг бүгдээрээ өндөр том

биетэй, сар шиг цагаан байдаг нь баян тосгоны шинж тэмдэг билээ / *То, что в Выселках подолгу живут старики и старухи, высокие, большие и белые как лунь, первый признак богатой деревни.*

Таким образом, функции тире, представленные в русских текстах, как и сам знак препинания, не всегда находят отражение в переводах на монгольский язык, что связано с большей регламентированностью постановки тире в предложениях в монгольской пунктуации, со стремлением к большей выраженности смысла с помощью словесных, а не интонационных средств и контекста, восстанавливающего пропущенный член предложения.

Примечания

1. Ахманова О. С. Тире // Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 479
2. Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации. Л. 1962. С. 30–34; Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003. С. 265 и др.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003. С. 266
4. Шварцкопф Б. С. Тире // Русский язык: Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 562.
5. Шапиро А. В. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1974. С. 187
6. Иванова В. Ф. О первоначальном употреблении тире в русской печати. М979; 236–253; Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003. С. 263–265; Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М., 2004. С. 121–125
7. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М., 2004. С. 125
8. Ц. Дамдисурен. Полное собрание сочинений. Улан-Батор, 2008. Т. 4. С. 169.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапова Нина Александровна, ТГУ, кандидат филологических наук

Акентьева Ксения Алексеевна, ТГУ, студентка. Научный руководитель:
Эмер Юлия Антоновна, доктор филологических наук, доцент

Андреева Т.Л., ТГУ, доцент

Алтухова Людмила Александровна, ТГУ, магистрант, 1-й год обучения.
Научный руководитель: *Верхотурова Наталия Александровна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Багринцева Ксения Андреевна, ТГУ, студентка, 4-й курс. Научный руководитель: **Андреева Т.Л.**, ТГУ, доцент

Бадмаева Маргарита Аюшеевна, ТГУ, магистрант, 1-й год обучения.
Научный руководитель: *Старикова Галина Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент

Башмакова Евгения Сергеевна, ТГУ, аспирант, 1-й год обучения. Научный руководитель: *Крюкова Лариса Борисовна*, кандидат филологических наук, доцент

Берестова Екатерина Анатольевна, ТГУ, аспирант. Научный руководитель: *Иванцова Екатерина Вадимовна*, доктор филологических наук, профессор

Бжицких Анастасия Николаевна, НГПУ, магистрант, 1-й год обучения.
Научный руководитель: *Шатин Юрий Васильевич*, доктор филологических наук, профессор

Борисова Ксения Михайловна, ТГУ, студентка. Научный руководитель:
Гынгазова Людмила Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент

Боровкова Анастасия Вячеславовна, ТГУ, аспирант. Научный руководитель: *Юрина Елена Андреевна*, доктор филологических наук, доцент

Будашкаева Арюна Викторовна, *Бурятский государственный университет, студентка, 4-й курс.* Научный руководитель: *Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Ван Сяохуань, *ТГУ, ШПУ (Китай), аспирант, 3-й год обучения.* Научный руководитель: *Крюкова Лариса Борисовна*, кандидат филологических наук, доцент

Васильева Алина Вячеславовна, *ТГУ, студентка, 3-й курс.* Научный руководитель: *Резанова Зоя Ивановна*, доктор филологических наук, профессор

Веснина Галина Юрьевна, *ТГУ, студентка, 5-й курс.* Научный руководитель: *Дронова Любовь Петровна*, доктор филологических наук, профессор

Гармажапова Бэлигма Дагдановна, *Бурятский государственный университет, студентка, 4-й курс.* Научный руководитель: *Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Гоу Шаньшань, *ТГУ, ШПУ (Китай), студент.* Научный руководитель: *Старикова Галина Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент

Грекова Марина Владимировна, *ТГУ, магистрант, 2-й год обучения.* Научный руководитель: *Юрина Елена Андреевна*, доктор филологических наук, профессор

Дашиева Людмила Баторовна, *Бурятский государственный университет, студентка, 4-й курс.* Научный руководитель: *Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Де Биазе Роберта, *ТГУ, у-т Л'Ориентале (Италия), студент.* Научный руководитель: *Банкова Татьяна Борисовна*, доктор филологических наук, профессор

Душчулуун С., *ТГУ, соискатель.* Научный руководитель: *Гарганеева К. В.* кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Иванова Людмила Андреевна, *ТГУ, магистрант, 1-й год обучения.* Научный руководитель: *Гынгазова Людмила Георгиевна*, кандидат филологических наук, доцент

Кабанова Наталья Витальевна, *КемГУ, студентка, 5-й курс*. Научный руководитель: *Кишина Елена Валерьевна*, кандидат филологических наук, доцент

Карпова Наталия Александровна, *ТГУ, доцент*.

Картофелева Наталья Фёдоровна, *ТГУ, студентка, 4-й курс, факультет информатики*. Научный руководитель: *Агапова Нина Александровна*, ассистент, преподаватель

Ковальчук Анна Николаевна, *ТГУ, магистрант, 2-й год обучения*. Научный руководитель: *Наумов Валерий Геннадьевич*, кандидат филологических наук, доцент

Кочеткова Мария Олеговна, *ТГУ, аспирант*. Научный руководитель: *Тубалова Инна Витальевна*, кандидат филологических наук, доцент

Латфулина Зульфия Раифовна, *ТГУ, аспирант, 2-й год обучения*. Научный руководитель: *Демешкина Татьяна Алексеевна*, доктор филологических наук, профессор

Левенталь Ирина Валерьевна, *СПбГУ, аспирант*. Научный руководитель: *Попова Татьяна Игоревна*, доктор филологических наук, профессор

Ли Тун, *ТГУ, ШПУ (Китай), студент, 3-й курс*. Научный руководитель: *Мирза Елена Александровна*, кандидат филологических наук, доцент

Ли Чэнь, *ТГУ, ШПУ (Китай), студент, 3-й курс*. Научный руководитель: *Старикова Галина Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент

Лиханов Максим Владимирович, *ТГУ, студент, 4-й курс*. Научный руководитель: *Эмер Юлия Антоновна*, доктор филологических наук

Луань Тянь, *Дальнянский университет, Китайский институт иностранных языков*, магистр, секретарь комсомольского комитета института

Миклашевский Алексей Алексеевич, *ТГУ, магистрант, 1-й год обучения*. Научный руководитель: *Резанова Зоя Ивановна*, доктор филологических наук, профессор

Муравьёва Елена Евгеньевна, *ТГУ, магистрант, 1-й год обучения*. Научный руководитель: *Плотникова Анна Алексеевна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Мэ Лань, ТГУ, ШПУ (Китай), студент, 4-й курс. Научный руководитель: Грекова Марина Владимировна, преподаватель

Новоселова Дарья Николаевна, ТГУ, студентка, 4-й курс. Научный руководитель: Конончук Инесса Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент

Плотникова Анна Алексеевна, ТГУ, кандидат филологических наук

Понамарева Надежда Валерьевна, СПбГУ, аспирант, 2-й год обучения. Научный руководитель: Баева Галина Андреевна, доктор филологических наук, профессор

Прокина Маргарита Владимировна, ТГУ, студентка, 3-й курс. Научный руководитель: Дронова Любовь Петровна, доктор филологических наук, профессор

Рахимова Анастасия Рамеловна, ТГУ, аспирант. Научный руководитель: Мишанкина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор

Руднева Ольга Викторовна, СурГПУ, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Скирневская Валерия Юрьевна, ТГУ, магистрант, 1-й год обучения. Научный руководитель: Леушина Лилия Трофимова, кандидат филологических наук, профессор

Скрипко Юлия Константиновна, ТГУ, студентка, 5-й курс. Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор

Соломина Елизавета Владимировна, ООО «Кино-Сибирь», соискатель. Научный руководитель: Иванцова Екатерина Вадимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ТГУ

Сосновская Дарья Сергеевна, ТГУ, магистрант, 2-й год обучения. Научный руководитель: Каштур Валерия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Сычева Мария Михайловна, ТГУ, студентка, 3-й курс. Научный руководитель: Иванцова Екатерина Вадимовна, доктор филологических наук, профессор

Ся Тин, ТГУ, ШПУ (Китай), студент, 4-й курс. Научный руководитель: *Грекова Марина Владимировна*, преподаватель

Ушакова Оксана, Университет им. Масарика, г. Брно, Чешская Республика, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, PhD (кандидат филологических наук)

Фишко Анна Андреевна, ТГУ, студентка. Научный руководитель: *Гарганеева Ксения Витальевна*, кандидат филологических наук, доцент

Фомина Анастасия Ивановна, ТГУ, студентка, 4-й курс. Научный руководитель: *Крюкова Лариса Борисовна*, кандидат филологических наук, доцент

Чень Лэй, ШПУ (Китай), студент, 4-й курс. Научный руководитель: *Грекова Марина Владимировна*, преподаватель

Чень Шутин, ШПУ (Китай), студент, 4-й курс. Научный руководитель: *Грекова Марина Владимировна*, преподаватель

Черных Зоя Васильевна, ТГУ, аспирант, 1-й год обучения. Научный руководитель: *Иванцова Екатерина Вадимовна*, доктор филологических наук, профессор

Шаманаева Татьяна Николаевна, ТГУ, магистрант, 1-й год обучения. Научный руководитель: *Наумов Валерий Геннадьевич*, кандидат филологических наук, доцент

Швецова Анастасия Сергеевна, ТГУ, студентка. Научный руководитель: *Демешкина Татьяна Алексеевна*, доктор филологических наук, профессор

Шенкал Г., ТГУ, аспирант. Научный руководитель: *Юрина Елена Андреевна*, доктор филологических наук, профессор

Шеханова Дарья Сергеевна, ТГУ, студентка, 4-й курс. Научный руководитель: *Конончук Инесса Яковлевна*, кандидат филологических наук, доцент

Шилина Вера Викторовна, ТГУ, магистрант, 1-й год обучения. Научный руководитель: *Нестерова Наталья Георгиевна*, кандидат филологических наук, доцент

Шиляев Константин Сергеевич, ТГУ, аспирант, 1-й год обучения.

Шуваева Анастасия Васильевна, ТГУ, студентка, 5-й курс. Научный руководитель: *Захарова Людмила Андреевна*, доктор филологических наук, профессор

Шухова Татьяна Андреевна, ТГУ, студентка, 3-й курс. Научный руководитель: *Садыкова Ирина Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент

Щитова Дарья Александровна, ТГУ, ассистент кафедры романо-германской филологии ФилФ ТГУ, аспирант. Научный руководитель: *Демешкина Татьяна Алексеевна*, доктор филологических наук профессор

Юань Синьюй, ТГУ, ШПУ (Китай), студент, 3-й курс. Научный руководитель: *Старикова Галина Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент

Яо Минсю, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Научный руководитель: *Старикова Галина Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент

SUMMARY

AGAPOVA N., TSU, assistant, teacher; **KARTOFELEVA N. F.**, TSU, student
On designing an electronic dictionary of the linguoculturological type

Presently such a branch as computational lexicography has taken on special topicality and importance: now development and implementation of electronic dictionaries, corpuses and databases are its most productive areas. The authors of this paper aim at the development of an electronic dictionary of the linguoculturological type.

Keywords: computational lexicography, corpus linguistics, electronic dictionary, linguoculturology, ethnolinguistics, linguoculturography, national sign.

See page 131.

AKENTYEVA K. A., TSU, student

The idea of a public holiday in the minds of Russians (based on online comments)

Currently, scientists actively describe the phenomenon of the holiday. However, the problem of the modern festive calendar, its reflection in the minds of people is virtually unexplored. In this paper, the idea of public holidays and of the Day of National Unity among Russians is modelled by messages posted on the Internet.

Keywords: public holiday; Day of National Unity; online comments.

See page 121.

ALTUKHOVA L. A., TSU, Master student

Theoretical and applied aspects of translation of fitness industry terms

The paper considers the theoretical and applied aspects of translation of fitness industry terms as a special sphere of professional communication. The article presents the idea of influence of an integrated approach to the problem of translation of fitness terms on the process of systematization of terminology of not only fitness industry, but also any other professional field.

Keywords: fitness industry, fitness-term, fitness training, terminology, special concept, sphere of operation, professional sphere, system, properties of terms, conventionality, uniqueness, semantic requirements, formal requirements, pragmatic demands, cognitive paradigm cognitive element conceptual content, NTC (Nike Training Club), MMA (Mixed Martial Arts), training program, target language, source language.

See page 180.

ANDREEVA T. L., TSU, Associate Professor; **BAGRINTSEVA K.**, TSU, student

On the semantics of phraseological units in the comparative aspect

The article is devoted to the peculiarities of translation of phraseological units in different languages. The authors make an analysis and comparison of phraseological units with the component «money» in English, Russian and French in order to illustrate the difficulties that arise during the selection of equivalents to phraseological units in foreign languages.

Keywords: translation of phraselological units; phraseological units; phraseological units with the component «money»; English; Russian; French.

See page 185.

BADMAEVA M. A., TSU, Master student

A physical person in the light of folk culture

The article deals with identifying the units of the vernacular vocabulary that mark the physical characteristics of a human. Material for the analysis is in the dictionary «Man in derivative names of Russian folk speech» by Litvinnikova and Alexeenko. The vocabulary with «physical person» semantics was counted and the most common features were revealed.

Keywords: nomination, folk culture, physical person.

See page 152.

BASHMAKOVA E. S., TSU, post-graduate student

Communicative organization and syntactic features of the historical-informative text (by example of the TV program “Iskateli” («The Searchers») of “Culture” TV Channel)

This article gives a detailed description of historical-informative text in terms of formal syntax. This text is analyzed in comparison with the language of journalistic materials. The features of the dialog in this type of texts are studied as well as the related problems.

Keywords: historical-informative text, formal syntax.

See page 63.

BERESTOVA E. A., TSU, post-graduate student

The composition of anthroponyms of a dialect speaker as correlated with the main forms of the national language

The article deals with the composition of proper nouns (names, patronymics, last names and nicknames) in the lexicon of a dialect speaker from the point of view of its correlation with the forms of the national language: its literary, colloquial and dialect subsystems.

Keywords: anthroponyms; dialect; language personality; forms of the Russian national language

See page 160.

BORISOVA K. M., TSU, student

Linguistic-cultural dictionary of phraseological units as a reflection of the Russian language picture of the world

This article researches Russian phraseological units from a linguistic-cultural dictionary and arranges them in an ideographic scheme. Components of the ideographic system are analysed as a reflection of the Russian language picture of the world.

Keywords: phraseology; language picture of the world.

See page 164.

BOROVKOVA A. V., TSU, post-graduate student

Images of edible plants in the Russian metaphorical picture of the world

The article presents a cognitive-discursive research of figurative vocabulary and phraseology which reflect images of edible plants. Associative components of semantics underlying metaphorical connection are identified. Metaphorical models representing the sphere "person" through the prism of plant food are analyzed. The conceptual spheres of extralinguistic reality metaphorically expressed through images of edible plants are described.

Keywords: culinary metaphor; figurative (image-bearing) vocabulary; phraseology; linguistic picture of the world.

See page 155.

BUDASHKAEVA A. V., BSU, student

Acronyms: structural-semantic types (on the material of modern Mongolian language)

The article deals with the classifications of word-building types that coin acronyms used in networks, as well as nonspecific groups of their formation in modern Mongolian language.

Keywords: acronyms; Mongolian language; ways of production.

See page 175.

BZHITSKYH A. N., NSPU, Master student

Personality Vladimir Solovyov as a personal brand

The paper analyzes the personality of the Russian TV presenter Vladimir Solovyov from the position of personal branding. The analysis is carried out at three levels: kinetic, paralinguistic and linguistic.

Keywords: personal brand, kinetic, paralinguistic and linguistic levels.

See page 60.

CHERNYKH Z. V., TSU, post-graduate student

The criteria of pointing out conflict episodes in a speech conflict situation in student communication

In this article the definitions of speech conflict are given as well as the criteria of distinguishing conflict episodes from non-conflict ones in student

communication. The problem is researched on the material of students' oral spontaneous speech for the first time.

Keywords: speech conflict; conflict episode.

See page 107.

DASHIEVA L. B., BSU, student

Gender category expression in modern Mongolian language

In this article the grammatical category of noun gender is considered in modern Mongolian language, in particular, morphological and lexical ways of its expression.

Keywords: category of gender; lexical; morphological; affix; gender.

See page 197.

DAVYDOVA O. V., TSU, post-graduate student

Phraseological representation of the image of water in the Russian language culture

Russian idioms with the component «water» are reviewed. On the basis of the idiom analysis the symbolic meanings of water in the Russian language culture are revealed.

Keywords: language culture; idiom; figurative meaning; symbol.

See page 8.

De BIASE R., TSU, L'Orientale University (Italy), student

Comparison of Russian and Italian youth slang

The aim of this work is to study Russian and Italian youth slang. The idea was born from the desire to consider this peculiar form of communication and compare its different ways of implementation by example of these two languages. A linguistic analysis is made basing on comparison of individual words in both languages: words analyzed are objects of a survey conducted among carriers of both languages of different ages, territorial origin, sex. After comparing the data words can be classified in different considered areas, their origin can be studied, their evolution can be traced. Common and differential features of slang in Russian and Italian can be established.

Keywords: youth slang, linguistic analysis.

See page 200.

DUSHCHULUUN S., TSU, aspirant

Dash in Russian and Mongolian texts: translation problems

The article reviews dash productions in Russian literary texts and the ways of transfer of contexts that contains a dash, in the Mongolian language. On the material of this punctuation mark is developed comparative analysis punctuation Russian and Mongolian language (functional and stylistic aspects).

Keywords: punctuation; dash; Russian language; Mongolian language; translation

See page 250.

ERMAKOVA S. S., TSU, student

Means of expression of the predicative component in statements with the semantics of visual perception in the poetic texts of S.A. Yesenin

Verbal means of expression of the predicative component are studied in detail, as well as predicates expressed by verbs of other lexical-semantic groups in combination with the words *vzor*, *vzglyad*, *glaza* (look, glance, eyes) in statements with the semantics of visual perception in the poetic texts of S.A. Yesenin.

Keywords: visual perception; verb; predicative component.

See page 16.

FISCHKO A. A., TSU, student

Development of a bilingual language personality

The article overviews the research of bilingual language personality. The author points to the relevance of the bilingualism study in the context of linguopersonology.

Keywords: bilingual language personality, childhood bilingualism, monoethnic family, interference, linguopersonology.

See page 100.

FOMINA A. I., TSU, student

Modelling of the situation of auditory perception and the situation of sounding in the poetic texts of V. Bryusov

In this article the analysis of ways of modelling situations of auditory perception and sounding in the poetic texts of V. Bryusov is presented. Predicates «to listen/ to hear», verbs and verbal nouns with the semantics of sounding are described. This analysis helps to find particular qualities of the author's idiosyncrasy.

Keywords: auditory perception, predicate, situation of sounding.

See page 52.

GARMAZHANOVA B. D., BSU, student

Mongolian-buryat inter linguistic homonymy semantic transformation

The article deals with the semantic relations in the field of homonyms of the Mongolian and Buryat languages, namely, disjunction, inclusion and interaction relations.

Keywords: inter linguistic homonymy; convergence; divergence.

See page 177.

GOCHAKOVA A., TSU, Master student; **ZUBAREV V. S.**, NSTU, Master student

Algorithm of the semantic analysis of a text to create a formalized search query

The article describes an approach to analysis of natural language search query to build a formal description of the structure of the query. The module is

a tool for parsing a limited set of types of search queries using the previously described semantic structures.

Keywords: semantic analysis; information retrieval; search; natural language processing.

See page 13.

GOU SHANSHAN, TSU, student

Working with paintings in the genre of interior in the classes of Russian as a foreign language

The article is devoted to the using of the interior as a genre of painting at the lessons of Russian as a foreign language. The methodological material was “Bedroom in Arles” by Van Gogh. The lessons for foreign students of beginner and elementary levels were made on its base.

Keywords: Russian as foreign language; methodology.

See page 190.

GREKOVA M. V., TSU, Master student

Culturological commentary as a component of the entry of «The Dictionary of Russian Culinary Metaphors»

The structure, functions and boundaries of culturological commentary in «The Dictionary of Russian Culinary Metaphors» are considered.

Keywords: linguistic cultural studies; culturological commentary; metaphorical units.

See page 192.

IVANOVA L. A., TSU, student

Presentation of social time in the idiolect of the dialect speaker’s language personality

Ways to express social time are examined in the article on the example of the discourse of the dialect language personality. The types of social time are identified. An attempt to describe a part of the linguistic picture of the world was made in the work.

Keywords: language personality, linguistic picture of the world, social time.

See page 167.

KABANOVA N. V., KemSU, student

Lexicographical and ordinary model of fixed expression interpretation (experimental description)

The article describes ordinary linguistic consciousness reflected in fixed expressions of the Russian language. The article presents the results of a linguistic experiment aimed at identifying and comparing the lexicographical and ordinary models of interpreting proverbs.

Keywords: paremia; ordinary linguistic consciousness; interpretation model.

See page 70.

KARPOVA N. A., TSU, Associate Professor

Administrative announcement in the communicative environment of the city

The research is devoted to the study of administrative announcement in the structure of city communication. The main features of the administrative announcement as a speech genre are determined, the impact of the contemporary communications trends on its transformation is considered.

Keywords: administrative announcement; speech genre; city; natural and official written language; officiality.

See page 73.

KOCHETKOVA M. O., TSU, post-graduate student

Genre dynamics of blog. From Internet diary to advertising platform

In this article the speech genre of blog as a hyper-genre of the Internet discourse is studied. The analysis of the interaction of «advice» genre and the genre of advertising implemented within the hyper-genre of blog is given. The specificity of the new hybrid genre is revealed.

Keywords: blogosphere; speech genres; the Internet; advertising, sociolinguistics.

See page 78.

KOVALCHUK A. N., TSU, Master student

Use of specialized linguistic corpora for solving practical problems of juridical linguistics

This work reveals the problem of determining the meaning of words specific for juridical linguistics, opportunities of corpus technologies for solving these problems. The corpus of conflict texts in its applied focus is described.

Keywords: corpus linguistics, legal linguistics, juridical linguistics, corpus of conflict texts, polysemantic words, updated meanings.

See page 127.

KUZNETSOVA S. S., TSU, post-graduate student

Perceptive verb to see in the idiolect of a dialect speaker

This article describes the subject-object structure of verbs of visual perception in the oral speech of one person. Conclusions about the personality of the speaker are made.

See page 170.

LATFULINA Z. R., TSU, post-graduate student

Semantic types of authorization constructions in the dialect sentence

The article analyzes the modus category of authorization in the dialect sentence. An attempt to differentiate the semantic types of authorization constructions is made.

Keywords: authorization; authorization construction; semantics; dialect sentence.

See page 83.

LEVENTAL I. V., SPbSU, post-graduate student

The problem of creating of a new type of learner's dictionaries

The article focuses on monolingual learner's dictionaries of the Russian language. Some shortcomings of existing dictionaries are highlighted; some difficulties in using traditional explanatory dictionaries are demonstrated. The article brings up a question of creating series of new monolingual learner's dictionaries for foreigners.

Keywords: Russian as a foreign language; monolingual learner's dictionaries; decoding.

See page 138.

LI CHEN, TSU, student

Painting as a material for the study of Russian history in a foreign audience

The article is devoted to the revealing of the linguodidactic potential of Russian painting for studying the history of Russia. The painting «The Morning of Streltsy's Execution» by V.I. Surikov was the material for the analysis. An element of a lesson for foreign students of advanced level has been worked out on its base.

Keywords: Russian as foreign language, Russian history.

See page 210.

LI TUN, TSU (SPU), student

Part of the semantic field «food» in the Russian and Chinese linguistic culture (based on Nikolai Gogol's «Sorochinskaya Fair» and «The Night Before Christmas»)

The article deals with the words included in the semantic field «Food», and perception of these words in Russian and Chinese language cultures: differences in their lexical meaning and semantic compatibility.

Keywords: semantic field, language culture, N.V. Gogol.

See page 204.

LIKHANOV M. V., TSU, student

Genre of excursion: notes on the model of description

The article is devoted to the problem of excursion genre description as well as to the factors significant for the description: communicative intentions, the excursion route.

Keywords: genre; description; excursion; communicative intentions; excursion route.

See page 136.

LUAN TIAN, DUFL, Lecturer

Linguistic and communicative consciousness

This article describes in detail the problem of linguistic and communicative consciousness in linguistics and psycholinguistics, as well as in culturology.

The divergence of the two components is innovatively presented, their correlation and significance in both theoretical and practical aspects is stated.

Keywords: linguistic consciousness; communicative consciousness.

See page 88.

ME LAN, TSU, student; **SYA TIN**, TSU, student; **CHEN LEI**, TSU, student; **CHEN SHUTIN**, TSU, student

Images of gastronomy as a source of metaphorical characteristics in Russian and Chinese

In this article culinary metaphors of the Russian and Chinese languages in the linguistic-cultural aspect are considered.

Key words: linguistic cultural studies; figurative units.

See page 207.

MIKHAYLOVA S. U., TSU, student

The problem of language acquisition in modern studies of the philosophy of language and psycholinguistics

This article reviews the question of the nature of language ability; analyses various concepts of ontogenesis of speech of such outstanding researchers as S. Pinker, N. Chomsky, L.S. Vygotsky and J. Piaget. The main purpose of this paper is to clarify whether the language ability is congenital or its formation is caused by social factors.

Keywords: language ability; ontogenesis of speech; thinking; psycholinguistics.

See page 22.

MIKLASHEVSKI A. A., TSU, Master student

The image of the author of the visual text in the aspect of the theory of frames

In the article the image of the author of a text (by example of visual texts) is considered as a structure implicitly forming in the reader's or spectator's mind when the subject reader/spectator recognizes the secondary conventionality of the text. A psycholinguistic experiment was made to find and describe the structure of the frame «creativity».

Keywords: text; image of the author; frame's theory; secondary conventionality.

See page 19.

MURAVJEVA E. E., TSU, master student

Protocol of interrogation as a speech genre: parameter communicative past and future

One of the most central and covered speech genres in legal discourse is a protocol. The object of the study—setting communicative past and future of the genre interrogation protocol in the system of genres.

Keywords: protocol, a speech genre, legal linguistics.

See page 92.

NEKRASOVA E. D., TSU, post-graduate student

Multimodal texts: the problem of the polycode

The article refers to the essence of polycode texts, factors that lead to the advantage of polycode structures compared to monocode ones. The results of psycholinguistic experiments aimed at studying the efficiency of understanding polycode texts in multimodal perception are described.

Keywords: multimodal texts; polycode texts; psycholinguistic experiment.

See page 27.

NOVOSELOVA D. N., TSU, student

Letters as a source to specify the date of some loan words borrowing by the Russian language (based on correspondence of G.A. Potemkin and Catherine the Great)

The article is devoted to the description of some loan words in the Russian language represented in Potemkin's correspondence and registered in the dictionaries of the later period. During the study the informational capacities of Potemkin's letters are determined to specify the time of their borrowing by the Russian language.

Keywords: loan words; historical lexicology; linguistic source.

See page 232.

PLESHAKOVA A. O., KemSU, student

Linguopersonology aspect of ordinary political consciousness description

On the material of texts on political themes and comments to them types of language personality of the author of articles and commentators which reflect the peculiarities of everyday political consciousness are considered.

Keywords: linguopersonology; type of language personality; ordinary political consciousness.

See page 41.

PLOTNIKOVA A. A., TSU, PhD

Genres in parameters of Russian dialectal corpus studies

Genre parameter of dialectal speech is discussed basing on the comparative assessment of dialect corpus within the National Corpus of the Russian Language, the Saratov Dialect Corpus and Tomsk Dialect Corpus: the principles and the problem of the dialect genres representativeness. The paper proves that the genres in corpus cannot be based on the same model as the corpus of standard language because of the specific character of the dialect material.

Keywords: genres, dialect, dialectal corpus, parameters.

See page 142.

PONAMAREVA N. V., SPbSU, post-graduate student

Communicative and pragmatic features of the paratext in the German prose novel of the 15th–16th centuries (based on publisher's and author's prefaces)

This article considers the communicative and pragmatic features of the preface as a paratextual part of the Early German prose novel. As a result some communicative models of the preface, its pragmatic and functional focus are determined.

Keywords: paratext; Early German prose novel; pragmatic and functional focus.

See page 95.

PROKINA M. V., TSU, student

Features of paradigmatic relations of the Russian adjective chistyy

The paradigmatic relations of the Russian adjective «chistyy» (clean) allowed to relate it to the group of so-called excluders (naked, free, empty), i.e. lexemes with a common categorical seme «lack of some sign» realized in the semantic structure through the open series of «counterterms». Features of paradigmatic relations of the adjective «chistyy» are considered at the level of the common categorical seme and a series of «counterterms».

Keywords: excluders; broad meaning; paradigmatic relations.

See page 235.

RAKHIMOVA A. R., TSU, post-graduate student

Metaphorical modelling of human mental activity in the scientific psychological discourse

The article describes the basic metaphorical models participating in the representation of human mental activity in the scientific psychological discourse. Considering these models within texts of scientific psychological articles and the terminological system of psychology, general and specific patterns in the organization of knowledge object of study of psychology as a science are given.

Keywords: metaphorical modelling; text metaphor; metaphorical term; metaphoric model; emotionally stressed condition of person.

See page 32.

RUDNEVA O. V., SurGPU, senior lecturer

The conceptual analysis of the frame «autumn landscape» in I.A. Bunin's works

In the article the analysis of the concept «autumn» in I.A. Bunin's works is given. The semantic structure of the frame «autumn landscape» in which ethnocultural and individual author's components are allocated is considered.

Keywords: frame; landscape; frame paradigms.

See page 37.

SHAMANAIEVA T. N., TSU, Master student

Phraseological units as elements of the conflict text

In this article the phenomenon of new phraseology is considered on the example of the article of a Russian journalist and writer B. Mironov «Chtodelat' russkim v Rossii» (What Russians are to do in Russia) which some experts recognized extremist.

Keywords: Russian phraseology; conflict texts.

See page 111.

SHCHITOVA D. A., TSU, post-graduate student

Conceptualization of the armed struggle consequences in the politician's speech (the case study of G. Bush's interviews)

This article is devoted to studying the conceptualization of the armed struggle by example of G. Bush's interviews. The analysis reveals image roles of the politician which are formed through the realization of the lexico-semantic field «Consequences of the armed struggle».

Keywords: conceptualization; image; lexico-semantic field.

See page 55.

SHEKHANOVA D. S., TSU, student

Letters of P.A. Rumyantsev as a source of specifying the time of some foreign words borrowing

The article is devoted to the linguistic description of P.A. Rumyantsev's letters as a source of verifying the time of foreign words inclusion in the Russian language. The paper describes some lexemes which were fixed in the Russian language in the later period.

Keywords: linguistic source; historical lexicology; foreign words.

See page 241.

SHENKAL G., TSU, post-graduate student

Figurative means of expressivity in the original Turkish novel «The Black Book» by O. Pamuk and its Russian translation

The article highlights the issue of translation and transmission of the imagery and expressivity of fiction. Translation solutions are analyzed with regard to finding the figurative and expressive lexical and phraseological equivalents which allow preserving the original stylistic coloring in the translated text.

Keywords: figurative vocabulary, phraseology, expressiveness, literary translation.

See page 215.

SHILINA V. V., TSU, Master student

Radio resources of cultural and educational focus in teaching the Russian language and culture to foreign students

The article analyses cultural and educational radio resources as a source of authentic texts. Advantages of the resources are studied; a summary radio review is made.

Keywords: linguistic-cultural approach, radio, cultural and educational radio resources, authentic texts, Internet, Russian language, culture.

See page 219.

SHUKHOVA T. A., TSU, student

«Odr» (bier) and «krovat»(bed): similarities and differences (historical and semantic aspect)

In this report the question about the history of the words «odr» (bier) and «krovat» (bed) is raised, the evolution of their meanings are traced, common and differential senses in their semantic structure are allocated.

Keywords: history of word; evolution of meaning; items of furniture.

See page 247.

SHUVAEVA A. V., TSU, student

Youth slang: ways of words formation

In this article features of youth slang and ways of jargon words formation are considered. The importance of slang for students in modern world is estimated.

Keywords: youth slang, slang word, student jargon, ways of words formation.

See page 114.

SHVETSOVA A. S., TSU, student

Forum as a complex speech event

The article considers the forum as a complex speech event of a public nature in which, besides dialogue on professional issues and information exchange, a certain attitude is formed to the venue, which is facilitated by the behavior of the participants of the event.

Keywords: forum; complex speech event; speech events; discussion.

See page 117.

SKIRNEVSKAYA V. U., TSU, Master student

The sea in the history and mythological consciousness of the Greeks

The article discusses the importance of the sea in Greek life and formation of the marine vocabulary. On the background of mythological consciousness the semantic row of the sea topic is realized in the iconic names (Poseidon).

Keywords: etymological analysis; mythological consciousness.

See page 244.

SKRIPKO Y. K., TSU, student

Frame modeling in the sub-discourses of Internet music fan-communities

This article contains a detailed description and comparison of linguo-cognitive frame models forming the discourses of Internet communities members of which are fans of two music styles—pop and metal. For the first time linguistic

data are used to interpret the cognitive structure of the discourse of the aforementioned groups of communicants.

Keywords: linguo-cognitive modeling; frame; Internet discourse; music fanaticism.
See page 44.

SOLOMINA E. V., «Kino-Sibir» Film Production Company, post-graduate student

The experience of informant's—Russian urban vernacular speaker's—self-recording within language personality research

The article describes the experience of using a method of fixing spontaneous oral speech, new for linguopersonology. It is informant's (Russian urban vernacular speaker's) dictaphone self-recording. The specifics of its use, advantages and disadvantages of this method are discussed.

Keywords: language personality; spontaneous oral speech; linguopersonology methods; self-recording.

See page 147.

SOSNOVSKAYA D. S., TSU, Master student

Stages of translation and technical adaptation of a Russian language media product for English-speaking users

The article describes the stages of translation and adaptation of a Russian language media product for English-speaking users. The research is based on the film «Diaries of TV-2 Expedition: Ket-Kas. There and back again» produced by the Tomsk TV company «TV-2». The main problem of the research is how the technical aspect of media product creation influences its translation and adaptation.

Keywords: adaptation; subtitling; media content; pretranslation analysis.

See page 213.

SYCHYOVA M. M., TSU, student

Speech portrait of the student (based on speech and writing)

Speech portrait of the student is based on the analysis of speech in everyday communication and writing (Internet communication) of a particular language person. The typical and individual features of the student's speech are identified. A comparative analysis of the oral and written texts of the informant is made.

Keywords: language personality; student; oral speech; writing.

See page 104.

TRUBNIKOVA E. V., TSU, post-graduate student

The cognitive image of the situation «being on a surface» in the English and Russian languages (on the material of English phrasal verbs and Russian prefixed verbs)

The article is devoted to the description and identification of the cognitive image of the situation “being on a surface” on the material of English phrasal verbs and

Russian prefixed verbs. The author describes the processes of the secondary spatial and overspatial meaning formation. The analysis of semantics formation of English phrasal verbs with postposition «on» and Russian prefixed verbs with prefix на- is provided.

Keywords: cognitive image of situation; phrasal verb; prefixed verb.

See page 47.

USHAKOVA O.G., Masaryk University (Brno, Czech Republic), senior teacher
Some remarks on the category of state in the Old Russian and Old Czech languages

The paper is devoted to a comparative analysis of predicatives in two closely related languages. Lexical, derivational and grammatical features of such units will be considered in a diachronic way.

Keywords: predicatives, Old Russian language, Old Czech language.

See page 238.

VASILIEVA A. V., TSU, student

Expressiveness in short electronic messages: communicative-pragmatic description

This article considers expressiveness in communicative-pragmatic and gender aspects. The purpose of the paper is to test the hypothesis that the focus of expressive units is different in male and female speech. The hypothesis is tested on the material of short electronic messages.

Keywords: gender linguistics; corpus linguistics; expressiveness.

See page 124.

VERSHININA E. N., TSU, post-graduate student

Actualization of the category «part-whole» in the image modeling discourse (on the material of the higher education sphere)

In this article the basic cognitive category «part-whole» and ways of its explication in the texts of image educational discourse are considered. An attempt is made to describe the role of this category in building a positive image of a university.

Keywords: image modeling discourse, image of university, category «part-whole».

See page 3.

VESNINA G. U., TSU, student

History of the word pravilo and its Slavic equivalents within the lexical-semantic field «norm»

The article describes the development of meaning «norm» for the word «pravilo» (rule) in the Russian language history and compares it with the semantic models of its equivalents in Slavic languages.

Keywords: historical lexicology; Slavic comparative studies.

See page 229.

WANG XIAOHUAN, TSU, post-graduate student

Language means with the semantics of perception in A.P. Chekhov's story

«Thick and thin»

Sense perception is one of the main means of cognition of the world, which is expressed in language and can be a subject of research in different areas of modern linguistics. This article discusses the lexical and syntactic units with the meaning of sense perception and their role in the semantic organization of by A.P. Chekhov's short story «Thick and thin».

Keywords: sense perception; language means; semantic organization; text space.

See page 68.

YAO MINSYU, TSU, student

A class on the painting «Golden Autumn» by I.I. Levitan for foreign students

The article is devoted to the revealing of work forms with the landscape as a genre of painting at the lessons of Russian as a foreign language. Levitan's «Golden Autumn» has been analysed. The lessons for foreign students of intermediate level have been worked out on its base.

Keywords: Russian as foreign language, methodology.

See page 225.

YUAN SINYUI, TSU, student

Activities with the portrait in the classes of Russian as a foreign language

The article is devoted to activities with the portrait as a genre of painting at the lessons of Russian as a foreign language. The painting «Archdeacon» by I.E. Repin was analysed. The variants of tasks for foreign students of advanced level were worked out on its base.

Keywords: Russian as foreign language, methodology.

See page 222.

ZUBAREV V., NSTU, Master student

Algorithm of the semantic analysis of a text to create a formalized search query

The article describes an approach to analysis of natural language search query to build a formal description of the structure of the query. The module is a tool for parsing a limited set of types of search queries using the previously described semantic structures.

Keywords: semantic analysis; information retrieval; search; natural language processing.

See page 13.

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы когнитивной лингвистики

Вершинина Е. Н. , ТГУ, аспирант. Актуализация категории «часть-целое» в имиджевом дискурсе (на материале сферы высшего образования).....	3
Давыдова О. В. , ТГУ, аспирант. Фразеологическое представление образа воды в русской лингвокультуре	8
Гочакова А. В. , ТГУ, магистрант, Зубарев В. С. , НТГУ, магистрант. Алгоритм семантического анализа текста для создания формализованного поискового запроса	13
Ермакова С. С. , ТГУ, студент. Средства выражения предикативного компонента в высказываниях с семантикой зрительного восприятия в поэтических текстах С.А. Есенина.....	16
Миклашевский А. А. , ТГУ, магистрант. Образ автора визуального текста в аспекте теории фреймов.....	19
Михайлова С. Ю. , ТГУ, студент. Проблема овладения языком в современных исследованиях философии языка и психолингвистики.....	22
Некрасова Е. Д. , ТГУ, аспирант. Полимодальные тексты: проблема поликодовости.....	27
Рахимова А. Р. , ТГУ, аспирант. Метафорическое моделирование психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе	32
Руднева О. В. , СурГПУ, канд. филол. н. Концептуальный анализ фрейма «осенний пейзаж» в творчестве И.А. Бунина	37
Плешакова А. О. , КемГУ, студент. Лингвоперсоналогический аспект описания обыденного политического сознания	41
Скрипко Ю. К. , ТГУ, студент. Фреймовое моделирование субдискурсов виртуальных фан-сообществ музыкальной направленности.....	44
Трубникова Е. В. , ТГУ, аспирант. Когнитивный образ ситуации «нахождение на поверхности» в английском и русском языках (на материале английских фразовых и русских префиксальных глаголов)	47
Фомина А. И. , ТГУ, студент. Моделирование ситуации слухового восприятия и ситуации звучания в поэтических текстах В. Брюсова	52
Щитова Д. А. , ассистент кафедры романо-германской филологии ФилФ ТГУ, аспирант. Концептуализация последствий вооруженной борьбы в речи политика (на материале интервью Дж. Буша)	55

Актуальные проблемы коммуникативной лингвистики

Бжицких А. Н., НГПУ, магистрант. Личность Владимира Соловьёва как персональный бренд	60
Башмакова Е. С., ТГУ, аспирант. Коммуникативная организация и синтаксические особенности историко-познавательного текста (на примере телепередачи «Искатели», канал «Культура»).....	63
Ван Сяохуань, ТГУ, ШПУ (Китай), аспирант. Языковые средства с семантикой восприятия в рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий»	68
Кабанова Н. В., КемГУ, студент. Лексикографическая и обыденная модель интерпретации устойчивых выражений (экспериментальное описание).....	70
Карпова Н. А., ТГУ, канд. филол. наук. Административное объявление в коммуникативном пространстве города	73
Кочеткова М. О., ТГУ, аспирант. Жанровая динамика блога: от Интернет-дневника к рекламной платформе	78
Латфулина З. Р., ТГУ, аспирант. Семантические типы авторизационных конструкций в диалектном высказывании	83
Луань Тянь, Китайский институт Даляньский университет иностранных языков, магистр, секретарь комсомольского комитета института. Языковое и коммуникативное сознание.....	88
Муравьева Е. Е., ТГУ, магистрант. Протокол допроса как речевой жанр: параметр коммуникативного прошлого и будущего	92
Понамарева Н. В., СпбГУ, аспирант. Коммуникативно-прагматические особенности паратекстов немецком прозаическом романе XV—XVI вв. (на материале издательских и авторских предисловий).....	95
Фишко А. А., ТГУ, студент. Становление двуязычной языковой личности	100
Сычева М. М., ТГУ, студент. Речевой портрет студента (на материале устной и письменной речи)	104
Черных З. В., ТГУ, аспирант. Критерии выделения конфликтных эпизодов в ситуации речевого конфликта в студенческой коммуникации ...	107
Шаманаева Т. Н., ТГУ, магистрант. Фразеологизмы как элемент конфликтного текста.....	111
Шуваева А. В., ТГУ, студент. Молодёжный жаргон: способы образования сленгизмов.....	114
Швецова А. С., ТГУ, студент. Форум как сложное речевое событие....	117

Прикладная лингвистика

Агентьева К. А., ТГУ, студент. Представление о государственном празднике в сознании россиянина (на материале интернет-комментариев)	121

Васильева А. В., ТГУ, студент. Экспрессивность в коротких электронных сообщениях: коммуникативно-прагматическая характеристика	124
Ковальчук А. Н., ТГУ, магистрант. Актуальность использования специализированных лингвистических корпусов для решения практических вопросов юрислингвистики.....	127
Картофелева Н. Ф., ТГУ, студент, Агапова Н.А. ТГУ канд. филол. н. К вопросу о создании электронного словаря лингвокультурологического типа	131
Лиханов М. В., ТГУ, студент. Жанр экскурсии: к модели описания....	136
Левенталь И. В., СпбГУ, аспирант. К проблеме создания учебных словарей нового типа	138
Плотникова А. А., ТГУ, канд. филол. н. Жанровый аспект метаразметки диалектного корпуса.....	142
Соломина Е. В., ООО «Кино-Сибирь», соискатель. Опыт использования самозаписи информанта при изучении языковой личности носителя городского просторечия.....	147

Народная культура в языке и тексте

Бадмаева М. А., ТГУ, магистрант. Человек физический в свете народной культуры	152
Боровкова А. В., ТГУ, аспирант. Образы употребляемых в пищу растений в русской метафорической картине мира.....	155
Берестова Е. А., ТГУ, аспирант. Состав антропонимов диалектоносителя с точки зрения соотнесенности с основными формами национального языка.....	160
Борисова К. М., ТГУ, студент. Лингвострановедческий словарь фразеологизмов как отражение русской языковой картины мира	164
Иванова Л. А., ТГУ, магистрант. Формы представления социального времени в идиолексиконе языковой личности диалектоносителя.....	167
Кузнецова С. С., ТГУ, аспирант. Перцептивные глаголы <i>видеть, видать</i> в речи диалектной языковой личности	170

Сопоставительная лексикология и межкультурная коммуникация

Будашкаева А. В., Бурятский государственный университет, студент. Акронимы: структурно-семантические типы (на материале современного монгольского языка)	175
Гармажапова Б. Д., Бурятский государственный университет, студент. Семантическая трансформация монгольско-бурятской межъязыковой омонимии	177

Алтухова Л. А., ТГУ, магистрант. Теоретические и прикладные аспекты перевода терминов фитнес-индустрии	180
Андреева Т. Л., ТГУ, доцент, Багринцева К. А., ТГУ, студент. К вопросу о семантике фразеологизмов в сопоставительном аспекте	185
Гоу Шаньшань, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Работа с картинами в жанре интерьера на уроках РКИ	189
Грекова М. В., ТГУ, магистрант. Культурологический комментарий как компонент словарной статьи «Словаря русской кулинарной метафоры»	192
Дашиева Л. Б., Бурятский государственный университет, студент. Способы выражения категории рода в современном монгольском языке	197
Де Биазе Р., ТГУ, университет Л'Ориентале (Италия), студент. Сравнение русского и итальянского молодёжного сленга	199
Ли Тун, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Фрагмент семантического поля «Еда» в русской и китайской лингвокультуре (на материале повестей Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством»)	203
Мэ Лань, ТГУ, ШПУ (Китай), студент, Ся Тин, ТГУ, ШПУ (Китай), студент, Чэнь Лэй, ТГУ, ШПУ (Китай), студент, Чэнь Шутин, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Образы гастрономии как источник метафорической характеристики в русском и китайском языках	207
Ли Чэнь, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Живопись как материал для изучения русской истории в иностранной аудитории	210
Сосновская Д. С., ТГУ, магистрант. Этапы переводческой и технической адаптации русскоязычного медиапродукта для англоязычного пользователя	213
Шенкал Г., ТГУ, аспирант. Образные средства создания экспрессивности в турецком оригинале и русском переводе романа О. Памука «Чёрная книга»	215
Шилина В. В., ТГУ, магистрант. Радиоресурсы культурно-просветительской направленности в обучении иностранных студентов русскому языку и культуре	219
Юань Синьюй, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Работа с портретом на уроках РКИ	222
Яо Минсю, ТГУ, ШПУ (Китай), студент. Урок по картине И. И. Левитана «Золотая осень» для иностранных студентов	225

Сравнительно-историческое языкознание и классическая филология

Веснина Г. Ю., ТГУ, студент. История слова «правило» и его соответствий в славянских языках в рамках ЛСП «норма»	229
Новоселова Д. Н., ТГУ, студент. Эпистолярный источник уточнения времени вхождения в русский язык некоторых иноязычных единиц (на	

материале переписки Г. А. Потёмкина и Екатерины II)	232
Прокина М. В. , <i>ТГУ, студент</i> . Особенности парадигматических отношений русского прилагательного <i>чистый</i>	235
Ушакова О. Г. , <i>университет им. Масарика, г. Брно, Чешская республика, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, PhD (канд. филол. н.)</i> . Несколько замечаний о категории состояния в древнерусском и древнечешском языках	238
Шеханова Д. С. , <i>ТГУ, студент</i> . Письма П. А. Румянцева как источник уточнения времени вхождения некоторых иноязычных единиц	241
Скирневская В. Ю. , <i>ТГУ, магистрант</i> . «Море» в истории и мифологическом сознании греков	244
Шухова Т. А. , <i>ТГУ, студент</i> . «Одр» и «кровать»: сходства и отличия (историко-семантический аспект)	247
Душчулуун С. , <i>ТГУ, соискатель</i> . Тире в текстах русского и монгольского языка: проблемы перевода	250

Сведения об авторах

Summary

Научное издание

Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения:
Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3—5 апреля 2014 г.)

Вып. 15

Т. 1: Лингвистика

Редактор:

В. Г. Ликочева

Корректор:

З. В. Черных

Верстка:

А. В. Петров, В. А. Пржигоцкий

Тираж 100 экз. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Ньютон». Отпечатано в учебной типографии
филологического факультета ТГУ.